

Мереза Ревэй

ЛЕЙЛА

По ту сторону Босфора

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
2015 ДОСУГА

УДК 821.133.1
ББК 84.4ФРА
Р32

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Выражаем особую благодарность
литературному агенту Анастасии Лестер
за помощь в приобретении прав на публикацию этой книги

Переведено по изданию:
Révay Th. L'autre rive du Bosphore : Roman / Theresa Révay. —
Paris : Éditions Belfond, 2013. — 416 p.

Перевод с французского *Ольги Бугайцовой*

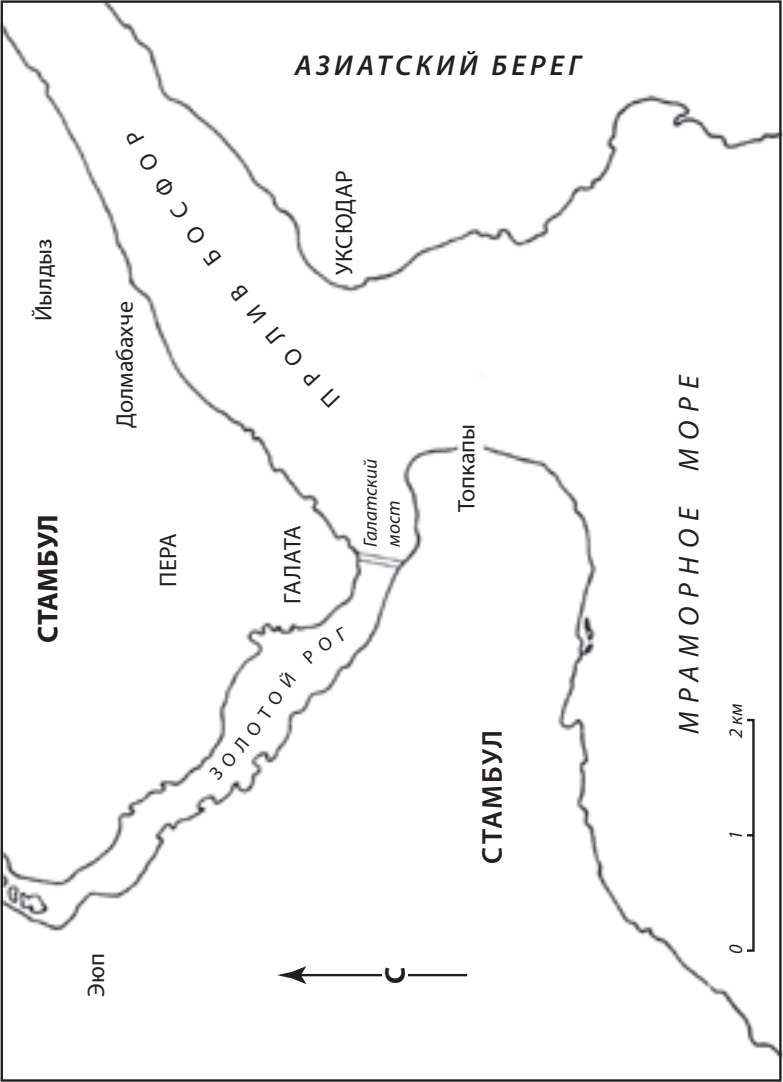
Дизайнер обложки *Наталья Переходенко*

ISBN 978-966-14-8887-7 (PDF)

- © Belfond, un département de
Place des Editeurs, 2013
- © Shutterstock.com / Luciano
Mortula, kavramm, облож-
ка, 2015
- © Hemiro Ltd, издание на рус-
ском языке, 2015
- © Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», перевод
и художественное оформле-
ние, 2015

Посвящается моему брату Полю

В память о Пьер-Эм

Часть 1

Стамбул, ноябрь 1918 года

Дом перевернут вверх дном, прочесаны десятки комнат, осмотрели мужское крыло дома, не забыли любимые потайные места Ахмета в саду. Все впустую, сына нигде нет. Лейла прижала руки к груди, словно удерживая сердце, которое вот-вот выскочит.

Частая деревянная решетка на окнах пропускала тусклый свет туманного облачного утра. Поверх ограды Лейла едва могла различить город, залитый опаловым светом, верхушки минаретов. По старому Стамбулу блуждали редкие прохожие, женщина видела их нечеткие силуэты. В этом городе легко заблудиться даже среди белого дня под сияющим солнцем.

«Ахмет, мальчик мой, где же ты?» У нее пересохло в горле и стучало в висках. И она волновалась не без оснований. Этот беспокойный, подверженный опустошительным пожарам и землетрясениям город не жалел ни невинных созданий, ни алчных людей. Стамбул не был похож на другие поселения, с давних времен его пытались покорить, и эта жажда в сердцах завоевателей до сих пор не утихла. Именно поэтому Лейла переживала. По телу женщины пробежала дрожь, и старая служанка тотчас же

накинула ей на плечи шаль. Перед хозяйкой стояли две бледные от страха женщины. Они не справились со своей работой.

— Нам очень жаль, Лейла-ханым¹, — пролепетала прерывающимся от слез голосом бывшая кормилица Ахмета. Сейчас она присматривала за малышкой Перихан, которая была младше брата на два года.

Лейла подняла руку, прерывая их жалобные сетования. Ей нужно подумать. Она ни секунды не сомневалась, что сын убежал смотреть на военные корабли Антанты. Судя швартовались сейчас на берегах пролива Босфор. Весь Стамбул шумел от возмущения с тех пор, как сюда вторглись неверные — англичане, французы, итальянцы и даже греки, что было для турок крайним унижением. Но Османская империя пала. Тридцатого октября было подписано перемирие с Англией. Прошло много лет, пока закончилась Великая Война, но османы вели постоянные войны. Когда Лейла была еще ребенком, она видела, как во дворах мечетей укрывали беженцев и целые семьи, которых преследовали ставленники гибнущей Порты. Лейле казалось, что ее народ никогда не перестанет страдать.

— Я должна отправиться на поиски, — заявила она, поднимаясь на ноги.

— В одиночку, Лейла-ханым? — воскликнула верная Фериде.

— Ему всего семь, и я — его мать.

Пока Лейла умывалась, прислуга поспешила свернуть шелковые покрывала и матрас, которые каждый вечер расстилали на ковре в качестве постели. Лицо хозяйки освежили прохладной водой и тщательно протерли тело, по-

¹ Ханым, или ханым эфенди — «госпожа», уважительное обращение. (Здесь и далее примеч. пер.)

сле чего заплели волосы. Лейла пыталась успокоиться, но в голову лезли сумасбродные мысли. Ахмет совсем не похож на отца, мальчик импульсивный, самостоятельный и смысленый. Он не станет разговаривать с иностранцами и не пойдет за незнакомым человеком. Как только он удовлетворит свое любопытство, сразу же вернется. Но сможет ли он найти дорогу домой? Этот город — запутанный лабиринт. Хотя Лейла и родилась в Стамбуле, она плохо его знала, так как редко решалась выйти за ограду, тем более в одиночестве. Женщин воспитывали дома, рано выдавали замуж. Всю свою жизнь представительницы ее круга проводили в стенах своих владений. Внешний мир для них был двойственен: привлекательный и опасный. Лейлой овладело чувство беспомощности при мысли, что ее мальчик попал в этот враждебный мир, о котором она толком ничего не знала. Она ощущала вечную нервную дрожь столицы, которую прорезали стремительные воды Босфора, — многонациональный город с разношерстным народом, где говорили на всех языках. По другую сторону бухты Золотой Рог находились французские кварталы, там даже время шло иначе. Этот город, снедаемый крупными и мелкими склоками, раздорами, место тысяч преступлений и правонарушений, на грани завоевания иностранными войсками... Она поджала губы. И речи быть не может! Она не выдаст своего смятения.

Наконец одевание завершилось. Ее завернули в черную шелковую чадру¹. Юбка достигала щиколоток, никаб² прикрывал волосы и плечи, доходя до талии. Впервые у Лейлы появилось ощущение, что ее чадра превратилась в доспехи.

¹ Чадра — длинная верхняя одежда, прикрывающая все тело женщины.

² Никаб — женский головной убор, закрывающий лицо, с узкой прорезью для глаз.

— Кто должен вас сопровождать, Лейла-ханым? — спросила Фериде. Она жалела, что уже давно не в том возрасте, чтобы поспевать за хозяйкой.

— В этом нет необходимости. Если понадобится, я пойду одна.

— Одна? — сдавленным голосом переспросила старуха и дрожащими пальцами помогла хозяйке заколоть никаб.

— Самое главное — найти Ахмета, разве не так?

Лейла вылетела из комнаты, преследуемая служанками, бормочущими советы и мольбы. Они заклинали от несчастия, отгоняя злых духов, которые проникли в дом и похитили молодого хозяина. Было очень рано, и весь дом спал. «Благослови меня», — сказала про себя Лейла и начала усердно молиться, восхваляя имя Аллаха, моля о том, чтобы сын нашелся до того, как о происшествии узнает Гюльбахар-ханым, ее свекровь.

В детской комнате мирно спала малышка Перихан. Она лежала на спине со сжатыми возле щек кулачками. Лейла наклонилась и ласково коснулась личика. Здесь же на полу среди груды покрывал, где обычно спал Ахмет, Лейла заметила нечто похожее на его силуэт, но это была лишь умело сложенная подушка. Ребенок обхитрил нянек и с легкостью бежал через ворота конака¹, которые всегда были открыты для нищих, желающих переночевать в саду.

— Прекрати ныть! — приказала она девушке, няньке Ахмета. — Мой сын обвел тебя вокруг пальца. Я его найду и попрошу извиниться перед тобой.

Лейла развернулась на каблуках, пересекла галерею, выходящую на один из внутренних дворов, и спустилась по

¹ Конак — у турок дом или дворец, обычно принадлежащий представителям богатых и влиятельных слоев общества.

дубовой лестнице. В вестибюле она столкнулась с высоким евнухом, эфиопом Али Ага. Слуга свекрови был туго затянут в черный сюртук. Колющий взгляд из-под фески был устремлен на Лейлу. Али опирался на палку, его щиколотка была перебинтована.

— Куда вы собрались, Ханым Эфенди? Я уже попросил извозчика искать мальчика. И мы сейчас предупредим хозяина.

— Тебе хорошо известно, что его вызвали во дворец еще на рассвете и ему некогда этим заниматься. Ахмет должен быть где-то недалеко.

Она говорила решительным тоном, но, чтобы скрыть тревогу в глазах, опустила на лицо вуаль. На улицах было неспокойно. Вот уже несколько месяцев в город отовсюду стекались беженцы. Жители Восточной Анатолии, Фракии, России и Греции... Некоторые кварталы контролировали организованные банды, занимавшиеся торговлей на черном рынке.

Тихо скользя по мраморному полу вышитыми пантуфлями, к ним подошли молодые служанки. Одежды Али Ага и Лейлы казались необычными черными тенями на фоне их пурпурных и синих бархатных одеяний, вышитых серебром.

Евнух застыл с недовольным видом. Он молча брал про себя за то, что вывихнул ногу, и за то, что ситуация выходит из-под контроля. Эфиоп принадлежал к приверженцам сераля¹. Правила поведения и приличия были святы для таких, люди старой закалки считали, что женщины должны быть защищены от влияния внешнего мира. Али следовал за своей хозяйкой Гюльбахар-ханым с тех пор, как она, черкесская рабыня, была выдана султаном замуж

¹ Сераль — женская половина султанского дворца; гарем.

за пашу¹. Эфиоп безупречно ей служил уже более сорока лет. Гюльбахар и ее верный пес управляли домом твердой рукой, но никто из них не в силах был помешать отвратительным западным причудам, подрывавшим их авторитет.

Воспользовавшись тем, что евнух замешкался, Лейла ускользнула в сад. Полосы тумана окутывали платаны и старый византийский каменный фонтан, источенный мхом. За воротами женщину встретил сильный порыв ветра. Дом располагался на вершине холма. Строение парило над извилистыми улочками, нагромождениями террас, почерневшими от времени сводами деревянных крыш, среди которых высились кипарисы и минареты. Прошлой весной недалеко от их дома пожар уничтожил целые кварталы вплоть до Мраморного моря, оставив после себя лишь руины. На улице в одиночестве, без сопровождения Лейла тревожилась все сильнее. Женщина старалась не поскользнуться на блестящих от влаги округлых булыжниках мостовой. Она была уверена, что Ахмет отправился в одно из знакомых ему мест. Но в какое?

В переулке, где выстроились бакалейные лавки, группа горожан обсуждала новости прямо на улице. Покупатели жаловались на нехватку сахара, на отвратительный хлеб, который был ничем иным, как смесью рубленой соломы и плохой муки. По-прежнему не хватало булгура. Когда же наладится поставка достойной провизии? На небольшой площадке рядом с фонтаном женщины с закрытыми лицами оживленно о чем-то беседовали. Лейла спросила, не видели ли они Ахмета, сына Селим-бея. Те принялись строго отчитывать ее, удивляясь, что ребенок смог убежать из дому. Они боялись наихудшего, разве она не в кур-

¹ Паша — в султанской Турции и некоторых других мусульманских странах: почетный титул высших военных и гражданских сановников.

се? Поговаривали, что африканцы из французских войск насаживают детей на вертел и едят их. Уже несколько дней самые дикие слухи и байки будоражили квартал. После известия о том, что христиане привезли колокола и хотят отобрать собор Святой Софии, который на протяжении веков был мечетью, волна паники накрыла горожан.

Отступая от местных сплетниц-трещоток, Лейла утешалась только тем, что никто не сможет узнать ее под темной вуалью. Но она ошибалась. Острый глаз болтушек сумел оценить дорогую обувь и вышивку широких черных атласных лент. Женщины безошибочно определили знатное происхождение незнакомки. И к тому же эти женщины бывали в доме Селим-бея и встречали красавицу Лейлу-ханым. Мусульманское общество, одно из самых демократичных, постулировало, что все мужчины — сыновья Господни и служители султана. Здесь паша и нищий обращались друг к другу на равных, без высокомерия и раболепства, а покорные женщины могли присутствовать под расписными сводами богатых конаков на религиозных праздниках, свадьбах или обрезании. Между богатыми и бедными было некое равновесие, каждый держался своего сословия, выказывая должное уважение остальным.

Лейла замешкалась на перекрестке и чуть было не попала под колеса телеги, запряженной буйволами. Носильщики воды и бродячие торговцы звонили в колокольчики, пробивая себе проход сквозь толпу. Грузчики в вышитой одежде несли на плечах тяжелые ящики и гортанными криками разгоняли прохожих. От суматохи и шума у женщины голова шла кругом. Но в этом людском муравейнике у каждого была своя задача и направление. У каждого, но не у Лейлы. Обычно если супруга Селим-бея и покидала дом, то в коляске с подругами или с семьей. И не она решала, куда отправиться. Сегодня же ей нужно было отыскать

хаммам, который регулярно посещала свекровь и куда обычно брала Ахмета. Сын прекрасно помнил дальние походы с бабушкой. Однако в хаммаме мальчика никто не видел.

Тогда Лейла подумала о прогулках сына с отцом. В хорошую погоду Селим любил прогуливаться по побережью Мраморного моря мимо византийских крепостных стен. Иногда он останавливался покурить наргиле в одном из кафе. Ахмет послушно ждал, пока отец обсудит последние новости. Он очень гордился тем, что вел себя как мужчина. Рядом с кафе была кондитерская. Лейла часто просила Селима не баловать сына сладким. Женщина спросила сторожа хаммама, и мужчина указал ей место неподалеку, которое она, возможно, искала. Утренний туман уносился ветром и рассеивался, открывая лоскутки голубого неба. Решительным шагом молодая женщина направилась в указанную сторону, свернула направо, еще раз направо, спускаясь вниз по холму. Из-за своей черной вуали она нечетко видела дорогу и подворачивала ноги на выложенных булыжником улочках, где повсюду были ямы и выбоины. Ее дыхание стало таким частым, что, казалось, она сейчас задохнется. Вскоре она поняла, что заблудилась. Лейла остановилась, затем двинулась в обратном направлении. Источенные червями деревянные дома с нависающими крышами словно налезали друг на друга. С зарешеченных балконов какие-то женщины подсматривали за сбившейся с пути прохожей. Откуда ни возьмись появился нищий и протянул грязную настойчивую руку. Трепеща, Лейла подала монету.

Отчаяние тяжким грузом упало ей на плечи. Она не могла похвалиться настойчивостью. Она не была лишена ни смелости, ни хладнокровия, но была беспечна. Какая же она идиотка! Ей не стоило ввязываться в эту авантюру. Как

будто она могла найти Ахмета в одиночку! Нужно было последовать совету Али Ага и ждать дома. Она понадеялась, что материнский инстинкт укажет дорогу, что ноги понесут ее по следам ребенка и он появится перед ней как по волшебству. Но это лабиринт. Горы тошнотворной грязи, и рыжий пес, который, свернувшись калачиком, наблюдает за ней и рычит.

Она оступилась на неровных ступенях, оцарапала руку о каменную стену, пытаясь удержаться на ногах. И вдруг, как часто бывает в этом своенравном городе, между двумя зданиями неожиданно блеснул проход, в котором виднелся Босфор и Азийский берег. Ошеломленная Лейла видела море, скрытое плотной массой военных кораблей. Пушки на длинных серых корпусах были направлены на жилые дома. Неподвижные, неприступные, они блокировали проход парходам и каикам¹, курсировавшим в проливе с одного берега на другой. Лейла раздраженно откинула вуаль. Это был не сон: пять десятков бронированных судов с развевающимися флагами стояли на якоре у города.

У подножия лестницы собралась небольшая толпа. Лейла пробилась в первые ряды. Над головами удрученных и молчаливых прохожих кричали чайки. Справа от нее старик в поношенном сюртуке с застывшим на лице удивлением наблюдал за проливом.

— До сегодняшнего дня за всю историю город сдавали только два раза, — объявил он приглушенным голосом. — В 1204-м, когда латиняне залили кровью и огнем Византий, и в 1453-м, когда Мехмед Завоеватель захватил Константинополь, к нашей общей славе. И теперь посмотрите-ка на это! Стыд и несчастье падут на нас и наших детей...

¹ Каик — небольшое узкое и длинное гребное (редко парусное) судно.

Люди инстинктивно сжались плечом к плечу, придавая себе немного смелости. Их лица были искажены болью и отвращением.

— Кажется, в Пера¹ развевается греческий флаг, — пробормотала женщина с закрытым лицом.

— Если все так и оставить, то эти проклятые румы² будут танцевать на наших трупах! — презрительно выпалил какой-то юноша.

Лейла часто наблюдала, как по Босфору в сторону Черного моря идут парусные суда. Летом с террасы своего йали³ она смотрела, как величественные корабли спокойно проплывают мимо, и ей казалось — протяни руку и можно их погладить. Но эта ошетилившаяся оружием масса, готовая пролить поток огня и крови, внушала страх.

— Они ненавидят нас, — в отчаянии произнесла женщина с закрытым лицом. — Они будут издеваться, зверствовать. И некому нас защитить.

— А как же Его Величество? — возмутился учитель в зеленом тюбане, который преподавал Коран в соседней мечети.

— А что вы хотите, чтобы он сделал? Он связан по рукам и ногам, — настаивал на своем юноша. — От него ничего ожидать, это уж точно.

— Прошу прощения, вы случайно не видели маленького мальчика, он был совсем один? — спросила Лейла, говоря в сторону. — Сегодня утром мой сын исчез. Думаю, он тоже хотел посмотреть на флот. Он вот такого роста, — сказала она, показывая рукой, — у него темные волосы и светлые глаза.

¹ Пера — историческое греческое название района Бейоглу в Стамбуле.

² Румы — название грекоговорящего ортодоксально настроенного населения Османской империи.

³ Йали — деревянные дома на берегах Босфора.

Старик в сюртуке повернулся к ней. У него были голубые глаза потомков смешения османов с кавказскими племенами. Кажется, он проникся беспокойством молодой матери.

— Он часто сюда приходил?

— Не знаю... Знаю только, что он иногда сопровождал отца в кафе, которое рядом с кондитерской. Но не уверена...

Поддавшись эмоциям, она чуть не рыдала.

— Да у вас кровь! — воскликнул мужчина, увидев ее исцарапанную руку.

Он приказал Лейле сесть на табурет у кафе, попросил хозяина принести воды и мыла. Он сам, очень заботливо, обработал рану.

— Кажется, у меня есть идея насчет вашего сына, — наконец произнес он, убедившись, что рана чистая.

Она согласилась последовать за ним и удивлялась, как свободно смогла разговаривать с незнакомым человеком. Она набросила на лицо вуаль, чтобы никого не шокировать, хотя уже около десяти лет после революции Младотурков и последующих за ней войн строгие правила, определяющие поведение женщин, были смягчены.

Они пересекли заброшенное кладбище с древними покосившимися мраморными могилами, забытыми в веках и едва видимыми под сенью кипарисов и прочей растительности. Вошли на новое кладбище, часть ежедневной жизни стамбульцев, как бедных, так и богатых. Сюда приходили семьями или с друзьями пообщаться с умершими, прогуляться или устроить пикник, а дети чувствовали себя здесь как дома. Незнакомец указал на столетний платан в глубине сада, на краю балюстрады, нависающей над Босфором. Мужчина окликнул двух ребят, оседлавших ветку, спросил, не видели ли они маленького Ахмета. Над Лейлой склонились веселые, перепачканные пылью лица

мальчишек. Старик бросил им монету, и один из ребят поймал ее на лету. Белоснежная улыбка озарила его замурзанное лицо.

— Когда я был ребенком, тоже приходил сюда посчитать корабли, — признался старик, извиняясь за то, что зря привел сюда женщину. — Не волнуйтесь, ваш малыш Ахмет познает жизнь, а жизни не стоит бояться.

Он в последний раз повернулся к иностранным кораблям.

— Не сомневайтесь, это тоже пройдет, — заверил он.

Но Лейла не могла успокоиться. Она упрекала себя за то, что поддалась смутной надежде и пустилась в напрасные поиски. Оставалось лишь вернуться домой и предупредить Селима, который наверняка будет в ярости. По спине пробежала дрожь. Спокойный Селим относился к тем людям, которых стоит опасаться в моменты редкого, но холодного гнева.

На переднем дворе дворца Йылдыз, заполненного автомобилями и упряжками, царила неразбериха. Чьи-то раздраженные голоса выкрикивали противоречивые приказы, которые добавляли путаницу к общей суматохе. Обычно невозмутимый дворцовый персонал сейчас пребывал в чрезмерном оживлении, что, по мнению Селим-бея, было крайне неуместно. Молодой секретарь султана был в ужасном расположении духа. Ему действовала на нервы атмосфера недоверия и подозрительности, царившая среди придворных. Прошло всего четыре месяца с тех пор, как наследный принц Вахидеддин сменил на престоле своего брата и стал называться Его Императорское Величество Мехмед VI, но перспективы были далеко не радужные. «Конец правления — отличный для меня шанс», — с горечью думал Селим. За безмятежной улыбкой секретарь скрывал немалые амбиции; с непринужденным видом он строил планы и оттачивал методы их достижения, привнося в свою жизнь искру, которой давно не хватало. Принц, которому он служил в течение трех лет, наконец занял престол, и этот шанс, к сожалению, ускользал от Селима...

Советник вызвал его на рассвете, чтобы подвести итог по ситуации, которая оказалась еще более провальной, чем предполагалось. Мужчины беседовали в кабинете, стены которого были покрыты бело-золотыми деревянными панелями, декорированными выцветшей тканью. Полки украшала припавшая пылью фарфоровая посуда. Осенняя влага уже въелась в стены. Угля крайне не хватало, надвигалась суровая зима. Ливрейные лакеи подавали кофе и сигареты. Селим стоял спиной к окну, дабы не портить и без того мрачное настроение. Лучше не смотреть в сторону Босфора, вид пролива был испорчен бронированными кораблями, пушки которых направлены на императорский дворец. Горько признавать, но это было абсолютное унижение: безусловная капитуляция ставила Империю на колени, ее земли кровоточили после жестокого разгрома у Сарыкамыша в начале войны. Народ, казалось, был подавлен, но в правительственных коридорах у каждого была только одна мысль: спасти свою шкуру. Что касается Его Величества, то он хотел спасти трон, и капитуляция на этой неделе императоров Германии и Австрии предполагала начало зловещей игры в домино.

Селим стерпел плохие новости. Завоеватели делили между собой Стамбул. Итальянцам отходил Ускюдар на Атлантическом побережье, англичанам — французский квартал Пера и Галата, французам — старая часть Стамбула. Греки обоснуются на Фенере, где царит настоящая радость с тех пор, как их крейсер «Авероф» стал на якорь перед дворцом Долмабахче. Но самое худшее было впереди: в переполненном беженцами и опустошенном пожарами городе нужно поселить военных и чиновников стран союзников, что означает реквизицию частной собственности. Узнав, что его конак будет отдан в распоряжение некоему французскому офицеру, Селим побледнел. Он сразу же

подумал о матери. Сомнительно, что она любезно подчинится приказаниям оккупантов.

На улице мужчина окликнул фиакр. Селим должен был вручить конфиденциальное письмо генералу Мустафе Кемалю, который недавно вернулся из Алеппо. Секретарь рухнул на обитое красным бархатом сиденье, стянул феску и провел рукой по волосам. День начался плохо и продолжался в том же духе.

Повозка содрогалась на рытвинах и колдобинах, и у Селима создалось впечатление, будто он в ореховой скорлупе, которую уносит волной. По обе стороны проплывали один за другим дома визирей, построенные в прошлом веке рядом с новым императорским дворцом на лесистом холме, после того как султан отказался от Топкапы ради большего комфорта. Решетки и ворота были закрыты — политика выжидания и лавирования буквально сквозила из каждой щели великолепных оград.

В свои тридцать пять лет Селим считал неуместным долго размышлять о своем будущем и будущем своей страны. Осман не волнуется о завтрашнем дне. Он знает, что находится в суровых, но милосердных руках Господа, который проведет свое чадо через эфемерный поток меж подводных камней. Европейцы зря не боятся того, что они называют капитуляцией по Божественному Провидению (на самом деле речь идет о спасительном отделении смежных территорий). Однако ночами Селим иногда просыпался терзаемый чувством отчаяния, ощущением, что все это не имеет никакого смысла. Тогда он спускался в сад и босой бродил по дорожкам, словно хотел почувствовать под ногами твердую землю.

В полку секретарь не отличился ни как военный стратег и тактик, ни как человек с сильным характером, ни как удачливый офицер, легко продвигающийся по карьерной

лестнице. Селим вынужден был признать, не без огорчения, что не обладает сколь-нибудь выдающейся физической силой. И сам факт того, что секретарь еще остается на этом свете, крайне удивил бы отца Селима, будь тот жив. Паша закончил жизнь в должности генерал-губернатора провинции Айдын. Почетные обязательства Империи обеспечили его деньгами и славой. Но по обычаю такие должности не передавались по наследству, поэтому Селим ничего не получил, за исключением, пожалуй, комплекса неполноценности, который выплывал наружу как раз в моменты растерянности и замешательства.

Фиакр Селима, пав жертвой дорожного движения, сравнимого, пожалуй, с кругом вторым дантового ада, замер на улице Гранд-Рю де Пера. Громкий и настойчивый звонок оповещал о том, что причиной столпотворения мог быть только трамвай. Боясь опоздать, Селим оставил извозчика на проезжей части среди автомобилей и военных грузовиков и продолжил путь пешком. Обычно ему нравилось оживление французского квартала, который напоминал ему студенческие годы в Париже, но сегодня секретарю было неловко среди прохожих в шляпах и дам в приталенных платьях, приоткрывающих щиколотки. Кое-где мелькали красные фески, но восточных нарядов почти не было. Исчезли даже бродячие торговцы, прихватив свои увешанные амулетами тележки. К стенам жались несколько немцев-лавочников. Им дали месяц, чтобы освободить места. На окнах домов из тесаного камня развевались английские и французские флаги. Витрины лавочек были драпированы синей и белой тканью. Какой-то хозяин лавки, не найдя знамени, прицепил на витрину пласть в национальных цветах Греции.

В этом квартале размещались посольства, модные рестораны, а также иностранные банки, которые вели счета Империи, неспособной самостоятельно управлять собственными финансами. «Кровопийцы», — когда-то возмущался его отец, вспоминая западных чиновников Управления османского государственного долга и Капитуляции. Он избегал этих мест, как чумы. Подростком Селим скрывал от отца, что частенько играл здесь в карты в «Cercle d'Orient¹» по приглашению левантийских друзей или кутил неподалеку в одном кабаре квартала Галата.

Однако в этот день он был поражен контрастом между здешним возбуждением и удрученной тишиной Стамбула, где с наступлением вечера мусульманские семьи запирались в домах. Темные улочки становились опасны. А последний призыв муэдзина к молитве звучал с неким смятением. На вершине холма возвышалась старая генуэзская башня, которую строители называли башней Христа, а османы Галатской. На древние стены башни с пренебрежением взидала соперница, европейская Пера, — квартал кричащих огней, безразличная к хрупким минаретам и величественным куполам, к деревянным халупкам, освещаемым единственной лучиной, к таинственным садам, фонтанам и переулкам, крытым рынкам, наполненным ароматами, к теням кладбища.

Вражда между жителями Стамбула началась не вчера. Эта взаимная озлобленность длилась долгие века. Византий, таинственный город, прикрепленный к европейскому континенту, тысячу лет воплощал надежды христианской империи, но сердце и разум его были восточными. Близость Азии непреодолимо на него влияла. Сама сущность его представляла мозаику случайных совпадений. Здесь

¹ Восточный центр.

никогда не было места здравому смыслу. Этот город всегда носило под парусами страсти и неводержанности.

Селим вынырнул из переулка и остановился перед Пера Палас, красивым зданием из белого камня. Однако прием оказался менее приветливым, чем обычно. Солдат в униформе цвета хаки с высокомерным видом преградил ему путь. Селим не удивился, что английский главнокомандующий занял этот дворец, возвышающийся над бухтой Золотой Рог, устроив здесь временный штаб. У британцев было обостренное чувство комфорта. Сдержав нетерпение, мужчина объяснил, что является секретарем Его Императорского Величества и его ждут.

Мустафа Кемаль расположился в скромном салоне. На стенах картины малоизвестных восточных художников, шелковые обои и персидские ковры... Герой Галлиполи, единственный командующий османов, которому невозможно приписать никаких недостатков, спорил с каким-то западным журналистом в клетчатом пиджаке. Селим остался в дверях, сжимая в руке послание императора, скрепленное печатью. «Возможно, он хочет, чтобы я стал по стойке смирно?» — раздраженно думал он. Минуты тянулись вечно, а секретарь умирал от жажды и спрашивал себя, не нарушит ли он приличий, если ускользнет на несколько минут выпить стаканчик в баре.

— Селим-бей, для меня огромное удовольствие видеть вас снова. Надеюсь, вы не сердитесь на меня за то, что заставил вас ждать.

Мустафа Кемаль буравил секретаря пронзительным и в то же время насмешливым взглядом. Хотя Селим был на голову выше, почетный адъютант отличался величественной осанкой и поразительной жизненной силой.

— Не смею вас беспокоить, ваше превосходительство. Мне нужно лишь передать вам это письмо от имени Его Величества. Он ожидает вас завтра после молитвы, согласно договоренности.

Военачальник спрятал сверток в карман и пригласил посетителя сесть. Селим не посмел отказать. Мустафа был вхож во дворец, и Селим спрашивал себя, как тот может терпеть присутствие вражеских офицеров и при этом чувствовать себя вполне комфортно. Но разве существовала ситуация, в которой этот уроженец Салоников, сын скромного османского чиновника, ставшего впоследствии лесоторговцем, не чувствовал бы себя как рыба в воде? «Горделивый карьерист», — со злостью думал Селим. Секретарь смутно помнил первую встречу с Мустафой прошлой зимой, во время поездки наследного принца в Берлин. Еще тогда он отметил неприветливый нрав офицера. Говорят, что турки не отличаются дисциплиной, но такое поведение было чересчур даже для турка. Офицер не колеблясь говорил все, что думал, как принцу Вахидедину, так и прусским маршалам, утверждая, что последние не имеют ни единого шанса выиграть войну и что их обещания — не что иное, как пустые слова. Селима сбивала с толку смелость этого человека, который был едва старше его самого. На фронтах, когда он побеждал в самых отчаянных битвах, все тоже удивлялись молодости Мустафы.

В сведуших кругах ссылались на почти мистическую связь Кемаля с солдатами. На их необычное бесстрашие. Его выносливость была еще более заметна на фоне проблем со здоровьем, связанных с почками. Светлые волосы, зачесанные назад, открывали угловатое с правильными чертами лицо, высокие скулы, прямой нос, волевою челюсть. Но истинный трепет и уважение внушал кошачий взгляд

его ледяных голубых глаз. Командующий предложил Селиму сигару, метрдотель принес им маслины и раки¹. Кемаль не отказывался от удовольствий жизни.

— Так, вы правы, мой генерал. Немцы не выиграли войну.

— Я говорил это еще с 1914 года, — ответил Мустафа с горькой миной, словно речь шла о поражении Османской империи. — Мы подписали перемирие только потому, что войско не могло продолжать войну. Мы рискуем все потерять. Но сердце турецкой родины в наших руках. И это самое главное.

— И мы вам этим обязаны, ваше превосходительство, — любезно сказал Селим. — Вы превосходно сдерживали фронт на возвышенностях позади Алеппо против арабов и англичан.

— Я не уступил ни единой пяди! Речь шла не о защите безвозвратно потерянных арабских земель, а об отстаивании естественных границ нашей нации.

У Кемаля был звучный голос оратора. Его властная манера произносить по-французски слово «нация» не осталась для Селима незамеченной. Подобные вещи и были яблоком раздора между такими личностями, как этот сын бывшего таможенного служащего, и частью приближенных султана. Понятие «нация» было новым и абстрактным. В турецком языке не существовало даже слова, чтобы обозначить его. Поэтому люди, как Мустафа, были склонны придавать смысл тому, что его во все не имело.

— Нам остается лишь ужиться с англичанами в ожидании мирного договора, — продолжил Селим наигранно бо-

¹ Раки — традиционная анисовая водка, чаще всего изготавливаемая из винограда.

дрым тоном. — К счастью, это честный народ. Они доказывали нам это на протяжении веков в трудных ситуациях.

— Неужели? — с иронией спросил Кемаль. — Тем не менее у них страшная мания похищать наши военные корабли. И адмирал Кальторп уже не сдержал свое слово, потому что они теперь здесь, в наших стенах. Не обманывайте себя, мой дорогой, у Англии свои цели, которые совсем не соответствуют нашим. Ей нужно оставить за собой путь в Индию, подкрепить свое господство на нефтяном рынке и взять под патронат халифат. Это единственный способ контролировать Египет и мусульманское население своих колоний.

Он залпом осушил бокал.

— Это перемирие, составленное кое-как за пару часов, открывает двери всякого рода завоеваниям. Конечно, можно оставить иностранцам несколько незначительных территорий, но вопреки мнению Его Величества и некомпетентных советников попустительство не предвещает ничего хорошего.

Селиму не нравилась жесткая складка его губ, его дерзкая манера говорить о Его Величестве. Секретарь был в курсе этой дискуссии. В июле паша предложил себя на должность начальника генерального штаба, а затем и военного министра. Возможно, не доверяя этому упрямцу, Мехмед VI вежливо отказал. Генералу не удалось скрыть, насколько он уязвлен.

— Создается впечатление, что падишах намекает на то, что готов броситься в руки союзников, — продолжил Мустафа Кемаль. — Но это ошибка. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы он прислушался к голосу разума.

— На что же вы надеетесь? — вспыхнул Селим. — Его Величество осознает опасность, которая угрожает Империи. Он желает добра своим подданным, всем своим

подданным, даже из самых отдаленных территорий. Что, кажется, не свойственно вам, — бросил он.

С ироничным видом Мустафа Кемаль пронзил его жестким взглядом.

— Но Империя уже мертва, дорогой мой. Мертва и погребена. Или это ускользнуло от вас?

По спине Селима пробежала дрожь. Его характер всегда удерживал его в равновесии. В жизни он опирался на две внушающие доверие основы: веру в единого Бога и веру в человека, «всегда побеждающего» султана-халифа. Мысль о том, что его могут лишить одной из них, казалась ему ничтожной.

Мустафа откинулся на спинку кресла и скрестил ноги. Для встреч с парламентарями он был одет в цивильную одежду, в европейский костюм с жестким воротником и ловко повязанным галстуком, в то время как Селим был в сюртуке, застегнутом до горла, прямых штанах и феске, украшенной золотой кисточкой. Молодой секретарь вдруг почувствовал себя так же смешно, как и неловко.

— Стоит вернуться к нашим корням, — настаивал военный. — Я люблю свою страну, Селим-бей, не сомневайтесь в этом ни на секунду. Я люблю ее народ и ее землю. Если мы хотим, чтобы Турция жила, она должна сконцентрироваться в своих естественных границах и на своей сущности. Это вопрос выживания, — горячо отрубил он. — А я, я не позволю ей умереть.

«Раньше его бы сослали на другой конец Империи или отрубили голову», — подумал Селим, чувствуя неловкость. Куда могут привести непомерные амбиции? Секретарь, привыкший к раболепию придворных, цветистому слогу, за которым скрываются мысли говорящего, к искусству лжи, был застигнут врасплох откровенностью. Мустафа Кемаль обладал невероятной решительностью.

Это был непримиримый человек. Селим понимал недоверие падишаха и тайный страх перед тем, что непокорный нрав военного не удастся смирить. И эта непокорность проявлялась не в первый раз. Разве не армия всегда в первых рядах революций? Разве не она двигает прогресс? Офицеры читают Вольтера в оригинале и вдохновляются деятелями эпохи Просвещения! Что помешает генералу устроить новый переворот в умах?

Мустафа Кемаль положил сигару, давая понять, что беседа окончена. Он взглянул на Селима с холодной улыбкой, а затем, протянув руку для рукопожатия, произнес:
— Это перемирие для меня не конец. Это начало.
Селим спросил себя, обещание это или угроза.

Влага, испаряясь, высвобождала густые ароматы земли и садовых растений. На краю колодца ленился на солнышке кот. Лейла подошла к входным воротам гаремлика¹, и к ней тут же поспешили ожидавшие возвращения хозяйки молодые служанки. Следом подошла Фериде, поправляя на голове вуаль. По ее выражению лица Лейла догадалась, что сын еще не вернулся.

— Лейла-ханым, вас ожидают, — прошептала Фериде, снимая с хозяйки чаршаф.

Это было совсем не удивительно. Немыслимо было представить, что от свекрови могло ускользнуть хоть что-то в доме, хоть малейший чих. В небольшой прихожей для гостей, пока служанка сметала щеткой пыль с одежды Лейлы, женщина заметила несколько разноцветных шелковых свертков, в которые обычно складывали одежду приглашенных дам. Турецкий дом никогда не скупился на угощение подруг или родственниц, которые порой являлись без предупреждения и на неопределенный срок.

¹ Гаремлик — женская часть дома, т.е. часть, где живут жены, дети и слуги правоверного мусульманина.

«Я наверняка выгляжу, как сумасшедшая», — подумала Лейла, приглаживая непокорную прядь волос. Хотелось кричать от волнения и беспомощности, но женщина взяла себя в руки. Она попросила Фериде привести дочь. Из гостиной доносилась оживленная болтовня. Туда Лейла и направилась скрепя сердце и холодея от неприятных предчувствий.

— Наконец-то! — воскликнула Гюльбахар-ханым. Она сидела на диване скрестив ноги. Вокруг устроились подружки, которые, увидев Лейлу, отложили газеты и вышивание.

Свекровь легко поднялась навстречу невестке. Вышитое цветами красное бархатное платье с золотым поясом слегка касалось пола. Волосы Гюльбахар украшала прозрачная муслиновая вуаль, тяжелые серьги качались при каждом ее шаге. Лейла почтительно поклонилась, прижав руки ко лбу.

— Я до смерти волновалась! — продолжила Гюльбахар-ханым. — Запрещаю тебе подвергать меня таким пыткам. Ты ушла совсем одна и ничего не сказала. Ты хотя бы нашла мальчика?

Лейла молча опустила взгляд.

— Пускай Милосердный придет нам на помощь! Нужно прочесать город. Пусть Али Ага сейчас же предупредит моего сына. Невероятно! Что могло взбесить Ахмету в голову?

— Из-за всех этих несчастий детям постоянно снятся кошмары, — пожаловалась одна из подруг. — Может, он испугался?

— Никогда в жизни! — разбушевалась Гюльбахар-ханым. — Мой внук ничего не боится. Какие-то жалкие корабли не могут нарушить его сон.

Сидя по-турецки в порядке старшинства и соответственно их дружбе, женщины продолжили судачить об

исчезновении Ахмета, бросая на Лейлу сочувствующие взгляды. Невестка почтительно молчала. Она не могла привыкнуть к жесткому характеру свекрови.

Когда в шестнадцать лет Лейла покинула родительский дом, чтобы выйти замуж за молодого человека, с которым даже не была знакома, будущая свекровь — этот фантастический персонаж — вселяла в нее ужас. В приемной, которая славилась розовыми и пурпурными бухарскими коврами и коллекцией ваз из китайского селадона, беспредельно властвовала черкешенка. Она стремилась сохранить обычаи и роскошь сераля своего детства и отрицала прогресс, плоды которого все же проникали в дома обеспеченных семей. Несмотря на финансовую нестабильность страны, Гюльбахар располагала внушительным состоянием благодаря щедрости султана Абдул-Хамида. В свое время последний пожаловал ей солидное приданое и подарил ее отцу Селима, который согласно мусульманскому этикету освободил невесту из рабства перед тем, как сыграть свадьбу. Поначалу Лейле было трудно адаптироваться, принять традиционный образ жизни, неоспоримый авторитет, ведь она происходила из просвещенной семьи. Но Селим дал понять жене, что та должна подчиняться. Лишь после того, как Лейла перенесла болезненные роды, в результате которых на свет появился Ахмет, невестка заметила доброжелательность со стороны свекрови.

Деревянные решетки на окнах делили солнечный свет на множество маленьких лучиков. Но несмотря на тихую прелесть утра, в комнате с нежной цветочной росписью царило мрачное настроение. Не имеющие возможности принять участие в поисках, женщины чувствовали свою бесполезность. Они говорили о лишениях, которые терпели с начала войны, наперебой вспоминали и крыс на ули-

це, и дефицит ткани для одежды, и отключение воды, и нехватку дров в преддверии зимы.

Все женщины были роскошно одеты. Бархатные энтари¹ с богатой вышивкой и кружевным воротником, болеро и штаны с поясом, шитым серебром... Гости пренебрегали современной модой, которую расхваливали женские журналы, правда, сами журналы они все же не упускали случая полистать. Сладости должны были утихомирить их пыл, но сахар теперь стал редчайшим продуктом. Невозможно было найти даже хороший кофе. Оставалось довольствоваться отвратительным напитком на основе ячменя или нута. И чтобы утешиться, они курили тонкие сигареты из чистого табака, браня торговцев, устанавливающих непомерные цены, и спекулянтов на черном рынке. Гюльбахар-ханым кивала, перебирая четки, бряцающие о ее кольца.

— Лейла, не волнуйся, — вдруг произнесла она, одарив невестку одной из своих коронных улыбок, столь неожиданных, сколь и пугающих. — Уверена, что с ним ничего не произошло. Я это чувствую вот здесь, — добавила она драматическим тоном, прижимая руку к сердцу.

В очередной раз свекровь застала Лейлу врасплох. Женщина ожидала выговора, но Гюльбахар-ханым очевидно хотела ее утешить. Это было удивительно. Между ней и внуком существовала особая общинная связь, значительно более сильная, чем с Перихан.

Одна из дверей с грохотом распахнулась, и в гостиную влетел комок энергии со взъерошенными черными кудрями. Малышка покрыла поцелуями руки Лейлы, перед тем как броситься в ее объятия.

¹ Энтари — длинное женское платье, пошитое по типу халата, с широкими рукавами и поясом.

— Моя любимая мамочка, сегодня утром, когда я проснулась, тебя не было рядом, — надув губки, упрекнула Перихан.

Лейла уткнулась в шею дочки. Кожа малышки пахла молоком, корицей и невинностью, самыми дорогими детскими ароматами. Это маленькое пылкое существо защитит от всех несчастий.

— Ты нашла Ахмета? — поинтересовалась Перихан.

Лейла всмотрелась в большие темные глаза. Малышка была не способна хранить секреты, отчего ее брат часто раздражался.

— Нет, сокровище мое. А ты случайно не знаешь, где он прячется?

Девочка принялась со скупающим видом болтать ногами. Лейла отпустила ее, но Гюльбахар-ханым ухватила внучку за руку.

— Отвечай матери, свет моих очей, — приказала она.

— Он только сказал, что скоро должен вернуться дядя Орхан, и он хотел сделать ему сюрприз.

— Орхан? — удивилась Лейла.

Девятнадцатилетний брат Лейлы изучал археологию в Берлине. К огромному облегчению сестры, в армию его не взяли. Из-за слабых легких юноше отказали, когда он решил записаться добровольцем. Брат и сестра были очень близки. Лейла заботилась об Орхане с момента исчезновения родителей после кораблекрушения недалеко от Принцевых островов. Орхан действительно возвращался домой, но дату не уточнил. Лейла растрогалась при мысли, что Ахмет бродит по вокзалу Сиркеджи среди солдат, которых отправляют на родину.

— Я должна туда пойти, — произнесла она.

— Ты останешься здесь! — приказала Гюльбахар. — Хватит бегать по городу, как сумасшедшая... Пусть пошлют

кучера Недима. Он знает вокзалы. Все! — добавила она, хлопнув в ладоши.

Перихан воспользовалась этим и ускользнула к подругам бабушки. Она поцеловала им руки и получила от них комплименты, неизменно сопровождаемые заклинаниями от дурного глаза. Девочка в шелковом платьице с бархатным воротником была осыпана поцелуями. Ее тискали и прижимали к своим пышным грудям дамы, от которых приятно пахло розовым маслом. «Девочка не должна вырасти хвастливой», — волновалась Лейла, прекрасно понимая, что вскоре придет конец этой безграничной свободе. Через несколько месяцев Перихан отправится в школу при мечети вместе с мальчиками и девочками ее возраста. Ее будут учить читать и писать по-турецки, географии и чтению Корана на арабском. Затем она будет закреплять и углублять знания дома с иностранными гувернантками. А пока Лейла хотела, чтобы ее маленькая дочь понимала — жизнь состоит из обязанностей и домашних заданий. «Она еще успеет послушаться замечаний, — вмешивалась Гюльбахар-ханым, когда слышала, что мать ругает девочку. — Из-за этих иностранных книг, которыми ты так дорожишь, у тебя появляются странные идеи...»

Внезапно одна из дам разразилась слезами. Ей сразу же дали платок, шепча сочувственные речи. Сквозь всхлипывания гостя призналась, что никогда не увидит своих внуков, потому что ее сын погиб в сражении при Сарыкамыше, в первые месяцы войны, когда в суровых и жестоких условиях зимы плохо экипированная турецкая армия была уничтожена русскими. После этого были еще битвы, одна за другой. Слово «Галлиполи» звучало с особенно напряженной интонацией. Испытания, которым подверглись солдаты в окопах под палящим солнцем без воды, умирая от дизентерии под бомбами военных кораблей, терзали

сердца матерей. Но, по крайней мере, герои Галлиполи погибли во имя славной победы.

Растерявшись, Перихан тоже начала хныкать. Лейла подхватила ее на руки. Как жить, если лишился части самого себя? Отсутствие Ахмета пронзительной болью отозвалось в ее сердце.

Свекровь приказала подавать завтрак. Старая кузина, которая приехала весной погостить и не торопилась убираться, поспешила дать распоряжения кухарке. Селим как-то попросил мать ограничить расходы, он уже несколько месяцев не получал государственного жалованья. Но Гюльбахар-ханым, вздернув бровь, глянула на сына с пренебрежением, отчего стала еще более надменной. Свекровь не заботилась о счетах. Она даже не задумывалась о том, чтобы контролировать траты. «В таком случае я продам изумруд, — сообщила она. — Как ты себе представляешь уменьшение количества блюд, если я не знаю, что захочу съесть?» Наблюдая, как исказилось лицо супруга, Лейла подумала, что такая экстравагантность Гюльбахар заслуживает если не восхищения, то, по крайней мере, некоторого почтения. В тяжелое и безумное время оптимизм свекрови и ее вера в Провидение порой воодушевляли.

Вошедший Али Ага доложил, что кучер отправился на вокзал и что хозяин вернулся из дворца и ожидает мать и жену. Гюльбахар-ханым тотчас же направилась к двери в центральную гостиную. С высоко поднятой головой, свекровь неслась гигантскими шагами, и, чтобы ее догнать, Лейле пришлось поторопиться.

Селим стоял перед окном в сад. Вдали на солнце поблескивал Босфор, а лесистые холмы Азийского берега вспыхивали осенними красками. Сын поклонился матери, поцеловал ей руку и приложил к своему лбу в красивом жесте приветствия.

— У меня для вас плохая новость, — произнес он важным тоном.

— Боже Всемогуший, с Ахметом случилось несчастье! — воскликнула Гюльбахар-ханым, закатив глаза, и грациозно упала в обморок к ногам сына.

— Да что это с ней? — Селима взбесила выходка матери.

— Сегодня утром исчез Ахмет, — объяснила Лейла, помогая мужу перенести мать на стул у стены. — Возможно, он отправился посмотреть на корабли. Мы не можем его найти.

Селим отошел от матери. Лейла похлопывала свекровь по щекам.

— Какой-то проклятый день, — прорычал секретарь.

Но когда мать быстро пришла в себя, мужчина несколько успокоился.

— Так о чем ты хотел сказать? — спросила Лейла.

Его плечи опустились, как у ребенка, которого уличили в ошибке.

— Дом реквизирует один французский офицер. Некий капитан Луи Гардель. У нас сутки, чтобы переехать.

Пронзительный крик Гюльбахар-ханым отозвался во всем доме, достигнув ушей ее подруг, спокойно ожидавших завтрака.

Теперь, когда мать вернулась в свои покои, можно было не контролировать выражение лица и Селим снова надел мрачную непроницаемую маску. Лейла молчала. За почти десятилетнее замужество она научилась уступать ему во время обсуждения деликатных тем, приспосабливаясь к его настроению во избежание конфликта. Однако сейчас женщина была очень взволнована, и ей приходилось совершать над собой невероятные усилия, чтобы казаться послушной. «Мой сын — не идиот, он найдет дорогу, я вытворял то же самое, когда был в его возрасте», — проворчал чуть ранее Селим. Это безразличие ее ранило. Лейла сердилась на супруга за то, что он не пошел искать мальчика. По мнению мужа, сам факт, что в поисках Ахмета дом покинет глава семьи, приобретет символическое значение, поскольку такое поведение последнего неэффективно. Звучало это странно и путано, но Лейла не сомневалась в любви Селима к сыну, ведь супруг был не из тех, кто действует поспешно. Обычно он поступал обдуманно и взвешенно, он не любил неожиданностей. Отсюда и его недовольство присутствием оккупационных войск в городе. Словом, иногда пассивность похожа на беспомощность. Лейла при-

нялась упрашивать супруга начать поиски Ахмета на вокзале.

— Мы должны устроиться в йали, — вдруг произнес Селим.

— Там недостаточно места, чтобы всех разместить, и там слишком сыро, чтобы зимовать, — возразила она.

Ей принадлежал родительский деревянный дом на азиатском берегу. Стены йали хранили самые счастливые воспоминания женщины. После внезапного исчезновения родителей Лейла и Орхан унаследовали этот дом, но хозяйкой считалась именно она. Каждую весну с началом цветения иудиных деревьев она переезжала в этот дом, где жила до октября, когда начинались холодные ветра и сильные дожди.

— В любом случае часть прислуги будет обслуживать французов, — продолжил Селим. — Али Ага останется здесь, чтобы следить за домом. Мы вынуждены все оставить, — добавил он, глядя на изящные буквы суры из Корана, выведенные золотом на стене.

Они находились в просторной гостиной с золотой лепкой в виде листвы. В этой комнате принимали иностранных гостей, она разделяла два крыла дома. Одна дверь выходила в селямлик¹, другая — в женскую часть, куда мог входить лишь Селим. Многие семьи не придерживались старого разделения дома, но он соблюдал правило. К тому же это был вежливый способ уберечь себя от назойливого присутствия матери.

Селим хмурился, вспоминая вопль Гюльбахар-ханым. «Это осквернение!» — воскликнула она, после чего заявила, что покинет этот дом, лишь когда ее душа отойдет

¹ Селямлик — часть дома, отведенная исключительно для мужчин; мужская половина дома у турецких народностей.

к Аллаху Милосердному. И речи быть не может, чтобы оставить дом неверным. Селим знал, что мать способна на любой скандал. Как отреагируют на это оккупационные власти? Могут ли арестовать женщину за неповиновение? От одной только этой мысли секретаря прошиб холодный пот. Семья не сможет оправиться от такого бесчестия.

— Действительно нет другого выхода? — нежным голосом спросила Лейла. — Ты встречался с этим офицером? Возможно, это благоразумный человек...

— Оккупанты не бывают благоразумными, — грубо прервал он жену.

— Но ты все же ценишь французов. Ты знаешь их манеру мышления. И потом, ты — секретарь падишаха, — настаивала она. — Почему не попросить этого майора Гарделя устроиться где-нибудь в другом месте? Ты можешь быть очень убедителен, если захочешь.

Лейла терпеливо наблюдала за игрой эмоций на лице Селима. Часто она склоняла супруга на свою сторону, аккуратно направляя его и скрывая эту игру под маской смирения.

— Я не наделен магической силой! Я не могу повлиять на оккупантов. Все, что я знаю, — город разделен на секторы и этот квартал передан французам. Надеюсь, что мы не пожалеем об этом.

— А йали?

— Азиатский берег под контролем итальянцев. Но я не переживаю по этому поводу. Итальянцы злятся на то, как с ними обращаются после окончания войны. Их британские союзники пообещали территории, которые итальянцам никогда не получить. Поэтому они ведут себя не слишком смело, что нам только на руку.

Скрепя сердце Лейла представила себе отъезд. Они возьмут матрасы и постельное белье. Украшения, безус-

ловно, а еще зимнюю одежду. Любимую фарфоровую ку-клу Перихан. Некоторые кухонные принадлежности. За-пас продуктов на первое время. Но сложнее всего не организовать процесс, а сохранить душевное спокойствие. «А мои книги?» — внезапно вспомнила она. Ей придется оставить библиотеку, ее единственную отраду. Но если де-ти будут веселы и здоровы, то она будет счастлива в лю-бом месте.

В душах жителей Стамбула живы были отголоски завываний степного ветра и звука лошадиных копыт и искры костров стойбищ их предков — осман. Потомки кочевни-ков не из тех, кто боится переписать свою жизнь заново. Анатолийский крестьянин никогда не был глубоко привязан к своему клочку земли, как и османский чиновник, при-выкший путешествовать по всей империи, не тосковал по стенам своих временных обиталищ. В Стамбуле было ма-ло домов, которые служили нескольким поколениям. Ей и самой однажды уже пришлось покинуть родной очаг.

В тот вечер тревожный крик ночного сторожа внезапно разбудил семью Лейлы. Ее родители собрали кое-какие вещи, мать подхватила на руки маленького Орхана. На улице стоял едкий запах гари, было трудно дышать. Под черным куполом неба плясали искры, над улицей возвы-шались пылающие факелы кипарисов. Жители спасались на переполненных повозках среди криков и лошадиного ржания. Отец до боли сжимал ее руку. Они, спотыкаясь, спускались с холма. Жители Стамбула приходили в от-чаяние от частых пожаров, огненная стихия уничтожала целые кварталы. Деревянные дома, плотно стоящие друг к другу, представляли идеальные условия для распро-странения огня. Погорельцы находили временное при-станище в мечетях, у родственников или друзей. Но пер-вый шок проходил, и не оставалось ничего иного, как

смело принять свою участь. Той злополучной ночью семья Лейлы потеряла все в считанные часы. А через полгода отец купил йали.

— Мать этого не вынесет, — жаловался Селим, шагая взад-вперед.

— Да нет же, она намного сильнее, чем ты думаешь!

Закон ислама обязывал сына заботиться о матери. Лейла чтит свекровь, сожалея лишь о том, что Гюльбахар не из тех неприметных пожилых дам, которые интересуются сладостями и заботятся о внуках. Характер Гюльбахар-ханым позволял ей, не покидая поместья, управлять многим в Высокой Порте. И иногда казалось, что ей лет сто. Она занимала высокое положение, ее обязательно приветствовали высокие гости, с ней согласовывали многие вопросы... Никто до сегодняшнего дня не осмелился бы даже представить, что что-то изменится.

— Он будет жить один или с семьей? — поинтересовалась Лейла, с непроницаемым лицом поглаживая желтый шелк туники.

— Откуда мне знать? Я же не роюсь в бумагах французского управления!

— Кажется, я слышала, что офицеры приезжают вместе с женами и детьми.

Мусульманские женщины далеко не последними узнавали свежие новости. Посещая друг друга, встречаясь в хаммаме, слушая сплетни старых нянек, торговок и цыганок, они были в курсе городских событий. Эти скромницы были очень гостеприимны, а порой попадали в любовные истории, романтические и недозволенные. Наслушавшиеся разнообразных сплетен домохозяйки умудрялись манипулировать супругами или сыновьями, подталкивая их к желаемому решению. Подпитываемая вековой конспирацией загадочная власть восточных жен-

щин касалась самых разных сторон жизни и была очень эффективной.

— Если у него есть дети, возможно, он поймет, что нам трудно покинуть дом в разгар зимы? — настаивала она. — И вот-вот вернется Орхан, а у него такие слабые легкие. Нет, действительно... Это недопустимо.

Селим подкурил сигарету, и Лейла поздравила себя, заметив промелькнувшую на лице супруга нерешительность. Как, впрочем, и всегда в ее присутствии. Тем не менее Лейла ощущала страшное одиночество. Мужу даже в голову не пришло утешить ее, узнав об исчезновении Ахмета. Он редко делился с ней душевными переживаниями. «Мы лишь инструменты наслаждения мужчин», — с неким презрением повторяла кузина Зейнеп. Как с этим спорить? Иногда Лейла жалела о том, что делит с мужем только постель.

— Дом большой, — продолжила она. — Тридцать комнат. Два прекрасно разделенных крыла. Может, капитан и его жена согласятся расположиться в селямлике, а Орхан, дядя Мехмет и ты переселитесь в наше крыло?

С ними проживало множество родственников. Их число варьировалось по воле Аллаха. Кузины или старый дядюшка из Анатолии, страдающий подагрой, могли нагрянуть без предупреждения. Во времена мира и процветания в конаке царило бы радостное согласие. Но известие о реквизировании жилья предвещало конец щедрой турецкой гостеприимности, и без того подорванной многолетней войной.

— Даже речи быть не может. Чтобы я опустился до того, чтобы просить милостыню!

— На кону здоровье твоих детей. Это не милостыня. Такова роль хорошего отца... И твоя мать будет тебе за это благодарна.

Селим повернулся к жене. Лейла спокойно смотрела на него. Его всегда пленяла ее гордость. Иногда она часами сидела за вышивкой или чтением, в отличие от других женщин из его семьи, возлежавших на диване с томным видом. Тонкий силуэт супруги всегда был напряжен, словно она была готова убежать в любую секунду. Ее лебединая шея, изящные запястья и лодыжки отличались удивительной грацией. Он не уставал любоваться ее прямым носом и полными щеками, пухлыми губами. Иногда ее горячность заставляла его врасплох. Она не отличалась степенностью восточных женщин. В день свадьбы Селим увидел скромную черноволосую девушку с серебряными лентами в кудрях. Однако он был удивлен ее пылкостью, сражен взглядом ее прекрасных умных глаз.

Перед свадьбой, пока соседские женщины любовались невестой в великолепном вышитом платье с дорогими украшениями, Селим наблюдал, как доставили старый истрепанный чемодан, набитый книгами. Сестры секретаря довольствовались чтением французских романов, от которых впадали в меланхолию, Лейла же, поощряемая семьей просвещенных реформаторов, читала исторические и философские произведения как на французском языке, так и на немецком. А став матерью, она даже начала изучать произведения американских авторов, посвященные воспитанию детей, что казалось Селиму абсолютно несуразным.

При родах Ахмета, когда французский врач из всех сил старался спасти мать и ребенка, Селим волновался, что может потерять жену. Он испугался своей реакции, настолько сильным было его переживание. Терзаемый тревогой, он бродил по саду. Он даже не мог находиться под крышей здания, где страдала супруга. Он понял, что уязвим, и спрашивал себя, сможет ли собрать воедино оскол-

ки своего существования, если когда-нибудь его молодая жена исчезнет. Он никогда ей в этом не признавался, так как считал это своей слабостью.

Лейла даже не моргнула накрашенными глазами. И, как всегда, Селим извлек из этого необыкновенного спокойствия решительность, которой ему порой не хватало.

— Ты права, — сказал он улыбаясь. — Я считаю, что твоя идея просто чудесна. Посмотрим, что смогу сделать.

Он подошел к ней, взял ее за руки. Она поднялась. Ее макушка доходила ему до плеч. Селиму хотелось прижать ее к себе, но он так и не шелохнулся. Он замер, вдыхая ее аромат, думая о том, что желает ее всегда и навсегда.

— А Ахмет? — тревожно спросила она.

— Не волнуйся. Мужчинам иногда нужно убежать от женской груди, — пошутил он.

Ей не удалось сдержать раздраженный жест:

— Селим, Ахмет — не мужчина, он — ребенок.

Луи Гардель, дабы достойно выглядеть в присутствии шофера и переводчика, пытался унять детский восторг, но чувство было сильнее его, и он прижимался носом к окну автомобиля, любуясь куполами минаретов под голубым небом. Константинополь! Наконец-то!

Они пересекли Галатский мост. Старые деревянные балки подсакивали под колесами, рискуя сломаться в любой момент. На посту в белой гимнастерке стоял сборщик дорожной пошлины. Он не решился выполнить свой долг и пропустил машину, на которой красовался флаг с цветами Франции.

Луи воспользовался несколькими часами отдыха после шумного приезда. Войска продолжали обустраиваться в Стамбуле. Британцы были не слишком приветливы. Многочисленные военные командиры нередко переходили на повышенные тона. Французы не могли простить союзникам, что во время переговоров на борт крейсера «Агамемнон» не допустили представителя Франции. Англичане ссылались на посла, который, вероятно, запутался, однако недвусмысленно дали понять, что именно они единственные, кто уполномочен вести переговоры с представителями османского правительства. Луи сомневался

в доброй воле британцев. Он понимал, что от покоренных турок будет меньше проблем, чем от упрямых союзников, чьи цели значительно различались между собой. Нужно было внимательно следить за греками. Те подрывали спокойствие в регионе, который, по их мнению, должен был достаться им как наследство античных предков. Кроме того, необходимо было помешать британцам установить контроль над столицей. Игра предстояла деликатная.

Отбросив мрачные мысли, Луи наслаждался зрелищем, открывающимся перед ним. Ему указали на рынок пряностей, скрывавшийся в тени величественной мечети. Он рассматривал разносчиков с подносами. На голове они удерживали россыпи жемчужин, пирамиды фесок, флаконы с парфюмерией. Два старика в тюрбанах, устроившись на табуретах перед кафе, равнодушно наблюдали за автомобилем. Дети же не скрывали любопытства, кружась вокруг машины, медленно продвигающейся по разбитой мостовой в тени переплетенных виноградных лоз.

Оживленность константинопольских улиц напоминала Луи Северную Африку, но на этом сходство заканчивалось. Африканская экзотическая пестрота сменялась здесь восточной утонченностью и изяществом. Здешняя экзотика была сродни турецкому кинжалу с изящным орнаментом на лезвии. Даже назойливый призыв муэдзина казался мелодичнее. Говорили, что это приглашение на молитву здесь звучало наиболее гармонично.

Не следовало при этом забывать, что предки турок — уроженцы степей Центральной Азии, сурового и беспощадного плоскогорья, откуда пришел народ сельджуков — с узкими глазами и острыми скулами. От предков турки унаследовали выдержку кочующих воинов и бесконечное терпение азиатов. Сомнительная алхимия. Англичане со своим обычным высокомерием ошибались, недооценивая

их, они считали местных жителей вялыми, поскольку «ислам» означает «покорность».

— Здесь не привыкли к автомобилям, капитан, — сказал грек-переводчик, и в его словах сквозило презрение. Он явно намекал на особенности кварталов города, населенных турками.

— Ну и что! Я впервые никуда не тороплюсь, — ответил Луи, успокаивая его.

Время — это роскошь, которой он теперь мог наслаждаться сполна. Война была закончена, и ему хотелось передохнуть, хотя офицер никогда по-настоящему не отдыхает. В каком-нибудь уголке мира обязательно тлеет конфликт и государство отправит туда своего солдата, чтобы доказать и свое существование, и существование армии, и существование самого Луи.

Машина остановилась за чьей-то тележкой. Шофер посигналил, дворняги залились лаем, перепуганные и разозленные прохожие шарахнулись в стороны. Окна машины облепили любопытные зеваки. Было жарко. Луи просунул палец под воротник рубашки. Он ощутил, что пространство вокруг него начало сжиматься. Он заметил мерзкий прыщ на затылке шофера, от этого стало и вовсе дурно. Он опустил взгляд на правую руку. Пальцы дрожали. Он знал: эти моменты слабости, когда его неотвязно преследуют воспоминания, довольно опасны. Когда всплывают без предупреждения взрывы, пожары, у него под ногами неумолимо кренится палуба, в ушах раздаются вопли испуганных моряков, бросающихся в черную бездну моря... А вода в темноте ночи словно пылает огнем, а в глубине рыскает немецкая подводная лодка... Ручейки холодного пота заструились по его спине.

Автомобиль набрал скорость, натужно взбираясь на холм. В надежде глотнуть свежего воздуха Луи опустил

стекло. Удушливый запах пыли и лошадиного навоза ударил в нос. Они ехали по тихой площади: небольшая мечеть, фонтан, платан, повсюду решетчатые окна. Мелькали женщины с закрытыми лицами. Высокие заборы скрывали тенистые сады. Все это выглядело странно и экзотично и сопровождалось певучим французским переводчика, который комментировал проплывающие за окном виды. У грека был забавный акцент.

Приехав в Стамбул, Луи был поражен мелодичностью языков и диалектов, симфонией города: турецкий, греческий, армянский, итальянский... В этом многоголосье заключался шарм многонациональных городов Ближнего и Среднего Востока.

Вдруг машина резко остановилась. Луи отбросило вперед. Поднялся крик, их обступила толпа.

— Мелкий кретин! — воскликнул шофер, выскакивая из машины.

— Этот недоумок бросился нам под колеса! — раздраженно выпалил переводчик.

Луи поспешил выйти из машины. Перед бампером лежал мальчишка. Шофер бушевал от злости и повторял, что он едва его задел и что при такой скорости никого нельзя поранить.

— Это ребенок, — выругал мужчину Луи, опускаясь на колени. Офицер испугался за жизнь малыша. — Спросите, болит ли у него что-нибудь, — приказал он переводчику, который явно не собирался покидать машину.

— У меня ничего не болит, месье, — ответил мальчик по-французски. Лицо его было очень бледным.

Темные волосы ребенка спадали на лоб. Светлые глаза были полны слез, и он кусал губу, чтобы не расплакаться. Рукав пиджака был разорван, брюки испачканы. Мальчик выглядел таким беззащитным, что у Луи сжалось сердце.

«Милое начало!» — подумал он, увидев сердитые лица, склонившиеся над ними.

— У тебя не кружится голова? — спросил офицер, проверяя, не ранен ли малыш.

— Все хорошо. Оставьте меня...

Ребенок знал французский, а значит, был из знатной османской семьи.

— Где ты живешь? Я хочу отвести тебя к родителям и объяснить, что произошло.

— Я сам могу, я живу вот здесь, — настаивал мальчик, указывая на крышу огромного здания за высоким каменным забором.

Из открытых ворот вынырнул долговязый негр в сюртуке и феске. Узнав ребенка, он громко вскрикнул, без стеснения растолкал прохожих и кинулся к малышу. Мальчик, казалось, смутился, пытаясь успокоить мужчину, который крутился вокруг него. Луи подхватил мальчика на руки.

— Я отнесу тебя домой, — заявил он.

Негр и переводчик последовали за ним. Небольшая процессия пробилась сквозь толпу к дому. Луи прошел через сад по гравийной дорожке. На крыльцо вышел элегантный мужчина, который почему-то побледнел при их приближении. Луи догадался, что это отец мальчика. Офицер поспешил успокоить его, сообщив, что, несмотря на то что шофер сбил его сына, тот, кажется, не ранен.

Мужчина растерянно отступил, пропуская их в дом. Следуя за негром, Луи поднялся по лестнице, вошел в светлую гостиную и осторожно положил мальчика на диван. Отец обменялся с сыном парой слов на турецком, ощупал ребенка, затем поднялся и произнес:

— Я благодарю вас. Ахмет больше испугался, чем поранился.

— Мне очень жаль, месье. Это досадное происшествие. Прошу вас простить меня.

— Пожалуйста. Мой сын тоже виноват, не так ли, Ахмет? — сказал он, нахмурив брови. — Могу я предложить вам прохладный напиток, чтобы отблагодарить за внимание?

— Не знаю, — нерешительно сказал Луи. — Я не хотел бы вас беспокоить...

— Я настаиваю, — безапелляционно заявил мужчина и сделал знак прислуге.

Жесты турка отличались необыкновенной грацией. Туго затянутый в стамбулин¹ хозяин дома источал мужественную красоту. Это были воплощенные гордость и самоконтроль.

Поток света вливался в окна. Вдали, среди военных кораблей, заполнивших Босфор, находилось и судно Луи. Офицер предпочел отвернуться. Он принялся разглядывать помещение. Хрустальные люстры с наполовину сгоревшими свечами, пол устлан великолепными коврами, восхитительное большое голубое панно на стене с вышитой золотом надписью. Вероятно, цитата из Корана. Перед нишей в стене, отделанной плиткой, — стулья с плетеной спинкой. Обстановку завершали два низких столика, инкрустированных перламутром, и медная жаровня. Утонченность без излишеств. Все это навевало покой.

Офицер повернулся к хозяину, который наблюдал за гостем с доброжелательной улыбкой.

— Ахмет! — внезапно послышался крик.

К ребенку подбежала женщина, очевидно мать, и сжала его в объятиях. Луи заметил присутствие других людей, которые застыли в стороне, не осмеливаясь нарушить

¹ Стамбулин — длинный сюртук, введенный вместо традиционных халатов в качестве одежды для турецких вельмож Махмудом II (1785—1839).

приличия и подойти. Луи впервые оказался лицом к лицу с запретным миром турецкого дома, с которым мечтали познакомиться его товарищи.

Мать поднялась, не выпуская руку сына. Прозрачная газовая ткань едва скрывала ее красивые гармоничные черты, подчеркивая подведенные глаза. Хозяйка устремила на гостя пристальный гневный взгляд. У Луи перехватило дыхание. О турчанках он знал лишь по описаниям романистов, таких как Пьер Лоти, и портретам модных художников-ориенталистов. Болтали о привлекательности женщин Высокой Порты, наряду с этим ходили басни о гаремах, о том, что их обитательницы обладают исключительной чувственностью и чарами, о которых западные дамы даже и не ведают. Ходили сплетни, что дочери этой земли пахнут мускусом и амброй и отличаются непристойным сладострастием. И вот горделивая незнакомка возникла перед ним, ее изящная фигура, закутанная в ткань поверх желтой шелковой туники... Луи понял, что хозяйка оделась наспех, торопясь увидеть своего ребенка, несмотря на присутствие иностранца, презренного чужака, который едва не убил ее сына.

Женщина грациозно поправила вуаль, прикрывающую волосы. Пальцы были унизаны кольцами с драгоценными камнями, ногти выкрашены хной. Офицер немного неуключе поклонился, выказывая почтение, но она прошла мимо, не промолвив и слова, оставив его в шлейфе своих духов, растерянного загадочным видением и жарким взглядом темных глаз.

Хлопнула дверь. Наступила тишина, едва нарушаемая слабыми звуками города.

— Моя супруга, — сказал турок, которого очевидно позабавила эта сцена.

— Мне действительно очень жаль... Я расстроил ее... Я понимаю, что...

Луи оторопел. Считалось, что мужчина мусульманин никогда не говорит с иноверцами о женщинах из своей семьи. И как теперь быть?

— Моя жена с раннего утра была обеспокоена исчезновением сына, — объяснил хозяин. — Я же был уверен, что он вернется к обеду. Голод. Вы же понимаете? Но, признаюсь, я не ожидал такого происшествия.

— Я понимаю. У меня самого дочь. Иногда дети заставляют нас переживать страхи, не так ли? Я уже два года не видел Марию. Теперь ей четырнадцать, и, думаю, повод для моих переживаний будет немного другой, чем прежде.

«Как Мария адаптируется в Константинополе?» — спросил он себя. Судя по последнему письму, дочь, казалось, была в восторге от их скорой встречи. Но с женой дело обстояло иначе. Оставить Тулон и переехать в османскую столицу Розе казалось рискованным делом. И она во все не была очарована экзотикой. Луи пришлось быть стойчивым. Война наконец завершилась, он рассчитывал возобновить нормальную семейную жизнь — в полном смысле этого слова. В конце концов она согласилась приехать через несколько месяцев, как только он устроится и сможет их достойно принять. Однако, столкнувшись с реальностью новой жизни, Луи начал сомневаться.

У него не было никаких зацепок. Он отвык от обычной мирной жизни, которая не совпадала с ритмом, задаваемым войной. Но нужно было как-то привыкать. Соблюдать приличия, о которых на фронте подзабыли. Сумеет ли он поддерживать разговор, шутить, строить планы на будущее? Заточение на корабле во время войны было иногда похоже на жизнь в монастыре, но только без духовного развития. Луи знал, что командование будет отправлять его к анатолийским берегам и в черноморские воды. Удастся ли Розе справиться в одиночку? Как она будет жить

в этой стране, с которой все европейское скатывается как с гуся вода, не оставляя и следа, как не оставляет следа осевшая пена волны? Он не мог себе представить, как же-на впишется в быт турецкого дома, такого, как, например, этот. Вдруг все показалось ему непреодолимым.

С важным видом в гостиную вошел негр и что-то прошептал хозяину на ухо. Турок напрягся, перевел на Луи пристальный взгляд.

— Я вспомнил, что не представился, — сказал француз. — Капитан второго ранга, Луи Гардель. Меня поселили в вашем квартале. Я немного опасюсь того, как меня примут, — признался он с натянутой улыбкой. — Быть выброшенным из дома, чтобы разместить у себя иностранца, должно быть очень неприятно, но свободных квартир так мало, что руководство не смогло поступить иначе. Мы все должны приспособиться к этому, не правда ли? И если обе стороны приложат хоть малое усилие...

Луи вдруг понял, что разглагольствует, только чтобы скрыть замешательство из-за возникшего вдруг тягостного молчания. Слуга предложил ему кофе, который француз с благодарностью принял.

— Вскоре ко мне присоединятся жена и дочь, — добавил гость.

У кофе был едкий вкус, почти острый. Внезапно Луи почувствовал себя совершенно разбитым, как будто на него разом навалилось накопившееся за последние месяцы напряжение. Он сел на диван. Шелковые подушки оказались неожиданно мягкими. На долю секунды он закрыл глаза.

Али Ага наблюдал за французом с нескрываемой недоброжелательностью. Он был хранителем женщин в доме. Несомненно, этот неверный принимал его за жалкого мажордома, похожего на тех напыщенных горделивых муж-

чин из богатых домов французского квартала. Но Али был внимательным и лояльным караульным.

Селим же смотрел на офицера с интересом. Тот был худощав, темноволос, на висках проседь. Мужчины, по всей видимости, были одного возраста, но француз выглядел старше. Рука гостя, удерживавшего золотой с серебром филигранный зарф¹, слегка задрожала, и гость отвернулся, словно стыдясь. «Нервы,» — решил Селим. Такие психические расстройства довольно часты. Немногочисленны были те военные, чьи души не были ранены войной. «Все мы стали канатоходцами», — подумал турок, отметив, что сочувствует сидящему перед ним человеку, потрепанному войной, осунувшемуся, пусть француз и был представителем победившей стороны.

Получается, тот, кто сбил Ахмета, явился, чтобы выгнать их из дому. Этот офицер, конечно, не сам принял такое решение, но он был из страны-победителя. Он мог идти во главе своих войск, отдавать приказы, силой добиться уважения от местных жителей... «Побежденных», — с горечью подумал раздраженный Селим. Для Османской империи перспектива была не нова. На протяжении более трех столетий иностранные христиане пользовались удобным статусом благодаря капитуляции, договору, который гарантировал им в Порте значительные юридические и финансовые выгоды. Но сейчас это была оккупация по всем правилам. И никто не знал, чем все это закончится.

Кивком Селим дал знак Али оставить его наедине с гостем. Он предложил французам сигарету и тоже присел.

— Вы сказали, что к вам присоединятся жена и дочь?

¹ Зарф — кубок в форме подставки, часто из серебра, куда ставится кофейная чашка.

— Как только устроюсь. Жена не привыкла к такому, — растерянно признался Луи.

— Не сомневаюсь, что жены офицеров союзников составят ей компанию. Общество Пера также очень гостеприимное.

— Конечно! Но дом, который нам выделили, находится здесь, в Стамбуле. Боюсь, она будет чувствовать себя в изоляции. И я не смогу быть каждый день рядом, чтобы помочь.

Селим задержал в легких дым.

— Мы — не монстры, — прошептал он.

— Я никогда не позволил бы себе сказать подобное! — резко возразил Луи.

— Дом должен ее устроить, вы так не думаете? — продолжил Селим спокойно. — Наш конак — один из самых приятных домов в городе. Я оставлю вам Али, а также нескольких служанок. Они не говорят по-французски, но это простодушные и преданные люди. Вашей жене, несомненно, понравится сад, — добавил он, бросая взгляд в окно. — Моя супруга сама заботится о цветах и фруктовых деревьях. Кстати, сейчас как раз поспели гранаты. Вы можете этим воспользоваться.

Луи ошеломленно смотрел на хозяина. Тот курил с невозмутимым видом. На губах турка играла легкая улыбка.

— Простите?

— Капитан, мой дом переходит к вам. Нам дали двадцать четыре часа, чтобы покинуть его. Вы застали нас врасплох, и вы видите, что я огорчен. Нас довольно много, сами понимаете. Моя мать, дядя, старые кузины, укрывающиеся у нас...

Луи почувствовал, что у него горят щеки. Это был абсурд. Он думал, что найдет пустой дом, владельцев которого он и знать не будет. Это позволит совершить безличную и временную реквизицию, пока командование не подпишет мирный договор и войска союзников не вернутся домой.

Как можно выставить за дверь этого человека и всю его семью?

— Я не могу допустить подобного, — заявил Луи. — Я попрошу заменить место жительства.

Селим не мог упустить такого случая. Он догадывался, что этот француз — как раз один из тех, с кем можно договориться. Божественная рука, хвала Его имени, в который раз все устроила.

— Понимаете, дом большой. Здесь хватит места для всех. Почему бы вам не занять селямлик с этой гостиной и комнатами с красивым видом из окон? А я с семьей смогу жить в другом крыле. Ваша жена не будет в одиночестве во время вашего отсутствия, но никто не нарушит ее личное пространство. Уверен, что Лейла найдет с ней общий язык. Моя супруга в совершенстве владеет вашим языком.

Луи колебался. Предложение было заманчивым. Ему сразу понравилась атмосфера этого дома. И вид был потрясающий. Розе не в чем будет его упрекнуть. Она никогда не жила в такой роскоши. Единственное, что казалось маловероятным, — то, что его жена сойдется с молодой турчанкой.

— Вы уже знакомы с Ахметом, конечно, — добавил Селим спокойно и твердо. — Моя малышка Перихан будет рада иметь старшую сестру, с которой сможет играть...

Хозяин смотрел на Луи пристально и серьезно, гость был смущен. Этот уроженец Востока, который был так на него не похож, вдруг показался близким, будто все понимал без слов. И тогда Луи показалось, что решение принято давно, возможно очень давно, что его жизнь — лишь длинный пробег, усеянный более или менее болезненными препятствиями, предназначенный привести его сюда, в этот дом с зелеными ставнями, выходящими на Босфор, и что его будущее ему больше не принадлежит.

— Мама, я прошу тебя, признай, по крайней мере, что мне удалось отменить переезд.

— Ну, это не такой уж подвиг!

Селим-бей глубоко вздохнул. Его мать была порой непреклонна. Она жила под защитой этих стен, на которых не замечала ни трещин, ни выцветшей краски, ни налета, который не столько был следствием времени, сколько демонстрировал общую ветхость и упадок проигравшей страны. Под охраной Али Ага, который проявлял иногда нечеловеческую виртуозность, исполняя малейшие ее желания, она жила словно в другом мире, отвергая все, что могло нарушить гармонию существования представительницы того столетия, когда в гаремликах царила полная безмятежность.

— Ты не представляешь, какой беспорядок это за собой влечет, — раздраженно чеканила Гюльбахар-ханым, перебирая жемчужины ожерелья. — Несчастный Али Ага буквально за голову хватается. Ему пришлось реорганизовать весь домашний устрой. А дядюшка Мехмет жалуется, что в нашем крыле ему плохо спится. Бедняжка, в его-то возрасте... Он уже задумывается, не вернуться ли в Анатолию.

— Ну, и дай ему Бог! — проворчал Селим.

— Мысль о том, что этот гяур¹ находится здесь, в моем доме...

Гюльбахар задрожала, смерив сына недоверчивым взглядом из-под полузакрытых век, предполагая, что он приготовил ей более горькую пилюлю. Неверные под ее крышей. Днем и ночью. Устроятся, как у себя дома, и будут отдавать приказы ее рабам.

— Он заказал сюда кровати, — прошептала она на тот случай, если французский офицер мог ее слышать. — Он хочет переделать комнаты в спальни и требует поставить замки на двери. Но самое худшее — то, что его жене нужна ванна... Эти люди гниют в своей грязной воде, утверждая, что моются. Это отвратительно! Предупреждаю тебя, она принесет в наш дом болезни.

Селим улыбнулся. Временами мать была похожа на ребенка. Проявления ее злости и восторга друг от друга не отличались. Она невзлюбила бедного Луи Гарделя, и чему тут удивляться? Он сбил машиной ее внука и угрожал выселить. Он никогда не обретет ее прощения. Даже его букет цветов отнесли в комнату, которой обычно редко пользовались, поскольку зимой там было слишком влажно.

— Мне сказали, что ты выходил с ним ужинать, — заявила она. — Ты считаешь нормальным связываться с этими жалкими типами? Иногда я тебя не понимаю, сын мой.

— Он бродил как неприкаянный, — защищался он. — Мне захотелось его развеселить.

Селим обладал широтой души, свойственной многим его соплеменникам. Секретарь не признался, что его тронул взгляд серых глаз француза, такой же блеклый и спокойный, как зимнее озеро. Не рассказал Селим и то, что был удивлен великодушием гостя, которое проявилось в день

¹ Гяур — испорченное арабское *kiafir* — отрицающий Бога.

знакомства. Тем более хозяин дома не признался матери, что стал ценить компанию Луи Гарделя.

— Война окончена, — продолжил он. — Мы вынуждены найти общий язык. Впрочем, падишах выступает за взаимопонимание с союзниками.

— И все же это весьма досадно! Я не уверена, что в последнее время Его Величество получал добрые советы от своего окружения.

Личность монарха не внушала доверия Гюльбахар-ханым. Боязнь заговоров, недоверие к членам собственной семьи, способным отдать приказ о свержении, заточении или убийстве, породили более или менее заметные психологические проблемы у представителей правящего дома. Казалось, что паранойя стала наследственной чертой характера. Абдул-Хамид II сверг своего брата, Мурада V, под предлогом, что тот сумасшедший, но и сам был низложен. А Мехмет V, как его называли после возведения на трон, принимал гостей с револьвером в кармане. Эпоха требовала от мужчин уверенности, а не трусости. А единственным критерием уверенности падишаха было удержание трона любой ценой. «Нужно уметь выбирать опору во время бури», — подумала женщина. Селим верил, что уловил характер своего господина, но мать оказалась прозорливей.

В девятилетнем возрасте она вошла в гарем дворца Долмабахче, куда ее, растрепанную, с выпученными от страха и возбуждения глазами, доставил работороговец. Калфа¹, в обязанности которой входило образование новеньких, взяла на себя заботу научить маленькую горную дикарку то-

¹ Калфа — старая рабыня, в обязанность которой входило управление хозяйством или обучение рабынь, прибывших в императорский сераль или конак.

му, как идеальная женственность отражается в благородстве тела и души. Ей дали имя Гюльбахар, она была прилежной ученицей, покоряясь строгой дисциплине и иерархии. Она стала одной из самых совершенных женщин гарема, выгодно вышла замуж, поскольку султан не выбрал ее в качестве внебрачной сожительницы. С тех далеких времен у Гюльбахар-ханым было острое понимание политики. Но об этом своем таланте она не позволила узнать никому.

Черкешенка подошла к серебряной жаровне погреть руки. В полумраке переливался золотом ее парчовый жилет с меховой оторочкой. Ливень барабанил по решетчатым окнам. Хмурый день клонился к закату. Она сделала глоток чая и откусила кусочек медово-миндального десерта — кухарке удалось раздобыть у бакалейщика немного сахара.

Молодая служанка проскользнула в гостиную и принялась зажигать свечи, позвякивая серебряными браслетами на запястьях. В слабом свете на лице Гюльбахар-ханым проявилась перламутровая бледность, а вокруг рта проступили морщинки, которые обычно были следствием утомления. От этого черкешенка казалась беззащитной. Селим любил мать и тревожился за нее. Он очень рано понял, что должен служить защитой этому удивительному существу, экспансивному и несерьезному, совершенно не похожему на мать семейства. Но женщины сераля именно таковы — воспитанны, умны и властны, но при этом ранимы и инфантильны.

— Надеюсь, ты пришел не для того, чтобы просить меня принять этого француза, мальчик мой, — вдруг заявила она заискивающим тоном. — Я терплю то, что он занимает моих людей абсурдной работой, и если я должна оказать ему больше внимания...

— Я никогда не посмел бы требовать такой благосклонности по отношению к иноверцу, — запротестовал Селим

с легкой улыбкой, — хотя некоторые дамы, такие же мудрые, как и ты, демонстрируют самоотверженность.

— Кузина Бехис-ханым убила того, кто пришел реквизи-
зировать ее дом, а потом сбежала в Анатолию, — заметила она. — Видишь, я благоразумна.

— В таком случае ты наверняка примешь его жену, когда она приедет сюда со своей дочерью.

Гюльбахар промолчала. Как по мановению волшебной палочки, появился ее белый кот с разноцветными глазами и бесшумно прыгнул на колени хозяйки. Женщина рассеянно погладила его. У Гюльбахар возникло предчувствие надвигающейся на нее и ее близких зловещей тучи, полной не дождя, а слез и стонов. Она использовала все чары от дурного глаза, но с недавнего времени силы Зла казались могущественнее, чем ее жалкие амулеты. Гюльбахар не была ни наивной, ни слепой. Многие десятилетия Империи разрывали в клочья, европейцы надели на нее намордник, погрузили в долги по самую шею: западный мир неумолимо подбирался, пожирая разлагающийся османский уклад. Сын считал ее отрешенной от реальности. Невестка тоже. Они не понимали, что лучше исчезнуть в блеске славы, не поступаясь ничем.

Ее немногочисленные иностранные подруги, дочь американского дипломата и две сестры-гречанки из Фанара хохотали, когда она высмеивала их так называемую жажду свободы. «Громкое слово для недалеких людей», — замечала Гюльбахар. Они не понимали, что препятствия существуют от природы, что они скорее моральные, чем физические, и что независимая жизнь, прославляемая современными женщинами, обладает столькими же ограничениями.

По выражению ее лица Селим догадался, что мать ждет, когда он станет умолять, но сегодня у него не было жела-

ния угождать ей. На службе дали понять, что его, вероятно, отправят в Париж с официальным поручением касательно переговоров о мире. Это была великая честь, неожиданное продвижение по дипломатической лестнице. Возможность, наконец, быть полезным своей страждущей родине. Но он боялся оставить дом, не убедившись, что мать не совершит никакой оплошности в столь деликатной ситуации.

— Я заблаговременно отправлю ей приглашение, — небрежно бросила Гюльбахар.

Это была неожиданная капитуляция. Селим поднял на мать взгляд:

— Ты согласишься принять мадам Гардель? Правда?

— Пусть я рискую провести время крайне неприятно, но все же покажу этой иностранке, что мы, женщины Босфора, умеем быть великодушными и вести себя достойно и в тяжелом положении. И потом, я прекрасно понимаю, как тебя это волнует, ангел мой, — нежно добавила она, проведя рукой по щеке сына, — а я не вынесу, если замечу хоть тень печали в твоих глазах.

Прилетевший из степей холодный ветер продувал холмы. Среди пожарища уцелевшие жители наспех соорудили укрытия из досок и залатанных военных палаток. Клубы дыма вырывались из самых неожиданных мест, указывая на человеческое присутствие. Дождь утих. Несмотря на теплое пальто, Луи Гардель дрожал. Он представлял себе Константинополь как солнечный и светлый город, но видел темную, почти враждебную картину и чувствовал, что продрог до мозга костей.

Ему захотелось пройтись, освежить свои мысли. Гардель пересек Галатский мост и начал долгий подъем к конаку. Усталость замедляла его шаг и затуманивала мысли. Ситуация становилась все более непонятной. День за днем османский Восток раскрывался перед ним во всей своей сложности. Многие турецкие офицеры не подчинялись приказу о демобилизации. Анатолийские гарнизоны отказывались сдавать оружие, создавая, таким образом, повод к конфликту. Командующий шестой армией в Ираке и командующий второй армией в Киликии по-прежнему не признавали поражение. И они были не одиноки. Вокруг священных городов, Мекки и Медины, несмотря на перемирие, продолжались бои. Что касается столицы, шпио-

ны всех национальностей бойко шныряли по лабиринтам безымянных улочек, чьи тайны оставались неизвестными даже самим жителям Стамбула. В одном облезлом здании Пера соседствовали комитет освобождения какого-то кавказского народа, группа мятежных турецких офицеров, бордель, который никогда не пустовал, русские беженцы, враждующие с большевиками, и один торговец, который с гордостью вывесил на своей лавке портрет первого министра Греции, Венизелоса... «От вас просто голова кругом», — подумал Луи, наконец добравшись до ворот.

Конак действовал на него как бальзам. Под навесом встречала надпись из Корана, выведенная красивой золотой вязью. Он решил, что спросит у Селима ее значение. Ему предстояло узнать об этом загадочном народе еще столько вещей... Француз устало провел рукой по затылку. Вселиться ему разрешили, и предстояло прийти в себя перед встречей с Розой и Марией через несколько недель.

Из дверей вынырнул маленький Ахмет, украдкой огляделся и, не заметив Луи, поспешил вглубь сада. Заинтригованный француз последовал за ним. С того злополучного дня мужчина видел ребенка лишь издалека, когда тот отправлялся в школу. Луи хотелось бы с ним поговорить, но, казалось, мать возвела непреодолимый барьер между своей семьей и иностранцем, которого считала, кстати совершенно справедливо, оккупантом. Селим утверждал, что его супруга чересчур взволнована и что с Розой она будет намного приветливее. Но Луи в этом сомневался. Он запомнил тот пылающий гневом взгляд, кротостью турчанка очевидно не отличалась.

Часть сада, куда отправился малыш, казалась дикой. Здесь в основном росли деревья, дарующие столь ценное турками уединение, а летом, когда не было дождей, — благодатную тень. Беспорядочно высаженные магнолии,

жимолость, акации, оливковые деревья, олеандры и потрясающие восточные платаны с раскидистыми кронами... Здесь также были грядки с тыквами и капустой. Луи осторожно продвигался, спрашивая себя, куда же подевался мальчик. Он услышал глухой повторяющийся стук и двинулся направо.

Ахмет выложил перед собой ряд камней и попытался из рогатки сбить картонную цель, подвешенную на фиговом дереве. Луи разглядел неумелый набросок военного корабля. Ребенок был не слишком ловким. Цель оставалась нетронутой, было видно, что мальчик злится. Когда под подошвой Луи хрустнула ветка, Ахмет обернулся. Щеки мальчика пылали.

— Ты неправильно держишь рогатку, — сказал Луи. — Дай-ка, я покажу, как прицеливаться.

Сбитый с толку Ахмет протянул рогатку и камень. Луи примерился, вспоминая знакомые с детства движения. Только когда он в ключья искромсал цель, с улыбкой вернул рогатку владельцу и дал несколько советов. Затем вынул пачку сигарет, похлопал по карманам в поисках огня и, не найдя, так и остался с незажженной сигаретой во рту.

— Вы на меня не сердитесь? — удивился Ахмет.

— Из-за чего?

— Из-за этого, — сказал мальчик, указывая на обрывки картона на земле.

— Нет. Я сделал бы то же, будь мне столько лет, сколько тебе. Но не советую бросать камни по настоящим кораблям. Не хотел бы, чтобы у тебя были неприятности.

— А что со мной может случиться? — спросил Ахмет, широко раскрыв глаза.

— Тебя арестуют и бросят в тюрьму, — напряженно ответил Луи.

— Тогда я стану героем!

Луи вздохнул. И стар и млад, все мужчины одержимы одним и тем же. Стать героем. В глазах кого? Матери, любимой женщины, благодарной родины? Он горько усмехнулся, ибо в это больше не верил. Он не верил во многие вещи, даже в Бога. «Я становлюсь старым и желчным», — подумал он, и от этой мысли стало совсем грустно.

Внимание француза привлекла деревянная балюстрада, скрытая среди деревьев.

— Что это?

— Любимое место мамы и бабушки в хорошую погоду. Пойдемте, я вам все покажу!

Ахмет взял его за руку и потянул за собой по тропинке, укрытой в зарослях ежевики. Они вышли на склон, на котором возвышалась очаровательная небольшая терраса с панелями, украшенными голубым и зеленым фаянсом. Скамьи так и приглашали присесть. В хорошую погоду сюда приносили подушки и ковры. Шаги Ахмета звучали на деревянном полу, кое-где подгнившем от сырости. В почти братском молчании мальчик и мужчина созерцали удивительную картину, и Луи никак не мог насытиться зрелищем. На горизонте виднелись холмы азиатского берега, море в белых гребнях, деревянные домишки между куполами массивных мечетей, минаретов и кипарисов, темно-синяя фасадная византийская мозаика, а также фиолетовая, коралловая, ярко-красная или зеленая. Восхитительные и волнующие нагромождения Константинополя, где разбегаются глаза и что-то неведомое и нескончаемое берет вас за горло — ностальгия, страх, жестокая и одновременно мимолетная радость...

Ахмет вынул из кармана кусок промасленной бумаги, осторожно его развернул, показывая четыре спички. Он предложил их Луи, чем весьма тронул француза, и тот пообещал при первой же возможности пополнить его сокровищницу.

— Если мне удастся снова тебя увидеть, — смеясь, добавил он. — С тобой очень трудно встретиться.

— Это из-за мамы.

— Я догадался. Вероятно, она сердится на меня за то, что я напугал тебя своей машиной.

Мальчик присел на перила балюстрады и принялся болтать ногами.

— Обычно она не такая, но из-за всех этих изменений у нее появилось много проблем. Бабушка недовольна и усложняет ей жизнь, мама вынуждена ее слушать. Все очень сложно, понимаете? Холодно, нельзя найти подходящие продукты... Теперь нужно долго кипятить молоко, перед тем как его выпить, а значит, оно не такое вкусное, — огорченно уточнил он. — В школе не хватает преподавателей. Многие не вернулись с войны. Мама волнуется, это естественно, — объявил он, пожимая плечами.

Луи задержал в легких дым, и у него закружилась голова. Он ничего не ел с раннего завтрака.

— Скажи маме, что не стоит бояться. С вами ничего не случится. Я сделаю все возможное, чтобы помочь вам.

— В любом случае, отец никому не позволит причинить нам вред, — дерзко вскинул Ахмет.

— Конечно... Твой отец — хороший человек. Умный и, безусловно, симпатичный. Тебе повезло.

— А ваш отец, какой он?

— Мой отец?

Мужчина попытался вспомнить черты отца, но они были размыты. Четким было лишь воспоминание о непрекращаемом авторитете полковника пехоты. У Гарделей было семеро детей, Луи был затерян среди братьев, забытый отпрыск, почти нежеланный сын. В детстве его совсем не замечали, и Луи хотел, чтобы отец им гордился. Желая его удивить, по окончании политехнической школы он решил

пойти во флот и поступил на старший курс военно-морского училища. Отец лишь нахмурился. «Ты не учился в высшем военно-морском училище и никогда не станешь одним из них», — заявил он. И впоследствии Луи неоднократно в этом убеждался. Иногда в кают-компаниях офицеров он чувствовал какую-то тяжкую неловкость, которая была невыносима, поскольку оставалась невысказанной. Порой достаточно всего лишь одного взгляда, чтобы почувствовать себя изгоем. В последнее время Луи казалось, что им пользуются из-за его дипломатического таланта. Он даже начал задаваться вопросом, не ошибся ли с карьерой.

Мужчина заметил, что Ахмет с любопытством за ним наблюдает.

— Мой отец был военным.

— Паша! Как мой дедушка!

По-видимому, мальчугану понравился этот факт биографии Гарделя. Османы любили армию, на штыках и саблях которой на протяжении веков держалась Высокая Порта. «В глубине души они так и не оправились от вырождения и упразднения янычар¹», — подумал Луи.

— Да, Ахмет, но наверняка не так велик, как твой дедушка. Но он был хорошим солдатом. Его уже давно нет в живых.

— Вы его любили?

Задавал ли Луи себе когда-нибудь этот вопрос? В его семье не говорили о любви. Воспитание и его собственная сдержанность запрещали это делать.

Вдруг тишину нарушил женский голос. Звали Ахмета, тон был строгий и укоризненный.

¹ Янычары — солдаты регулярной пехоты, существовавшей в 1365—1826 гг. в султанской Турции и комплектовавшейся из мальчиков-христиан. С конца XVI — начала XVII вв. начался процесс разложения корпуса янычар, а в 1826 г. он был упразднен указом Махмуда II.

— Эх, пора делать уроки, — сказал мальчик.

Когда она появилась на тропинке, у Луи возникло абсурдное желание потушить сигарету. Он инстинктивно расправил плечи и отметил, что его пульс участился. Супруга Селима с ног до головы была закутана в длинный кусок ткани бирюзового цвета, а белое прозрачное облако какой-то прозрачной материи скрывало ее лицо. Яркое пятно ее одеяний выделялось на фоне мрачного сада. Совсем недавно османские женщины носили одежду всех оттенков синего, бронзового, изумрудно-зеленого и гранатового, но сейчас предпочитали однообразную сдержанность черных вуалей. Селим объяснил, что в его семье женщины не ограничивали себя. Глядя на сияющую хозяйку дома, Луи мысленно выражал им крайнюю признательность.

Обнаружив рядом с Ахметом капитана Гарделя, Лейла остановилась. Зная, что постоянно где-то поблизости находится этот мужчина, она не чувствовала себя как дома. Раздраженная свекровь жаловалась на то, что ее с прислугой заперли в нескольких комнатах гаремлика, а другие отдали Селиму и дядюшке Мехмету, а также временно живущим у них гостям. Пришлось пересмотреть всю организацию дома, так как французский офицер собирался жить и принимать гостей по западным правилам. Непривычная сервировка расстраивала кухарку. Лейла вынуждена была обучить молодых служанок накрывать на стол по-европейски, с персональными приборами, а также выставлять стулья с солдатской строгостью. Ей также пришлось помогать им застилать постель. Лейла считала это унижительным, но юные турчанки отказывались слушать французского слугу и вообще появляться перед мужчиной, который не являлся родственником их хозяйки. Однако все потихоньку налаживалось.

— Когда приезжает ваша жена? — спросила она по-французски почти без акцента.

— В феврале, надеюсь, — отвел Луи, довольный, что она к нему обращается. — Мадам, мне очень жаль, я понимаю, что мое присутствие доставляет много хлопот. Я должен поблагодарить вас за гостеприимство.

Он говорил быстро, запинаясь, опасаясь, что она убежит. Он был пригвожден взглядом черных глаз Лейлы-ханым. Турчанка качнула головой, словно принимала его извинения. Это был неожиданный шанс беседовать с ней с глаз на глаз. Луи, снедаемый любопытством, поддался желанию пообщаться с ней. Но что сказать? Селим говорил, что супруга владеет несколькими языками, в том числе арабским для чтения Корана, а также персидским, языком поэтов. Она была знакома с западным миром благодаря своим просвещенным родителям, но оставалась набожной и верной традициям.

— Вы привыкли к нашему городу? — спросила она.

— Ваш муж был столь любезен, что показал мне его. Я сожалею лишь о том, что оказался здесь в качестве солдата. Иногда я чувствую, что меня ненавидят.

— Правда? — удивилась она. — Однако говорят, что французов принимают неплохо. Впрочем, как и итальянцев. Они ведут себя благородно.

— Все же здесь лучше быть британцем, — улыбаясь, ответил он.

— Эти люди ничего не поняли о нашем менталитете. Они считают нас отсталыми варварами. Впрочем, они построили свою империю, пренебрегая чаяниями коренного населения, чего нельзя сказать о наших султанах.

Хрупкая Лейла с мелодичным голосом и чувственным обжигающим взглядом темных глаз сразила бы любого мужчину. А тайна, окутывающая турчанок, делала эту дочь

Востока неотразимой. Перед мысленным взором Луи промелькнул образ Розы. Острый нос, тонкие губы, выующиеся темно-русые волосы... Они «съедят» ее в два счета, заволновался он и подумал, не лучше ли написать жене, чтобы она с дочерью осталась во Франции, подальше от известных и скрытых ловушек константинопольского общества.

— Вы, должно быть, рады, что супруга к вам присоединится.

— Признаюсь, мадам, меня это беспокоит. Роза достаточно... Как бы это сказать?

Он замешкался. Ему не хватало слов.

— Картезианская?¹ — предположила Лейла с почти веселой интонацией.

— В некоторой степени, — оживился Луи. — Она не любит изменений, ничего непредсказуемого.

— В этом она похожа на моего супруга.

— Увы, она не такого веселого нрава. Часто Роза кажется мне меланхоличной. Иногда я спрашиваю себя, не моя ли в том вина.

Он немного смутился от того, что раскрылся перед ней, но усталость заглушила стыдливость, а нечеткий силуэт, закутанный в шелк, приглашал к откровению.

— Я не виделся с ней два года, и мне не терпится с ней встретиться, — заверил он, словно пытаясь убедить самого себя. — Место жены рядом с мужем, пусть даже он морской офицер, вы так не считаете? Но что бы с нами стало без вас и вашего гостеприимства?

Его серый взгляд стал настойчивей. Лейла была озадачена. Неужели под комплиментом было скрыто соблазне-

¹ Картезианство (от *Cartesius* — латинизированное имя Декарта) — направление философии, для которого характерны скептицизм и рационализм.

ние? Она подумала, что эта беседа между мусульманкой и неверным противоречит всем правилам и нормам. О мужчинах она знала лишь то небольшое, что почерпнула из чтения, разговоров с гувернантками и друзьями отца, которых встречала еще в детстве. Ей захотелось ответить гостю изящной остротой, чтобы доказать, что она так же остроумна, как француженки. Но что она знала о той роли, которую должны исполнять перед мужьями европейки? Что она могла понять об их браке? Она могла полагаться лишь на собственный опыт, банальную жизнь при муже, которая была похожа на жизнь ее матери, кузины и других османских женщин, которые всегда рядом с мужчиной, которого для них выбрали и с которым чаще всего их связывала некая форма сердечного согласия, но супруги никогда настоящему не были близки духовно.

Вдалеке на одном из военных кораблей, маневрирующих в Босфоре, завывала сирена. Черты лица Лейлы стали жестче. Как можно говорить о деликатных эмоциях, когда перед глазами это ужасное зрелище?

— Известно ли вам, чем заняты женщины в домах там, внизу? — спросила она, указывая рукой.

Луи отрицательно качнул головой.

— Они вышивают на канве новый девиз Стамбула — «Это тоже пройдет». Союзники стремятся навязать нам чрезвычайно жесткие условия. Вы же понимаете, что мы никогда им не подчинимся. Мы терпеливы и отважны, как и наши мужчины.

Он слушал Лейлу, и на него вдруг нахлынула абсолютная, неподъемная усталость. Луи прислонился к колонне. Ему хотелось забыть о войне, оккупации, трагических событиях... Ему хотелось забыть обо всем.

Лейла недоверчиво смотрела на гостя. Мужчина побледнел, но смятение француза не было вызвано ее замечанием.

Месье Гардель, бесспорно, обладал прекрасными сердечными качествами. Он удивительно тонко все чувствовал. Она вдруг поняла, что немного симпатизирует ему, и испугалась. Свекровь была права. Век расшатался... Барьеры рушились, норовя погрести под собой несчастных. Отныне турецкие женщины, которые веками занимались только семьей, просыпались рано утром и, укутавшись в платок, оставляя лицо открытым, отправлялись на работу. Война сделала так, что им пришлось стать медсестрами, учителями, прядильщицами и ткачихами. Их численность возросла в переполненных административных бюро Империи. А теперь перед Лейлой, в ее саду, под крышей павильона, где всегда звучал лишь женский смех, стоял иностранец и задавал ей трудные волнующие вопросы. Лейла поднесла руку к виску — разболелась голова. «Нужно всему учиться заново, — сказала она себе. — Соблюдению правил поведения, контролю над эмоциями. Нужно схватить в кулак этот новый мир, хотя мы даже не понимаем, что же это за мир». Задача казалась ей огромной, просто колоссальной.

Раздался грустный, но властный призыв к молитве, спугнул стаю голубей, и те закружились в сером небе. Лейла вздрогнула, вспомнив об обязанностях. Она опустила взгляд на Ахмета, который подошел к ней, словно догадался о неловкости матери. Она обняла его за плечи. В этот момент в присутствии французского офицера, такого же растерянного, как и она, но по совершенно другим причинам, Лейла поняла, что их жизни никогда не будут прежними.

Поздно ночью Фериде разбудила Лейлу. Селим-бей только что вернулся из дворца Йылдыз и просил жену к себе. Служанка расплела ей волосы, натерла ароматным маслом грудь, живот и бедра. И Лейла направилась к мужу в комнату, где он ждал ее в красном бархатном кафтане.

Селим медленно ее раздел, не проронил ни слова, пока она не предстала перед ним полностью обнаженной. Лейла знала, что ему нравится рассматривать ее. Она не имела права шевелиться, пока его пальцы скользили по волосам, слегка коснулись груди, гладкой кожи живота, пробуждая каждый сантиметр ее тела. Хотя ей тоже хотелось ласкать его, она должна была ждать. Кровь стучала у нее в висках. Мангал не мог прогреть комнату, и молодая женщина вздрогнула. Покоряясь его настойчивому взгляду, она почувствовала себя слабой, уязвимой, как в первый раз, когда занималась с ним любовью, гордясь тем, что он так страстно ее желал. Она полностью ему отдалась, потому что Селим был щедрым любовником.

Однако в эту ночь он был отстраненным. В поисках эгоистического наслаждения его ласки были рассеянными, губы холодными. Даже запах его тела показался чужим. Когда она попыталась напомнить о себе нежными

движениями, он нетерпеливо остановил ее. Схватил за запястья и сжал над ее головой, думая лишь о том, чтобы получить, ничего не давая взамен. Оскорбленная, она замкнулась, уносясь мыслями прочь, даря ему податливое, но инертное тело. Казалось, он ничего не заметил, и она обиделась на него. И чему она удивлялась? Ведь именно Селим всегда выбирал время их встреч. Их личная жизнь зависела только от его желания. Тем не менее она никогда ему не отказывала, повинаясь долгу.

Когда свечи рисовали на шелке фонаря мимолетные тени, черты лица мужа заострились от наслаждения. Лейла ощутила невероятное одиночество. Она так и не поняла, что произошло: либо Селим не захотел доставить ей удовольствие, либо оно от нее ускользнуло. И вдруг на мгновение у нее в голове промелькнул образ француза с потухшим взглядом.

В первые годы замужества она была любопытной, полной решимости не позволить этой части жизни, от которой никуда не денешься, превратиться в испытание. Воспитанные без притворной стыдливости османские женщины не были наивными. Сексуальность не была для них запретной темой. Лейле повезло стать супругой мужчины, который ей нравился, и ее чувственность полностью расцвела. Ее любимая кузина Зейнеп не могла похвастаться тем же, но она не призналась Лейле в своем отвращении, когда та вышла замуж.

Не в силах уснуть, Лейла слушала, как по мостовой стучит железная палка бекташи¹. Обычно после того, как он проходил, умиротворенные и крепко спящие дети поворачивались на бочок на своих матрасах, а взрослые погружа-

¹ Бекташи — ночной сторож, ответственный за один из городских кварталов, также дервишский орден в султанской Турции.

лись в глубокий сон, успокоенные древним хранителем, обходившим квартал. Мерное постукивание палкой говорило о том, что никакой пожар или другое стихийное бедствие не потревожит их сон, но на этот раз Лейла не чувствовала утешения. Рука Селима лежала тяжелым грузом на ее талии. Неожиданно на нее с силой нахлынула волна тоски, к глазам подступили слезы. Тяжелое соленое огорчение, которого она раньше не испытывала, возникло из-за чувства незавершенности, но касалось не только мимолетного телесного разочарования, но и всего ее существования.

Селим проснулся рано, потревоженный плескающимися домочадцами. В гаремликах Стамбула никогда не спали до поздна, и с тех пор, как он поселился в женской части дома, ему приходилось терпеть невыносимый шум. Лейла исчезла, и ему это не понравилось. Нужно было сообщить ей важную новость, а она была намного более расположенной к нему по утрам. Настроение было скверное.

Служанка принесла завтрак: аккуратно выложенные на подносе хлеб, варенье, яйца в скорлупе и сладкий творог, рецепт которого его мать принесла из императорского сераля. Он заметил, что в нескольких шагах замер Али Ага. Само почтение, руки за спиной.

— Что случилось? — удивленно спросил Селим.

— Бей Эфенди, сегодня приезжает Орхан.

Селим с досадой откинулся на подушки.

— А, понятно... В такой опасный момент — и все-таки приезжает.

Перед тем как шурин отправился учиться на факультет археологии в Берлин, между ними возникли разногласия из-за странных и навязчивых идей молодого человека.

Они никогда не понимали друг друга. Селим считал Орхана сорвиголовой, тогда как последний расценивал

супруга сестры как консерватора, заикленного на величии империи, аромат которой давно улетучился.

— Можно было бы меня предупредить!

— Лейла-ханым только что получила телеграмму.

Раздраженный, Селим взял сигарету. Евнух протянул огонь.

— Почему он возвращается?

— Этого я не знаю, Бей Эфенди.

— Однако Берлин должен был ему понравиться. Он, вероятно, доволен, что провозгласили республику. Этот па-рень всегда был в душе социал-демократом.

Али Ага промолчал. Ему не пристало комментировать слова хозяина, к тому же пребывающего в дурном расположении духа. Али никогда не признавался ему, что испытывает к Орхану дружескую симпатию. После внезапной утраты родителей мальчик нуждался в поддержке. Орхан обнаружил страсть Али к рыбалке, и ему пришлось в голову отправиться вместе с евнухом на ловлю. И они, закатив штаны до колен, бродили босиком по воде. Тогда между ними возникло взаимопонимание.

— Этот дом превращается в вольер, — прорычал Селим. — Не хватало здесь еще Орхана с друзьями, которые не заставят себя долго ждать и появятся, узнав о возвращении берлинского студента. Но он должен будет вести себя сдержанно, ты меня слышишь? Иначе отправится в йали.

— Об этом не может быть и речи, — заявила Лейла, входя в комнату. — Орхан имеет полное право находиться здесь, вместе с нами.

Селим раздраженно зыркнул на жену. Сегодня она была одета на западный манер — шелковая блуза, серая шерстяная юбка, скрывающая щиколотки. Усеянная жемчугом сетка удерживала волосы. Лейла собиралась на од-

но из собраний женской организации. Организация была благотворительная, но Селим знал — женщины обсуждали там все, что их волновало: эмансипацию, полигамию и браки по договоренности, развод, влияние Запада на мораль... Самые радикальные дамы заявляли о равенстве в образовании и доступе к профессиям, девизом таких было «Долой старые идеи!».

В прессе было полно обращений таких женщин. Халиде Эдип¹, лектор по литературе в университете, феминистка, чьи работы Лейла, увы, читала с живым интересом, даже организовывала дебаты в присутствии мужчин и женщин.

— Ты похожа на одну из этих омерзительных англичанок, которые требуют избирательного права, — бросил он, тщательно разглядывая ее с ног до головы.

— Женщины больше не могут оставаться взаперти у себя дома и дарить нежность и счастье, — насмешливо ответила она. — Успокойся, у меня нет ничего общего с суфразжистками. Единственное, что меня действительно волнует и чего я хочу, — быть рядом со своими детьми.

— И не с мужем?

— Если только он внимателен.

Она с вызовом посмотрела ему в глаза. Селим понял наемек. Он подумал, что его жена, когда осмеливалась высказывать свою точку зрения, была восхитительно вызывающей.

— Мне жаль, что тебя огорчает приезд моего брата, — продолжила она более спокойным тоном. — Орхан должен бы образумиться за время учебы в Берлине.

¹ Халиде Эдип Адывар — известный турецкий политический и общественный деятель, романистка и феминистка, в своих трудах критиковавшая низкий социальный статус турецких женщин.

— Очень в этом сомневаюсь, — пробурчал Селим, делая знак служанке принести кофе. — Этот парень непокорен от природы.

Лейла закатила глаза. Ее расстраивали натянутые отношения между мужем и братом. И они стали одной из причин, по которой юноша покинул город. Теперь же она надеялась, что мужчины начнут с чистого листа.

— В любом случае мы с Орханом не будем часто видеться.

— Как это? — удивилась она.

— Я еду в Париж. Меня пригласил один мой французский друг. Это прекрасная возможность. Я смогу держать руку на пульсе и войти в курс дел, касающихся конференции и переговоров по мирному соглашению, до того как приедет наша делегация.

Лейла изумленно смотрела на супруга.

— Как долго ты будешь отсутствовать?

— Пока не знаю, — ответил он, пожимая плечами. — Думаю, что это будет зависеть от продвижения переговоров.

У Лейлы появилось дурное предчувствие и по телу пробежала дрожь. Когда Селим уходил на фронт, она испытала такое же волнение. Домашняя жизнь женщин со своими правилами и обязанностями была лишь отблеском городского мира мужчин. Эти два мира были двумя сторонами зеркала. Тенью и светом, равновесие которых давало силу и гармонию османскому миру.

— Мы должны подготовиться к обрезанию Ахмета, — рассердилась она. — Как это может произойти без тебя? Это невозможно.

Ахмету понадобится поддержка Селима, чтобы пережить момент, одновременно радостный и пугающий. Церемония должна быть грандиозной. Лейла заказала белое постельное белье с голубой каймой, и Ахмет будет лежать,

как принц. Для украшения покрывала она сама смастерила из тканимышь и черепаху, символы ловкости и долголетия. В ожидании великого дня в сундуке хранилась его шелковая голубая туника с вышивкой, и подходящий к ней головной убор, и праздничная обувь... Этот знаменательный день разделят с ним пять мальчиков квартала. Она запланировала для детей спектакль, воздушные шары и сладости. Это важнейший этап для сына и честь для их семьи. И это невозможно устроить в отсутствие Селима. Гюльбахар-ханым никогда не простит такое дезертирство.

— Если нужно, мы приблизим дату, — заявил Селим, не представляя, какой дополнительный труд по организации этого события взваливает на жену.

Внезапно Лейла побледнела.

— Ты не можешь оставить меня одну с французами!

Он отвел взгляд.

— Это, конечно, не идеальная ситуация, но я не могу пропустить такую возможность. Падишах оказывает мне честь, отправляя во Францию. Ослушаться его — непростительное оскорбление.

— Селим, ты нас бросаешь! — продолжала она с отчаянно бьющимся сердцем, оскорбленная тем, что чувствует себя обделенной. — Как ты можешь оставить семью в такой момент, чтобы бежать за... я не знаю... какой погремущкой султана?

Она не понимала, откуда этот панический страх, но всегда доверяла интуиции, а отъезд Селима внушал недоброе предчувствие.

— Не будь глупой! — возразил он раздраженно. — Я сыграю важную роль! Ради будущего нашей страны. И я должен быть на высоте.

Он был горд собой. Он всегда страдал в тени своего великого отца, одного из самых уважаемых пашей Империи.

Ее супруг сомневался в себе, в своих способностях, и Лейле приходилось порой льстить его самолюбию. В Порте родство не предоставляло никаких привилегий. Наследственная аристократия существовала лишь на Западе, а султаны предпочитали не давать повода представителям могущественных семей. Здесь учитывались только заслуги. Даже раб мог претендовать на самый высокий пост в государстве, если покажет, на что способен. Селим не откажется от возможности блеснуть в глазах принца, пусть супруга даже будет умолять на коленях. «Впрочем, разве мужчины когда-нибудь отказывались от чего-либо ради женщин?» — взбешенная, твердила она про себя. Женщины не имели настоящей власти над мужчинами за исключением периода беременности, потому что Пророк, да покоится Его душа с миром, поставил материнство превыше всего.

Лейла обессиленно села на диван.

— Послушай, не волнуйся... Почему ты так реагируешь? Пока меня не будет, дядюшка Мехмет сыграет роль главы семьи, — подытожил Селим.

— Он только спит и ест, — пробормотала она.

— Полноте, вы с матерью вполне способны управлять этим маленьким мирком так, чтобы он работал как часы! Капитан Гардель — здравомыслящий человек, который при необходимости вам поможет. Слава Богу, что мы оказались с ним под одной крышей. И тебе нужно только найти общий язык с его женой, чтобы получить некоторые привилегии.

Справившись с неприятной задачей рассказать об отъезде в Париж, Селим теперь мог строить планы насчет Франции. В глубине души он радовался тому, что на некоторое время избавится от гнетущей атмосферы Стамбула и от придворных интриг. Непокорные военные провоци-

ровали волнения и сеяли беспокойство. Поговаривали, что со складов города исчезало оружие и боеприпасы. Месье Гардель даже признался, что в этом подозревали соучастников из самых высоких государственных инстанций. Определенно, командировка в Париж имела свои прелести.

Лейла слушала мужа лишь краем уха. Она сможет рассчитывать только на себя. Свекровь ничего не хотела знать о реальных событиях с тех пор, как в их доме появился неверный. Она упорно делала вид, будто ничего не происходит. Дядюшка Мехмет был скорее обузой, а Орхан, которого она очень любила, обычно доставлял только хлопоты.

— Итак, Али Ага, мы с тобой вдвоем поведем этом корабль, — прошептала она, обращаясь к евноху, когда Селим ушел одеваться в соседнюю комнату.

Старик улыбнулся. Он не всегда одобрял поведение молодой хозяйки, но все же не мог не оценить ее красоту, милосердие по отношению к бедным, скромность и самоотверженность.

— Все будет хорошо, иншаллах¹, — заверил он, успокаивая ее.

Лейле тоже хотелось бы быть в этом уверенной.

¹ Иншаллах — «если на то Божья воля».

Он пришел посмотреть на военный парад из любопытства. Ну и чтобы набраться боевого духа. Орхан, сын Рустем Бея, всегда был бескомпромиссным человеком, он никогда не шел на уступки. Он решил вернуться в родной город, потому что не мог выносить упреки в адрес своей страны. И он был не одинок. Многие турецкие студенты также захотели вернуться, поскольку чувствовали себя изгоями и поскольку британские политики держались чересчур высокомерно, почти оскорбительно.

В этот серый и влажный февральский день, чтобы затеряться в толпе, где было полно европейцев, Орхан оставил дома феску и натянул старую берлинскую шерстяную шапку и залатанное пальто. Через дыру в кармане за подкладку проскользнула зажигалка и мелочь, и пришлось исполнять смешные пляски, чтобы достать их. Он решил, что обязательно при первой же возможности покажет Фериде эту прореху.

Он попросил у стоящего рядом человека огоньку, тот попытался завязать беседу. Но Орхан был немногословен. Чем меньше болтаешь, тем лучше себя чувствуешь. Острая шпиономания, поддерживаемая султаном, научила остерегаться разговорчивых незнакомцев, дабы избежать не-

приветливых тюремных стен. Присутствие союзников и их осведомителей оживило былые рефлексy.

Он нашел укрытие перед кинотеатром, на котором развевался греческий сине-белый флаг. На всех фасадах были флаги. При виде горящего взгляда и впалых щек Орхана можно было подумать, что студент либо болен, либо придерживается диеты самых бедных жителей Стамбула. Этой суровой зимой горожане прямо посреди улицы падали в обморок от истощения, несчастной горсти чечевицы или нута было недостаточно, чтобы сварить нормальный суп. Однако глаза Орхана горели от злости, а не из-за горячки. Зрители толпились вдоль зданий, позади почетного караула из английских, французских и итальянских солдат, ожидающих парад французских войск Восточной Армии во главе с генералом Франше д'Эспере.

Радостная толпа, безразличная к холодному ветру, размахивала лавровыми ветками. Орхан краем уха слушал разговоры на греческом и итальянском. Эти языки постоянно звучали на улицах столицы. Он не мог лишь уловить ладино, этот старинный еврейско-испанский язык, на котором общались османские евреи, потомки выходцев из Испании и Португалии, переселившиеся в Порту в пятнадцатом веке. Европейский квартал с красивыми элегантными зданиями из тесаного камня с балюстрадами на итальянский манер чествовал освободителей. Греки были убеждены, что вскоре получают контроль над городом, а левантинцы, потомки европейских христианских семей, в большинстве своем процветающих и влиятельных, не видели в этом рисков для себя и для своего бизнеса. Все эти люди ждали последнего удара, который обязательно накроет империю после парижской сделки на мирной конференции. Казалось, что все беды и страдания нашли

реальное воплощение на этом оскорбительном для Орхана празднестве.

Под крики «ура» и аплодисменты продвигалось военное дефиле. Два французских солдата в серо-голубой униформе маршировали по обе стороны от первого офицера, сидящего верхом. За ним с позвякиванием стремян, эпалетов и галунов следовала кавалерия.

— Боже мой, Франше д'Эспере верхом на белом коне! — воскликнул кто-то из толпы.

— Одним словом, нас победили, как в 1453-м!¹ — не удержался от радостного восклицания его сосед.

Орхан сжал кулаки. Действительно, Мехмед Завоеватель въехал в город на белом коне. Взятие Константинополя было одним из величайших достижений османов. Теперь же им нанесли грубое оскорбление! По какому праву этот генерал насмехается над памятью его народа? Христиане не должны подражать событиям из прошлого своих побежденных врагов.

Униженный, он отвернулся и, расталкивая соседей, почти бегом покинул Гранд-Рю. На улочках, круто спускающихся к Босфору, нищие перегородили проход. Они образовали очередь перед ломбардом. Из дешевых харчевен исходил зловонный запах испорченного масла. Кабаре с яркими витринами всегда были полны народу. Внутри можно было разглядеть пьяных моряков, в основном британских, которые в алкогольном угаре развлекались с девочками. Все в традициях квартала Галата. В новинку было лишь присутствие русских, сбежавших от большевиков. Они приносили некий славянский колорит бесшабашно-

¹ Константинополь был захвачен турками-османами под предводительством Мехмеда II 29 мая 1453 г. Мехмед II, по преданию, вступил в город через три дня на белом коне.

го и безудержного веселья, скрывавшего их мышиную бедность.

«Не нужно бежать от революции, ее нужно делать!» — думал Орхан, презрительно глядя на этих людей. Студент пережил яростные дни ноябрьской революции¹ в Берлине, когда мятеж кильских матросов вывел на улицы сотни рабочих, размахивавших красными флагами. Юноша ночи напролет беседовал с товарищами о свободе, равенстве, свержении тирании... Он слышал, как под окнами рейхстага Шейдеман² заявил во всеуслышание: «Долой кайзера, долой войну! Да здравствует республика!» Орхан испытал огромное волнение, когда вокруг него бурлила радостная толпа.

Но для студента настоящими тиранами были западные политики, заседающие в Париже и расчерчивающие искусственные границы на планисфере, словно играя в какую-то настольную игру. Падишаху должно быть стыдно за то, что он связался с этими монстрами! И шурина Орхана тоже! Селим никогда ничего не понимал. Он чтил умирающую монархию. Турки слишком долго позволяли влиятельным меньшинствам управлять торговлей и финансами. Греки, армяне, евреи, не говоря уже об иностранцах, разбогатели на их поте, потому что воспитанный османец реализует себя только в армии, администрации или дипломатии, а в провинциях необразованные крестьяне вкалывают, как ломовые лошади. Необходимо смести

¹ Революция в ноябре 1918 г., которая началась восстанием матросов в Вильгельмсхафене и Киле и одной из причин которой стало надвигающееся поражение Германии в Первой мировой войне. 9 ноября 1918 г. кайзер Вильгельм II бежал и 28 ноября отрекся от престола, в результате чего в Германии установилась парламентская демократия (Веймарская республика).

² Филипп Шейдеман — немецкий политик, социал-демократ, 9 ноября 1918 года провозгласивший Германию республикой.

старые обычаи и решительно адаптироваться к современному миру, иначе страна будет обречена на полное вымирание.

В надежде успеть на пароход, который ходил вверх по Золотому Рогу, юноша спустился на пристань. Из-за перебоев с углем расписание как таковое перестало существовать и не было известно, когда судно отчалит. К счастью, Орхан прибежал как раз к отплытию.

Юноша занял место на палубе и, облокотившись о перила, смотрел на воду, как вдруг услышал крики и шум женских голосов. Орхан не мог видеть, в чем там дело, так как для женщин была отведена особая часть на судне. Однако какой-то служащий, совершенно взбешенный, объяснил, что христианки с билетами второго класса отказывались оставаться на палубе и силой пытались проникнуть в каюту первого класса и выгнать оттуда турчанок, заявляя, что находятся под защитой полиции союзников. «Они готовы были перейти в рукопашную, можете себе представить?» — сокрушался матрос.

После подписания перемирия в обществе Стамбула росло социальное напряжение. Поговаривали, будто неверные срывают на улице фески с мужчин и вуали с женщин. Очевидно, жители Пера ликовали. Репутация оккупантов тоже была здорово подмочена. Французско-сенегальские войска вели себя оскорбительно по отношению к туркам. Некоторые женщины-мусульманки теперь отказывались выходить из дому.

Пароход лег на курс, хрупкое суденышко пыталось лавировать меж стальных военных монстров, стоящих на рейде и пестрящих флагами в честь французского генерала. Палуба парохода порой оказывалась в десятке метров от пушек военных кораблей. Наконец пароход вырвался

из лабиринта военных кораблей и Орхан полной грудью вдохнул влажный и тяжелый соленый воздух. Юноша запахнул полы пальто. Не хватало еще простыть.

Примерно через час Орхан добрался до Эюпа, бывшей деревни, а теперь района Стамбула. Начался снегопад. Рыбачьи суда, каики, свернутые канаты на пристани припорошило белым. Эюп был мусульманским кварталом, приткнувшимся в верхней части Золотого Рога. Здесь была могила и место поклонения Абу Аюба аль-Ансари, сподвижника Пророка. Атмосфера этого священного места оставалась нетронутой, и союзники здесь даже не показывались.

Молочный туман съедал все краски и звуки. Выделялись лишь зеленые таблички с золотыми надписями, венчающие фонтаны. Завернув за угол одной из улочек, Орхан вдохнул сладковатый запах горящих кипарисовых дров. Рядом с какой-то лачугой собралась толпа. Во время войны на Балканах через Стамбул прошли бесчисленные колонны беженцев, волочившие жалкие повозки, запряженные тощими буйволами. Люди временно располагались в мечетях, брошенных домах, хлевах. Всю зиму они спали на рыболовных судах, на которых смогли сбежать из прибрежных селений Мраморного моря. Тогда они с Лейлой и потеряли родителей. Орхан постоянно был рядом с сестрой, когда та как участница благотворительной организации помогала несчастным. Юноша никогда не забудет несчастные и безропотные взгляды женщин и детей.

Студент без колебаний направился по лабиринту переулков в кафе, где его ждали друзья. Маленькая площадь была безлюдна, но все же Орхан осмотрелся, убеждаясь,

что за ним нет слежки, и только потом толкнул дверь. Соблюдая этикет, он почтительно поклонился, приветствуя посетителей.

Развалившись перед наргиле на покрытом ситцем диване, за вошедшим наблюдали друзья в каракулевых шапках, помодному сдвинутых набок. Дорогие лица после зрелища французского военного парада и Босфора, забитого кораблями Антанты... На Орхана нахлынули эмоции.

Долгое время молодые люди молчали, просто радуясь встрече. Ничто их не торопило. Один из них вдыхал ароматный дым наргиле. Орхан выпил глоток воды, пригубил кофе.

— И что? Это было столь же ужасно, как ты себе представлял? — наконец спросил Селаль.

— Хуже.

— Как это?

— Франше д'Эспере был на белом коне.

Собравшиеся побледнели.

— Мне никогда не нравились французы, — возмутился Селаль с потемневшими от гнева глазами.

— Все европейцы друг друга стоят, — проворчал Орхан. — Они все шушукаются за нашей спиной, чтобы проглотить нас.

— Кажется, у вас живет французский офицер, — сказал кто-то из друзей.

— Капитан второго ранга Луи Гардель, — уточнил юноша, шаря по карманам в поисках янтарного мундштука. — Бедняга, впрочем, совсем не злой.

— Откуда ты знаешь? — продолжил парень, с интересом наблюдая за тем, как Орхан нырнул рукой за подкладку пальто.

— Он витает в облаках. Несколько вечеров подряд я за ним следил. Ему нравится якшаться со всяким сбродом.

Он всегда ходит в один и тот же ресторан, садится за столик и не сводит глаз с одной «карашо»¹.

— Красивая? — сразу же поинтересовался Селаль.

Друзья совершенно не воспринимали этих строптивых русских.

— Потрясающая! Похоже, они лишь обмениваются взглядами. Вам бы понравилась. Даже тебе... Такому привередливому, как ты, Казим, — пошутил Орхан, поддразнивая приятеля.

Юноша в поношенном сюртуке улыбнулся.

— Я не привередлив, мой дорогой друг, но я не понимаю, почему вы считаете этих светловолосых дылд такими соблазнительными.

— По крайней мере, на этих девочек можно смотреть! Их можно даже пощупать... — воскликнул Селаль. — Мысль о том, что я увижу лицо своей жены лишь в день свадьбы, ужасает. Я не доверяю ни вкусу матери, ни вкусу свахи. Эта старая моль всегда меня ненавидела.

— Главное — иметь любящую жену и преданную детям мать, — поправил его нравоучительным тоном Казим.

— Вам не стыдно говорить о девушках, когда есть более важные вещи? — хрипло прошипел еще один юноша и надрывно закашлялся.

У него на щеке было родимое пятно, которое, по его мнению, по форме напоминало Анатолию. Правда, он был единственным, кому так казалось, но друзья не перечили, чтобы его не расстраивать.

— Гюркан, если тебе настолько плохо, лучше положи это, — заметил Орхан, указывая на наргиле. — Это очень вредно при твоей болезни.

¹ Искаженное русское «хорошо», так турки называли русских девушек.

— Отчего я действительно болен, так это, пожалуй, от присутствия иностранцев, которые только то и делают, что оскорбляют нас, — проворчал обладатель родинки. — Один из этих клоунов заявил мне, что турки ничего не смыслят в мире сделок: нам не хватает принципиальности, у нас нет чувства ответственности, и мы не способны принимать решения... Короче, беспечная натура приговаривает турок к жалкому прозябанию. Это невыносимо! Смотрите, меня успокаивает только это, — заключил он, вынимая из кармана револьвер.

Некоторое время все пребывали в ступоре. Трое товарищей ошеломленно рассматривали оружие.

— Что это? — прошептал Казим.

— А ты как думаешь? Немецкий «люгер», — с гордостью ответил Гюркан.

— Ты же знаешь, что нам запрещено носить оружие, — испуганно воскликнул Селаль. — Ты крайне рискуешь. Может даже до расстрела.

Гюркан только пожал плечами.

— Где ты его раздобыл? — спросил Орхан.

— Там, где полно такого добра. И пулеметы, и карабины, и гранаты...

Взволнованный Орхан осмотрел зал, но посетители продолжали беседовать и играть в нарды. В углу, откинувшись на спинку дивана, спокойно сидел мужчина с пеной на лице — его брили. Молодой человек приложил не сразу взял себя в руки. Если в городе и было место, где они ничем не рисковали, то, очевидно, именно это кафе.

— Ладно, увидели, убери это! — приказал он другу.

Гюркан завернул револьвер в платок и тихо пояснил, что вчера вечером ограбили оружейный склад регулярных турецких войск, переданный союзникам. Похищенное оружие погрузили на рыбацкое судно и отправили к азиатскому бе-

регу, откуда оно ушло в Анатолию. Юноша произнес слово «Анатолия» с явным уважением. Тотчас у всех присутствующих засверкали глаза. Пылкие студенты возлагали надежды на этот край, на просторы, созданные ветрами Малой Азии и обжигающим дыханием пустыни. Там, среди скалистых плато, сухих степей и руин забытых империй, еще раздавались оружейные залпы потомков туркмен, сельджуков, османов. Там еще сопротивлялись не желающие сдаваться полки и смелые мятежные командиры.

— Организуется сеть патриотов, — продолжил Гюркан еле слышно. — Мы знаем друг друга только по номерам, чтобы не выдать в случае ареста. Но в целом нас всех связывают родственные или дружеские узы. Мне о сети рассказал дядя.

Орхана вдруг охватил порыв энтузиазма, одновременно пугающий и приводящий в восторг.

— Мы должны вооружиться, — добавил Гюркан, пристально глядя на друзей. — Англичане уверены в нашем поражении. Их премьер-министр назвал нас раковой болезнью¹, вы можете себе представить? Лучше умереть, чем терпеть такое унижение! В Париже жалкие политики готовят что-то гадкое, это же очевидно. Они сделают все, чтобы нас уничтожить. Но мы им не позволим, не так ли?

Он обвел взглядом товарищей, чтобы удостовериться в их одобрении. Только Селаль встретил слова друга прохладно.

— Все потихоньку становится на свои места. У нас есть поддержка студентов, военных, ремесленников. Есть даже сочувствующие среди богословов и женских ассоциаций.

¹ Считается, что «больным человеком Европы» назвал Османскую империю российский император Николай I в беседе с британским послом Сеймуром задолго до описываемых в романе событий.

— Женщины и улемы¹ — звучит многообещающе, — проворчал Селаль.

— Не стоит недооценивать женщин, — возразил Казим. — Они сыграли важнейшую роль в революции 1908 года.

— Ты боишься? Или что? — с вызовом спросил Гюркан.

Орхан обнял за плечо Селалья, сдерживая товарища, который чуть не накинулся на Гюркана. «Именно так начинаются революции, — подумал юноша, пока его друзья обменивались оскорблениями. — С всепоглощающего чувства несправедливости... С группы конспираторов, среди которых есть такие горячие головы, как Гюркан, и такие перепуганные насмерть, как Селаль. Именно они — настоящие герои, ибо предчувствуют, что приключение будет не только захватывающим, но жестоким и болезненным».

Если бы в этот вечер в маленьком кафе Эюпа, расположенном в тени могил большого кладбища, он мог оценить последствия своей позиции, то, возможно, юноша остановился бы. Но Орхану было девятнадцать, у него были твердые убеждения и абсолютная вера в свою судьбу.

— Я хочу встретиться с твоим дядей, — решительно заявил он Гюркану. И ощущение от сказанных слов у Орхана было такое, словно он прыгает с высокого утеса.

Его друг улыбнулся и быстро допил остывший чай. Затем поднялся и сделал рукой знак мужчине, который встал с кресла цирюльника.

¹ Улем — мусульманский богослов-законовед.

В колонном зале французского посольства под сводом стеклянной крыши стоял гул: голоса, позвякивание шпор, звон бокалов. Не желая присоединяться к беседам, Луи Гардель держался в стороне, у двери в зимний сад. Многочисленные приемы и рауты задавали ритм жизни оккупантов. Представители стран союзников приглашали и принимали приглашения. В богатых домах квартала Пера устраивали балльные вечера. Любопытное общество, падкое на скандалы и сенсации, танцевало и сплетничало. Война была чересчур долгой, и сейчас никто не желал отказываться от праздников и веселья. Европа, больше не содрогавшаяся от взрывов, теперь дергалась в такт американского джаза, который звучал повсеместно и даже в кабаре Пера.

Луи узнал нескольких депутатов и далеко не нескольких журналистов. Хотя перемирие и давало свободу слова оппозиции предыдущего правительства, партии «Единство и прогресс», цензура союзников и нового правительства продолжала действовать. Турков все больше и больше беспокоил назойливый вопрос: быть или не быть националистом? Назревал раскол, которого англичане, казалось, не боялись, но который волновал высшее военное руководство Франции.

Внимание Луи привлекла светлая женская головка, волосы золотились в электрическом свете. У офицера перехватило дыхание. Он сделал несколько шагов, как магнитом притягиваемый дамой в красном платье, и удивился собственному разочарованию, когда понял, что обознался. Ну конечно! Что было делать Нине среди вышитых гобеленов французского дворца? Луи познакомился с русской всего несколько недель назад и теперь жил ожиданием новой встречи. Он никогда бы себе не признался, возможно, из гордости или из страха, но он попался в ловушку, он был полностью захвачен женщиной, о которой не знал абсолютно ничего. Холодный взгляд и пленительное тело — эта женщина сводила его с ума.

— Ситуация не улучшается. Вчера вечером снова было похищено оружие. Я начинаю подумывать о возможных сообщниках.

Застигнутый врасплох Луи сделал усилие, чтобы собраться с мыслями и ответить Джеймсу Стратмору, сотруднику британской военной разведки. Гардель его недолюбливал, потому что никак не удавалось раскрыть истинные намерения этого бледного рыжеволосого мужчины. «Все британцы — мошенники по натуре, а их империалистическая политика абсолютно невразумительна», — раздраженно думал Луи.

— О каком соучастии вы говорите, полковник?

— О подозрительных элементах в рядах ваших войск, — прямо ответил Стратмор. — За охрану оружейных складов отвечают французы. Не понимаю такой халатности.

— Никто из наших людей не опустится до такого бесчестия! Ваши оскорбительные подозрения останутся при мне и не выйдут из этих стен, дабы не добавлять разногласий между нашими странами.

Луи метал молнии. Вот уже два месяца британский генерал Милн контролировал размещение в Турции личного состава войск Антанты, причем последние находились в подчинении Франше д'Эспере. Эта абсурдная организация порождала бесконечные конфликты между союзниками. И министр недвусмысленно заявил — Франция не может допустить, чтобы Восточное Средиземноморье превратилось в английское озеро.

Полковник поднял руку в примирительном жесте.

— Полно вам, дорогой друг, я не хотел вас задеть, но, признайте, турки явно бросают нам вызов. Они сопротивляются. Сначала отказались сдать немецкие и австрийские войска, окопавшиеся на азиатском берегу, теперь, когда мы выявили два десятка людей, виновных в плохом обращении с британскими заключенными, они снова отказываются действовать.

Луи подхватил с подноса, который нес метрдотель, бокал шампанского.

— Вы неправильно поняли характер турок и их устремления.

— А вы правильно поняли? — с иронией спросил англичанин.

— Отказ от выдачи боевых товарищей — это скорее благородство, вы не находите? Что касается выдачи соотечественников, то это было бы нарушением их прав, а заодно и государственного суверенитета, признанного перемирием. И главное, переговоры в Мудросе вели именно *вы*. Почему же вы хотите, чтобы турки были дружелюбными, если постоянно их оскорбляете?

— Не понимаю, к чему вы клоните, — раздраженно процедил Стратмор.

— Все ваши переводчики — греки. Их предубеждения, да что там — очевидная нелюбовь к туркам, не могут не

оказывать на вас влияние. И это обидно и оскорбительно для любого. И вы удивляетесь, отчего вас ненавидят?

— Гардель, вы сегодня какой-то возбужденный. Такое впечатление, что вы перешли на их сторону. Должен ли я вам напомнить, что турки — наши враги, а мы победители? Меня удивляет ваша снисходительность по отношению к ним. Согласно многим рапортам, то, как они обращаются с христианским меньшинством, оставляет желать лучшего... Перемирие — это не мир, и вам это известно. Что касается меня, то после Эль-Кута и Дарданелл¹ — горький осадок.

Луи не сомневался в этом. Война на Дарданеллах закончилась кровавым поражением. Настоящей резней. Что касается осады Кут-эль-Амара, о ней говорили, как о самом жестоком военном унижении Британии. С тех пор англичане обвиняли турок в негуманном обращении с военнопленными, приведшем к гибели тысяч индийских и британских солдат.

Насупившись, Стратмор в упор смотрел на Луи в ожидании реакции. Узкое лицо полковника, казалось, заострилось еще больше. Но Гардель оставался абсолютно невозмутимым. Ему вспомнился взгляд Лейлы-ханым, умный, немного презрительный. И еще взгляд Селим-бея, когда они сидели за столиком ресторана в отеле «Токатлиан». Они обсуждали поэзию, бордонские виноградники, каллиграфию, фонтаны и сады, говорили обо всем, что дарит

¹ Во время Дарданелльской операции в январе 1916 г. войска полковника Мустафы Кемаля вытеснили десант Антанты с Галлипольского полуострова. Антанта потеряла около 140 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, причем англичане потеряли более 73 тыс. На Месопотамском фронте осада и взятие Кут-Эль-Амары турками под командованием Кольмара фон дер Гольца было крупным поражением британских войск. Генерал Таунсенд капитулировал 29 апреля 1916 г., в плен попали около 13 тыс. солдат, причем многие погибли в плену.

жизнь, а не смерть. Не забыли они тогда и Ахмета, который пытался сбить рогаткой картонный военный корабль...

Гнев мстительного англичанина не находил отклика в душе Луи. И дело было даже не в том, что он вспомнил хозяев дома, дело было в удивительной душе этого города. Константинополь наполнял Гарделя эмоциями, тоска француза отдавалась эхом в узких улочках древней столицы. Луи восхищалось спокойное достоинство стамбульских мусульман. Очаровывал шорох черных вуалей женщин. Завораживал непрерывный танец кораблей в Золотом Роге. Коварные течения Босфора, которые, словно дикого зверя, приручали местные моряки... Призрачные существа, живущие в руинах, аромат пряностей, неизменная вежливость турок, крик чаек, мозаика заброшенных византийских куполов, успокаивающий своей регулярностью призыв к молитве, постукивание фишек по доске для нардов... Вот тонкая рука девушки одергивает алые занавески и в перламутрово-золотую комнату вливается свет, а он на диване с трубкой из слоновой кости курит опиум. Он с широко открытыми глазами изучает мозаичный узор на потолке. Все его страхи и колебания рассыпались одно за другим, а на их месте распускались чистые прозрачные яркие мысли. Город дарил ему волшебство созерцания чудес собственной души.

Внезапно у него на лбу выступили капли пота. Затряслась рука. Луи поставил бокал.

— Стратмор, я вынужден вас оставить, — сказал он, развернувшись на каблуках.

Остаться здесь еще хотя бы на секунду, в этом режущем глаза свете, в наполненном агрессивными лицами зале, показалось ему невыносимым.

Ночь, словно нож гильотины, упала на город, возвращая Луи к беспорядочным мыслям и желаниям. Оставив позади

ворота Пале де Франс, он широким шагом поднялся по крутой улочке, где звучали сердитые женские голоса. Он дернулся от звука резкого захлопнутого окна. Квартал Пера была дерзким и шумным как днем, так и ночью. Лишенный комплексов, оживленный, он был похож на старую опытную хозяйку, перестаравшуюся с косметикой.

Луи бестактно расталкивал прохожих. Его обругали по-русски. Какая-то проститутка с ярко накрашенными губами, прислонившись спиной к стене, с ироничной улыбкой наблюдала за происходящим. Девочки здесь появлялись уже после четырех часов вечера. Их не пугала даже непогода. Это стало бедствием квартала. В изысканных восточных буржуазных салонах оккупантов обвиняли в том, что они никак не могли навести здесь порядок.

Француз вышел на Гранд Рю, под свет ярких вывесок. Он взмок и скверно себя чувствовал оттого, что не дал отпор британскому офицеру. Глядя под ноги, он пробивался сквозь толпу в сторону садов Таксим.

Луи чувствовал себя хорошо лишь по ту сторону Золотого Рога. Тишина спящего городка действовала успокаивающе. Там была его берлога, куда он убегал от убогой обыденности. Там удушающая жара хаммама обдавала его чистотой и неожиданной порочностью. Гардель неустанно возвращался в Пера, потому что здесь была Нина и ноги сами его сюда несли. Однажды, застигнутый ливнем, Луи искал укрытие среди мастерских золотых дел мастеров, шляпных лавок и домов свиданий, освещенных десятками ярких фонарей. Он заскочил в какое-то заведение — одновременно кондитерскую и кафе. Здесь стопками лежали газеты. В меню был сытный борщ и, конечно, алкоголь. И здесь продавалось все.

Она подошла принять у него заказ как раз в тот момент, когда он искал, куда пристроить промокшую фуражку. Он

поднял взгляд и увидел затянутую в корсет пышную грудь, затем лицо с выступающими скулами, обрамленное светлыми кудрями, смешной кружевной чепчик. Она смерила его холодным взглядом и, подхватив головной убор, положила на полку. Ее черное платье было растянuto на бедрах. Ему вдруг жутко ее захотелось, безрассудно, потому что ее блестящее платье было слишком облегающим, потому что молодая незнакомка была серьезной, сдержанной, но, вероятно, была готова получить несколько турецких лир, франков или горсть долларов...

Он приходил сюда еще несколько раз, перед тем как осмелился заговорить. Ей же было совсем не трудно ответить. Из них двоих застенчивым оказался именно он. На первом этаже сдавались комнаты. Патрон заведения, настоящий великан, в конце дня надевал смокинг, чтобы отдать должное закускам и икре, которые заказывали клиенты.

Шагая позади нее по лестнице, Луи изучал изгиб ее спины, движения бедер. Он вспомнил первый раз, когда заплатил женщине за любовные услуги. Ему было восемнадцать. У него осталось чувство стыда и печальные воспоминания о дородной шлюхе, которая хлопала его по плечу и, словно лошадь, одобрительно трепала по шее. Еще он помнил ее зад, когда она присела над тазом подмыться перед следующим клиентом.

Нина была проституткой, но аристократкой. О ее происхождении говорили безупречный французский с едва уловимым акцентом, манера держать себя. Все русские беженки первой волны принадлежали к знатым семьям. Их мужья или братья продолжали борьбу в рядах белой армии, а они осаждали западные посольства в надежде продолжить путь до Парижа или Берлина. Константинополь должен был стать лишь коротким этапом долгого

путешествия, которое в конце концов превратилось в тяжкое испытание.

Луи удалось вытянуть из нее короткий рассказ об отъезде из Санкт-Петербурга, о том, как она пересекла разрываемую революцией страну, добравшись до самого Крыма, о невыносимом ожидании на перегруженном изгнанниками корабле, застрявшем в столице Османской империи, где ей не хватало денег на пропитание и пресную воду, так как греки и турки продавали их на вес золота, затем окончание карантина и зловоние помещений для дезинфекции. У нее завелись вши. Опасаясь тифа, ей приказали обрить голову. «У меня были волосы по пояс», — призналась она, и это был первый раз, когда он увидел ее сожаление. Он хотел узнать больше, но она упорно отказывалась отвечать. Луи хотел от Нины всего: ее тела, чувств, мыслей, ее души.

Гардель толкнул дверь ресторана, на него нахлынула волна хмельных ароматов и пряных блюд. Он окинул взглядом зал. Узнав клиента, патрон повернулся к входу на кухню и позвал Нину. Через пару мгновений она появилась с подносом, на котором громоздились тарелки. Она приветствовала его кивком головы, даже не улыбнувшись, и направилась к столику обслуживать посетителей. Внезапная усталость овладела Луи. Ему захотелось пройти через весь зал и взять ее прямо там, перед этой жалкой публикой, чтобы силой заставить ее понять, что она обязана ему больше, чем им.

Он подошел к шкафчику с ключами от номеров. Остался только один ключ. Он снял его с крючка, ничего не спрашивая у патрона, направился к лестнице. Лампа в комнате перегорела, и он открыл ставни. Комната наполнилась синим светом от вывески напротив. Казалось, будто ярмарка. Он лег на кровать прямо в одежде, подкурил сигарету. Нина не заставит себя ждать. Он приносил

ей намного больше, чем давала работа официантки. Луи испытывал нездоровое удовольствие от мысли, что она от него зависела. Это было в новинку, раньше такие чувства его не посещали. Но когда она лежала под ним, он спрашивал себя, не потому ли женщина такая, как Нина, обратила на него внимание, что вынуждена продавать свое тело ради выживания.

Вероятно, он задремал. Когда открыл глаза, Нина задерживала шторы. Она принесла подсвечник и поставила его на этажерку. Она устало стянула с себя чепчик и кружевной фартук, затем принялась расстегивать пуговицы на платье, аккуратно его сложила. Она наклонилась, чтобы расстегнуть туфли. Хлопковая полупрозрачная сорочка приоткрыла грудь, черные хлопковые чулки подчеркивали стройные ноги. Луи поднялся и схватил ее за запястье. Она удивленно взглянула на француза.

— Могла бы со мной и поздороваться, а?

Она окинула его ледяным взглядом и сказала насмешливо:

— Добрый вечер, капитан.

Она хотела отойти от кровати, но он сжал ее запястье до боли, так сильно, что ее лицо исказилось. Он заставил ее сесть на край постели.

— Я тебя ждал вчера вечером. Почему ты не пришла?

— Меня задержали.

— Другой клиент? — съязвил он.

— Было полно народу. Меня попросили остаться на вторую смену.

— Ты врешь.

Высокомерие в ее глазах привело его в ярость.

— Я проходил мимо, и здесь было закрыто, — продолжил он. — Я хотел сделать тебе приятное.

Он собирался пригласить ее в ресторан, где ей прислуживали бы, надеялся придать их отношениям серьезный оттенок. Он хотел вызвать у нее признательность, может, чуточку восхищения.

Он вдруг резко привлек ее к себе, почувствовал тяжесть ее тела, груди, прижавшейся к его торсу. Их лица находились так близко друг к другу, что он мог разглядеть малейшую точку на ее коже, дрожащие крылья носа, приоткрытые губы...

— Нина, я дорого тебе плачу за эксклюзив. Мне не нравится, когда меня обманывают.

Луи хотел заставить ее отреагировать, хотел вытянуть из этой непреклонной женщины какое-то неконтролируемые чувства, проявление слабости, что-нибудь, что позволило бы переделать непостижимое увлечение в обычный любовный роман, сделать из русской проститутки банальную любовницу, для которой он станет хозяином, а не рабом.

— У меня не было никакого желания сидеть с вами за столом, капитан, — заявила она спокойно. — Мне нечего с вами делить. Мне нечего вам сказать. Меня не интересуют ни вы, ни ваша жизнь. За исключением ваших денег. Я нуждаюсь в ваших деньгах. Вот и все.

— Но я же знаю, что тебе со мной хорошо, — проговорил он, дыша рядом с ее щекой. — Ты не притворяешься со мной. Я это знаю.

Ему хотелось ее поколотить. По телу женщины пробежала дрожь. Он догадался, что ей, наверное, страшно. Бледная улыбка осветила черты Нины, не отражаясь в глазах.

— Обычная физиология, — с издевкой сказала она. — Зачем же отказываться от наслаждения? Это было бы абсурдно, разве нет?

«Может ли мужчина этим удовлетвориться?» — задался вопросом Луи, пораженный безразличием. Он не был создан для формальных отношений, хотя и боялся признаться себе в этом. Он тайно ждал от Нины иного. Он корил себя за то, что оказался смешным. Как не презирать такого жалкого типа, который выпрашивает любовь? Любовь никогда не подают, как милостыню.

Она сняла рубашку. Ее грудь была слишком тяжела для женщины ее возраста. Кое-где на белоснежной коже была мраморная сетка растяжек. Он подумал, не было ли у нее ребенка. Она не носила обручальное кольцо, но у ростовщиков Галаты их было так же много, как меховых шуб.

Раздевшись, она легла рядом. Луи поднялся, молча порывшись в карманах, извлек несколько купюр и бросил на полку рядом с подсвечником. Выходя, он не закрыл за собой дверь.

Стамбул, апрель 1919 года

— Да за кого она себя принимает? — вопрошала Роза супруга. — У меня было назначено собеседование с преподавателем Марии, но мне дали понять, что с ней можно встретиться сейчас или никогда. Впервые мне ставят ультиматум. Я считаю, что это весьма грубо, разве не так?

В этот день Луи вернулся в конак раньше обычного. С приездом жены он больше не находил здесь того спокойствия, которое ему раньше так нравилось. Роза искала любой повод, чтобы выплеснуть негатив. Она оказалась более требовательной, чем та женщина, которую он помнил. «Разве только я уже не столь терпелив, как раньше», — думал он, присаживаясь на край кровати.

— У тебя пыльная форма! — запротестовала супруга. — Мне удалось заставить их принести стул. Не без труда, конечно. Слуги не понимают и слова цивилизованного языка и косо на меня смотрят. В особенности черный. У меня от него мурашки по коже.

Луи вздохнул.

— Роза, эти служанки — турчанки. Они стараются понять тебя. Наше присутствие повлекло за собой серьез-

ные перемены в доме. И для Али Ага это тоже довольно сложно.

— Только подумать, он — евнух! Это дикость. И мне вовсе не нравится, что Мария будет жить с ним рядом. К счастью, малышка еще ничего не понимает в таких вещах.

— Послушай, это не заразная болезнь, — рассердился Луи. — Евнухи сераля — особые персоны с особым статусом. Ни сами евнухи, ни так называемые рабыни не ответственны тому, как их описывают западные писатели в своих дрянных романчиках.

Роза поправила прическу. В зеркале отражалось довольное лицо мужа. Его поведение не слишком удивляло. Восток кружил мужчинам голову. Здесь все было иначе. Женщины, свобода нравов, экзотика, климат, чувство безнаказанности, ведь они находились далеко от своих близких... Как не поддаться всякого рода слабостям? Ведь не зря европейцы воссоздавали за границей модель западного общества, защищенного от влияния извне. Англичане ничего не изменили в поведении индийцев, и они не селились рядом с местными. Увы, французы имели репутацию более толерантных людей.

Молодая женщина поправила гранатовые серьги, слегка пощипала себя за щеки, чтобы придать им немного краски. Она пыталась справиться с разочарованием, которое вселял в нее муж последнее время.

— Похоже, ты стал экспертом по османским традициям, — съязвила она. — У тебя всегда на все готов ответ. Что касается меня, то кажется вовсе неуместным, что бывшая рабыня диктует мне правила. Но ты прав, я должна быть снисходительна. Что можно говорить о манерах этой бедной женщины? Только Богу известно, через какие несчастья ей пришлось пройти.

— Я думал, нельзя судить людей, ничего о них не узнав.

— Луи, я не сужу, я констатирую факт. А рабство противоречит моим принципам. Нельзя за миг перестать быть рабом. Это накладывает отпечаток.

— У османов слово «раб» не является синонимом бесчестия, — продолжал он. — Талантливые христианские дети из завоеванных Портой стран, которые становились янычарами, могли рассчитывать на должность визиря, а черкешенки или грузинки из гарема часто использовали плен как возможность получить достойное воспитание. Случалось даже, что родители сами отдавали детей, чтобы воспользоваться шансом. Если девочки хотели, они получали вольную после нескольких лет службы, получали приданое и выходили замуж. Здесь с рабынями никогда не обращались как с низкими существами. По социальной иерархии с ними обращаются с большим почтением, чем со свободными служанками.

— Полная бессмыслица! Сомневаюсь, что женщина ценит то, что не может высказать свое мнение касательно будущего замужества.

— Ты думаешь, французский крестьянин спрашивает мнения у дочери, перед тем как выбрать ей мужа?

Раздраженная, Роза повернулась спиной к супругу, чтобы тот застегнул ей платье. Луи принялся выполнять задачу. Его пальцы задержались на затылке женщины, там, где каштановые волосы непослушно выбивались из-под строгого пучка. Супруга поспешила отстраниться. Ей было тяжело привыкнуть к физической близости после стольких лет разлуки. Луи изменился. Черты лица стали резче, взгляд потускнел. На теле были следы от ран, о которых он не любил рассказывать. Иногда у нее возникало впечатление, что она обнимает чужого человека. Чужого, слишком смелого, как ей казалось.

— Что касается ее невестки, то я даже не знаю, что думать, — продолжила она, словно ничего не случилось. — Эта Лейла-ханым никогда не улыбается.

«Как же я ее понимаю!» — подумал Луи, всматриваясь в холодное лицо жены. К счастью, дочь была очарована Востоком. Луи был рад, когда обнаружил веселую девочку, которая краснела по любому поводу и в которой осталось достаточно детской искренности, чтобы горячо обнимать отца.

— Полагаю, что я готова, — сказала Роза.

На ней было серое шерстяное платье с воротником-шалью. По краю юбки средней длины шла бархатная кайма. Наряд был элегантным, но строгим. Роза отличалась вкусом и, имея талант модистки, сама шила платья по выкройкам, купленным в женских магазинах. «Жаль, что она похожа на учительницу», — с сожалением подумал Луи.

Она остановилась, закусив губу.

— Ты уверен, что не можешь пойти с нами?

— Не волнуйся, дорогая, — успокоил супруг. — Там будет Лейла-ханым, и вы хорошо проведете время. Это умная и внимательная женщина.

— Откуда ты знаешь? Я думала, что мусульманские женщины говорят только со своим мужем и ни с кем из чужих мужчин, тем более с христианином. — Она смерила его подозрительным взглядом.

— У нас с ней особые отношения с тех пор, как мой шофер сбил ее сына. И потом, ты увидишь, что некоторые турчанки намного образованнее, чем основная масса европейских женщин. Ее свекровь почитает старые традиции, но дамы из общества открыты Западу. Мне приходилось встречаться с такими женщинами на официальных приемах. Когда они путешествуют за границу, то одеваются так же, как и ты. Они образованные и обожают Францию.

Им тоже нравится Пьер Лоти! Вот уже общая тема для разговора, ты так не считаешь?

— То, что мне нравится творчество писателя, вовсе не значит, что я разделяю его мнение. Лоти не является одним из тех, кого можно рекомендовать. Ему приписывают слишком вольное поведение.

В голове Луи возник образ обнаженной Нины, капли пота на ее коже, животе. У него закружилась голова. Три недели назад приехала Роза, и он посчитал делом чести больше не появляться у русской. Их ссора очень его ранила. И он больше не курил опиум на улочке позади мечети Сулеймана.

Во время семейного ужина после долгой разлуки, убаюканный любезной беседой с супругой и дочерью, он испытал чувство полного покоя. Ему внушала спокойствие мысль о том, что он снова будет играть знакомую роль отца семейства, которую от него все ждали. Он пообещал себе, что о лихорадке последних нескольких месяцев, о некоторых отступлениях от общепринятых норм он разве что будет вспоминать в старости. «Но спокойствие также может быть саваном», — предательски прозвучало в голове.

— Ты восхитительна, — серьезным тоном произнес он, словно пытаясь убедить себя в этом.

Роза подозрительно посмотрела на мужа. Эта женщина никогда не умела принимать комплименты. Для этого ей не хватало естественности, что было недостатком и в постели.

В этот самый момент в другом крыле дома Лейла в отчаянии ходила по комнатам. Поведение свекрови не предвещало ничего хорошего. Гюльбахар-ханым пустила в ход все средства. Из гостиной исчезли малейшие намеки на современность. Даже сигареты не имели права здесь находиться. Бóльшая часть женщин сераля не курили, но

Гюльбахар никогда не контролировала это. Лейла подзревала, что свекровь злорадствовала, когда устанавливала новый декор, словно минировала территорию.

Француженка привезли с собой три чемодана и с порога выдвинула множество требований. С первых дней из-за недоразумений она довела до слез служанку, кухарка была в крайнем отчаянии. Даже Али Ага не мог скрыть свой гнев. Луи Гардель попросил Лейлу разрешить супруге нанести визит вежливости хозяйке дома, надеясь восстановить гармонию между двумя группами, которые делили кухню и прислугу.

«Если бы Селим был здесь, он бы разрядил обстановку!» — с сожалением думала Лейла. Но судя по энтузиазму его писем, парижская жизнь пришлась секретарю падишаха по душе. Он даже намекал, что останется там до весны. Лейла спрашивала себя, требовала ли того служба или это собственный выбор супруга. Селим не унаследовал от матери склонность драматизировать события, зато порой мог быть не менее эгоистичным, чем Гюльбахар.

Взволнованная малышка Перихан сидела по-турецки рядом с бабушкой. Ахмет, тщательно причесанный, с важным видом спокойно ждал гостей. Он мечтал встретить белокурую девочку, которую заметил, когда та гуляла с матерью в саду. Лейла с нежностью наблюдала за сыном. Тот был крайне впечатлительным. А вот Перихан никого не боялась. Настоящая девчонка-сорванец.

— Ханым Эфенди, будьте снисходительны, прошу вас! — умоляла Лейла свекровь.

Гюльбахар холодно улыбнулась:

— Послушай, я не имею ничего против этой несчастной гяур, которая считает, что может отдавать приказы в моем доме, хотя она и ей подобные — лишь пыль под нашими ногами.

Лучшие подруги Гюльбахар одобрительно закивали. Лейла опустила глаза, чтобы скрыть раздражение.

— Мы не можем настраивать этих людей против себя. Ситуация в стране не улучшается. Снабжение все хуже и хуже, атмосфера в городе очень напряженная. Капитан Гардель, по крайней мере, любезен с нами и не желает нам зла.

— И что с того? — возмутилась Гюльбахар. — Женщины нашей семьи предоставлены самим себе. Кто сможет нас в чем-то упрекнуть?

— Союзники всех подозревают в шпионаже, — раздраженно произнесла Лейла. — Они не считают, что женщины — наивные существа. Они полагают, что женщины ответственны за свои поступки.

Гюльбахар недобро посмотрела на невестку.

— Мы не нуждаемся в мнении Запада, чтобы понять, чего стоим. Со смертью Сулеймана Законодателя матери султанов были наделены важными политическими функциями. Нам не в чем завидовать Екатерине Медичи или Елизавете I, королеве Англии. Впрочем, мы, мусульманские женщины, не нуждаемся ни в законах, ни в указах, подтверждающих наш статус. Свою роль мы получили от Аллаха, хвала Его имени!

Лейла подумала, что свекровь обладала всеми качествами, чтобы стать валиде-султан¹, которая имела бы в своем распоряжении ключи власти в серале.

— Вы говорите о своей роли, Ханым Эфенди? Большинство турецких женщин не исполняют ни одной! Они — пленницы замужества, от которого не могут абстрагироваться, поскольку не способны сами себя защитить. Им вдолбили в голову добродетели кротости и смирения.

¹ Валиде-султан — титул матери правящего султана.

И только качественное образование поможет женщинам переступить семейный круг.

Подруги свекрови ошеломленно глядели на невестку Гюльбахар.

— Мир изменился, — пылко продолжила Лейла. — Ответственные люди должны защищать своих детей, вручив им достойное оружие, чтобы обеспечить прогресс.

— Хорош же *прогресс*! — горько рассмеялась Гюльбахар.

— Посмотрите на уничтожение мусульманского населения во время войны на Балканах, мировой войны, на хаос русской революции... Да, отныне женщина должна быть независима, потому что судьба слишком часто бросает ей вызов и она вынуждена рассчитывать только на себя. Хватит витать в облаках!

Лейла сама удивилась своей наглости. Вот уже несколько месяцев она испытывала странное возбуждение, причину которого никак не могла понять и которое, казалось, держало ее за горло.

— Вижу, что ты продолжаешь читать книги Халиде Эдип и Фатмы Алиие¹, — заметила Гюльбахар, с презрением произнося имена феминисток. — Из-за того, что ты слишком много размышляешь, ты забываешь об истинной глубокой природе существа. Только семья укрепляет общество! Матери — его основа, и их место дома. Вы же, интеллектуалки, вы хотите бросить бедных женщин на улицы, на фабрики, где они будут подвержены всякого рода изкушениям, станут игрушками различных пороков, как эти жалкие русские женщины. Ты действительно этого хочешь?

¹ Фатма Алиие Топуз (1862—1936) — турецкая писательница-романистка, борец за равноправие полов. Считается первой женщиной-романисткой как в Турции, так и во всем исламском мире.

Лейла вызывающе на нее посмотрела. Свекровь упрекала в том, что она много читает, но именно благодаря образованию современная мысль упорно делала свое дело со времен первых реформ Танзимата¹. Ее собственная семья, в которой были и журналисты, и преподаватели университетов, способствовала переменам. Она никогда не откажется от этого открытого в мир окна! У Лейлы было ощущение, что все стремительно меняется, а она беспомощна, закрыта в доме, словно наказанный ребенок. Когда ей хотелось что-либо обсудить, она встречалась с Орханом, но он часто пропадал в городе, и женщина не знала, где и почему.

Спор внезапно прекратился благодаря появлению Розы Гардель и ее дочери Марии. Женщины встали и склонились в грациозном теменна², слегка касаясь рукой пола, затем сердца, рта и лба.

Роза Гардель замерла на пороге, ошеломленная роскошью ковров, фарфора и перламутра, сверкающих люстр, пурпурных подушек, вышитых серебром. Француженку поразили длинные платья с изысканной вышивкой и сияющие пояса женщин. Просторный зал благоухал ароматом ладана. Молоденькие служанки с тюрбанами, украшенными жемчугом, одетые в широкие штаны, завязанные на лодыжках, в болеро и кружевные жабо, терпеливо ждали в стороне. Возле серебряной жаровни, наполненной горящими углями, две служанки держали поднос, покрытый вышитой золотом скатертью, на котором стояли маленькие кофейные чашки. В глубине комнаты из маленького фонтана струилась вода.

¹ Реформы Танзимата — эпоха реформ в Османской империи в 1839—1976 гг. Тогда была принята первая османская конституция.

² Теменна — восточное приветствие.

«Вот это и есть гарем, — подумала Роза. — Оранжевая сладострастия, где жены и сожительницы одного-единственного мужчины проводят время в ожидании, пока тот соизволит их призвать. Интересно, темнокожие — в прошлом рабыни? Были ли они освобождены, как полагает Луи? А если нет? Предложить им бежать?». Раздираемая противоречивыми чувствами — восхищением и страхом, — она не знала, что думать. Луи подтвердил, что у Селим-бея только одна жена, как и у большинства турок, которые уже давно не придерживались полигамии, это было не в моде. Да и слишком дорого обходилось содержание нескольких жен, между которыми, согласно законам шариата, должно быть равенство как в материальном, так и в эмоциональном плане.

Роза не могла отвести глаз от статной женщины, единственной, кто остался сидеть, скрестив ноги, на невысоком диване. Она никогда не встречала личности столь яркой, как эта дама. Опаловая кожа, брови дугой, тонкий нос, красиво очерченные губы. На атласном наряде бирюзового цвета переливались вышитые бабочки, образ довершали серьги из крупных сапфиров. Дама пристально смотрела на француженку. Взгляд был спокойный и явно недружелюбный. Голубизну глаз подчеркивала четкая линия косметического карандаша. «Ничего общего с рабыней, а вот с королевой — много чего», — подумала Роза. Чувствовала себя француженка неловко.

Бросив взволнованный взгляд на мать, Мария поспешила сделать реверанс.

— Мама, подарки, — прошептала она.

Роза словно вынырнула из транса:

— Мадам, мы с дочерью благодарим вас за приглашение. Позвольте преподнести вам несколько презентов.

Луи был бескомпромиссен, давая понять: на Востоке дарить — означает жить. Это целое искусство. Не задеть малоимущих слишком скромным подношением, не оскорбить богатых слишком шикарным презентом.

— Мне известно, что вам нравится рисовать Босфор, — продолжила она, отчеканивая каждый слог, поскольку сомневалась, что дама бегло говорит по-французски. — Я привезла эти акварельные краски из Франции.

Лейла следила за реакцией свекрови. Невестка догадалась, что французская гостья отказалась от красок в пользу Гюльбахар. Молодая турчанка была тронута вниманием. Покраснев, Мария в свою очередь вручила игрушки, которые выбрала для Ахмета и Перихан. Малышка сразу же поблагодарила белокурую девочку и увела с собой на подушку, где уже восседала ее фарфоровая кукла.

Гюльбахар-ханым церемонно приветствовала иностранку. Ради забавы она поблагодарила Розу длинно и цветисто, чтобы у гяур не осталось сомнений в совершенном французском черкешенки.

— Будьте добры, присаживайтесь, мадам, — в завершение сказала она, указывая на кресло рядом с собой и недалеко от двери, что было знаком уважения.

Лейла облегченно вздохнула. Первый барьер преодолен. Служанки подали мармелад, завернутый в сыр, и мармелад в кунжутных семечках, и сладости с медом и миндалем. Кофейный церемониал под руководством Гюльбахар был исполнен по всем правилам. Беседа касалась безобидных тем. Турчанки приветливо улыбались, каждая рассказывала истории на мелодичном французском языке.

Супруга капитана Гарделя сидела с плотно сжатыми коленями, скрестив щиколотки. Бледное без макияжа лицо и скромное серое платье делали ее похожей на выпавшего из гнезда птенца. Казалось, Гюльбахар была поражена. Как

она может вести борьбу на равных с таким безликим существом? Сдерживая смех, Лейла, кашляя, отвернулась.

— Мадам, надеюсь, что вам по вкусу скромность моего дома, — неожиданно заявила свекровь. — Мне бы очень хотелось, чтобы ваше пребывание с нами, каким бы коротким оно ни оказалось, было для вас приятным. Я специально проинструктировала своих людей на этот счет. Думаю, стоит им простить их промахи.

Ложь этой колкости бросалась в глаза, Лейла была поражена провокационным тоном свекрови. Согласно традиции, Гюльбахар-ханым должна была продемонстрировать сдержанность, скромность и деликатность, что демонстрировало бы дружелюбие.

— Ваш дом прекрасен, мадам, — вежливо ответила Роза. — Различаются всего лишь наши привычки.

— Ах, вот как? — ответила Гюльбахар, делая вид, что сожалеет. — Запад декларирует мифический образ турецкой женщины. Нас считают пленницами, охраняемыми свирепыми чернокожими, которые суют нас в мешки и швыряют в Босфор. Но поверьте, дорогая мадам, наши будни намного прозаичнее... Так что вы говорили?

Роза откашлялась.

— Мне пришлось внести некоторые коррективы, и я хотела спросить у вас...

— Ваша дочь будет поступать в Нотр-Дам-де-Сион?¹ — внезапно перебила Лейла, решив, что беседа скользнет на

¹ Орден Богоматери в Сионе (Notre-Dame de Sion) — католический религиозный орден, основанный в 1843 г. Основным назначением ордена было создание христианских школ для еврейских и мусульманских детей с их последующим обращением в христианство. В 1856 г. сестры ордена прибыли в Стамбул для организации французского лицея Богоматери в Сионе для девочек при семинарии церкви Святого духа конгрегации лазаристов. Во времена, описываемые в романе, — одна из элитных школ.

нежелательный путь. — У них отличная репутация. С давних пор французские школы пользуются большим авторитетом в Империи. Наша элита воспитывалась французами. Мой муж учился в Галатасарайском лицее¹, и Ахмет туда отправится через два года.

Роза была немного сбита с толку, но не осмелилась не ответить молодой женщине.

— Да, я действительно выбрала эту школу для Марии, поскольку моя сестра Одиль служит в этой конгрегации². К несчастью, сестра больше не живет в Константинополе, переехала в Измир, где жила до войны.

— Так вы связаны с нашей страной? — обрадовалась Лейла. — Вскоре вы, безусловно, сможете ее навестить. Весной Измир чудесен.

— Город греков и левантинцев, — проворчала Гюльбахар по-турецки.

Лейла нахмурилась.

— Война сильно потрепала бедных монахинь, — продолжила Роза, натянуто улыбаясь. — В 1914 году им дали сутки, чтобы покинуть Турцию, после чего пансионат был закрыт по приказу правительства. Лишь немногие получили право остаться следить за зданием, но некоторые были арестованы...

— Мне кажется, что несколькими веками ранее Французская революция поступила с ними таким же образом, — заметила Гюльбахар. — И довольно грубо, судя по тому, что мне рассказывали.

¹ Придворная школа, открытая в правление султана Баязида II в 1481 г. В 1866 г. преобразована по образцу французской учебной системы и стала называться Султанская галатасарайская школа.

² Конгрегация — в католической церкви: религиозная организация, непосредственно связанная с каким-либо монашеским орденом, имеющая свой устав и состоящая из священнослужителей и мирян.

— Как это? — спросила Роза, застигнутая врасплох.

— Разве Франция не изгнала своих верующих? Сражались даже в ваших местах поклонения, — уточнила свекровь с притворным ужасом. — Многие нашли приют на нашей земле. И это не впервые в истории. Мы также приютили гугенотов, которых в свое время вышвырнул король Франции... Наши почтенные султаны отличаются давней традицией гостеприимно принимать всех гонимых, не разделяющих нашу веру.

Лейлу обдало холодным потом. Этого разговора нужно было избежать любой ценой. От служанок Гарделей молодая турчанка знала, что Роза очень набожная католичка, а значит, тема христианских меньшинств Османской империи — болезненный вопрос. Нельзя было допустить, чтобы женщины стали обвинять и поносить друг друга, вспоминая резню и с той и с другой стороны.

— Хорошо, — сказала Лейла, захлопав в ладоши. — Перихан, ангел мой, ты хотела прочитать стихотворение в честь наших гостей, не так ли?

Девочка немедленно вскочила и стала перед мадам Гардель. Гордо вздернув подбородок, малышка принялась читать наизусть басню Лафонтена, вкладывая в чтение весь свой пыл. Когда Перихан чуть помедлила в одном месте, Роза подсказала забытые слова.

Женщины аплодировали. Гюльбахар похвалила внучку, и та свернулась калачиком в ее объятиях. Казалось, буря миновала. Лейла обратилась к Всевышнему с молитвой и благодарностью. Молодая женщина еще не знала, что эта передышка окажется слишком короткой.

В серых сумерках Орхан был почти незаметен в своем темном пальто и черной фетровой шляпе. Замерев в тенистом закоулке у водосточной трубы, он ждал уже больше часа. В темноте мерцал лишь огонек сигареты.

Таких ожидающих здесь было много, но Орхан был знаком только с Гюрканом, который выше по улице сидел на табурете чистильщика обуви и совершенно без энтузиазма предлагал свои услуги. Жители Стамбула все больше симпатизировали национальному движению. Каждый хотел внести свою лепту в общее дело — от женских организаций до гильдий кучеров, от дервишей до банд карманников. «Сегодня все может обернуться плохо», — предупредил Орхана товарищ, но юноша не колебался ни секунды.

Он испытывал гордость от того, что стал малой частью, винтиком, пусть даже незначительным, в огромной машине сопротивления. Селаль был несколько насторожен и напомнил, что многие из руководителей движения были дискредитированы во время войны, но Орхан заявил, что ситуация слишком серьезна, чтобы привередничать. «Цель оправдывает средства!» — пылко воскликнул он. Селаль проворчал, что эта затея весьма рискованна.

Орхан и его товарищи отчитывались перед дядей Гюркана. Рахми-бей производил огромное впечатление на юношей, он был близок к генералу Кемалю и был вхож в его дом, где они ночи напролет обсуждали с другими офицерами-заговорщиками будущее нации.

Политическая ситуация накалилась. Собравшиеся в Париже государственные деятели приняли решение об отторжении ряда территорий Османской империи, передаче их под протекторат держав-победителей, расчленение Турции, установление фактически полуколониального режима. Как установить границы? Греки были крайне напористыми. Охваченные своей «великой идеей», они мечтали объединиться в единую нацию. Многие хотели нажиться на османских руинах, к счастью русские были заняты собственной революцией, а итальянцы, которые тоже хотели бы оторвать кусочек, не имели права голоса.

Что касается Стамбула, некоторые европейцы предлагали передать его под международное управление под предлогом того, что город не был ни мусульманским, ни турецким. Османы завоевали его, находились здесь как оккупанты. Даже предлагали, чтобы султан выбрал другую столицу где-нибудь в Малой Азии. От такого вероломства Орхана чуть не стошнило. Он лучше умрет, чем покинет место, где покоятся в могилах его правители и предки!

Раздался свист. Юноша сделал последнюю затяжку и раздавил окурок каблуком. Сердце билось с невероятной скоростью. Стройный мужчина шел в его сторону, держа под мышкой папку для документов. Орхан сразу же его узнал по описанию. Англичанин направлялся из отеля в штаб британской военной разведки. Краем глаза Орхан предупредил Гюркана, который начищал туфли клиенту. Студент, опустив глаза, вышел из укрытия, с озабоченным видом быстро зашагал в сторону иностранца. Орхан

наткнулся на свою цель с такой силой, что едва не сшиб мужчину. Юноша рассыпался в извинениях. В тот же момент в несколько прыжков к ним подскочил Гюркан и попытался в суматохе завладеть папкой. Англичанин орал, как осел, но не сдавался и папку не выпустил. Вокруг моментально образовалась толпа. Крики, пронзительный свист полицейских... Парни запаниковали и помчались прочь без оглядки.

Несколько часов спустя, посреди ночи, спящую глубоким сном Лейлу разбудили. Понадобилось некоторое время, чтобы собраться с мыслями. Над хозяйкой склонилось изборозженное морщинами лицо Фериде. Служанка была чем-то взволнована.

— Что случилось? — встревожилась Лейла. — Кто-то из детей заболел?

— Орхан. У него неприятности...

В ту же секунду в комнату ворвался брат, бледный как стена.

— Мне очень жаль, но у меня не было выбора. Ты должна мне помочь!

— Я не понимаю...

— Я привел раненого товарища, которому нужна срочная помощь. Умоляю! Мы не знаем, что делать.

— Что произошло? — спросила Лейла, набрасывая халат.

— Перестрелка.

Они сбежали по лестнице. В вестибюле стоял сильно озабоченный Али Ага, тоже облаченный в халат. Лейла никогда не видела его без фески. С непокрытой головой он был каким-то незащищенным. Молодая женщина узнала лучшего друга Орхана, парня по имени Гюркан, одетого в какие-то лохмотья. Он с трудом удерживал светловолосого крепкого мужчину, навалившегося на него всем те-

лом. Кровь раненого капала на мраморный пол. Лейла на мгновение остолбенела.

— Отведите его в комнату Орхана!

— Но как поднять его по лестнице? — запротестовал брат.

— Его нельзя оставлять в проходных комнатах на глазах у всех! И нужно вызвать доктора Кампьюна.

— Ни в коем случае! Нас разыскивает полиция!

Молодые люди изо всех сил старались затащить раненого вверх по ступенькам, тот лишь стонал.

— Доктор Кампюн спас мне жизнь, — отчеканила Лейла. — Этому человеку можно доверять. Он ничего не скажет. Если не оказать вашему другу профессиональную помощь, он может умереть.

С горем пополам юноши добрались до комнаты Орхана на третьем этаже. Лейла и Фериде поспешили развернуть матрас, чтобы уложить раненого. Молодая хозяйка растегнула пиджак незнакомца. Огромное кровавое пятно расплылось на белой рубашке.

— Фериде, нужны вода и чистые бинты. Поторопись!

Юноши подавленно наблюдали, как Лейла разорвала рубашку, открывая доступ к ране. Нужно было любой ценой остановить кровотечение. Слава Аллаху, она научилась оказывать первую помощь, практикуясь сначала в служебных помещениях мечетей, где скрывались беженцы с Балкан, затем в военных госпиталях. Раненый дышал с трудом и глаз не открывал.

— Подай подушку, — попросила Лейла Орхана, и тот сразу же вручил ее.

Она приподняла голову незнакомца, чтобы облегчить его страдания. Фериде вернулась с бинтами. Лейла соединила края раны, но марля постоянно пропитывалась кровью. У женщины тряслись руки. Если врач не появится

в ближайшее время, мужчина истечет кровью прямо у нее на глазах. Нос несчастного заострился, дыхание стало хриплым. С каждым ударом пульса кровь раненого проступала у нее между пальцами. Лейла сдержала приступ тошноты и прижала рану еще сильнее.

— Все будет хорошо, — прошептала она. — Не волнуйтесь... Орхан, нет! Не давай ему пить. У него могут быть внутренние повреждения. Лучше промокни ему лицо водой.

— Хочешь я тебя подменю? — спросил брат глухо.

— Нет, я держу его.

— Аллах милосердный! Вот это история... Если он здесь умрет...

— Он не умрет! — разъяренно прорычала Лейла.

Мужчина открыл светлые глаза, затуманенные горячей и болью, и пристально смотрел на Лейлу. Он зашевелился, желая встать, но Орхан не позволил.

— Все хорошо, — вмешалась молодая хозяйка. — Лежите спокойно, о вас позаботятся... На каком языке он говорит? — спросила она брата.

— Он немец, но свободно говорит по-турецки, — поспешил ответить Гюркан.

— Как его зовут?

— Ханс Кестнер, — прошептал Орхан, промокая ему лоб.

Лейла сжимала рану, наклонившись над ней. Под распахнутым халатом была видна ее ночная сорочка с глубоким вырезом. Выбившиеся из косы пряди обрамляли ее лицо и слегка касались щек раненого. Она не шевелилась, опасаясь, что кровотечение усилится. Она ощущала особую близость, словно держала в своих руках жизнь этого мужчины. С непокрытой головой, полураздетая, она следовала инстинкту, отказываясь бросить

незнакомца на произвол судьбы. Она улыбнулась ему, чтобы поддержать, понимая, как ему должно быть больно. Он смотрел на нее с отчаянием, а затем потерял сознание.

— Что с ним? — запаниковал Орхан.

— Так даже лучше, — ответила Лейла сквозь сцепленные зубы. — По крайней мере, он больше не шевелится.

Она так и не вспомнила потом, сколько времени просидела на коленях, прикованная к раненому, чувствуя, как судорога сводит плечи. Но она не решалась сменить положение. Она ничего не слышала и не видела, ощущала лишь, что Орхан и Фериде ходят вокруг нее. Она переживала за брата, который, по всей видимости, ввязался во что-то опасное, но этим она займется позже. В данный момент этот мужчина и она переживали каждую секунду с болью, боролись за каждую минуту. Она не сводила с немца глаз. Тот неровно дышал, его тело пылало. Нужно было любой ценой его держать.

Необычная тишина обволокла Лейлу, бесцветное пространство с приглушенными звуками, с размытыми контурами, где метрономом и единственной спасительной нитью был пульс. Она тихо разговаривала с раненым, словно сама с собой, передавая ему свою решительность. Они вдвоем вели борьбу, он большую часть времени без сознания, но с редкими прояснениями, а она чрезвычайно сосредоточенно.

Спустя вечность она услышала позади себя голос доктора Кампьюна. Фериде пришлось помочь Лейле отодвинуться от пациента, так как у той все онемело. Но когда врач сообщил, что нужно извлечь пулю как можно скорее, она была единственной, кто смог ему ассистировать. Орхан отошел, он боялся смотреть на операцию, Гюркан тоже был не в лучшем состоянии.

Металлический запах крови, вид исковерканной плоти, в которой копался врач, стремясь вытащить все осколки, — Лейла почувствовала приступ тошноты. Ее разбудили и сунули в какой-то кошмар. У нее кружилась голова, и она старалась не упасть в обморок. Она с трудом переносила вид крови. Будучи маленькой девочкой, она боялась любой царапины. А теперь кровь была везде, на ее руках, одежде... «Только не думай об этом!» — внушала себе Лейла. Доктор Кампьюн вытащил пинцетом пулю, положил ее в серебряный подстаканник, который держала Фериде.

— Сейчас все закончится, Ханым Эфенди, — прошептал он. — Я уже шью рану.

Рассвет приближался как обещание чудесного дня. Это было то глухое время, когда ангел смерти Азраил приходит за душами умирающих, время, когда разумные люди крепко спят.

Лейла отправилась переодеться. Она спрятала волосы под темно-синим платком, надела платье в тон, но лицо оставила открытым. Она чувствовала такую слабость, что не способна была довести мысль до конца. Ей одновременно хотелось поколотить брата за то, что заставил ее так переживать, и сжать в объятиях, потому что не он находился сейчас между жизнью и смертью.

Юноши переступили порог гостиной и замерли.

— Орхан, ты сошел с ума? — яростно вскричала она, вскакивая.

— Не кричи так громко!

— Почему же? Может, потому что никто не слышал всю эту суету? Просто чудо, что свекровь еще ничего не заметила и не потребовала объяснений.

Старушка Фериде принесла поднос с чаем, и Лейла приказала ей отдыхать. Доктор Кампьюн уже ушел. Он сделал

для пациента все, что мог. Оставалось только ждать. Ближайшие дни будут решающими. Отныне все зависело от возможного заражения.

— Во что вы играете?

— Лейла, это не игра. Речь идет о будущем нашей страны.

Орхан подождал, пока сестра усядется, чтобы поведать ей о происшедшем ночью несчастье. Гюркан, оглушенный событиями, сидел молча, пока его товарищ рассказывал сестре, насколько плохо закончилось нападение на английского шпиона.

— Мы с Гюрканом потерпели неудачу. Мы возвращались целые и невредимые в точку сбора, но позже узнали, что второй план тоже провалился.

— Именно тогда и вмешался Ханс, — уточнил Орхан. — Ему удалось украсть письмо, но его ранили, когда он пытался бежать...

Она слушала и переводила взгляд с одного на другого, ошеломленная новостью, что ее брат принадлежит к повстанческому движению. Она с трудом понимала, в какой ужасной ситуации оказалась, приютив у себя беглеца, разыскиваемого помощниками султана и оккупационными войсками, к тому же умирающего.

— Но почему ты привел его именно сюда? — возмутилась она. — У вас наверняка есть убежища и врачи-сообщники.

— У нас не было времени, — признался Орхан. — Мы видели, что Ханс серьезно ранен. А это место было самым близким и надежным. Никто не посмеет обыскивать дом секретаря падишаха.

Лейла побледнела от злости.

— Что ты в этом понимаешь? По какому праву ты так необдуманно рисковал? — выпалила она. — Этот дом — убежище женщин и детей, да, но и французского капитана с семьей! Ты что, забыл об этом?

Не в силах усидеть, она подскочила и принялась шагать по комнате.

— Орхан, неужели ты настолько безответственен? Кто угодно мог увидеть, как вы заходите в сад.

— Мне очень жаль, Лейла... Я мог обратиться только к тебе. Не сердись на меня, умоляю.

При виде его удрученного лица она почувствовала жалость. Всегда одно и то же! Еще до гибели родителей она испытывала особую нежность к младшему брату. С той жуткой ночи, когда пожар заставил их покинуть родной дом. Они тогда все потеряли, но Лейла впервые держала на руках грудного брата. Взяла его, чтобы помочь изнуренной матери. С тех пор она прощала Орхану все детские шалости, а затем и внезапные вспышки переходного возраста. Она писала ему письма в колледж и, защищая перед мужем, переходила на крик.

Она тяжело вздохнула и снова села. Орхан взял руку сестры в свою и поднес к губам. Юноши смотрели на Лейлу горящими взглядами, полными надежды. Могла ли она сердиться? Как в девятнадцать лет не принимать участие в спасении своей страны? Как сопротивляться внутреннему порыву турок, отказывающихся умирать?

Вдруг Лейла поняла, что где-то в глубине души она давно сделала для себя выбор. Раздражение и горечь, которые она испытывала последнее время, были следствием той самой боли, которая читалась на лицах этих молодых людей. Возможно, ей нужно было столкнуться с тем ночным испытанием, чтобы осознать это. Она огляделась, и ей показалось, что она впервые видит эту комнату. Тусклый свет свечей, закрытое пространство, изысканные ткани, мерцание канделябров, потухшие люстры — потускневшая роскошь, побитая, как молю, войной, казалось, окончательно испарилась. Чтение книг и газет, собрания женской органи-

зации, благотворительные мероприятия, в которых она принимала участие, больше не могли утолить жажду деятельности, которая росла в ней с того дня, когда Лейла искала потерявшегося сына в оккупированном Стамбуле.

Она посмотрела на Гюркана, сжимавшего в руке стакан чая. Орхан, как маленький, грыз ноготь большого пальца. Они были такими юными... Лейла была старше на несколько лет, но она была матерью, и они, по всей видимости, полагались на нее. Она их не разочарует. Таковы все турки — терпеливые и фаталисты. Их душу ранили, глубоко, задела святая святых, пробуждая внутреннюю силу, корни которой уходят в давние времена.

— Я понимаю вас, — наконец нежно произнесла она. — Но он?

Измощенное лицо Орхана озарила улыбка. Значит, сестра его не отвергает. Время лжи и скрытности миновало. Появилась надежда, что все наладится.

— Ханс Кестнер — немец по паспорту, но сердцем — турок. Тебе ничего не говорит его имя?

Лейла задумалась. За последние тридцать лет столько немцев участвовало в жизни империи. Инженеры, строители железной дороги, офицеры, отвечавшие за военные реформы, предприниматели... В прошлом веке кайзер и самые высокие чиновники Османской империи желали объединения двух стран. Этот союз привел Турцию к войне и оставил на краю бездны.

Она потрясла головой.

— Хаттуса¹, — пробормотал Орхан, и в его взгляде появился странный огонек. — Он один из археологов, кото-

¹ Хаттуса — столица древнего Хеттского царства, расположенная близ современной турецкой деревни Богазкале в Центральной Анатолии недалеко от реки Кызылырмак (древний Галис). Городище обнаружено в 1834 г. В 1905—1913 гг. в раскопках по линии Германского

рый открыл хеттскую столицу. Помнишь, я тебе об этом рассказывал?

Как она могла забыть? Это было в 1906 году. Орхану было семь лет, столько же, сколько сейчас ее сыну. Тот возраст, когда мальчишки страстно увлекаются какой-то темой вплоть до полного абсурда, доводя близких до отчаяния. Они становятся просто одержимыми. Для Орхана навязчивой идеей были раскопки в Анатолии, при которых были обнаружены руины забытой империи, а также десятки тысяч глиняных клинописных табличек¹. Письмена никто не мог расшифровать. Тайна и приключение. Древний, совершенно неизведанный мир, неодолимый для маленького мальчика с безудержной фантазией. Именно из-за этих немцев Орхан решил стать археологом.

— И все равно я не понимаю, как археология могла привести к тому, что он оказался в нашем доме при смерти посреди ночи.

— Мне показалось, ты сказала, что он не умрет! — возмутился Орхан.

Она развела руками в знак бессилия.

— Иншаллах! Отныне все в руках Божьих.

— Он крепкий, выкарабкается, — заверил Гюркан.

— Чего я ему и желаю, иначе благодаря вам у нас дома будет труп, — заметила она. — И ты до сих пор не ответил на мой вопрос. Почему он ввязался в национальное восстание?

— Это друг моего дяди, — пояснил Гюркан. — Они оба служили офицерами во время войны и сражались плечом

археологического института участвовал немецкий востоковед-ассириолог Гуго Винклер.

¹ Богазкёйский архив — свыше 14 тыс. клинописных текстов на глиняных табличках II тыс. до н. э., обнаруженных на месте столицы Хеттского государства, Хаттусы.

к плечу. Ханса отправили в Месопотамию с секретным заданием помочь арабским племенам. После перемирия он не захотел возвращаться в Германию. А когда узнал, что дядя был одним из тех офицеров, которые отказались сдать оружие, спросил, может ли он к ним присоединиться.

— И Рахми-бей согласился? — удивилась Лейла. — Я думала, что мы больше не носим немцев в сердце. Тем более ваш генерал Мустафа Кемаль.

— Ханс Кестнер — выдающийся человек, он страстно любит нашу страну. Мы не могли отказаться от помощи такого человека. Он знает Анатолию и арабские пустыни, как свои пять пальцев.

— А по мне, он скорее похож на наемника, — недоверчиво протянула она.

От нее ускользало еще столько вещей. Выживет ли незнакомец после таких ран? Ничто не могло быть менее определенным. С сегодняшней ночи она ежесекундно будет волноваться за Орхана и его друзей. Что с ними будет? Война завершилась, будущее должно было быть многообещающим. Но, увы, оно оказалось мрачным и угрожающим. Лейла глубоко вздохнула, чтобы справиться с охватившим ее отчаянием.

— Нужно держать Селима подальше от этой истории, — приказала она. — Я не знаю, как он отреагирует. Но я обязана поговорить со свекровью. От нее невозможно ничего скрыть, и она придет в бешенство, если это внезапно всплывет.

— Ты думаешь, она согласится хранить молчание? — заволновался Орхан.

— Не знаю. Но, как тебе известно, ее любимый сынок защищает султана и его англофильское правительство, — с иронией заметила Лейла. — Однако свекровь никогда не боялась принять вызов судьбы. Возможно, ее соблазнит

мысль, что она будет скрывать под своей крышей врага капитана Гарделя, которого эта дочь черкесского народа так ненавидит.

Лейла предложила юношам отдохнуть до утра в одной из гостевых комнат, но Гюркан предпочел покинуть конак до рассвета и как можно скорее вернуться в Эюп. Он подошел к молодой женщине и с уважением склонился перед ней.

— Лейла-ханым, благодарю вас от всего сердца. Вы — необыкновенная. Вы спасли ему жизнь!

— Не говори слишком быстро, Гюркан. Это приносит несчастье.

Ее буквально скосила усталость, а юноши вновь были полны энтузиазма. Женщина позавидовала их беззаботности, благодаря которой они не видели дальше настоящего момента. Наверное, она должна брать с них пример. Единственный способ осуществить невозможные победы — поверить в них безумно и безоглядно.

Немного погодя Лейла приоткрыла дверь в комнату раненого. Ни одна из комнат не закрывалась на ключ, но здесь нужно обязательно установить замок. Она на цыпочках подошла к немцу. После операции Фериде помогла ей переложить его на чистые простыни. Ароматические травы, дымящие в курильнице, перебили едкий запах крови и страданий. Мужчина лежал на белой льняной подушке, покрывало закрывало грудь, руки оставались сверху. Он был мертвенно бледен.

Лейла рассмотрела правильные черты лица, прямой нос, полные губы — почти строгая гармония, которую усиливали жесткие линии челюсти. Маленькие морщины вокруг глаз, на лбу и у рта говорили о характере. Веснушки на широких плечах придавали некую мягкость образу ре-

шительного солдата. Густые светлые волосы были спутаны и влажны от пота. Молодая хозяйка положила раненому на лоб прохладную руку, точно как своим детям, когда те болели. Жара не было. Кожа была приятной на ощупь.

Лейла смочила лоскут марли в чаше с водой, нежно омыла лицо, затем шею, спустилась вдоль руки, обвела испещренные шрамами пальцы, сожалея, что не умеет читать ни по линиям руки, ни на кофейной гуще, — в этом искусстве она доверялась Фериде и предсказательницам, которых регулярно приглашала свекровь. Мужчина лежал неподвижно, его грудь равномерно поднималась и опускалась. Доктор разрешил ему пить. Лейла уже подумывала о бульонах, которые может приготовить кухарка. Им понадобится больше мяса, чем обычно, и достать его будет довольно трудно. К счастью, на огороде было достаточно овощей.

Вдруг ее пронзила тревожная мысль. Невозможно скрыть его присутствие в доме. «Мы все станем соучастниками, если произойдет что-то страшное», — подумала она. Лейла слышала, что союзники не стеснялись допрашивать женщин. На нее свалилась неимоверная ответственность. «Как брат мог пойти на такой риск? Какой эгоизм!» — злилась она.

Мужчина повернул голову. Глаза метались из стороны в сторону под закрытыми веками, губы были сухи. «Конечно, Орхан был обязан его спасти!» — отчитала она себя. Жизнь слишком ценна! Уважение к ближнему прививается воспитанием и верой. Она поступила бы точно так же.

Она взяла мужчину за руку. Неожиданно тело раненого пронзил спазм, его пальцы сжали пальцы Лейлы. Она не отдернула руку, прошептала что-то ободряющее по-турецки и по-немецки. Ханс продолжал метаться. Что же ему снится? Кошмары? Мальчики говорили о нем с восхищением.

Она задумалась, правдивы ли их истории. Юноши выдумывают себе героев, чтобы стать мужчинами.

У некоторых народов существует поверье: если вы спасаете кому-то жизнь, то навсегда связываетесь с этим человеком. Если Ханс Кестнер выживет, что с ним станет в будущем? Она должна признать, что действовала, отбросив всяческие приличия. Не желая оставлять Фериде одну с раненым, Лейла осталась помогать. Молодая женщина была поражена, как такое внушительное, почти идеальное тело может быть столь хрупким.

Поддавшись порыву нежности, она положила ладонь ему на щеку. Наконец он успокоился. Лейла не решилась его покинуть и осталась в ожидании рассвета и призыва к утренней молитве. Ее ладонь — в его руке.

— Слава Аллаху, ты не переделалась для визита ко мне! — воскликнула Зейнеп-ханым, когда Лейла снимала чаршаф у нее в вестибюле.

Окинув гостью критическим взглядом настоящей модницы, Зейнеп залюбовалась ее фетровой шляпкой без полей, украшенной перьями, крепдешинovým платьем светло-серого цвета, узкая юбка которого приоткрывала туфли на высоком каблуке. Такие каблуки обожали все стамбульские женщины.

— Ты очаровательна, голубка моя... И хоть ты и живешь в тени своей свекрови и я боялась, что ты никогда не будешь придерживаться моды, но... — пошутила молодая женщина, которая была известной личностью в кругах, выступающих за женскую эмансипацию.

— Она ни к чему меня не принуждает, — улыбаясь, ответила Лейла. — И мне нравится следовать нашим традициям.

— Вздор! — выпалила кузина, провожая Лейлу в гостиную. — Это какой-то кошмар. Когда я вижу твою свекровь, чувствую себя пятилетним ребенком. Кстати, как дети?

Рассказывая об их последних шалостях, Лейла заметила, что в гостиной были не только женщины — турчанки

и европейки, — но и несколько мужчин. Зейнеп давно проповедовала общественную жизнь на западный манер, и ее второй муж, владелец газеты, не видел в этом ничего дурного.

— Ты пригласила женщин из Пера? — изумилась Лейла.

— Только самых недалеких, — тихо уточнила кузина. — Здесь я согласна с Гюльбахар-ханым: эти дамы громко разговаривают и ужасно нескромны, но они богаты, а мне нужны деньги для своих работ.

— «В их венах течет кровь шести народов, но души нет ни от одного из них», — процитировала Лейла с игривым огоньком в глазах.

Зейнеп расхохоталась.

— У твоей свекрови всегда был язык, как у гадюки!

Затем Зейнеп вполголоса поведала, что бывает на вечеринках, организованных союзниками, где узнает о последних действиях иностранных офицеров, и сообщает об этом кому следует. Мысль о том, что кузина могла быть осведомителем националистов, шокировала Лейлу. Гостья чуть не поддалась соблазну рассказать о происшествии с Хансом Кестнером, но решила промолчать — по примеру свекрови, которая заявила, что никому об этом не разболтает, даже Селиму. «Что происходит в гаремлике, его не касается».

Внимание Зейнеп привлекла суэта возле дверей. Женщины вскочили и кланялись. Хозяйка бросилась встречать Фехиме-султан, дочь султана Мурада V, известную эксцентрическими нарядами. Либеральная принцесса не жаловала своего дядюшку, падишаха. Зейнеп поведала Лейле, что принцесса заодно с сопротивлением, так же как и одна из ее кузин, Наиме-султан. Даже в императорской семье расходились во мнениях касательно будущего страны.

Лейла с любопытством осматривала новый дом кухни. Зейнеп мечтала переехать в одно из зданий, которое делилось на квартиры. Тем не менее, как и многие мусульманские семьи, семья Зейнеп была слишком многочисленна для того, чтобы всем жить под одной крышей. Мебель была в европейском стиле, с картинами и французскими креслами, — кухня не признавала дешевку.

В небольшой гостиной женщины в английских костюмах с длинными узкими юбками, устроившись на подушках, курили и что-то живо обсуждали. За решетчатой дверью шкафа Лейла заметила вышитые чехлы, в которых обычно хранились ночные сорочки гостей, временно живущих в доме.

— Без этих турецких мелочей невозможно обойтись, — прошептала ей на ухо Зейнеп. — Так что мне в некоторой степени подходит эклектика Запада.

Во время войны Лейла встречалась с подругами кухни на собрании суффражисток, куда ее привела Зейнеп втайне от Селима. В тот день все участницы были в шелковых серебристых чаршафах. Но Лейлу не убедили их речи, на ее взгляд слишком радикальные. Эти женщины показались ей не столько озабоченными избирательным правом, чем правом участия в общественной жизни мужчин.

Сегодня все было иначе. Ходили слухи о том, что союзники пытали и постоянно унижали ее народ, и Лейла понимала, что турчанки не собирались бездействовать. «Мы — глашатаи большинства необразованных и молчаливых женщин. Наш долг — действовать!» — повторяла ее кухня.

Рыжеволосая дама с напряженным взглядом была автором статей в «Сюкуфезар», первой газете, которая издавалась исключительно силами женщин. Ее владелица хотела доказать, что женщины не «бестолковые длинно-

волосые существа». В последней статье журналистка разоблачала тех, кто, нажившись на войне, разъезжал за рулем шикарных автомобилей вместе с любовницами в мехах и драгоценностях. Получившие прекрасное образование авторы статей не стеснялись в выборе выражений. Лейла поняла, *что* женщины османской элиты отныне стремятся показать всему миру.

— Тебе бы тоже стоило писать, — вдруг заявила Зейнеп. — Тебя послушать — так идей тебе не занимать.

— Что? Я на это не способна! — покраснела Лейла.

— Нам нужны новые голоса. У тебя весьма острый язык, голубка моя. Преступление — не воспользоваться этим.

Пока Лейла беседовала в гостиной с кузиной, Роза Гардель вошла в холл и подала горничной пальто. Одна гречанка, активистка, занимавшаяся организацией взаимопомощи, пригласила ее на благотворительное чаепитие османской организации Красного Креста. Роза была удивлена тем, что в светских кругах различные общины города пересекались. Мадам Диамантидис пояснила, что мусульманские и христианские женщины часто работают вместе в некоторых общественных организациях, но, безусловно, имелись и другие структуры, которые создавались согласно этническим группам и вероисповеданию. Мадам Диамантидис не желала зла никому — ни победителям, ни побежденным. «В отличие от многих греков, я не ненавижу турок, — признавалась она. — Я знаю их недостатки, но мне известны и их достоинства».

Роза же была скептически настроена по отношению к туркам, считала, что потомки сельджуков способны на любое коварство. Трагическая судьба армян потрясла ее.

Она не могла не переживать за сотни тысяч мужчин, женщин и детей, перемещенных в нечеловеческие условия, ведущие к гибели. Ее волновала судьба меньшинств не только потому, что Франция некогда была страной наихристианнейших королей, защитников Пап и Святого Престола, но и потому, что ее сестра была монахиней, жила в Порте многие годы и Роза понимала, что в любой день Одили может угрожать опасность.

Навстречу гостье вышла элегантная турчанка. Роза с натянутой улыбкой пожала ей руку. Француженку представили принцессе императорского дома, перед которой Роза присела в неуклюжем реверансе. В глубине души мадам Гардель была впечатлена этим знакомством. Среди приглашенных были жены и сестры представителей нового класса мусульманских предпринимателей, становление которого после падения султана Абдул-Хамида поддерживало государство. Судя по их модным нарядам, эта новая буржуазия ориентировалась на Запад.

Наступил момент, когда Зейнеп должна была обратиться к присутствующим. Чтобы привлечь внимание, женщина хлопнула в ладоши.

— Благодаря собранным во время распродажи деньгам мы можем помочь женщинам, лишенным права получить и работать по профессии. Для начала мы должны их накормить, как и во время войны. Бесплатные обеды, увы, по-прежнему забирают все наши средства...

— Нужно прекратить кормить русских, ведь не хватает средств для мусульманских беженцев! — прервала ее пожилая женщина.

— Уважаемая Ханым Эфенди, к сожалению, сейчас многие терпят нужду, — ответила Зейнеп примирительно.

— Они принесли проституцию, болезни, азартные игры и свои жуткие лотереи. Эти женщины сбивают с пути

наших мужчин, которые теперь молятся на их возмутительные кабаре. В этом городе не осталось приличий!

— Турецким мужчинам не нужны русские, чтобы вести себя по-хамски, — с иронией заметила высокомерная брюнетка. — Это дикие птицы, которые именно так проводят время вдали от своих гнезд.

— Я знаю, насколько вы великодушны, Ханым Эфенди, — продолжила Зейнеп, — и уверена, что вы сочувствуете этим бедным женщинам. Горе и смятение толкают их на такие прискорбные поступки. И признайте все же, ответственность за это лежит не только и не столько на них, не так ли?

Пожилая дама упрямо дернула головой. Зейнеп закончила свою речь, перед тем как поблагодарить присутствующих и назначить следующую встречу на благотворительном ужине в июне. Роза вежливо поаплодировала. Французское посольство и религиозные сообщества поддерживали русских.

Мадам Гардель огляделась, ее внимание привлекла группа оживленно беседующих молодых женщин. В самых авангардистских европейских салонах они произвели бы фурор — обтягивающие костюмы, модные стрижки и покрытые ярким лаком ногти. Роза смутилась и нахмурилась. Они находились далеко от мусульманских кварталов, но даже здесь, в этом салоне, их отношения с греками и армянами казались весьма натянутыми. «Взвесив все, я по-прежнему отдаю предпочтение живописному гаремлику Гюльбахар-ханым», — подумала Роза.

Молодая гостья в фетровой шляпке с перьями внезапно расхохоталась. Светло-серое платье, выкройку которого Роза была бы не прочь раздобыть, сидело идеально. Даже подали сигарету, и, когда огонек зажигалки осветил ее профиль, Роза узнала Лейлу-ханым. Она была поражена. Ее сердце забилося быстрее. «Определенно, эти турчан-

ки никогда не были такими, какими их считали европейцы. Настоящие хамелеоны», — сказала она про себя. Эта женщина совершенно не походила на ту сдержанную особу, которую Роза видела ранее. Раскрасневшаяся Лейла сыпала остротами, очаровывая собеседниц. Присутствующие в зале мужчины также подошли к группе дам. Один из них обратился к Лейле-ханым, и та скромно опустила глаза, но, по всей вероятности, ответила остроумно, потому что все рассмеялись.

Роза вспомнила, что даже Луи был очарован этой женщиной. Он всегда говорил о ней с особым волнением. Наблюдая, как в салоне, который был оформлен по западному образцу и в котором угощали алкогольными напитками, Лейла-ханым флиртует в отсутствие Селимбея, Роза почувствовала себя не в своей тарелке. Француженка гордилась своей интуицией. Она думала, что Лейла вряд ли может быть для нее опасна. «Нужно за ней присматривать», — пообещала она себе, отходя на несколько шагов, чтобы ее не заметили.

— Бог мой, да что с тобой произошло? — воскликнула Лейла, вернувшись домой.

Она упала на колени перед сыном, не решаясь коснуться его распухшего лица. Фериде, скрестив руки, возвышалась позади Ахмета, словно цербер. Она уже обработала его ссадины и синяки.

— Молодой хозяин развлекается, вступая в драки, словно оборванец, — недовольно объявила она.

— Сердце мое, объяснись! — потребовала Лейла. Ахмет отличался несносной привычкой закрываться в упрямом молчании.

— Я был с друзьями.

— И?

— Немного выше по улице, у Румсов.

— Шайки мальчишек бросаются камнями и постоянно дерутся, — пояснила Фериде. — Городские кварталы стали укрепленными лагерями. Если бы мы не проиграли войну! — запрочитала она, вскинув руки к небу.

Лейла присела на диван и привлекла сына к себе на колени.

— Вы не собираетесь его ругать? — гневалась служанка. — Ханым Эфенди, вы только посмотрите на этого

озорника! В следующий раз, да убережет нас от этого Аллаха, с ним может случиться что-нибудь похуже...

Лейла начала укачивать мальчика в объятиях, положив щеку ему на макушку. Едкий запах йода смешивался с ароматом его волос. Сын был таким хрупким для своего возраста...

— Львиная смелость в теле ягненка, — прошептала она.

Любовь к Ахмету была изодрана угрызениями совести — он родился в страданиях, пуповина была обмотана вокруг шеи, и после родов она была слишком слаба, чтобы кормить ребенка грудью. Она лишила сына этой материнской поддержки, такой важной в первые недели жизни.

— Я не хочу, чтобы ты подвергал себя опасности, мой маленький волчонок, — тихо произнесла она. — Ты для меня важнее, чем все звезды на небе, ты же это знаешь.

— Мама, нужно бороться за себя...

— Ангел мой, бороться должны взрослые, а не дети. Дети должны расти и учиться, чтобы стать сильными и умными мужчинами, которые будут полезны своей родине. Не торопи события. Научись терпению...

После недолгого молчания мальчик спросил, может ли он пойти вместе с Али Ага на молитву в мечеть.

— Конечно, сердце мое. Беги быстрее попросись с ним пойти!

Ахмет метнулся к двери. Фериде неодобрительно смотрела на хозяйку. Иногда поведение Лейлы шокировало старую служанку, и ей никак не удавалось привыкнуть к тому, что та одевается по-европейски. «Я слишком стара для всех этих глупостей», — устало думала она.

— Я читаю тебя, словно открытую книгу, — ласково произнесла Лейла, целуя руку той, кто был с ней рядом

с самого детства. — Но порицание Ахмета ни к чему не приведет. Он снова возьмется за свое.

— Есть и кое-что похуже, — продолжала брюзжать Фериде. — Он недавно искал Орхана и спросил, почему на его двери замок.

Лейла вздохнула. Сегодня Ахмет. Кто завтра?

Люди падки на пересуды. Одно откровение, одно бестактное замечание, одно любопытное ухо... Ее сердце сжалось в тревоге.

— Как он? — поинтересовалась она.

— Намного лучше. Горячка наконец-то прошла.

— Хорошо, пойду поговорю с ним.

Фериде молча подошла к инкрустированному сундуку, достала вуаль и протянула госпоже с выражением лица, не терпящим возражений. Лейла улыбнулась, снимая шляпку.

— Он уже видел меня с непокрытой головой и полудетой.

— Поскольку он был при смерти, то молим Аллаха, что он ничего не заметил!

Лейла поправила складки вуали.

— Я могла бы также надеть униформу медсестры, — пошутила она.

— Не понимаю, почему вас волнуют подобные вещи, — выпалила Фериде. — Он же неверный, даже если и пролил кровь за нашу страну.

— Исключительно из тщеславия. Не хотела бы, чтобы он подумал, что турецкие женщины не умеют одеваться со вкусом.

— Вздор! — раздраженно фыркнула служанка. — Как по мне, я желала бы, чтобы он поскорее поднялся на ноги, покинул наш дом и я больше никогда о нем не слышала... Как будто у нас нет других забот!

Ханс Кестнер спал, откинувшись на подушки. Ранение не прошло бесследно. Он похудел, и черты лица заострились. Доктор Кампъон несколько раз приходил проверить, нет ли заражения. Первое время днем и ночью Фериде и Лейла дежурили возле раненого, особенно когда температура росла и мужчина бредил.

Лейла положила руку ему на лоб. Кожа была прохладной. «Самое плохое миновало», — с облегчением подумала она. Она должна гордиться этой победой. Внезапно немец открыл глаза, и она отдернула руку, словно от ожога. Впервые он смотрел на нее, пребывая в сознании. В тот же миг особая связь улетучилась, и они снова стали чужими. Лейла с удивлением заметила, что ее это расстроило.

— Ханым Эфенди, я обязан вам жизнью.

Он говорил по-турецки, немного искажая интонации, но в целом мелодика речи была правильной. Смущенная, Лейла отступила на шаг. Она никогда не испытывала такого стеснения перед солдатами в военном госпитале.

— Я счастлива, что вам лучше.

— Это благодаря вам.

Он так пристально на нее смотрел, что Лейла отвела глаза и принялась изучать полку, на которой лежали перевязочный материал и лекарства.

— Я могу вас отблагодарить?

— Послушайте, это ни к чему. Любой поступил бы так же.

— Сомневаюсь, — серьезно произнес он. — Многие бы смотрели, как я истекаю кровью, после чего бросили бы мой труп в Босфор. Вы очень смелая.

Щеки женщины залил румянец. Она почувствовала себя совершенной и наивной глупышкой.

— Кажется, вы многое знаете...

— Благодаря Орхану.

— А, мой дорогой братец, — с нежностью, но немного иронично произнесла Лейла. — Вы — герой для него и его товарищей.

— Скажем, их впечатляют мои приключения. Тем не менее в них нет ничего особенного.

— А ведь именно вам Орхан обязан своей страстью к археологии. Ко всем этим пыльным камешкам, которые вы переворачиваете, копаясь в земле... — пошутила она.

— Увы, он подсунил вам коварный сюрприз, когда привел меня в ваш дом. Мне очень жаль. Предают только свои, не так ли?

Лейла была поражена блеском его задорного взгляда и улыбкой. Сердце женщины екнуло.

— Не хотите присесть? Вы немного побледнели, — встревожился он.

— Не думаю...

— Прошу вас. Нам нужно поговорить.

Он попытался приподняться, на лбу выступили капли пота.

— Успокойтесь, — сказала Лейла, придвигая стул. — Вы еще слишком слабы.

Он закрыл глаза, голова упала на подушку.

— Знаю. Я просто хотел встать.

— Вы не должны это делать! — воскликнула она. — Еще слишком рано!

— Как вы думаете, когда я смогу уйти?

Она задумалась.

— Врач говорил, что период выздоровления может продлиться около двух месяцев.

— Два месяца! Но это невозможно. Вы не представляете, какой опасности я всех вас подвергаю. Не знаю, в курсе ли вы...

— Вы убили британского шпиона.

— Вы кажетесь такой спокойной, — удивился он. — Вас это не шокирует?

Взгляд Лейлы потемнел.

— С чего бы это? Перемирие скрепило печатью документ об окончании военных действий в Европе, но мы по-прежнему воюем. И нам пришлось к этому привыкнуть, вы так не считаете? Иногда я спрашиваю себя — почему? Либо это результат небрежности наших правителей, либо проклятие, — вздохнув, добавила она. — Как бы то ни было, я не вижу, как за короткий срок ситуация может улучшиться. Поэтому будет еще много смертей, поверьте.

Ханс Кестнер подумал, что нет ничего более пленительного, чем умная женщина. Он любовался изяществом и утонченностью Лейлы-ханым. Встретить османскую женщину из высшего общества считалось особой привилегией. Он привык к загорелым лицам анатолийских крестьянок, к их ярким платкам. Муслин скрывал волосы хозяйки дома, но он помнил их, густые и ароматные, цвета красного дерева, а также прохладу рук спасительницы и тембр голоса, который доходил до него сквозь помутневший от боли и тревоги разум.

— Если англичане найдут меня здесь, вас бросят в тюрьму. Они очень серьезно относятся к пособничеству повстанцам.

— Успокойтесь, эту задачу затруднит им тот факт, что мой супруг служит у падишаха и что в селямликке живет французский офицер. Не существует лучшего укрытия, чем в логове врага, — ответила она с наигранным весельем.

Он понял, что Лейла боится, но пытается это скрыть. Внезапно ему отчаянно захотелось защитить эту хрупкую и отважную женщину.

— Да услышит вас Бог, — прошептал он. — Я не прошу себе, если принесу несчастье вам и вашей семье.

Ханс решил сменить положение и лечь ровнее, но это простое действие было почти невыполнимым. Он побледнел. Его тело стало тайным врагом, с которым он должен был обращаться крайне осторожно. Немец не привык быть слабым, он боялся беспомощности. Однако он и раньше бывал рядом со смертью, участвуя в опасной тайной войне. Он владел турецким и арабским, был знаком с жителями Месопотамии и Персии, поэтому высшее немецкое командование и османский военный министр Энвер-паша доверили ему особую миссию. В задачу небольшого числа немецких офицеров входило поддержание волнений на юге Османской империи. Эта нестабильность представляла угрозу для британцев, помешанных на безопасности Великого Индийского пути. За голову Ханса было назначено вознаграждение, его фотографиями пестрели первые страницы «*Basra Times*». Один из его товарищей был арестован и казнен. Там, где англичане располагали войсками и отлично налаженной системой шпионов, немецкие разведчики могли действовать только поодиночке. Хансу пришлось пройти необычное испытание, не бояться ни смерти, ни дьявола, чтобы показать себя достойным игры. Одиночество может свести с ума, но оно уже давно стало близким другом Кестнера.

Лейла налила чай, выложила изюм.

— У нас почти нет сахара, — извиняясь, сказала она.

Ханс дрожал от истощения. Она наклонилась как раз в тот момент, когда он чуть было не разлил чай. Аромат ее духов снова обволок его. Он вздрогнул, ощущая, как она сжимает его руки своими. У нее были тонкие пальцы, миндалевидной формы ногти, нежная кожа. Будучи знатоком

ювелирных изделий, он смог оценить великолепные драгоценные камни, сверкавшие на ее пальцах. Его охватило смятение вперемешку с неким страхом, но также такое сильное возбуждение, которого он еще никогда не испытывал.

С того времени, как Ханс пришел в себя, он ждал момента, когда женщина снова его навестит. На протяжении всех этих тревожных часов его успокаивало лишь присутствие молодой хозяйки дома. Орхан рассказал, как днем и ночью она самоотверженно заботилась о нем. Ханс был поражен таким безграничным великодушием. Он не привык, чтобы ради него кто-то собой жертвовал. И сейчас он испугался чувства, охватившего его, и на долю секунды понадеялся, что Лейла-ханым снова его спасет, но на этот раз от него самого. Желание — требовательный хозяин, и оно нигде так не опасно, как на берегах Босфора. Он всем сердцем привязался к этому удивительному древнему народу, и солончаки Анатолийского плоскогорья, волнительный серый свет гор Фарса, омываемая водами Тигра и Евфрата северная равнина ал-Джазира и южная — Двуречья стали свидетелями его страсти к Востоку.

Когда Лейла отвернулась, Ханс понял, что ее охватило такое же волнение. Вот оно — магнетическое влечение, безрассудное и опасное. Он упрекнул себя за то, что подверг ее такому испытанию. Их пути не должны были пересечься. Все это было и невероятно, и рискованно. В тишине было слышно их дыхание. Но Ханс больше не думал о себе — лишь о ней. Он хотел уберечь ее от грядущих бед. Он почти надеялся, что она встанет и молча уйдет. Он с уважением отнесся бы к ее выбору, не попытался бы ее удержать.

Лейла посмотрела на него, ее взгляд был спокойным. По его телу пробежала дрожь. Им не нужны были слова,

чтобы понимать друг друга. Оба осознавали препятствия и запреты. На что они могли надеяться? Они принадлежали к разным мирам, и все же никто не сможет отнять у них то, что их связало в этот момент.

С чувством смирения и счастья, смешанным со страхом и гордостью, Ханс поднес к губам руку молодой османской женщины, потом ко лбу, преклоняясь перед ее красотой, безрассудной смелостью и тихим безумством, которое уносило их обоих.

Париж, 28 апреля 1919 года

Возлюбленная моя!

Я, Варвар, Азиат, приветствую тебя! Именно так нас, османов, называют здесь, в Париже. Чувствуется коварное влияние греческого премьер-министра Велозелоса. Такой же очаровывающий и околдовывающий, как змея, он возрождает западную христианскую культуру, отбрасывая нас во мрак обскурантизма. Его аппетиты по отношению к нашим землям не имеют границ. Он заявляет, что не претендует на Константинополь, хотя на самом деле только об этом думает. Его требования противоречивы, но ему рукоплещут. Американец Уилсон¹ и британец Ллойд Джордж² восторгаются им.

¹ Томас Вудро Уилсон (1856—1924) — 28-й президент США (1913—1921). Первый президент США, посетивший с официальным визитом Европу для участия в Парижской мирной конференции. Предложения Вильсона были положены в основу Версальского договора.

² Дэвид Ллойд Джордж (1863—1945) — британский политический деятель, премьер-министр Великобритании от Либеральной партии (1916—1922). Возглавлял британскую делегацию на переговорах с Германией, подписал Версальский мир.

Я стал счастливым свидетелем мирной конференции, хотя на данный момент пребываю здесь инкогнито, но, признаюсь тебе, моя душа в печали. Я наблюдаю, как мимо меня проходят просители из забытых уголков Земли, представители тех народов, о существовании которых раньше никто даже не догадывался. У каждого одно слово на языке: «самоопределение». Но мы, побежденные, жалкие и несчастные, наши воины погибли на поле битвы, и нам нечего сказать. Здесь словно оскорбляют наших прославленных усопших.

Мы приговорены мирно ждать, пока они соизволят наложить на нас наказание. Несколько дней назад прибыли немцы. Они находятся под строжайшим наблюдением и жалуются, что с ними обращаются, как с животными на ярмарке. Австрийцев ожидают в середине мая. Когда в июне приедут представители Его Величества падишаха, я заверю свое официальное участие в делегации.

Это письмо передаст тебе мой французский друг, направляющийся в Стамбул. Я опасаясь цензуры, как чумы.

А как ты, моя прекрасная и милая супруга? Как дети? Спасибо тебе за последние новости, но ты не слишком многословна. Храню вас в своем сердце и молюсь за вас. Надеюсь, что Ахмет слушает тебя, не смотря на то что я от вас далеко.

Что касается тебя, знаю, что ты в безопасности наших стен, и меня это успокаивает. Знаю твое чувство меры и рассчитываю на твою мудрость. Держись подальше от социальных волнений. Скучаю по тебе... Должен ли сказать об этом больше? Целую твои руки, губы.

Да хранит вас всех Милосердный Аллах и покрывает своим благословением в такое мрачное и тревожное время.

Твой преданный супруг

Лейла сложила письмо Селима, которое только что получила, но которое, судя по дате, было написано несколькими неделями ранее. Посланник задержался. Она задавалась вопросом, почему он так плохо ее знает. «Не будь несправедливой», — шепнул внутренний голос. События сменяют друг друга слишком быстро. Совсем недавно она была скромной и послушной супругой, с неопределенными желаниями и устремлениями. Но за последние месяцы все изменилось. Она предчувствовала эти изменения, а долгое отсутствие Селима им способствовало. Жизнь привела ее на распутье, и, следуя своей интуиции, Лейла направилась по самой обрывистой тропинке.

Женщина взяла перо. На приеме у кузины Зейнеп-ханым ей настойчиво предлагали вести колонку хроники в газете, и Лейла раздумывала недолго. Недостойно молчать, когда есть возможность говорить во весь голос. На протяжении нескольких недель она писала, последовательно и логично излагая свои мысли, желая быть понятной для своих читателей. Теперь Лейла открывала в себе таланты и возможности, что вызывало в душе волнение и возбуждение.

У нее был красивый почерк, результат занятий по каллиграфии. Она принадлежала к группе образованных мусульманских женщин, которые не боялись пользоваться своей образованностью. «Турецкая женщина должна забыть о своей скромности и, словно птица, броситься в небо», — часто повторяла Лейла, подбадривая себя. Однако никто в семье, за исключением Орхана, не был в курсе ее деятельности. Подпись под статьями «Лейла-ханым»

могла принадлежать любой из тысяч жительниц Стамбула с таким же именем, как у нее. Ведь у турчанок не было фамилий, что, в сущности, являлось признаком отсутствия индивидуальности. Возможно, это будет новая тема статьи? «Нужно обсудить с Хансом», — улыбаясь, подумала она.

Когда Лейла узнала, что Орхан выдал ее секрет, показав газету археологу, женщина обиделась на брата. «Но я горжусь тобой!» — воскликнул юноша. И тогда она обнаружила, что очень полезно сравнивать свои размышления с мыслями образованного человека. С Селимом у нее не было интеллектуального родства. Она принадлежала к тому поколению женщин, которые познали ценность логики и рассуждения. В двадцать пять лет Лейла ощущала себя разрываемой между двумя мировыми концепциями. «Должны ли женщины соблюдать традиции Востока, чтобы быть счастливыми?» — спрашивала она себя. Ханс указывал на ее противоречия, втягивал в споры, но соглашался снова и снова возвращаться к тому или иному вопросу, когда Лейла удивляла его удачными ответами. И однажды она поняла, что во время дискуссий он абсолютно забывает, какого она пола. Это стало для нее настоящим откровением.

Лейла закончила статью, подошла к окну. В саду она заметила Розу Гардель, которая, выставив ладонь козырьком, чтобы защитить глаза от солнца, внимательно наблюдала за крылом гаремлика. Лейлу надежно скрывала решетка, но женщина резко отпрянула, почувствовав, как заколотилось сердце. Али Ага рассказывал о странном поведении мадам Гардель. Француженка часто заходила в кухню и иногда делала вид, что забыла обратную дорогу. Что искала эта женщина? Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы она всюду совала нос.

Как и боялась Лейла, болезнь Ханса затягивалась. Лихорадка не отступала. Иногда мужчина смотрел с таким

отчаянием, что ей приходилось утешать его, суля скорое выздоровление. Для мужчины, привыкшего к активному образу жизни, было невероятным мучением оказаться взаперти в маленькой темной комнате. Но разрешить ему выйти в сад означало подвергнуть всех и вся риску. Об этом даже речи быть не могло. Судя по информации, полученной от Рахми-бея, дяди Гюркана, имя Ханса Кестнера не сходило с языков британских агентов. Лейле порой казалось, что вокруг них сжимаются тиски.

Наконец зацвели иудины деревья, укрывая сады и пригорки розовым. Стоило подумать о переезде в йали на побережье Босфора. К несчастью, в этом году все усложнялось. Ахмету недавно исполнилось восемь. На войне погибло много людей, в том числе хорошие преподаватели, но Лейла не хотела лишать мальчика школьных учителей. И потому, нельзя было оставлять французов одних в конаке. Али Ага и молодые служанки будут вынуждены жить в городе. Некоторые девушки слезно умоляли не оставлять их во власти капризов неверных. Но вершиной бедствий было далеко не блестящее финансовое положение. Свекрови пришлось продать несколько драгоценностей по бросовой цене.

Вздохнув, Лейла поправила вуаль и зашагала по маленькой лестнице, ведущей в комнату Ханса. Они не виделись три дня. С тех пор как Кестнеру стало лучше, женщина заставляла себя держать дистанцию. Зоркий взгляд Фериде следил за ней, что крайне раздражало, ведь она ничего плохого не делала. И все же как отрицать, что ее охватывало волнение при каждом визите к Хансу?

— Что вы делаете? — воскликнула она, открыв дверь.

Посреди комнаты, шатаясь, стоял Кестнер. Она подхватила его и помогла сесть. Он дрожал от слабости.

— Лейла-ханым, вы определенно мой ангел-хранитель.

— Вас же просили не упражняться в одиночку, — отчитала она его. — Вы в самом деле упрямы!

Он с обезоруживающей улыбкой пожал плечами.

— Я схожу с ума. Мне нужно отсюда выйти.

Голубая рубашка подчеркивала сияние его глаз. Старые штаны Орхана были для него слишком коротки.

— Наступила весна, я через стены улавливаю ее ароматы, — продолжил он, повернувшись к окну. — Мир движется вперед, а я стою на месте.

В изрезанном оконной решеткой свете Лейла разглядела отражение страсти на его лице.

Но его тело отказывалось петь с ним в унисон. Забавно, но Лейла подумала, что сейчас он похож на турецких женщин, которых против воли удерживают в гаремликах. Ханс очень исхудал, но все равно был слишком большим для этой маленькой комнаты. Его присутствие здесь было ошибкой, неверным жизненным шагом. Он, человек бескрайних просторов, стал пленником женской части дома.

— В конце концов, вам нужно восстановить силы! — ответила она. — Вас до сих пор лихорадит. Вам нужно лечь.

— Нет! Прошу вас. Позвольте мне снова быть человеком.

Ханс скривился, опираясь на подушки. Ему требовалось много времени на восстановление, но Лейла знала, что залог успеха — в хорошем питании. А им часто приходилось довольствоваться чечевицей, капустным супом и черным хлебом.

— Чем вы займетесь, когда уедете отсюда? — спросила Лейла, присаживаясь рядом.

— Пойду туда, где смогу быть полезным.

— Вы же знаете, что это опасно. Кажется, за вашу голову назначили денежное вознаграждение.

— Это не впервой.

— А почему вы не вернетесь в Берлин, не возобновите преподавание? Вы рискуете жизнью, оставаясь здесь.

Он бросил на нее игривый взгляд.

— Вы за меня волнуетесь, Лейла-ханым?

Она покраснела.

— Вовсе нет! Но я не понимаю, что вас так привязывает к националистам, ведь вы даже не турок.

— Духовные узы подчас намного требовательнее, чем родственные... Я родился в Берлине, но вырос в Османской империи. Мои первые воспоминания связаны с холмами Анатолии. Мой отец был инженером. Он работал на железной дороге, на мифической Багдадской¹. Он привез нас сюда, мать и меня. Но вскоре остался только я.

— Ваша мать умерла?

— Только в глазах отца, — сказал он глухо.

Лейла из деликатности промолчала. «Господи, как же она красива!» — подумал Ханс.

— Мать бросила его ради другого. Однажды утром она ушла. Без предупреждения. Я был слишком мал, чтобы что-то понимать. В четыре года не можешь себе представить, что мама может тебя покинуть. Я долго ждал ее... Слишком долго, — с горечью усмехнулся он. — Она так никогда и не вернулась. Анатолийские крестьянки подарили мне внимание, в котором я нуждался. Позже отец отправил меня в Бранденбургский пансионат. Там было холодно, мы жили впроголодь. Я вытерпел и выжил, дав

¹ Багдадская железная дорога была важным фактором международной политики начала XX века. Планировалось соединить Берлин, Вену, Стамбул, Багдад, Басру, Кувейт. В строительстве активно участвовала Германия. К началу Первой мировой войны была построена частично — на севере до Рас-эль-Айна (за время войны до Нусайбина), на юге — от Багдада до Самарры. После поражения Центральных держав и распада Османской империи строительство прекратилось.

себе обещание, что вернусь в Турцию, как только меня освободят из этой тюрьмы. Если бы я остался там чуть дольше, я бы умер.

Он сам был поражен тому, с какой силой снова прочувствовал далекие события. Археологические раскопки были приостановлены, у него больше не осталось оснований находиться в этой стране, но ему казалось немыслимым возвращаться в Берлин, раненный поражением в войне и терзаемый революцией. В голове Ханса проносились картинки из прошлого. Воспоминания об одиноком детстве, раскаленное летнее солнце, аромат полевых цветов, смех анатолийских пастухов, непонятное отсутствие матери, разрывавшее сердце... Затем, чуть позже, — страсть к забытым мирам людей и богов. Каменные львы великих ворот Хаттуса, стены храма, таблички с не поддающимися расшифровке надписями, скрывающие секреты уничтоженных империй...

— Орхан, наверное, говорил вам, что я изучаю хеттов, не так ли? Вплоть до прошлого века историкам были известны лишь три великие империи Древнего мира в Африке и Малой Азии: Египетская, Вавилонская и Ассирийская. Тем не менее некоторые исследователи предполагали, что их значительно больше. По неизвестным доселе причинам эта империя не оставила никаких следов в памяти коренных жителей и не упоминалась в священных писаниях. Начиная с 1906 года я участвовал в раскопках в Анатолии под руководством Гуго Винклера и Османа Хамди Бея, хранителя Стамбульского археологического музея.

Ханс никогда не забудет тот день, когда они обнаружили около двух с половиной тысяч таинственных табличек, не забудет вкуса пыли и ударов пульсирующей в висках крови и той уверенности, что наконец он держит волшебный ключ к тайнам столицы хеттов. Она возвышалась сре-

ди суровых скалистых холмов, туда можно было добратъся верхом, проведя в пути несколько дней.

— Я посвятил свою жизнь тайнам прошлого этой земли. Знаю, что здесь сейчас опасно. Но как я могу ее бросить? Если мы хотим подарить будущее нашей стране, мы должны бороться и помешать союзникам разорвать империю на куски. Но я пока не знаю, придем ли мы к своей мечте. В такой ситуации необходимо твердое руководство, ясное видение, человек, ниспосланный Провидением...

Его взгляд потерялся вдали.

— Генерал, с которым знаком ваш друг Рахми-бей? — спросила Лейла.

— Да. Мустафа Кемаль на это способен. Это военный стратег, обладающий тонким политическим чутьем. Увы, на данный момент все очень неопределенно. Ощущается волнение как среди офицеров, так и в народе, но проволокки правительства сеют смятение. Падишах ошибается, веря, что может рассчитывать на защиту британцев. Те думают лишь о собственных интересах. Успех дипломатической миссии в Париже станет определяющим.

Ханс заметил, как Лейла напряглась при упоминании мирной конференции. Не впервые она закрывалась, как только он упоминал о муже, даже косвенно. Селим-бей не знал о присутствии Ханса под своей крышей. «Это женская конспирация», — объяснил Орхан с довольным видом. Молодой человек не любил своего шурина, обвинял его в упрямстве и реакционерстве. Но Ханс научился не судить о людях, не познакомившись с ними.

— Вы подумали о супруге? — осмелился спросить он.

Лейла огорченно отвернулась. Она ценила его откровенность, но ее смутило упоминание о близком человеке. На долю секунды Ханс упрекнул себя за то, что поставил ее в неловкое положение. Но, увы, он ничего не мог

поделать. Все, что ее касалось, не могло оставить его равнодушным. Нельзя останавливаться в пустыне, если ты чего-то хочешь. Идешь, не считая шаги, потому что время исчисляется бесконечностью. И теперь он знал, что провел всю свою жизнь, шагая к этой женщине.

— Как он отреагирует, если узнает о моем пребывании здесь?

— Он разозлится, потому что вы подвергли нашу семью опасности.

— Даже если ваша свекровь на это согласилась?

— Моя свекровь — революционерка, хоть сама об этом не подозревает, — ответила Лейла, улыбаясь. — Она всегда всех ставит в неловкое положение.

— Она однажды приходила ко мне.

Заметив шок Лейлы, Ханс не удержался от смеха.

— Еще в самом начале, когда я был слишком слаб. Я понимал, что рядом со мной кто-то есть. Это была женщина, скрытая вуалью. Я не мог различить ее лица. Но это были не вы.

— Как вы можете быть уверены?

Он выдержал паузу.

— Потому что я всегда знаю, когда это вы, Лейла-ханым. Даже с закрытыми глазами. Даже во сне. Я узнаю вас по дыханию, по вашему молчанию... Вы живете в моих снах. Лейла задрожала.

— Прошу вас, — прошептала она.

«Какая несправедливость!» — подумала Лейла. Она вернула его к жизни, а он в благодарность превратил ее в свою пленницу, пробуждая в ней всякого рода волнения. Она постоянно думала о Хансе. День и ночь ее преследовал его взгляд — то искренний, то хитрый, иногда затуманенный страданием. Она помнила это тело, которое все же оставалось для нее чужим, поскольку тело по-настоящему

раскрывается во время любви. Лейла больше не могла сопротивляться. Она хотела почувствовать ласки этого мужчины, насладиться его губами, языком, вдохнуть аромат его кожи... Она им упивалась. Безмятежность и исполненная почтения нежность сквозили в его речах и движениях. И в ней зарождалась сила, о которой она могла раньше только догадываться.

Она заметила, что дрожит. Ханс взял ее ледяные ладони в свои и поцеловал их, отчего она вздрогнула. Когда он поднес их ко лбу в знак уважения, в ней что-то надломилось. Он заговорил тихим голосом, тембр которого очаровывал:

— «С первого взгляда я полюбил тебя всем сердцем...»

Лейла сдержала вздох, побежденная поэмой Михри Хатун. За пять столетий ничего не изменилось для ищущих душ. Иностранец казался таким искренним, таким уверенным в себе, а она была растеряна, она заблудилась в круговороте своих чувств, и в голове звучали только последние слова этой поэмы: «...сердца сгорали от любви в пламени ада».

На лестнице раздались тяжелые шаги. Испугавшись, Лейла отскочила от Ханса и поспешила к двери, чтобы преградить путь непрошеному гостю. Она была полна решимости защищать немца любой ценой.

Но это был всего лишь Орхан с пылающими щеками и взъерошенными волосами, он растерялся, увидев сестру.

— Вы никогда не догадаетесь, что произошло! — размахивая газетой, воскликнул Орхан. — Греки высадились в Измире! Они стреляли в наших солдат и мирных жителей. Сотни погибших. Это война!

Бесчисленная толпа двигалась в сторону площади квартала Султанахмет. Сотни женщин в чаршафах, мужчины с мрачными лицами... Лейла шла в сопровождении Ахмета. Упрашивая мать пойти вместе с ней, мальчик даже топал ногами, а теперь покорно держал ее за руку. Никто не разговаривал. Раздавался лишь глухой грохот ног много-тысячной толпы по мостовой. Сколько же их было? Сотня тысяч? Две сотни? На фронтонах зданий ветер колыхал флаги Османской империи с полумесяцем и звездой на красном фоне, перевязанные черной лентой, а минареты были задрапированы траурной темной тканью.

Несколькими неделями ранее греки с благословения стран союзников высадились в Измире. Секретные соглашения, заключенные в разгар войны, не могли устоять перед прагматизмом победы. Опасаясь волнений, поддерживаемых итальянцами, три другие державы-победители решили предоставить премьер-министру Греции, Венезелосу, то, что он требовал, — господство в Малой Азии.

Лейла шла вперед, сжав маленькую руку Ахмета. Кажется, что ее жизнь рухнула 15 мая 1919 года, в роковой день высадки в Измире греческих солдат, но это также был

благословенный день, потому что Ханс признался ей в любви. Разве можно этому удивляться? С самого начала их история была отмечена печатью невинных смертей и нарушающим супружескую верность влечением, которое могло закончиться только смертью. В такие моменты оказываешься бессилён перед всепоглощающим фатумом. Желание от этого только обостряется, и нет места безмятежности. Таким душам нужен особый пыл, безусловная любовь. Лейла была в растерянности, она не видела выхода ни из капкана своих смятенных чувств, ни из тисков, сжимающихся вокруг ее страны.

В Измире были сотни погибших и раненых, несколько дней продолжались грабежи в турецких кварталах города. Среди разбитых витрин и сожженных лавок лежали обнаженные трупы, валялись разорванные фески. На набережную еще долго прибывало принесенные морем тела. Согласно газетам и свидетельствам перепуганных иностранцев, первый выстрел был произведен турецкими солдатами, которым было запрещено выходить из казарм. Другие обвиняли итальянцев, которые претендовали на эти территории и были заинтересованы в ухудшении ситуации. Третьи упоминали о провокации греков. Но никто не отрицал массовые жертвы среди мирного населения.

Стамбул воспринял это нападение как удар в спину, как позор, который можно смыть только кровью. Массовые убийства на Востоке — ядовитый плод болезненной и жестокой истории, результата слепой страсти, немного презрения и страха людей. На протяжении последних четырех лет европейцы убивали друг друга с варварской жестокостью, после чего потеряли всякое право устанавливать нравственную цензуру. «Неужели потоки крови никогда не иссякнут?» — задавалась вопросом молодая женщина, пока вокруг нее сжималась толпа.

На призыв студенческих организаций люди вышли на улицы. Они требовали, чтобы падишах принял их представителей. Люди требовали от власти вмешаться, вступить за свой народ. Поговаривали, что падишах не пожелал никого принять, ссылаясь на плохое самочувствие, но в это никто не верил. Между властью и народом ширилась пропасть. И вдруг, к большому удивлению иностранной прессы, слово взяли женщины.

Писатель и преподаватель университета, Халиде Эдип, заговорила первой. Перед взволнованной пятидесятитысячной толпой на площади она заявила с балкона мэрии: «Когда темная ночь кажется вечной, свет зари кажется все ближе...» А на азиатском побережье, в древнейших районах Стамбула Уксюдаре и Кадыкёе, и других городах Турции отважные женщины обращались с речью к более скромным аудиториям... и все говорили об одном: прошло время рыданий, пора действовать. И поэтому Лейла пришла послушать талантливого оратора.

Плотная толпа помешала ей двигаться дальше. Море фесок, белых тюрбанов и чаршафов колыхалась перед глазами. Манифестанты заполонили крыши, взобрались на фонари и деревья. Многие были измождены. Чтобы прокормить детей, стамбульцы были вынуждены довольствоваться кукурузой, низкосортным хлебом и разбавленным водой оливковым маслом. Но сейчас все присутствующие жаждали одного — они хотели верить! Резкий и неожиданный призыв муэдзина к молитве заставил толпу вздрогнуть.

Не слишком надеясь заметить Орхана в огромной толпе, Лейла пробежалась взглядом по собравшимся, зная, что брат где-то неподалеку. *Официальная газета* сообщила о назначении генерала Мустафы Кемаля инспектором 9-й армии. Задачей Кемаля было разоружение турец-

кой армии, прекращение противостояния между греческим населением и турецкими партизанами.

Генерал высадился в порте города Самсун. Доверив Кемалю восстановление мира, правительство предоставило широкие полномочия этому довольно проницательному, талантливому и здравомыслящему военному. Но Рахмибей, Орхан и Ханс Кестнер знали, что орел улетел в Анатолию с единственной целью: создать с нуля новое, независимое и свободное турецкое государство, и ничто и никто не отговорит его от этой святой миссии.

Внимание манифестантов привлек какой-то шум. Над городом пролетали самолеты стран союзников. В памяти стамбульцев всплыли самые страшные моменты минувшей войны. Бомбардировки, эхо артиллерийских выстрелов за холмами... Тревогу людей можно было буквально почувствовать. Самолеты снизились и на бреющем полете пронеслись над толпой. Лейла прижала к себе Ахмета. «Они же не станут стрелять? Они не посмеют». Толпа оставалась спокойной, к тому же среди манифестантов было слишком много европейцев, которых можно было легко узнать по головным уборам. Эта авиапоказуха была очередной оскорбительной провокацией. Впрочем, большинство стамбульских мужчин и женщин лишь вжали голову в плечи. Лейла покусывала губы.

— Мама, посмотри! — выпалил Ахмет, указывая на появившуюся на возвышении женщину в черном платке, с открытым лицом.

Лейла была очень горда, наблюдая, как толпа с уважением слушает хрупкую женщину. Халиде-ханым говорила об уверенности, о патриотическом значении «отважных сердец и непобедимых идеалов». Звучным голосом она возвещала туркам о чести, напоминая о столетиях славы, которые нельзя стереть несколькими годами поражений

и мрака. Борьба христиан против полумесяца продолжалась благодаря поддержке ненавистных интриганов, которые договаривались о мире в Париже, но думали лишь о разграблении побежденных. Не стоит гнуть перед ними спину. Никогда! Халиде заговорила громче, чтобы перекричать шум самолетов, и развела руки, словно обнимая толпу.

— Взываю к душам наших славных предков, которые некогда топтали камни этой площади, — с воодушевлением произнесла она. — И заявляю, во имя присутствующей здесь новой турецкой нации, что в обезоруженной сегодня стране есть ваши неукротимые сердца. Доверимся Аллаху и отстоим наши права...

В толпе раздалось рыдания. Манифестанты постигали таинственное, но вдохновляющее значение слова «нация». В это беспокойное время, когда страну рвут на части, выгрызая территории, и когда, опасаясь за свою жизнь, мусульманские семьи превращаются в изгоев, могут ли турки поверить в возможное воссоединение? Где найти мир? В глубине души все понимали, что падишах и его предшественники не справились со своей задачей. По правде говоря, османские султаны потеряли популярность, как только перестали командовать своей армией. Народ ждал воинственного руководителя, выходца, например, из пастухов.

Лейла наблюдала за своим мальчиком. Решалось его будущее. Приподнявшись на цыпочки, он слушал выступающую женщину, казалось, каждой клеткой тела. Халиде Эдип права. Нельзя жить, опустив голову, страдая от унижений и угрызений совести. Это не та жизнь, которой Лейла желала своим детям. Страх всегда был плохим советчиком. Он союзник слабых, неверующих. Вдохновленная решительностью писательницы, молодая женщина ощутила в душе волну ликования. Как можно сомневаться в способностях народа бороться за свое будущее? И как

она могла сомневаться в себе? Она подхватила Ахмета на руки, чтобы ему было лучше видно, но он был тяжелым. Она пошатнулась, но стоящий рядом мужчина молча подхватил ребенка и посадил себе на плечи. Лейла с изумлением узнала капитана Гарделя.

— Что вы здесь делаете? — недоверчиво спросила она. — Вы следили за нами?

— Я сопровождаю генерала Фулона, — ответил Гардель, указывая на мужчину в униформе, стоящего в нескольких метрах от них и украдкой вытирающего слезы.

Лейла больше не возвращалась к этому вопросу. Как французские военные оказались в скорбящей толпе, тогда как сам Клемансо разрешил греческое вторжение?

— Похоже, что вы оба странным образом взволнованы, — едко заметила она. — Но я сомневаюсь в вашей искренности. Вы и ваши товарищи желаете нашей гибели. Лорд Керзон настаивает на том, чтобы турки покинули Стамбул. В его глазах мы — «корень Зла».

— Франция не всегда разделяет мнение британцев. И крайне редко — мнение касательно Востока.

Это был эвфемизм. Недоразумения между двумя союзниками обострились, и Луи придется потрудиться, чтобы сдерживать нетерпение одних и других. Несколькими минутами ранее француз узнал мальчика, а в силуэте закутанной в многочисленные одеяния женщины угадал Лейлу-ханым. Ахмет спокойно сидел у него на плечах, Луи придерживал его за щиколотки.

— Дама-оратор впечатляет. Не думаю, что какая-нибудь женщина смогла бы зажечь такую многочисленную аудиторию у нас.

— А Жанна д'Арк? — насмешливо заметила Лейла. — Определенно ничего не меняется, когда речь идет о том, чтобы выдворить англичан со своей земли...

Луи отметил решительность в ее голосе, а поскольку он знал характер хозяйки канака, его вдруг охватила тревога.

— Надеюсь, что вы держитесь в стороне от всего этого, — заявил он безапелляционным тоном. — Играя с огнем, можно обжечь крылья. Сомневаюсь, что Селим-бей будет счастлив, узнав, что вы сюда пришли.

— Не читайте мне нравоучений, капитан, — возмутилась Лейла. — То, что думает мой супруг, вас не касается. Что до меня, то я лишь несчастная покорная женщина...

«Она так мило надо мной насмехается», — забавляясь, подумал француз. Османские женщины сыграли немало важную роль в революции 1908 года, в результате которой свергли султана. Луи не сомневался, что их способность действовать осталась такой же. Парадоксально, но он скорее верил в злокозненность европейцев, а не турок.

— Не играйте в покорность. Вам это не к лицу. Примите это как комплимент... Я лишь должен предупредить вас об опасности. После высадки греков в Измире англичане стали еще подозрительнее. Их шпионы повсюду. Обыски учаситлись. Не хотел бы, чтобы с кем-нибудь из ваших близких случилось несчастье.

Лейла вздрогнула. Луи Гардель знал о Хансе? Невозможно. Он никогда не потерпел бы под своей крышей человека, которого разыскивают все государственные службы. Но может он имеет в виду Орхана? Брат отличался самоуверенностью молодости и был убежден, что с ним никогда ничего не произойдет. Неужели заметили его ночные похождения? Часто в их доме находили приют солдаты-дезертиры, перед тем как продолжить свой опасный путь в Анатолию.

— В любом случае, хочу вас поздравить за статью в газете, — продолжил он, не обращая внимания на ее сму-

шение. — С каждым разом читать вас все интереснее и интереснее. У вас интересный стиль.

Впервые Лейла была счастлива, что вуаль скрывает ее покрасневшее лицо.

— Не знала, капитан, что вы выучили наш язык за такое короткое время.

— У нас великолепные переводчики.

— Как вы догадались, что это я?

— По правде говоря, меня встревожила документация об оккупационных французских войсках, но я не был уверен.

Лейла ненавидела игры в кошки-мышки, ей не понравилось, что она так глупо попалась.

Вдруг повсюду раздалась аплодисменты. После тишины всплеск был особо звучным. Черные флаги встрепнулись. Луи внимательно осмотрел манифестантов, и его страхи подтвердились. Здесь были все слои населения: богатые и бедные, студенты, демобилизованные военные, преподаватели, женщины, рыбаки, хамалы¹, мелкие чиновники, которые уже несколько месяцев не получали зарплату, старики в белых тюрбанах, тоскующие о прошлом... Рапорт, который он найдет на следующий день на своем рабочем столе, подтвердит угрозу национального восстания.

— До сегодняшнего дня в греческих кварталах праздники шли полным ходом, — сказал он. — Но на данный момент в Пера боятся наихудшего.

— Как это?

— Греки считают, что вы пойдете штурмом на Галатскую башню. Они бегают по улицам, выкрикивая: «Турки наступают!»

¹ Хамал — носильщик.

Капитан не сдержал улыбки, а Лейла лишь пожала плечами.

— Одни плачут, когда другие танцуют. У нас так испокон веков.

Луи поставил Ахмета на ноги и добродушно потрепал по щеке.

— Если судить по поведению таких решительных женщин, как вы или Халиде Эдип, то жители Пера волнуются не зря, — добавил он, кланяясь. — Но будьте осторожны, Лейла-ханым, будьте предельно осторожны.

Дом был пуст. Лейла-ханым со свекровью отправились на манифестацию, одна пешком вместе с сыном, вторая в коляске в сопровождении Али Ага и двух служанок. Девочка играла в беседке под присмотром няни и старой тетки. Момент был наилучшим. С трепещущим сердцем Роза Гардель проникла в гаремлик.

Парадная гостиная, где она пила чай вместе с Марией, был пуст, люстры и канделябры погашены. На подносе валялись газеты, стояли чашки. Роза прошла через комнату — толстые ковры приглушали ее шаги, — вышла на галерею, с которой открывался вид на внутренний дворик. Дом был огромным, и она понимала, что у нее не хватит времени все осмотреть. В одной из комнат она заметила фарфоровую куклу Перихан. Возле окна стояла лошадка-качалка с длинной гривой. Роза остановилась, прислушиваясь, но уловила лишь щебетание птиц в саду.

Что она искала? Роза вряд ли смогла бы ответить на этот вопрос. Она поддалась смутному подозрению, которое точило ее с того момента, когда француженка увидела Лейлу-ханым на приеме. Теперь, когда Мария была на полном пансионе в Нотр-Дам-де-Сион, Роза чувствовала себя одинокой. Благотворительная деятельность в пользу

бедных русских не заполняла ее дни до отказа, светская жизнь в Пера и различных посольствах не могла заменить тулонских подруг, муж все больше отдалялся, и она с трудом узнавала человека, которому однажды отдала руку. Духовный наставник советовал Розе запастись терпением, но напряжение между супругами росло. В разговоре муж почему-то постоянно подбирал особенно колкие и ранящие слова. Розу возмущало уважительное отношение Луи к туркам. Она видела в этом пагубное влияние Лейлы-ханым, к которой муж испытывал чувство, близкое к восхищению. Он с гордостью показывал Розе перевод ее статей на французский, что мадам Гардель очень раздражало.

Кончиком пальца она толкнула приоткрытую дверь. В комнате чувствовался цветочный аромат. На бюро цилиндрической формы в беспорядке громоздились книги и бумаги. Женщина сразу догадалась, что эта уютная комната принадлежит ее сопернице. Диван с вышитыми подушками, роскошные ковры, коллекция старинных перьев, выставленных за стеклянной витриной, образцы османской каллиграфии на стенах... Горло сжалось. «Что в ней такое есть, чего нет во мне?» — подумала она, ощущая болезненную девичью робость и собственную неполноценность.

Она попыталась представить Лейлу-ханым в этой скромных размеров комнате. Как Лейла могла переносить заточение? Роза бросила взгляд на распечатанное письмо на французском. Кто-то бранил десантную операцию в Измире. Роза вспомнила об Одили, жившей именно там. С тех пор как сообщили о той операции и бесчинствах, мадам Гардель старалась себя успокоить: французским монахиням не стоило бояться греков.

Снедаемая любопытством, Роза вытащила книгу из стопки. Это был сборник французских романтических по-

эм. Внутри была визитная карточка. Женщина задрожала, узнав почерк: «Еще раз прошу меня простить, и, полагаю, вам понравится этот автор. Луи Гардель». В тот же миг ее голову заполонили дурные мысли. Она сделала над собой усилие, чтобы рассуждать здраво. Никогда ни одна женщина не оставила бы на виду компрометирующие записки... «Но ее супруг уже несколько месяцев отсутствует», — возразила она сама себе.

Потрясенная, Роза вышла из комнаты. В глубине коридора на солнце танцевала пыль. Небольшая деревянная лестница вела наверх. Как раз когда женщина собиралась повернуть назад, она услышала низкий голос. Заинтригованная, Роза поднялась по скрипящим ступенькам. В конце коридора за дверью оказалась спартанского вида комната. Роза, цепенея, поняла, что неясные слова были не турецкие, а немецкие.

В дверном проеме показался мужчина, стоящий к ней спиной. У него были густые белокурые волосы, длинноватые на затылке. Он выполнял гимнастические упражнения, подбадривая себя вслух. Обнаженный торс закрывала широкая повязка. Мышцы на руках напрягались каждый раз, когда он поднимал небольшие гантели. Когда незнакомец развернулся, Роза прижалась к стене. У него были мужественные черты лица, но бледность выдавала боль, которую он испытывал. Женщина медленно подалась назад и на цыпочках спустилась по лестнице.

Из вестибюля донеслись оживленные голоса. Вероятно, прислуга закончила пить чай на кухне. Роза в испуге, что ее обнаружат, бегом пересекла галерею, пулей пролетела через гостиную, захлопнула за собой дверь, ведущую в селямлик, и, задыхаясь, прислонилась к ней спиной. Кем был этот незнакомец? Что он делал в апартаментах Лейлы-ханым? Почему она нарушала все законы, которыми

руководствовались мусульманские женщины? Хотя Роза и дрожала с ног до головы, она чувствовала некоторое облегчение. Луи не останется безразличен, когда узнает, что затевается в доме его протеже. Эта Лейла-ханым ловко использовала свой шарм. Скрывать немца! Розу колотило от ужаса. Никто и ничто не вырвет у нее из памяти кровожадность немцев во время войны, когда они захватили Бельгию и Северную Францию. Они брали в плен гражданских, убивали женщин и священников, сжигали церкви. Варвары. Такие же невыносимые, как и турки. Не удивительно, что они стали союзниками. Луи немцев тоже недолюбливал. Он придет в ярость, когда узнает, что был одурачен этой так называемой умной и изысканной османкой.

Роза поджала губы, вспомнив сборник поэм. Если бы Луи нечего было скрывать, он мог бы рассказать жене о цели подарка.

Часом позже Лейла вернулась домой, взволнованная предупреждением Луи Гарделя. Она понимала, что пора действовать. «Я должна убрать отсюда Ханса!» — думала она, зайдя на крышу конака. Женщина осмотрелась. Торговцы у лавок громко и эмоционально обсуждали манифестацию. Кароматам специй и фруктов примешивался особый запах пыли и вьючных животных.

Лейла попыталась унять сердцебиение. Какая-то женщина развешивала белье в неухоженном заросшем садике. В тени миндального дерева мужчины играли в нарды и попивали чай. Ничего необычного. Ни французских жандармов, ни британских офицеров. Это был неизменный мир Стамбула, где жили мудрецы в кашемировых кафтанах, где по улице танцующей походкой проплывали дерви-

ши в коричневых фетровых шапках, где в буфетах предлагали шербет, а площади украшали миниатюрные мечети и минареты. Здесь журчали фонтаны, напоминающие правверным источники мирного рая Аллаха.

— Мама, зачем ты так сильно сжимаешь мою руку? — жалобно пискнул Ахмет. — Ты делаешь мне больно.

Лейла подняла вуаль и наклонилась к сыну, взглянув ему прямо в глаза.

— Ахмет, ты должен дать мне обещание. Я хочу, чтобы ты в будущем был осторожным, чтобы ты прекратил тайком убегать из дому и провоцировать Румсов. Ничто не должно привлекать внимание к нашему дому.

— Из-за?..

Она приложила палец к его губам.

— Ты также должен научиться хранить секреты. Никому не рассказывать, что происходит у нас дома. Даже отцу, когда он вернется. Это может его расстроить. Я могу тебе доверять?

Казалось, ребенок был парализован. От этой истории ему становилось плохо. Он никогда не видел мать такой встревоженной. Она даже не приходила играть с ним и с Перихан, а закрывалась у себя в комнате и писала, писала. Его пронзил страх. Отца не было уже несколько месяцев. Он не хотел потерять еще и мать. Он кивнул с серьезным видом и позволил себя обнять.

В вестибюле их встретила Фериде и сообщила, что све-кровь зовет Лейлу. Молодая женщина слушала краем уха, поскольку ее мысли были заняты переездом в йали. Она уже видела, как под окнами блестят воды Босфора, вдыхала соленый запах моря. Ее лихорадило от нетерпения. Она бы уехала прямо сейчас, чтобы укрыть Ханса, но как его вывести незаметно? Представители государственной власти обыскивали лодки и каики в поисках оружия

и демобилизованных солдат, которые стремились присоединиться к повстанцам.

Озабоченная, она решительно вошла в гостиную. Гюльбахар-ханым читала газету. Свекровь живо сняла небольшие очки в золотой оправе и спрятала под подушкой. Лейла, не церемонясь и не позволяя свекрови опомниться, сообщила, что ей нужно уехать на азиатский берег, и попросила присмотреть за детьми, пока она там все устроит.

— Откуда такая спешка? — удивилась Гюльбахар. — Тебя ударило молнией на Султанахмете?

— Ханым Эфенди, у меня дурное предчувствие.

Гюльбахар побледнела. Она никогда не относилась к предчувствиям пренебрежительно. Интуиция была ценным союзником. Целый мир ангелов, джинов и пери¹, своенравных фей, живущих в садах среди корней фиговых деревьев, питал источники интуиции. Свекровь молча повернулась к нише, вытащила перламутровую коробочку с табаком и книжку с тонкими папиросными листами.

Лейла наблюдала, как ловкие пальцы с накрашенными ногтями скручивают сигарету. Гюльбахар заговорит, когда будет готова. Турки не боялись тишины, не любили заглушать свои мысли потоком бесполезных слов. Такая любовь к самонаблюдению турок иногда ставила в тупик иностранцев, которые совершенно разучились терпеть.

Держа сигарету золотым пинцетом, который висел на поясе на цепочке, свекровь задержала в легких дым и, перед тем как выдохнуть, подняла глаза к потолку:

— А немец?

— Я заберу его с собой. Именно его присутствие создает проблему.

¹ Пери — доброе волшебное существо в образе прекрасной крылатой женщины, охраняющее людей от злых духов.

— Он еще не выздоровел?

— Нет, но будет намного спокойнее под присмотром итальянцев. С тех пор как их лишили Измира, они более толерантны по отношению к нам. Их пропускные пункты стали словно решето. Однако я начинаю волноваться за Орхана, — добавила она. — Он недостаточно осмотрителен.

— Не может быть и речи, чтобы ты одна жила с немцем в йали.

— Разумеется, со мной поедет Фериде.

— У твоей служанки нет достойного головного убора. Я терпела присутствие этого мужчины у себя под крышей, потому что ему угрожала смерть. Отныне он должен найти себе других защитников.

Теперь побледнела Лейла.

— Ханым Эфенди, он еще не готов. Конечно, лучше, чтобы он поскорее ушел, но он едва держится на ногах. Выгнать его — означает оставить на верную смерть. Вы не можете сейчас принудить его покинуть дом!

— Достаточно! — взорвалась Гюльбахар. — Не пытайся разбудить во мне угрызения совести. Я не люблю шантаж.

«Тогда как вы сами в этом жанре просто блещете», — возмутилась про себя Лейла, отворачиваясь. Настанет ли день, когда она освободится от пут, которые мешают ей действовать, не спрашивая ни у кого разрешения? Она уже не ребенок!

— Тогда одолжите мне на несколько дней Али Ага. И Орхан тоже может нас сопровождать.

Раздраженная, с каменным лицом, Гюльбахар металась по комнате. Ее походка была нервной, а жесты резкими. Можно было подумать, что она колотилась о прутья клетки. Лейла с удивлением поняла, что черкешенка утратила

твердую почву под ногами. Свекровь была слишком про-
ницательной, чтобы не понимать, что мало-помалу выпу-
скает ситуацию из-под контроля. Черкешенка вышла из
себя после выступления Халиде Эдип, которая осмелилась
обратиться с речью к толпе под открытым небом. Ладно
писать. Но открывать лицо перед незнакомцами — нико-
гда! Если турецкие женщины выйдут на улицы, если идеи
Запада продолжают завоевывать мысли османок, то такие
женщины, как Гюльбахар, потеряют престиж. Свекровь
и ей подобные властвовали тайно, они управляли предста-
вителями знатных кругов империи, не покидая гаремликов.
Они раскрывались лишь в благоприятной тени, демонстри-
руя тонкий, гибкий, не лишенный логики и жестокости ум.
Выйди они из тени, яркий свет спалил бы их точно так же,
как полуденное летнее солнце — медузу.

— Ты останешься здесь, — с вызовом отрезала Гюльба-
хар. — Я и так уже проявила великое терпение, принимая
тот факт, что в моем доме супруга моего сына ухаживает за
неверным. Идет война, а война всегда порождает чрезвы-
чайные ситуации. Но я не потерплю, чтобы ты уехала куда
бы то ни было одна с этим немцем. Сама только мысль уже
абсурдна. На карту поставлена честь нашей семьи.

Она выдержала паузу.

— И не делай такое страдальческое лицо, Лейла, ты са-
ма прекрасно это понимаешь, так же как и я!

Гюльбахар проклинала всю эту ситуацию, следствие
отъезда сына и его отсутствия на протяжении нескольких
месяцев. Гармония в доме была разбита. Ахмет то и дело
шалил, он совсем вышел из-под контроля, Лейла одержи-
ма этим проходимцем из Берлина... Может, Гюльбахар бы-
ла слишком покладистой? После свадьбы Лейлы и Сели-
ма между женщинами сразу же возникли трения. Семейная
кровь невестки была жгучей. Сваха предупреждала об

этом Гюльбахар, но черкешенка посчитала, что роду ее мужа нужно добавить немного перца. «Лучше бы я выбрала какую-нибудь неприглядную, но зато послушную девушку», — с досадой подумала она.

— Когда возвращается мой сын? Его отсутствие невыносимо.

— Не знаю, — пробормотала Лейла, опустив глаза и послушно скрестив руки на коленях.

В ее голове в беспорядке сталкивались тысяча и одна мысль. Она боялась разоблачения. Англичане не придавали значения статусу персон, которые попадали в их поле зрения. Под подозрение попадали видные университетские преподаватели, депутаты, высокопоставленные чиновники. Некоторых изгнали на Мальту. Раньше Лейле и в голову не приходило послушаться свекровь. Теперь же вопрос был лишь в том, что хочет молодая женщина.

— Я напишу Селиму, чтобы он возвращался как можно скорее, — заявила Гюльбахар, пока служанка разносила шербет. — Что касается немца... Я требую, чтобы он поскорее уехал, ты слышишь меня? Об этом нужно позаботиться Орхану и его друзьям. Они должны знать местечки в Эюпе, где его можно спрятать. Он там будет в большей безопасности, чем здесь.

«Никто не защитит его лучше, чем я!» — возмутилась про себя Лейла. Она играла с огнем, капитан Гардель был прав, но он никогда не сможет понять упоение женщины, которая по своей воле решает соблазнить мужчину. Супружеская любовь, рожденная в навязанном браке, навсегда останется без первого волшебного и спонтанного сердечного признания, от которого возникает само желание любить. Со временем приходит привычка, часто возникает взаимопонимание, но всегда не хватает остроты завоевания.

Лейла тихо кивнула, обещая попросить Орхана заняться этим вопросом.

— И чем скорее, тем лучше! — заявила Гюльбахар. — Хочу, чтобы в мой дом вернулось хоть немного спокойствия. А теперь ступай! — раздраженно бросила она.

Весна дарила нежные ароматы и благодатный свет, но у черкешенки был горький привкус на губах.

Они замотали лошадям копыта, чтобы приглушить стук подков о брусчатку, но в тишине ночи тревожно звучал скрип колес телеги. Лейла с трудом различала остовы рыбацких хижин, которых не пощадил последний пожар. Темные воды с затхлым запахом тины и рыбьих кишок плескались о набережную. Небольшая группа людей терпеливо ждала. Курить было нельзя, чтобы не привлекать внимание, и Орхан все больше раздражался.

— Не нравится мне, что мы лжем твоей свекрови. Она выцарапает мне глаза, если об этом узнает.

Лейла вздернула брови. Брат, который был готов в одиночку обрушиться на оккупационные войска, вдруг проявил трусость.

— Ты только не попадайся ей на глаза до моего возвращения, — сказала она. — Если Гюльбахар потребует объяснений, тебе самому придется заниматься Хансом в Эюпе. Что касается меня, то я скажу, что поехала навестить кухню Накий, у которой недавно родился сын.

— Все это шито белыми нитками, — проворчал брат.

— Орхан, у нас нет выбора! Англичане сбились с ног. Должна ли я напомнить, что фотография Ханса до сих пор висит в комиссариатах?

— Замолчите! — шикнул на них Гюркан. — Вы же знаете, что голоса слышны далеко в море.

Было около четырех часов утра. Рыболовецкое судно, которое должно было их забрать, опаздывало. Лейла опасалась, что они здесь останутся до рассвета и тогда план провалится.

— Ты уверен, что мы в правильном месте? — спросила она.

— Ну да! — теряя терпение, ответил юноша.

Ханс нащупал руку Лейлы и, желая успокоить, сжал пальцы женщины.

— Доверьтесь, — прошептал он. — За нами придет лаз¹. Это люди слова.

В прошлом веке черноморские перевозчики бежали от преследований русских. У них была репутация умелых мореплавателей — что и было необходимо для незаметной переправы через пролив.

— Тем не менее они не блещут пунктуальностью, — раздраженно пробормотала она.

Вдруг Лейле показалось, что она услышала звук разрезающих волны весел. Гюркан дважды свистнул. Причалила барка. Мужчины обменялись условленными фразами. Продвигаясь вперед и ничего не видя в темноте, Лейла споткнулась о канаты. Она испугалась, что упадет в воду, но крепкие руки подхватили ее.

— Лейла-ханым? — прошептал хриплый голос.

Мужчина был весьма широк в плечах, но в полумраке женщина не различала его лица. Лишь глаза поблескивали в темноте. Позади Ханс тихо зарычал от боли. Барка

¹ Лазы — субэтническая группа грузин, проживающая главным образом на территории Турции, в Лазистане.

пошатнулась, и женщине пришлось вцепиться в незнакомого. Его шерстяной пиджак отдавал йодом и табаком.

— От племянника мне известно, как вы нам помогаете. Мы вам очень признательны.

— Вы — дядя Гюркана?

Мужчина не ответил, но Лейла догадалась, что это и есть тот таинственный Рахми-бей, офицер, с которым встретился Ханс на войне и который теперь командовал группами сопротивления.

— Могу я вас попросить передать эту записку? — спросил он, вкладывая ей в руку сложенный лист бумаги. — Это нужно передать в ханаку¹ позади вашего дома. Они в курсе.

— Безусловно.

— Вы — ангел, — прошептал он. — Если я вам понадоблюсь, племянник всегда знает, где меня найти.

Она не успела поблагодарить Рахми-бея, так как тот уже отвернулся, чтобы пожать руку старому боевому товарищу. Мужчины похлопали друг друга по плечам, и дядя Гюркана спрыгнул на сушу.

— Да благословит вас Бог, Ханым Эфенди, — тихо произнес он на прощание. — И спасибо!

Судно отчалило, и три фигуры растаяли в темноте. Лейла присела, боясь потерять равновесие. Она была одна вместе с Хансом и четырьмя молчаливыми моряками, вцепившимися в весла. На фоне звездного неба вскоре вырисовался темный силуэт старого дворца. На противоположном берегу Золотого Рога почти не было огней.

¹ Ханака — суфийская обитель, приют странствующих дервишей. Ханаки выполняли функции мест общественных и политических собраний, школ, гостиниц, больниц, благотворительных центров и т. д.

Море было спокойно. Прохладный бриз гладил Лейлу по щекам и по лбу. Моряки знали секреты переменчивых течений Босфора. Несколько раз, не сговариваясь, они меняли направление. Вдалеке Лейла разглядела темную массу военных кораблей, освещенных сигнальными огнями. Интересно, каким из них командовал Луи Гардель? Ее терзала тревога. По сравнению с этими громадинами их лодка была невероятно хрупкой. Если одно из судов решит сняться с якоря, то их просто накроет мощный кильватер.

— Спрячьтесь под брезент, — прошептал капитан ей на ухо. — И ни слова!

От затхлого запаха рыбы Лейлу чуть не стошнило. Мужчина осторожно ее укрыл, уложив сверху тяжелые рыбацкие сети. Лейла подумала, что с Хансом поступят так же, и испугалась за его рану. Она больше ничего не видела и не слышала, кроме плеска воды о корпус барки. Лейла свернулась калачиком. Никогда она не чувствовала себя такой уязвимой. «Обычно первая весенняя переправа через пролив была для меня праздником», — с сожалением подумала она.

Ей показалось, что они двигаются очень быстро, но она потеряла всякие ориентиры. Она боялась, что ее стошнит, и сконцентрировалась на дыхании. Липкая влага пропитала одежду, и начала зудеть кожа. Воздуха не хватало. Лейла запаниковала. Она же умрет здесь, задохнувшись под этим вонючим брезентом! Она начала барахтаться, пытаясь выбраться, и вдруг услышала крики. Мощный луч фонаря обшаривал лодку. Женщина тотчас же съежилась, словно желая провалиться сквозь дно. Кровь шумела в ушах. Если это англичане, то они пропали! Но лаз шутил по-турецки, заверяя, что у него все в порядке с документами, и приглашал инспекторов подняться на борт, если те, конечно, хотят впустую потерять свое время. Добавил

также, что не прибирал на судне. Ему ответили, что он может оставить себе свою грязь. Капитан перекинулся с ними еще парой шуток, и лодка наконец продолжила свой путь. Лейла с облегчением закрыла глаза.

— Можете выходить, — наконец сказал капитан. — Теперь вы должны показывать дорогу.

Он помог Лейле выбраться и присесть рядом с Хансом. Немец улыбнулся молодой женщине. У Лейлы все онемело, она жадно вдохнула свежий воздух. Они двигались вдоль азиатского берега. Над холмами, поросшими кипарисами, вечнозелеными дубами и соснами, забрезжил рассвет, звезды потускнели. Слаженно и мощно гребцы рассекали спокойные воды. Судно мчалось, оставляя за кормой серебряный бурун на опаловой глади. Несколько фонарей указывали на присутствие рыбаков. И ни одного танкера с нефтью из Батуми, ни одного пассажирского судна, идущего к Одессе... Русская революция разрушила привычный уклад. Движение на Босфоре начиналось лишь днем, чуть позже — суета маленьких парусных суденышек и пароходиков.

У самого берега были слышны запахи диких трав, фиговые деревья здесь росли вперемешку с акациями и иудиными деревьями. Лейла возвращалась в мир детства, где пахло солью, листва была драпирована утренней росой и суета пыльного Стамбула и электрическое буйство Пера были далеко. Ленты утреннего тумана укрывали йали, которые выныривали из серебристой дымки один за другим. Великолепные дома, словно драгоценные камни, придавали этим берегам особый шарм и уникальность.

Лейла с волнением наблюдала, как в глубине маленькой бухточки постепенно появилась крыша отцовского дома в окружении магнолий и олеандров.

— Это там, — она указала на деревянный фасад цвета османского флага.

Ханс не мог оторвать взгляд от молодой женщины. Ее лицо было исполнено какого-то нового воодушевления, она вся светилась неизвестным ему до сих пор восторгом. Выбравшись из-под брезентового укрытия, она первым делом неосознанно поправила складки платка, скрывающего волосы, но теперь, кажется, забыла о нем, и ветер дразнил ее непослушные локоны. Она уселась, по-детски обняв колени руками, словно ей было трудно сдерживать свою радость. Ему захотелось заключить ее в объятия и покрыть поцелуями.

— Вы можете причалить к понтону, — прошептала она.

Они проплыли мимо эллинга, где покачивался свежее-выкрашенный каик. Моряки помогли им сойти на берег. Лейла поблагодарила капитана, тот в ответ почтительно поклонился. Он отказался от предложенного хозяйкой йали чая, пожелав отплыть без промедлений. И несколько минут спустя маленькая барка исчезла в тумане.

Лейла приподняла чаршаф. На лужайке за ними оставались мокрые следы. Женщина достала из кармана огромный ключ и весело им размахивала.

— Йали охраняет одна супружеская пара, но я всегда держу при себе дубликат. Это мой талисман. Пойдемте, я вам сейчас все покажу...

Они вошли в погруженный во мрак холл, и Лейла принялась открывать ставни. В молочном свете Ханс увидел отделанную белым мрамором комнату с колоннами и фонтаном.

Лейла сообщила, что пойдет подобрать ему сменную одежду и попросит прислугу нагреть воды. Ханс остался один, он шатался от усталости, но не осмелился присесть, опасаясь что-нибудь испачкать. Окно выходило на терра-

су. Там, за Босфором, холмы европейской части страны еще не вынырнули из предрассветного полумрака. Он подумал, что Лейла провела здесь самые счастливые моменты своей жизни. Когда он был ребенком, его таскали от одного дома к другому по деревушкам, притулившимся вдоль железной дороги. Отец снимал скромные и безликие комнаты. Ханс знал не понаслышке, что такое кочевая жизнь. Его детские воспоминания жили в засушливых плато Анатолии, в горах и ущельях Каппадокии. Эти места были настоящей головной болью для его отца, которому кайзер поручил переправить немецких инженеров и торговцев к рудным и нефтяным месторождениям Месопотамии. Когда Хансу было тридцать девять лет, его имущество легко могло втиснуться в чемодан.

В доме отдавало сыростью. Он заметил высокие деревянные двери по обеим сторонам холла; как он догадывался, они выходили в просторные комнаты. Ханс открыл окно, освещая укрытый коврами пол гостиной. Здесь стоял диван и несколько кресел во французском стиле. В зеркале отражалась венецианская люстра. Геридоны были заставлены безделушками, натюрмортами в рамках и семейными портретами, что указывало на европейское влияние. На почетном месте стоял портрет мужчины с аккуратно подстриженной бородой, в парадном придворном платье и феске. Наверняка это был дедушка Лейлы, служивший дипломатом.

Вскоре хозяйка йали вернулась с бельем и одеждой. Следом за ней показалась пухленькая служанка с озорными глазами.

— Вам придется довольствоваться хаммамом. Еще слишком холодно, чтобы купаться, — сказала Лейла (под домом имелся трап, по которому можно было напрямую доходить до Босфора и принимать морские ванны).

Ханс никогда не видел ее такой цветущей. По голосу и движениям было видно, что она на время освободилась от всех своих тревог.

Он последовал за Лейлой, которая решила показать гостю йали. Имение состояло из двух отдельных домов, которые раньше исполняли роль селямлика и гаремлика, но родители Лейлы перераспределили все комнаты. Просвещенные османы следовали европейскому образу жизни, который переняли после реформ прошлого века.

— Это одна из причин, по которой свекровь никогда здесь долго не задерживается во время летних визитов, — добавила она озорным тоном. — Оставляю вас в руках Белиз. Мне нужно снова взять власть над своим королевством...

Служанка провела Ханса на второй этаж, в комнату с украшенным лепниной потолком. Шелковые цветные стены купались в особом сиянии голубых вод Босфора. Было свежо. Паркет приятно пах пчелиным воском. На столе в хрустальной вазе стоял букет цветов. Ханс прилег немного отдохнуть на кровать с балдахином и, изнуренный ночным плаванием, заснул глубоким сном.

Несколько часов спустя, даже не открывая глаз, он почувствовал, что в комнате — Лейла. Ни боль, ни ощущение тревоги не могли устоять перед невероятной радостью от того, что она — рядом.

Она, задумавшись, сидела у окна. На ней было белое плиссированное платье с красными льняными вставками. Она курила. Ханс затаил дыхание. Ее густые волнистые волосы, еще слегка мокрые, были перевязаны атласной лентой. Она наблюдала за парусником, чья мачта была видна с кровати. На столике стоял легкий завтрак, состо-

явший из оливок, далмы и сыра, была также корзина с булочками и фруктами.

Заметив, что гость проснулся, Лейла лучезарно улыбнулась. И эта улыбка взволновала Ханса.

— Здесь вы сможете дышать свежим воздухом, будете хорошо питаться, — жизнерадостно пропела она, наливая два стакана раки. — Вы очень скоро поправитесь. Белиз позаботится о вас, как о собственном ребенке. У нее семеро детей. Безумие, не правда ли?

Отблески волн наполняли комнату светом. Хансу казалось, что он плывет между морем и небом. Лейла отщипнула виноградину.

— Это с домашних виноградников. Он намного вкуснее, чем в Измире. Есть еще и инжир... Ранний.

Ханс вдруг обнаружил, что умирает от голода. Она подала ему салат из огурцов и красного лука.

— Я передала дервишам записку от Рахми-бея. К ним нужно будет обратиться, когда вы будете готовы уйти. Они стали искусными проводниками, но будьте готовы к худшему. Чтобы пройти через контрольный пункт, они наряжают мужчин в чаршаф, — пошутила Лейла. — Но это, в конце концов, лучше, чем благоухать рыбой!

— Что нового о Мустафе Кемале? — спросил Ханс, набросившись на далму.

— Он отказывается возвращаться в Стамбул. Заявил, что падишах и его окружение взяты Антантой в заложники и утратили легитимность. Он также вызвал в Сивас национальный конгресс, который проведет независимое заседание.

Лейла снова стала серьезной. Оба хранили молчание, раздумывая о генерале и оценивая его действия.

— Итак, он перешел Рубикон, — взволнованно пробормотал Ханс.

Если национальный конгресс состоится при участии представителей всех регионов, то под знамена национально-освободительного движения, которое возглавит Мустафа Кемаль, станет множество людей. И тогда начнется война с греками, которых нужно оттеснить к морю. Лейлу охватила паника при мысли об участии в этом Антанты.

— Сомневаюсь. Они слишком озабочены демобилизацией и собственными проблемами, к тому же не стоит сбрасывать со счетов общественное мнение европейских стран. Посмотрите на события в моей стране, а также в Великобритании и Франции. Их правительства не смогут заставить солдат воевать за пыльные земли Анатолии без риска мятежей. И война дорого стоит, как бы грубо это ни звучало. Нет, столкновение будет между турками и греками.

— И между турками и турками. Между националистами и приверженцами падишаха, которые будут поддерживать империю.

— Вы волнуетесь за мужа? — напрямик спросил он. Она вздохнула.

— Недавно в Париже приняли делегацию Порты. Говорят, речь великого визиря крайне не понравилась участникам переговоров. Клемансо заявил, что турки строили империю на обломках завоеванных держав. Нам не простят ни союз с Германией, ни политику по отношению к армянам. Как можем мы надеяться на милосердие? Селим должен скоро вернуться...

Она опустила голову. Сердце Ханса билось все чаще.

— Я знаю, что у нас нет иного выбора, как сражаться вместе с националистами, — пылко продолжила она. — Но сомневаюсь, что смогу убедить в этом мужа. И, в отличие от вас, он вовсе не одобрит, что я выражаю свое мнение в газетах.

Ханс был убежден, что небезразличен Лейле, но женщина оставалась недостижимой. Супруга дипломата и мать двоих детей никогда не сможет получить развод. И если он не станет бороться со своим чувством, а поддастся ему, это принесет лишь огорчения. Вдруг он понял, что надежды нет. Да и на что надеяться? Скоро вернется ее муж. А Ханса разыскивает британская разведка. Побег в Анатолию в разгар волнений, чтобы впоследствии перебраться в Берлин, — рискованное предприятие. Теперь, когда чешский исследователь¹ расшифровал клинопись хеттов и доказал принадлежность хеттского языка к индоевропейской группе, раскопки в Хаттусе получают новый толчок. Не объяви англичане за голову Ханса вознаграждение, он мог бы работать в музее Стамбула, пока не присоединится к экспедиции. Теперь свободно передвигаться в столице для него невозможно. Это тупик. Он хотел мира, но обстоятельства вынуждали его воевать. И он, вероятно, потянет Лейлу.

— Зачем вы меня сюда привезли? — внезапно выпалил он. — Вы так свободно со мной себя держите, но на проявление чувств с вашей стороны я надеяться не могу!

Ханс залпом выпил стакан раки. По смущенному взгляду женщины он понял, что этот неожиданный порыв застал Лейлу врасплох. Возможно, турчанка думала о предстоящей борьбе, а он — о любви. А если он ошибся? Может быть, она ничего к нему не испытывает...

— Этой ночью вы бежали из нашего дома и совершили тяжелую и опасную переправу через пролив. И вы предлагаете мне... это? И вы, вы...

¹ Бедржих Грозный (1879—1952) — австрийский и чехословацкий востоковед и лингвист, расшифровал хеттский язык, доказав, что он относится к индоевропейским языкам. Автор первой в мире грамматики хеттского языка.

Он хотел было сказать ей, что она, сама того не понимая, ведет себя с ним вызывающе. Но мысленно упрекнул себя за неблагодарность. Он вообще не узнавал себя. Еще совсем юным он испытал и любовь, и разочарование. С тех пор он предпочитал женщин, которые не требовали от него любви, которым было достаточно получать и доставлять удовольствие. На Востоке такие отношения не были запятнаны чувством вины. Подарить партнеру счастливые минуты, не требуя ничего взамен, — вот в чем заключалось истинное благородство.

Ханс подошел к окну. Он чувствовал себя ничтожным: перспектива долгого выздоровления, физическое бессилие, скорый отъезд и риск больше никогда не увидеть Лейлу — все это подавляло. Он глубоко вздохнул.

— Простите. Сам не знаю, что говорю. После всего, что вы для меня сделали, это неприлично... Надеюсь, вы не обиделись.

Он вздрогнул, почувствовав ее руку у себя на плече. Она стояла так близко, что он мог вдыхать ее аромат. Она погладила его по щеке, обвела большим пальцем контур его губ. По телу вновь пробежала дрожь, ему очень захотелось обнять ее, но он не решался пошевелиться, боясь спугнуть волшебство.

— Я держу себя с тобой свободно, потому что ты — зеркало моей души, — прошептала она.

Их губы слегка соприкоснулись.

— Ты открыл меня для самой себя. Я всегда буду тебе за это благодарна.

Ханс обхватил ладонями ее лицо. Отблески волн танцевали на белых стенах. Мужчина никогда не чувствовал себя настолько легко. Он стал целовать ее приоткрытые губы, словно целовал весь мир. Он притянул ее к себе, обхватив за талию. Тело Лейлы излучало счастье. Отны-

не больше не существовало ничего, кроме любви, наполняющей его сердце.

Она что-то говорила, но он не понимал. Все его существо хотело обладать этой женщиной. Она произносила какие-то слова, но их значение ускользало от него. И вдруг ее губы исчезли, ее грудь и бедра больше не прижимались к нему. Она отпрянула, и стало холодно, словно в темной пропасти. Он больше не чувствовал ее тело, и ему показалось, что он погибает.

— Я не могу...

Несносные и жестокие слова обожгли его. Он почувствовал буквально физическую боль и схватился за оконную раму.

— Прощу, пойми меня. Я не могу...

Он посмотрел на ту, которую любил, и увидел, что она плачет. Он потянулся к ней. Ее нужно утешить, нужно, чтобы она поняла — между ними никогда не будет принуждения, сказать ей, что ни за что на свете он не причинит ей зла. Просто ему нужно время, чтобы собраться с мыслями, восстановить душевное равновесие, спрятать от нее свое отчаяние. Главное, чтобы она почувствовала себя свободной. Независимой. Пусть он даже умрет от горя и одиночества.

Их пальцы сплелись. Когда Лейла положила голову ему на плечо, Ханс молча обнял ее, и женщина была признательна за это скупое проявление нежности. Призрак ангела ада, который, по словам Пророка, облачает прелюбодеев в броню из жаркого пламени, помог ей преодолеть порыв. Она должна была бы гордиться, что смогла противостоять соблазну. Но нельзя было отрицать, что тело выдавало ее и что она страстно желала этого мужчину. Она пошла на поводу у своих чувств, но сила его страсти испугала ее.

Лейла никогда не была столь чувственной с Селимом. Она понимала: близость с Хансом — нечто большее, чем просто телесный контакт, хотя и знала, что получит от этой плотской любви много больше, чем от любви с мужем. Вера учила, что занятие любовью — акт, содержащий в себе божественную искру. Ханс относился к Лейле уважительно, проявлял благородное почтение, однако все это пугало молодую женщину, так как не оставалось ни капли сомнения в том, что она любит глубокой и безумной любовью этого человека.

В дверь гостиной постучали. Роза Гардель от неожиданности подскочила и уколола палец. Она заканчивала вышивать воротник летней блузы для Марии и на миг отвлеклась от работы, любуясь расцветающим весенним садом за окном. У нее чуть сердце не выскочило. А когда она увидела в дверях евнуха в черном сюртуке и неизменной феске, испугалась еще больше. Этот человек выглядел настолько высокомерно, что внушал Розе чувство вины.

Али обратился к женщине, отчаянно жестикулируя, но француженка ничего не смогла понять. В конце концов жестом, не допускающим возражений, он велел ей следовать за собой. Розу это рассердило, но она не посмела ослушаться евнуха и позволила отвести себя к входной двери, где ее ожидали два французских солдата.

— Что вы хотели? — спросила она.

— Мы хотели бы поговорить с неким Орханом, мадам, — ответил один из них.

— Сожалею, но не могу вам помочь. Здесь нет никого с таким именем. Вы должны пойти в другое крыло дома.

— В смысле?

— Моему мужу предоставили только эту часть дома. Если есть какая-то проблема, то нужно осмотреть гарем. Именно там проживает турецкая семья.

Военные обменялись взглядами.

— Вы там найдете и мужчин, — поспешила их успокоить Роза. — Лейла-ханым, молодая хозяйка дома, отлично говорит по-французски. Полагаю, вы ищите ее брата.

— С гаремликами всегда тяжело иметь дело, мадам, но мы здорово сомневаемся, что женщины укрывают у себя преступников, — пошутил один из солдат.

Сам того не понимая, солдат затронул болезненную тему. На днях Роза была оскорблена поведением Луи, которому сообщила, что Лейла-ханым и ее свекровь прячут немецкого подданного. Муж вместо того, чтобы похвалить за инициативу и за важные сведения, упрекнул ее в том, что она шпионит за хозяевами дома. Определенно, супруг был ослеплен этой Лейлой.

— А почему вы разыскиваете молодого Орхана?

— Сожалеем, мадам, но это конфиденциальная информация.

— После десантной операции в Измире националисты становятся все активнее и активнее, не так ли? И эти кражи оружия... Мой супруг сказал, что один турецкий генерал, видимо, готовит восстание. Вам действительно стоило бы хорошенько там всех расспросить. Только Богу известно, что они замышляют.

Солдаты двинулись за Розой по тропинке, откуда было видно крыло гаремлика с отдельным входом. Роза изучила окна верхнего этажа, но несмотря на все усилия ей так и не удалось определить комнату, где она видела немца.

Али Ага в вызывающей позе замер перед входом и презрительно смотрел на гостей. Один из солдат замялся.

— Да этот старик не обладает никакой властью! — воскликнула Роза. — Британцы не такие совестливые, как вы. Они, не стесняясь, депортируют нежелательных лиц и реквизируют их имущество. Думаю, вы не разочаруетесь, если ненадолго сюда зайдете.

К ее огромному огорчению, мужчины все же предпочли вернуться к автомобилю. Но они наверняка составят рапорт. Роза также решила удалиться, но в любом случае она найдет внимательного слушателя и обязательно все разузнает.

Ближе к вечеру она отправилась на чаепитие к мадам Диамантидис. В огромной квартире, заполненной изящными предметами декора и красивыми растениями в кадках, была разношерстная публика: разряженные по случаю чьей-то свадьбы греки целыми семьями, английский майор в сопровождении переводчика, потомка венецианцев, который вместе с обозом итальянской армии вернулся на землю Порты, два чиновника Управления Османского государственного долга, беседующие о налогах на алкоголь и табак, и несколько дам из Пера, одновременно милосердных и скупых.

Розе было жарко, она опасалась приближающегося летнего зноя. Возможно, ей с Марией удастся получить приглашение на Принцевы острова, где находятся летние апартаменты знатных левантийских семей? Там будет чем дышать. Она взглянула на мадам Диамантидис, обмахивающуюся веером. От доброго расположения этой дамы зависит многое.

Она удивилась, когда в дверях появился Луи. Он не планировал приходить, сославшись на крайнюю занятость. Однако Роза обрадовалась его приходу. Рядом с ним ее робость улетучивалась, словно мираж. Но по напряженному

выражению лица женщина поняла, что он в жутком настроении.

— Во что ты играешь? — спросил он, хватая ее за руку.

Роза смирила его взглядом.

— Отпусти меня, пожалуйста. На нас смотрят.

Он послушался, пригладил волосы.

— Мне доложили, что сегодня утром к нам домой приходили солдаты. Они наводили справки о турках.

— Ты все же должен был бы поблагодарить за это хозяйку дома, а? Она считает нас невежами.

— Ты дала понять, что в доме Гюльбахар-ханым происходит что-то подозрительное.

— Я лишь исполнила свой долг! — выпалила Роза. — Они хотели поговорить с братом твоей протее. Мне очень жаль, но меня не воспитали в любви ко лжи.

— Лейла-ханым — не моя протее!

— Тогда почему ты отказываешься слушать, когда я говорю, что она прячет раненого немца? Всего пару месяцев назад мы воевали с этой страной.

— Это нас вовсе не касается. Твое отношение к Лейле-ханым смешно и безнравственно.

Луи смотрел на нее с неким сочувствием. Роза ощутила, как комок злости заполнил все ее нутро.

— Правда? Тогда объясни мне, почему ты посылаешь ей сборник поэм со сладкими словами?

Он остолбенел, губы сжались в жесткую линию. Роза пожалела, что так далеко зашла. С момента приезда в город она не могла найти с супругом общий язык. Луи разговаривал с ней резко, постоянно что-то недоговаривал. Иногда ей казалось, что он ее просто не замечает.

— Не место и не время это обсуждать, — сухо ответил он.

Капитан развернулся на каблуках, но она схватила его за руку.

— Луи, должна ли я тебе напоминать, что ты — мой муж? — тихо прошипела она. — Я не потерплю, чтобы ты у меня под носом ухаживал за другой женщиной. Ты обязан меня уважать, слышишь?

Он так на нее взглянул, что она отпрянула.

— Я крайне огорчен, что ты опустилась до того, чтобы копать в вещах Лейлы-ханым. Роза, ревность — большой порок, особенно для тех, кто любит давать уроки морали.

— Скажи мне правду, если осмелишься! Я имею право знать.

Но он оставил ее, не удостоив ответом. Молодая женщина с ужасом обнаружила, что приглашенные смотрят на нее и шушукаются. Покраснев от унижения и злости, она проклинала Луи. Она не хотела приезжать в Константинополь, предчувствовала, что не найдет здесь себе места, и происходящее было тому доказательством. Сейчас она не могла разобраться, что ненавидит сильнее — этот кишаший людьми город или своего мужа.

— Мадам, вы очень бледны. Выйдемте на террасу подышать свежим воздухом.

Британский офицер подхватил ее под руку и подтолкнул к стеклянной двери, выходящей на открытую террасу, где цвели розовые кусты. Он протянул женщине фруктовый сок с подноса дворцового. Дрожа от переполняющих ее эмоций, Роза поднесла стакан к губам.

— Прошу прощения, я не представился. Полковник Джеймс Стратмор. Не сердитесь на своего мужа. Мы сейчас все на нервах, — улыбаясь, сказал он и извлек из кармана портсигар. — Луи это тяжело переносит.

У него было узкое лицо, светлые рыжеватые волосы, и он говорил по-французски почти без акцента.

— Вы давно знакомы? — спросила Роза с потухшим взглядом.

— Мы прибыли сюда в одно и то же время и встречаемся на различных собраниях. Луи — достойный человек, хотя его манеры бывают иногда немного резки.

У него был такой сочувствующий взгляд, что у Розы вдруг подступили слезы к глазам.

— Я больше его не узнаю, — неловко призналась она.

— Ему очень повезло, что жена и дочь рядом с ним. Хотел бы я быть на его месте.

— А ваша жена не смогла к вам присоединиться?

Он зажег сигарету и устремил взгляд на мерцающую вдалеке голубую ленту Босфора.

— Она скончалась в прошлом году. Испанский грипп.

— О, мне очень жаль. Какая страшная эпидемия! Здесь, в Константинополе, эта трагедия не так ощутима, город практически не пострадал от нее.

— Очень прискорбно то, что эта болезнь сражает главным образом молодых, в полном расцвете сил людей. По всему миру количество смертей исчисляется миллионами. Можно сказать, что это какое-то божественное проклятие. Вы так не считаете?

Польщенная вниманием офицера, Роза почувствовала себя немного лучше. Луи обычно одергивал ее, когда она высказывала свое мнение. Но не таков был британец. Мадам Гардель обсудила с полковником будущее Османской империи, мирные соглашения и сумму компенсаций, о чем сейчас писали первые полосы газет. «Можно было выиграть войну, но потерять покой», — объяснил он ей. Джеймс Стратмор был сторонником строгого обращения с немцами и турками, что не могло не нравиться француженке.

— Прошу меня извинить, если мой вопрос покажется нескромным... Но вы, как я услышал, только что говорили о каком-то раненом немце?

— Совершенно верно! Я думаю, что он скрывается.

Молодая женщина не заставила себя упрашивать и выложила все в подробностях. Ее собеседник был и внимательным и галантным, Роза уже давно не проводила время так приятно. Она описала внешность незнакомца, черты лица, повязку в области торса...

Солнце клонилось к закату, касаясь городских крыш. Босфор менялся на глазах, окрашиваясь в темно-синий цвет. Между военными крейсерами вздымались столбы дыма от пароходов, курсирующих по проливу.

— Вы о чем-то задумались? — спросила она, когда им подали шампанское, а один из слуг начал зажигать фонари.

— Мне кажется, я догадываюсь, кто таинственный постоялец вашего конака.

— Правда?

— Даю руку на отсечение, что речь идет о том немце, которого мы разыскиваем несколько недель. Это некий Ханс Кестнер.

Разнервничавшись оттого, что ее небольшое расследование приобретает все более отчетливые формы, Роза спросила, в чем обвиняют этого человека.

— Он убил одного нашего агента. Кестнера разыскивают за пособничество националистам. Во время войны он был одним из тех немецких офицеров, задачей которых было разжигание священной войны против наших войск.

По спине молодой женщины пробежали мурашки.

— Священная война? Что вы хотите этим сказать? — ошеломленно прошептала она.

Стратмор объяснил, что кайзер пытался поддержать восстание мусульман на юге Османской империи, в Месопотамии, в Персии и на других арабских территориях. Конечной целью было распространение в исламских

странах — вплоть до Индии — религиозной ненависти и подрыв влияния Британской империи.

— Арабы называли войну против неверных англичан и французов священной, но с нашей стороны также работали агенты, поддерживающие арабов против притесняющих их турок.

— Не понимаю, — удивилась Роза. — Немцы для них тоже неверные?

— Признаю, были некоторые религиозные ужимки, — откровенно забавляясь, сказал полковник, — но, слава Богу, это было не слишком убедительно. Шииты, как и левантийские арабы, оказались более разборчивыми, что свидетельствует о слабом влиянии халифа на общину верующих.

— Поведение немцев меня не удивляет. Эти коварные люди ни перед чем не останавливаются! Но призывать к священной войне против христиан — полное безумие...

— Именно поэтому я очень хочу поймать Ханса Кестнера.

Британец пристально смотрел на нее своими синими глазами. Роза залпом выпила шампанское и спросила, что он собирается предпринять. Тот с улыбкой ответил, что передаст сведения кому следует. Розу буквально разрывали страх и гордость, она очень хотела верить, что интуиция ее не подвела. Ей бы не хотелось сейчас встретиться с Луи, но это уже не имело значения — она добилась своей цели.

По возвращении в Стамбул Лейла увидела у конака толпу людей. Она опешила. Перед уходом она сказала свекрови, что проведет три дня у кузины Накий, и не ожидала проблем. Тревога значительно усилилась, когда она заметила перед воротами военный автомобиль с британским флагом. Ей пришлось попросить у караульного разрешения войти к себе домой.

В вестибюле ее встретил Али Ага под присмотром солдата. Он дрожащим голосом сообщил, что англичане пришли с приказом об обыске. Гюльбахар-ханым вместе с Перихан удалилась в сад, а Ахмет еще был в школе. Что касается капитана Гарделя, то его судно накануне ушло в Черное море. Француз ничем не мог помочь.

Была нарушена неприкосновенность гаремлика. Лейла ощутила физическую боль при виде военных, топчущих дорогие ковры и беспардонно рыскающих по ящикам шкафов. По паркету стучали тяжелые сапоги. Она с вырывающимся из груди сердцем следовала за солдатами по пятам. В комнате, где скрывался Ханс, по обе стороны пустой кровати стояли двое мужчин. На консоли было несколько пузырьков с йодом и бинты.

— По какому праву вы ворвались в наш дом? — возмутилась Лейла.

— По законному, мадам, — ответил офицер. — По праву розыска преступника.

— Здесь только женщины и дети. Как вы посмели вести себя так в отсутствие моего супруга? Он является секретарем Его Императорского Величества и членом официальной делегации Парижской конференции. Он придет в ярость, узнав, что здесь произошло.

Офицер и бровью не повел. Солдат сообщил ему, что ничего компрометирующего они не нашли. Лейла сильно заволновалась, оставшись наедине с этими людьми.

— Для чего вам эти медикаменты? — спросил офицер.

— Я работаю медсестрой милосердия в военном госпитале.

Он недоверчиво скривился.

— Мы знаем, что вы скрывали раненого иностранца. Где он?

По спине Лейлы пробежал холодок. Слава Богу, что она успела увезти Ханса.

— Не понимаю, кто вам сказал такую глупость. В этой части дома живут лишь мой брат и старый дядюшка.

— А я думал, что здесь живут только женщины и дети, — с насмешкой ответил он, вынимая из кармана записную книжку. — Орхан, сын Рустам Бея, правильно?

Сердце Лейлы так колотилось, что она боялась потерять сознание. Вдруг она услышала в коридоре быстрые шаги, и ей на руки бросилась Перихан. Лейла подняла малышку, та обвила ее шею ручонками. Запыхавшаяся Фериде стояла в дверях.

— Это ваш брат, не так ли? — снова спросил британский офицер.

Не в силах вымолвить ни слова, Лейла кивнула.

— Мы только что его арестовали. Мы подержим его до допроса. Возможно, он будет более расположен к сотрудничеству, чем вы.

— Но это абсурд! Мой брат ничего не сделал. Он же студент!

Офицер скривился в улыбке.

— Это вовсе не является гарантией хорошего поведения... В наше время мы не доверяем ни студентам, ни женщинам.

Они покинули комнату, и, пока спускались по лестнице, Лейла умоляла офицера сказать, куда увели Орхана, но британец молчал. Солдаты через несколько минут исчезли, оставив двери нараспашку и разбросанные подушки. На душе было гадко. Лейлу трясло. По-прежнему держа на руках Перихан, женщина опустилась на ступеньки.

— Мапочка, тебе плохо? — спросила девочка, поглаживая ее по щеке.

Лейла начала ее укачивать — скорее, чтобы успокоить себя, а не дочь. Что теперь делать? Орхан попался случайно или его выдали властям? В отсутствие Луи Гарделя на помощь рассчитывать нечего. Она должна как можно скорее предупредить Рахми-бея. Только дядя Гюркана знал, что делать.

Она попыталась успокоить Фериде, которая со слезами умоляла ее пойти к свекрови, но у Лейлы не было желания выслушивать капризные замечания Гюльбахар-ханым. Молодая женщина решила действовать. Она покрыла поцелуями личико дочери и пообещала скоро вернуться.

Лейла помчалась к воротам. Британских офицеров и след простыл. Обычно они не разгуливали по Стамбулу в тех районах, где им не были рады. Их появление здесь

свидетельствовало том, что Ханс имел для них огромное значение.

Из-за зеленых вершушек платанов и кипарисов едва выглядывали купола и минареты белораморных мечетей. В беседках, увитых виноградом, мужчины в тюрбанах курили наргиле, перебирая четки. Но эта беспечность была обманчива. Лейла знала, что за ней следят с того самого момента, как она сошла с парохода. Женщины проницательнее мужчин. Ее манера завязывать черную вуаль рассказала местным, что дама, спешащая по мостовой, очевидно из другого квартала. Поговаривали, что здешние благочестивые кумушки нападали на приезжих женщин, якобы недостойно одетых. Здесь до сих пор придерживались хиджры¹, а не европейского календаря и не приветствовали ни европейских книг, ни иллюстрированных журналов. В этом священном месте султаны пристегивали к поясу саблю Магомета при восшествии на престол, великие усопшие покоились в могилах под полуразрушенными памятниками с каменными тюрбанами.

Лейла поспешила нырнуть в безлюдный переулок. Кое-где на поблекших от непогоды деревянных крышах щетинились темными прутьями гнезда аистов. Между булыжниками мостовой пробивалась трава. Дома скрывались в тени глициний. Она немного знала Эюп, потому что приходила ухаживать за беженцами во время балканских войн. Но сегодня Лейла чувствовала себя неловко, словно последние события отдалили ее от этого неизбежного мира. «Пропать становится все глубже и глубже», — подумала она с долей сожаления. В современном турецком обще-

¹ Хиджра — 622 г. — дата бегства Магомета из Мекки в Медину, от которой мусульмане ведут летосчисление.

стве существовало множество различных политических сил, цели и стремления которых порой были противоположны и буквально разрывали страну на части. И чтобы страна эта не исчезла, нужны были новые силы и идеи, которые укрепили бы молодую нацию, родившуюся из хаоса в пламени войн.

Подгоняемая тревогой, Лейла уточнила у прохожих дорогу и вскоре разыскала кафе, о котором ей говорил Орхан. Когда она вошла, в небольшом зале с диванами, покрытыми старой тканью, воцарилась гробовая тишина. Мужчины разглядывали женщину с нескрываемым осуждением. Хозяин отложил тряпку и подошел к госте. Оробев, Лейла полусшепотом объяснила, что ищет Рахми-бея, что это срочно и что это вопрос жизни и смерти.

— Я поищу его, но вам нельзя здесь оставаться, — произнес мужчина строго.

Он отвел Лейлу в бакалейную лавку свояченицы. Та провела женщину в маленькую комнату без окон. Здесь витал сладковатый запах круп и сыра. Через пару минут бакалейщица вернулась и торопливо предложила чай и сухофрукты. Все это казалось Лейле сном. Судьба играла с ней и подбрасывала на доску странные фигуры. Несколько месяцев назад женщина боялась самостоятельно выйти в город, а сегодня она то и дело бежит по Стамбулу из одного конца в другой, как бы странно это ни казалось. Без сомнения, возвращение Селима изменит ход вещей. Она сомневалась, что он согласится с такой ее свободой.

Лейла жутко боялась за Орхана, представляла, что брат сейчас терпит надругательства и, возможно, пытки. Минуты текли одна за другой, чередой покупателей в лавке не заканчивалась, женщине приходилось сдерживать себя, чтобы не спросить, где же Рахми-бей.

Позже она будет задаваться вопросом, что же привлекло ее внимание, из-за чего она стала прислушиваться к разговорам. Возможно, оттого, что голос не был таким крикливым, как голоса остальных утренних посетителей? Лейла неожиданно услышала имя Селим-бея. Это заставило ее подойти к занавеси, разделяющей помещения. Стройная женщина в черной вуали с корзиной, полной риса и овощей, шутила с продавщицей. Она щебетала, что очень рада была получить письмо, в котором говорилось о скором возвращении возлюбленного.

— Мне всегда было интересно, каков этот Париж, — оживленно пропела бакалейщица. — Надеюсь, он привезет тебе чудесные подарки.

— Несчастный был так сильно занят Мирной конференцией. Не думаю, что у него было на это время.

— Послушай, но ведь Селим-бей Эфенди уехал несколько месяцев назад! Понятно, что твой муж — секретарь Его Величества, но прежде всего он — мужчина. Уверена, что он подумал о тебе.

Приступ головокружения заставил Лейлу ухватиться за занавесь. Ее захлестнул целый рой мыслей. Она не слышала? Это невозможно... И все же в глубине души она понимала. Во имя Преславного Аллаха, по каким-то непонятным причинам Селим взял вторую жену? У нее в ушах звучал голос свекрови. Это была очередная женская беседа, которой Лейла не придавала особого значения: «Женщина никогда не может быть всем для мужа. Таковыми мужчинам создал Аллах. И такие они все, а все, кто такими не являются, никуда не годятся». Лейла часто, смеясь, возражала черкешенке, убежденная в том, что такое несчастье ее не коснется.

У нее подкосились ноги, и она рухнула на табурет. Это плохой сон... Селим уехал почти пять месяцев назад. Ког-

да он женился на этой девочке? Как с ней познакомился? Неужели он лгал каждый раз, говоря, что уезжает в Йылдыз к султану? Приезжал ли супруг в этот район Стамбула, чтобы заняться любовью с этой женщиной? Лейлу терзали стыд и смутение. Все внутри разрывалось при мысли, что муж был в объятиях незнакомки. В чем ее ошибка? Почему она ни о чем не догадалась? И какого черта Селим искал в этом квартале, на другом конце мира? Он ведь так любит роскошь изысканных конаков Стамбула, йали и дворцов!

Она наклонилась вперед и сжала пальцами виски.

— Лейла-ханым?

Она узнала этот хриплый голос, запах соли и табака. Силуэт Рахми-бея выделялся на фоне занавеси. Он тревожно вглядывался в лицо женщины. Она хотела заговорить, но не смогла издать ни звука.

— Вы хотели меня видеть? Что случилось?

Она не пошевелилась. Мужчина присел рядом с ней на корточки.

— Расскажите. Вы так побледнели. Проблема с Кестнером?

Она потрясла головой.

— Тогда с ребятами?

— Орхан, — еле слышно произнесла она. — Они его арестовали...

— Кто?

— Англичане.

Он выругался и плюнул на пол.

— Кто-то его выдал?

— Я... Я не знаю. Но Ханса кто-то предал. Они пришли за ним ко мне домой. Они все перерыли. Это ужасно!

Рахми-бей помрачнел. Выпрямился, зажег сигарету. Лейла не сводила с него глаз. Черноволосый, с небольшой

щетиной, на внушающем доверие лице — широкий нос. Он точно знает, как вытащить Орхана из ловушки. Он знает, что такое война и опасность, умеет организовывать вооруженные ограбления, не попадаясь шпионам противника. Все лазские лодочники подчиняются ему. И у него наверняка есть десятки сообщников.

Лейла накрыло волной усталости. Она была словно побитая. Если бы женщина могла доверить этому сильному человеку все прочие свои переживания... Тревога за Ханса, предательство Селима... Она задалась вопросом, хватит ли у нее сил вообще подняться и выйти из этой комнаты. Лейла уперлась затылком в джутовый мешок. «Иногда хочется просто умереть», — подумала она.

Женщина обратилась за помощью по адресу. Рахми-бей мгновенно все понял и оценил ситуацию. Он пообещал, что свяжется с Орханом. Лейла не должна волноваться, она должна спокойно ждать дома. Рахми-бей будет передавать ей новости через Гюркана, он очень надеется, что племянник не под подозрением и не арестован. Как только Ханс Кестнер окончательно поправится, его нужно будет вывезти в Анатолию. Мужчина не скрыл от Лейлы, что теперь сомневается в надежности ее дома. Лейле стало дурно.

— Есть ли новости от вашего мужа? — спросил он, когда они прошли в магазин.

Раздался призыв муэдзина к молитве, и бакалейщица, готовясь к ней, принялась закрывать ставни. Лейла почувствовала, как запылали щеки.

— Скоро должен вернуться.

— Тем лучше. Он сможет похлопотать о шуринах.

— Сомневаюсь. Селим ненавидит Орхана. Он всегда считал, что тот плохо кончит.

Рахми-бей задумчиво за ней наблюдал, удивленный горячностью ответа. Она опустила голову, чтобы он не за-

метил злости в ее глазах, затем поблагодарила бакалейщицу за прием.

— Скажите, как зовут последнюю клиентку? — уже на пороге спросила Лейла, закрывая лицо вуалью. — Мне кажется, я узнала ее голос, но точно не уверена. Восемь лет назад, когда я приходила сюда помогать беженцам, мне помогали многие девушки.

— О, это Нилюфер-ханым! Ей всего девятнадцать, понимаете. Это ангел, а не ребенок. Сама нежность. Все в квартале ее очень любят. Она всегда любезна и улыбчива. Живет в маленьком доме в конце улицы.

Несколько недель спустя вернулся Селим. Лейла оставила при себе то, что узнала в Эюпе, ни словом не упрекнула мужа. Она решила не вступать в конфронтацию. Ей казалось, что так этот унижительный кошмар не приобретет губительные масштабы. Власть слов сомнительна. Любое разоблаченное чувство опошляется. Любая мысль, облеченная в слова, любой упрек, несправедливость, о которой сказали вслух, становится конкретной и даже угрожающей.

Отныне она шпионила за Селимом, словно за незнакомцем. Его обычная апатия, казалось, улетучилась, периодически он мог вспылить или блеснуть ироничной французской фразой. В лице его теперь сквозила некая важность и значительность, речи стали отрывистыми и резкими. Он проявлял признаки нетерпения по отношению к матери. Совсем недавно Лейла решила бы, что такое поведение обусловлено неприятностями на службе. Мучительный провал Мирной конференции вынудил великого визиря Дамат Ферид-паши представить султану новое правительство. Селим переживал, что лишится места. Но теперь Лейла знала, что у супруга есть другие заботы.

Яд лжи проступал повсюду. Ночью, когда она отдавалась ему, потому что мужу нельзя отказывать, ее ничто не

возбуждало. Их неловкие тела больше не двигались в унисон, поцелуи Селима были лишь жалким обманом. Она представляла его в объятиях Нилюфер, представляла, как они предаются утехам и наслаждению. Была ли его вторая супруга великодушной и умелой? Одна только мысль об этом терзала душу.

«То, что мужчина дает одной женщине, он никогда не отдаст другой» — так говорили хранительницы традиций. По их словам, мужчина по своей природе способен любить нескольких женщин. Священный закон Ислама разрешал многоженство, защищая детей и предоставляя каждой жене почтенный статус. Что касается женщины, то она расцветала через материнство. Столкнувшись с реальностью, Лейла не могла принять ее. Только глухая злость, пронизанная ревностью и бессилием, — вот что она чувствовала. Лейла поняла, что невозможно полностью обладать другим человеком, какая-то часть всегда ускользает. Доверие первых дней замужества, плод наивности, был и плодом ее воображения. День за днем ядовитая злоба пропитывала ее. Ее сердце ожесточилось, душа чахла.

На расспросы свекрови по поводу недовольного лица Лейла заявляла, что волнуется об Орхане, о котором не было новостей. Селим разузнал, что брат действительно арестован англичанами и что те не разрешают его навещать. «Нужно проявить терпение, — твердил он, не слишком беспокоясь о судьбе шурина. — Главное, что Орхан ни в чем не виноват, не так ли?» — добавлял он, пронизывая супругу взглядом. Лейла молчала, так же как и свекровь. Она была благодарна за то, что Гюльбахар сдержала обещание. Соблюдая обет молчания османских женщин, который держал мужчин в неведении относительно многих вещей, свекровь словом не обмолвилась Селиму ни

о похождениях Орхана, ни о пребывании Ханса Кестнера в конаке.

Малышка Перихан болела. У нее была горячка, поэтому Лейла не спала. Она с девочкой на руках спустилась ночью в садовый павильон и прилегла на подушки. В лунном свете виднелись барашки крыши и купола минаретов. Свежий воздух, наполненный ароматом миндаля и жасмина, успокоил ребенка, и девочка наконец уснула.

Мысль о Хансе поддерживала Лейлу, отгоняла горечь предательства, но не тревогу. Дервиши тайно вывезли немца из йали, и отсутствие любимого человека казалось ей изгнанием. Ее любовь породила надежду, приговоренную к молчанию. Лейла боялась, что он исчезнет на широких анатолийских просторах или даже погибнет и она об этом не узнает. Увидит ли она его еще когда-нибудь? Они не давали друг другу никаких обещаний, и он ничего не был ей должен.

Перихан мирно спала, ее длинные ресницы отбрасывали тень на пухленькие щеки. Девочка лежала на животе Лейлы, но женщина не чувствовала веса малышки. Они дышали в унисон. Мать рассматривала вздернутый носик, приоткрытые губы, но перед глазами стоял Селим. Чего она могла ожидать от него? Многие из подруг отказывались менять статус единственной жены и терпели мимолетные связи супругов в объятиях греческих или армянских любовниц. Но по крайней мере, местные христианки умели себя вести. Испокон веков с ними можно было найти общий язык. Мусульманок возмущали недавно прибывшие русские женщины. Эти высокомерные дамы с короткими стрижками купались полуголыми в море. Они заставляли своих турецких любовников разоряться на лотереи или в игровых клубах, где делали ставки на абсурдных тараканьих бегах.

В отличие от Луи Гарделя, Селим, к сожалению, не нашел себе любовницу. Может, было бы проще оставаться единственной супругой гуляющего на стороне мужа? Лейла горько улыбнулась. Женившись на скромной, хорошо образованной мусульманке, Селим спрятал ее от мира. Он подчинился мусульманским традициям, которые призывают к разделению домочадцев. Воистину сказано, что дым от очага одной жены должен оставаться невидим в жилище других жен. Муж старательно следовал правилам.

«Я этого не вынесу», — со страхом подумала Лейла. Долгие дни и ночи она пыталась найти выход. Мусульманин разводился легко, повторив слова расторжения брака, но супруга не могла проявить инициативу. Два года назад правительство обнародовало новый закон о семье, который, не отменяя полигамию, усложнял ее, требуя от супруга получить от первой жены согласие на второй брак. Если она не принимала второй брак мужа, то могла попросить развод. Но сколько религиозных наставников Стамбула оспорили это? Что подумают дворцовые дипломаты, падишах или Гюльбахар-ханым, если Лейла потребует вернуть себе свободу? А Селим? Будучи убежденным, что он прав, воспримет ее жест, как уход, предательство?

«И что ты будешь без него делать?» — прошептал внушительный голос. Мусульманские традиции запрещали разведенной женщине жить самостоятельно. У Лейлы не было ни отца, у которого она смогла бы укрыться, ни мужа в перспективе. Однако, как и все мусульманки, Лейла сохранила собственность и после замужества свободно управляла своими средствами, что удивляло европейских женщин, ограниченных в получении разрешения на хоть какой-нибудь банковский счет. Брачный контракт, составленный отцом Лейлы, предусматривал солидную денежную компенсацию в случае развода. Она ни в чем не будет

нуждаться. Большую часть времени она сможет жить на Босфоре, а на время холодов подыщет городскую квартиру в одном из новых зданий, которые так нравятся ее кухне. Но подвергнуть детей такому потрясению? Селим никогда их не отпустит. Он оступись как супруг, но все же оставался хорошим отцом. Провергать это было бы со стороны Лейлы весьма низко.

Перихан вздрогнула. Молодая женщина поцеловала ее в лоб и обняла крепче.

— В давние-давние времена, было ли это на самом деле или нет... — начала Лейла нашептывать дочери сказку.

Из поколения в поколение женщины превыше всего ставили благополучие своих детей, отдавая им свою любовь и подчиняя свою жизнь их нуждам. Они отрешались от действительности, питая души лишь мечтами и терпеливо перенося серую скуку будней. Лейле было близко такое отречение. Но в самом дальнем уголке сознания жила уверенность, что это уже прошлое и что теперь она идет по иному пути.

Где-то вдалеке, в спокойных водах пролива, отражались огни военных кораблей. Ее ждал йали. Она и так задержалась. Пришло время устроить там детей на лето, восстановиться и набраться сил. Но главное — она должна убедиться, что Орхан на свободе. И только тогда придет подходящий момент и она смело выступит против Селима.

Вечерело. Луи Гардель брел неуверенной походкой между бакалейными лавками. Арбузы и лимоны громоздились высокими пирамидами. Где-то пронзительно кричала торговка холодной водой. Луи поморщился. Здесь, в верхней части Стамбула, не ощущалось и легкого дуновения ветерка. Рубашка француза промокла от пота. В затылке кололо, словно клопы кусали.

Он перепутал улицы, и пришлось возвращаться. Обычно домой его отвозил шофер. Луи с облегчением узнал ворота конака. Но здание с ажурными окнами вдруг показалось ему враждебным. Его охватило мимолетное впечатление, что стены сожмутся вокруг него и задушат. Глаза защемило от слез, и мужчина споткнулся на тропинке, ведущей в небольшой павильон. Луи знал, что никого там не найдет. Все женщины дома сбежали. Лейла-ханым вместе с детьми и свекровью проводила конец лета в йали. Роза и Мария гостили в курортном поселке на Принкипосе, входящем в группу Принцевых островов. Он снял им две комнаты на деревянной желтой вилле, в тени глициний и вьющихся роз. Мария с матерью прогуливалась вдоль утесов, вдыхая ароматы сосен и эвкалиптов, каждый день купались в Мраморном море, девочка училась играть

в теннис со сверстниками. Он еще не навестил их, успокаивая себя тем, что жена и дочь легко без него обходятся.

Луи скинул пиджак. Расстегивая воротник, он оторвал пуговицу на рубашке. И наконец рухнул на подушки. Под закрытыми веками танцевали вспышки света. Сердце билось как сумасшедшее. Это наверняка был дурной знак. В голове мелькали страшные картинки: по горящему мосту бегут моряки, женские пальцы набивают ему трубку с опиумом... прозрачный взгляд Нины...

Он застонал, стал тереть лицо, словно желая сорвать кожу. Ему чертовски не хватало этой русской. Он сдержал данное себе обещание больше с ней не видаться, но каждый день о ней думал. Когда он посещал «Восточный клуб», то по дороге делал петлю, чтобы обойти улицу с рестораном Нины. Если бы ему еще хватило мудрости не курить больше! После выпитого вина он поддался соблазну. Он словно ребенок не смог остановиться. Мужчина достойный сумел бы ограничивать себя в количестве выкуренных трубок с опиумом. Самообладание... Его недостает. Но чувство блаженства, которое дарил опиум, чувство ухода от будней... Оно оказалось сильнее всего, и теперь ноги сами несли Луи на задний двор мечети Сулеймана.

Однако он впервые так плохо себя чувствовал после трубки. Француз не знал, сколько выкурил, сколько времени пробыл в маленькой комнатке с деревянными панелями на стенах. Язык увеличился в размере вдвое и еле помещался во рту. Жажда душила, сил подняться и что-нибудь выпить не было.

Придя в себя, Луи услышал шум листвы платанов. Наконец-то дуновение ветерка... Он отогнал жужжащую на ухом мушку. В висках пульсировала тупая боль. Уловив запах жареных фисташек, мужчина открыл глаза и сел.

Перед ним сидел Селим-бей в безупречном стамбулине, с бумажным пакетом в руках. Турок с интересом рассматривал Луи. Хозяин конака кивком указал на стоящий на медном подносе кувшин. Луи осушил сосуд с такой жадностью, что пролил воду на рубашку. Рукавом отер губы.

— Спасибо, друг мой, — сказал он хрипло.

Селим задумчиво кивнул.

— И давно это?

Луи посмотрел на него искоса. Он боялся момента, когда придется давать объяснения. К тому же француз знал, что не сможет долго лгать такому человеку, как Селим. Правда была проще, порядочнее.

— Привычка из Сайгона. Знаю, что у вас это не так распространено. Но я даже не сопротивлялся соблазну.

Капитан зажег сигарету, его руки дрожали.

— Не судите меня, — нервно пробормотал он.

Селим осторожно выплюнул скорлупку фисташки и протянул Луи пакет. Француз жестом отказался.

— Так приятно освободить разум, а о теле вообще забыть, — продолжил он, оправдываясь. — Но вы, Селим-бей, не сможете понять меня, вам не нужно ничего забывать.

Луи упрекнул себя за толику зависти, скользнувшую в словах. Француз, вообще, считал, что жаловаться на судьбу отвратительно, но после смерти лучшего друга ни разу не ощущал такого родства душ, как с Селимом.

— Я хотел бы быть хорошим мужем и отцом, но я на это не способен, — с горечью прошептал он. — Жена не выносит меня, и я не знаю, как общаться с дочерью. Нужно же где-то искать утешение, а?

Селим вскинул брови. Он знал кое-что о французском капитане, с которым провел немало приятных вечеров перед отъездом в Париж, но не ожидал таких откровений.

Селим не был большим знатоком отрицательного воздействия опиума, но налицо были темные круги под глазами, болезненно-бледное лицо и пергаментная кожа. Возможно, повышенная эмоциональность — еще одно последствие курения? Француз был ему симпатичен, хотя и не набивался в друзья. Иногда бывает такое состояние — хочется найти благодарного слушателя, но и не обсуждать тему бесконечно. Хозяин канака снова начал грызть фишашки, любуясь красками заката на Босфоре. Но все же трудностей предостаточно. В последние дни политическая ситуация обострилась. Уже несколько дней систему лихорадило, а секретарь султана находился в самом центре бури.

— У каждого из нас есть слабости и тайны, — прошептал Селим. — Ничто и никогда не бывает таким простым, как кажется. И никогда не бывает просто ни с женщинами, ни с совестью. Только вы можете перестать судить себя, но не другие. Но вы должны избегать того места. Иначе оно вас погубит.

Луи чувствовал себя как-то странно. Он разоткровенничался, и стало легче. Такого с ним не было уже очень давно. В горле стоял ком. Он не смог ничего ответить, но был признателен Селиму за то, что тот выслушал его.

На следующий день у себя в кабинете в одном из корпусов дворца Йылдыз Селим почти пожалел о том, что не познал прелестей опиума. Перед ним лежала россыпь газет, как османских так и европейских. Все задавались одним вопросом — каково будущее Мустафы Кемалю, избранного в сентябре 1919 года Сивасским конгрессом главой Представительного комитета. Засевшая в Анатолии теневая власть, сделав в конце 1919 года своей резиденцией Анкару, стала фактически временным правитель-

ством Турции, располагая войсками, управляя телеграфной сетью, удерживая страну под административным контролем, заменив чиновников надежными людьми. И отныне во всеуслышание комитет требовал отставки великого визиря.

Один из советников падишаха заметил, что Дамат Ферид-паша сам навлек на себя неприятности, так как пытался противодействовать Представительному комитету. Провал был громким. Захваченные мятежником документы свидетельствовали о том, что османское правительство действовало в сговоре с британцами. Раскрыв предательство великого визиря, Мустафа Кемаль требовал его немедленного ухода.

— И что же произойдет, если он не уйдет в отставку? — пробурчал Селим.

— Если великий визирь не уйдет в отставку, Кемаль отрежет Анатолию от Стамбула, — ответил советник. — Кемаль утверждает, что народ доверяет только его императорскому величеству и что правительство намеренно отдаляет нацию от суверена.

— Пустые угрозы.

— Не заблуждайся. Он уже много чего претворил в жизнь. Отныне можно вести диалог только с его людьми из провинций. А провинциалы до сих пор радуются, что этот славный человек клянется в верности трону, — подтрунил он.

— Не верю ни единому слову, — прорычал Селим, наливая себе воды. — Этот конгресс был инициативой республиканцев. Кемаль знает, что страна не потерпит ни малейшего сомнения в неприкосновенности падишаха, но я-то Мустафу знаю. Это лис, выжидающий время. Он вышвырнет Его Величество при первой же возможности, — заключил он, резко взмахнув рукой.

Собеседник побледнел. В дверь постучали, и молодой секретарь протянул документ советнику. Тот пробежался по бумаге взглядом.

— Что это? — с любопытством спросил Селим.

— Список журналистов и писателей с экстравагантными взглядами. Меня не перестает удивлять число женщин, которые считают полезным высказывать свое мнение, — ехидно заметил он. — Однако их рубрика «письма читателей» просто впечатляет, и мы вынуждены признать их влияние. Ты знал, что Халиде Эдип предлагает нашей стране стать американской подмандатной территорией?

— Как будто можно доверять этому кретину Уильсону! — воскликнул Селим, у которого остались в памяти надменность американцев и их полное непонимание Ближнего Востока.

— А некая Лейла-ханым стала популярной за последние месяцы, но, в отличие от ее коллеги, никто не знает ее в лицо. Она отправляет статьи главному редактору по почте. И пока нашим людям не удалось ее идентифицировать.

Селим мысленно содрогнулся, но внешне себя не выдал. В императорском дворце слухи разносятся быстро. Еще в начале карьеры он научился скрывать свои чувства. «Лейла никогда не писала бы для газет!» — принялся он себя успокаивать. Его жена не интересовалась политикой. Однако в душе зародилось маленькое сомнение. Советник собрался спрятать список в папку, и Селим с равнодушным видом попросил взглянуть на список одним глазком... Неожиданно его пробрало холодом. Газета, для которой писала эта женщина, принадлежала мужу Зейнеп-ханым, кузины Лейлы.

Оставшись один, Селим принялся перебирать газеты. Выбрал несколько страниц и засунул в карман. Затем схватил телефон и предупредил, что отлучится. Фиакр довез секретаря до ближайшего трапа дворца Долмабахче, где он отыскал свободный каик. Поднявшись на борт, Селим устроился на подушках так, чтобы не мешать двум гребцам в парусиновых штанах и легких рубашках.

Он решил воспользоваться поездкой, чтобы почитать статьи. Потрясение сменилось гневом. Как Лейла осмелилась взять на себя такую инициативу, не спросив у него разрешения? «Потому что ты никогда бы ей не разрешил! — разозлился он. — Да чтобы жена секретаря падишаха, молодого перспективного дипломата, писала письма, содержащие угрозу для правительства!» Он и сам не питал большого уважения к Дамат Ферид-паше, считая его манипулятором и ничтожным человеком, но за спиной его величества нужно оставаться едиными.

Селим указал гребцам на йали. Мужчина сгорал от нетерпения увидеть жену, потребовать от нее объяснений. Он прикажет ей немедленно прекратить глупости. Селим вспомнил о вспышках гнева Лейлы первое время после женитьбы. Появление детей успокоило супругу, что вовсе не удивительно, женщина всегда расцветает со своим чадом. «Может, пора задуматься о третьем ребенке?» — спросил он себя.

В розарии работали садовники. Ахмет с громкими криками прыгал с понтона, подогнув коленки. Женщины сидели кружком на ковре, ели сладости и пили шербет. Наверняка сироп из ежевики, особый домашний напиток. Перихан в белом кружевном платье скакала за обручем. Когда каик подошел к понтону, она подбежала к отцу. Селим положил плату за поездку на ковер на дне лодки

и осторожно сошел на понтон. Малышка обняла его. Он смеясь, подхватил ее и закружил.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Лейла, поднявшись, чтобы приветствовать супруга. — Мы тебя сегодня не ждали.

По ее тону он догадался: жена нервничает. Вероятно, она думала об Орхане, который по-прежнему гнил за решеткой. Селиму удалось узнать, что с родственником не произойдет ничего плохого, пытать его не будут. Люди из военной разведки выпустили его и передали туркам — при условии, что бывший узник будет под стражей. Подозревая студента в подрывной деятельности, британцы все же не имели никаких доказательств. «Произвол», — выразила свое негодование Лейла, возмущенная несправедливостью.

— Мне нужно с тобой поговорить, — сказал Селим.

Он опустил Перихан на землю, но девочка вцепилась в руку отца, умоляя поиграть с ней. Он погладил ее по щеке и сказал, что сначала нужно поговорить с матерью.

Лейла глубоко вздохнула. Благодаря ежедневным морским ваннам и миру в родных стенах она набралась сил. У нее создалось впечатление, что она отмылась от миазов оккупации. Однако неожиданное появление мужа пробудило дурное предчувствие.

Они присели на каменную скамью в тени деревьев. Когда Селим стал разворачивать газетные статьи, сердце женщины заколотилось. Лейла скрестила руки на груди, чтобы они не дрожали. Недалеко от них Ахмет продолжал прыгать с понтонa, по его загорелому телу стекала вода, и Лейла позавидовала беспечности мальчика.

— Ты должна немедленно это прекратить, — медленно произнес Селим. — Твоя роль не в том, чтобы поддерживать националистов, а в том, чтобы заботиться о детях и муже. Не понимаю, как такое могло прийти тебе в голову!

Селим говорил с ней резко, даже не смотрел в ее сторону. Лейлу всегда пугало хладнокровие мужа. У нее все сжалось в груди. Селим никогда ее не поймет. Она и сама была удивлена переменам, случившимся с ней за последние месяцы. Теперь она знала, чего хотела, знала, на что способна. Она посвятила себя борьбе за свободу.

Каждую неделю она ходила в дервишескую ханаку на вершине холма. Она помогала планировать побег, собирать пожертвования, чтобы одевать беглецов и передавать им хоть немного денег. Она без колебаний ездила в Стамбул, если ее просили передать какое-нибудь послание. Подобно Халиде Эдип и другим активистам, Лейла больше себе не принадлежала.

— Нет, — тихо сказала она.

Селим повернулся к ней.

— Прости, что ты сказала?

— Мне очень жаль, но я не прекращу писать и защищать правильные идеи. Султан не прав в том, что связался с британцами.

— Не говори о том, в чем ничего не понимаешь! — вспылил муж. — Его Величество лишь пытается умерить их злобу, чтобы они ослабили поддержку греков.

— Как бы то ни было, это продажа души, — съязвила Лейла. — Десантная операция в Измире получила резкое неодобрение, разве нет? А сделки с французами в Киликии? Патриоты этого не потерпят! Такое впечатление, что падишах не понимает чаяний своего народа. Однако он должен был заметить, что даже его приемы в Долмабахче по случаю празднования байрама¹ привлекли меньше публики, чем обычно.

¹ Байрам — трехдневный религиозный мусульманский праздник, завершающий Рамазан.

Селим ошеломленно смотрел на нее. Откуда этот решительный тон? У него раньше не было подобных споров с женой. Ее уверенность сбивала с толку.

— Успокойся, я остаюсь в тени, — вздыхая, продолжила она. — Никто не сможет установить связь между журналисткой и женой Селим-бея.

— Но я же смог! — выпалил он, комкая статьи в кулаке. — Рано или поздно об этом догадаются и люди из дворца. Ты осознаешь, какому унижению меня подвергаешь? И ты считаешь, что я потерплю оскорбление своей чести?

— Я же терплю существование твоей жены Нилюферханым.

Тишина рухнула между ними, словно нож гильотины. Были слышны лишь радостные крики Ахмета, только что поймавшего рыбу. Взгляд Селима излучал смесь гнева и страха. Лейла с удивлением поняла, что ей жаль того, кто был ее мужем почти десять лет.

— Как ты узнала?

— Была проездом в Эйюпе. Я услышала, как эта женщина говорила о тебе. О своем милом супруге, который скоро должен вернуться из Парижа, — с издевкой добавила она. — О своем нежном и обожаемом муже...

Внезапно на нее нахлынула волна гнева. Она впилась ногтями в ладони. Теперь, оказавшись на краю эмоциональной пропасти, она поняла, почему некоторые предпочитают молчать, сохраняя видимость счастья и защищая память о благодатных моментах. Смех Перихан, щелканье секаторов садовников, плеск воды о лодку, тихие шаги Фериде, которая принесла поднос с еще теплой выпечкой. Мир пребывал в гармонии. Но Селим все испортил.

— Я не хотел тебя задеть, — сказал он. — Думал, что так будет лучше... Оставить тебя в неведении.

— Я должна тебя за это поблагодарить? — с ледяной иронией произнесла она.

Он не только заставил ее страдать, но и пытался показать себя в лучшем свете.

— Я нужен Нилюфер. Как бы это сказать? Она...

— Молода. Ей девятнадцать лет. Как давно вы женаты? Удрученный, он опустил голову.

— Три года.

Боль пронзила все ее тело.

— Три года... И у вас есть дети?

— Сын.

Лейла отвернулась, но, на удивление, эта новость не так ранила, как она могла ожидать. Ребенок освящал любовь. Она не пожелала бы ни одной женщине не узнать счастья материнства. Во все времена дети от разных жен имели право на имя и имущество своего отца. Очень редко бывали случаи неправомерности, позор внебрачного рождения обычно не падал на невинные головы. Сводный брат Ахмета и Перихан имел право занять место в их семье. Никто не лишит ребенка этого права.

Лейла сидела с поникшими плечами. С усилием она выпрямилась. Ей не хватало слов. Внезапно навалилась невероятная слабость. Она молча поднялась и ушла. К счастью, Селим не пытался ее задержать. Лейла хотела укрыться в стенах своего дома, пройтись босиком по прохладным мраморным ступенькам, как делала в детстве. Она должна отложить этот разговор на более подходящее время. Пережить то, что вынесла только что, и отбросить, чтобы больше не мучиться. Остаться легкой. Достойной. Она не хотела слышать оправдания и извинения Селима — они могли ослабить ее волю. Доверие дается авансом один раз и навсегда. Затем происходят лишь более или менее удачные сделки с совестью.

Мирная тишина жилища, едва прерываемая журчанием фонтана, успокоила ее. Лейла отметила, что инстинктивно задержала дыхание. Она прошла через просторную гостиную к маленькой библиотеке, стены которой были полностью заставлены стеллажами с книгами. Ее тихое убежище... Отблески вод Босфора отражались на серебряных литаврах матери и на глянце фортепиано. Лейла свернулась клубочком в кресле. Она была убеждена, что любовь нельзя делить. Возможно, это признак наивности и незнания жизни. Но это ее правда, та, которая управляла ее телом, когда она предавалась любви, правда ее сердца и души.

Часть 2

Стамбул, март 1920 года

В тусклом свете зари затрещали выстрелы. Подскочив на постели, Лейла наспех одевалась, Фериде дрожащими руками зажигала лампы. Вокруг конака раздавались крики, стены содрогались.

— Что происходит? Землетрясение? — Гюльбахар-ханым с распущенными по плечам волосами появилась в дверях.

Дрожащей рукой она придерживала у шеи ворот халата. Без румян и украшений свекровь казалась такой беззащитной... Позади дрожала испуганная служанка с подсвечником.

— Не знаю, — ответила Лейла, обуваясь.

Свекровь искала взглядом сына, но несколько последних ночей Селим провел в Йылдызе. Лейла слетела по лестнице в сад. Али Ага в сюртуке, застегнутом наперекосяк, замер в странной позе, вытянув шею и задрав голову, пытаясь уловить запах пожара, которого так боялись жители Стамбула.

— Ханым Эфенди, в город вошли танки, — глухо прошептал он. — Чего еще они от нас хотят?

Лейла приказала евнуху отодвинуть засов на воротах. Вдали снова зазвучали выстрелы. Мимо нее пронеслись

незнакомые люди. Одетые в униформу цвета хаки новобранцы колотили во все двери и горланили. За закрытыми ставнями соседних домов мелькали огни, носились люди — царила паника. Мужчины в ночных сорочках пытались задержать неверных на пороге и не пустить под крышу своих домов. Кого-то из стамбульцев вытаскивали из постели и тащили куда-то. Чуть ниже по холму британские солдаты перекапывали сад в поисках оружия и боеприпасов. Потрясенная, Лейла заметила огни факелов на кладбище. Неужели они посмеют надругаться над могилами? Женщина попросила Али Ага запрячь карету. Нужно было узнать новости, а здесь она ни о чем не узнает.

Час спустя кучер Недим попытался проехать среди запово- нивших улицу двуколок. Он отчаянно кричал, размахивая бичом, но все был впустую. Затор перекрыл движение наглухо. Лейла увидела отряд солдат, звучно марширу- ющих по мостовой. Белый свет разливался по черепичным крышам, цеплялся за стальные края, шпили минаретов, сверкал в серебряных водах Золотого Рога. Линкор с раз- вевающимся британским знаменем направил пушки на Галатскую башню. Выбравшись из ловушки, Недим под- гонял коня и окольными путями наконец смог добраться до Эюпа. Лейла приказала ему ждать у пристани.

На улицах бесновалась взволнованная, одуревшая тол- па. Молодая женщина, не теряя времени, направилась к небольшому скромному дому, отделанному деревянными блекло-голубыми панелями, с аккуратной решеткой эркера. Она постучала и прижалась лбом к дверям, пыта- ясь восстановить дыхание. Щеколду отодвинули, и она проскользнула внутрь. Лейла кивнула открывшей ей дверь

женщине и поднялась в комнату на втором этаже. Молодой человек в белой рубаше и наушниках сидел, склонившись над телеграфным аппаратом.

— Гюркан, что происходит? — спросила Лейла, хватая его за плечо.

— Это нападение британцев.

Он поднял руку, давая понять, что просит тишины. Стаккато закодированных звуков говорило о срочности ситуации. Закончив передавать сообщение, он развернул табурет к Лейле.

— Мы воспользуемся беспорядком, чтобы освободить Орхана.

Лейла рухнула на продавленный диван. Парень был взволнован, глаза его лихорадочно блеснули. Судя по всему, представился шанс, который нельзя было упускать. За последние недели британцы совершили много ошибок. Впрочем, вся их операция была неверным политическим шагом, о котором они пожалеют.

— Войска удерживают военное министерство и морской флот, центральные телеграфные станции, общественные здания... Они даже посмели выгнать депутатов из постелей — в пижамах.

— Но это же совершенно незаконно! — воскликнула Лейла.

Он пожал плечами. У британцев не оставалось иного выхода. Они вели себя, как господа, и подавляли восстание в своих колониях. Вот уже несколько месяцев новые османские депутаты, многие из которых защищали патристические идеи, открыто выступали против политики союзников. «Не поддающаяся управлению палата», — жаловались британские политики, словно они имели право высказываться таким образом о представителях другой страны. В это же время национальное восстание не давало

покою греческим войскам, которые наступали на Западную Анатолию. Французские гарнизоны осаждали Киликию и Северную Сирию. Доведенные до иступления британцы считали, что, официально захватив столицу, — которую они, однако, неофициально занимали со дня подписания перемирия, — смогут погасить в зародыше назревающие мятежи. По их мнению, угроза захвата Стамбула, где находилась резиденция императора, — города-символа османов, их национальной гордости, — должна была охладить горячие головы.

— Во время штурма центрального почтового отделения были убиты почтальоны, — продолжил Гюркан, — а также агенты полицейского участка, где держали Орхана. В назначенное время дядя должен был начать операцию. Нам остается только ждать.

Молодой человек должен был сидеть дома, поскольку его было легко узнать по родимому пятну на щеке. Он нетерпеливо расхаживал по комнате и горько и громко сетовал, что не может помочь в освобождении своего лучшего друга. Лейла считала, что Рахми-бей прав, оставив племянника в безопасном месте и защитив таким образом. Ее душа разрывалась между надеждой и тревогой. Вот уже несколько месяцев брат находился в тюрьме. Его еще не привлекли к суду, но проволочки османского правосудия никогда не работали на пользу заключенным.

Аппарат начал потрескивать. Гюркан сообщил Лейле, что один смелый телеграфист постоянно информирует Мустафу Кемаля о развитии событий.

— Он правильно сделал, что не вернулся в Стамбул, — заверил юноша, соглашаясь с решением своего идола. — Он не хотел, чтобы новый парламент работал здесь под недобрым взором гяуров. Слава Богу, он и многие верные ему люди еще могут действовать!

Лейла тут же подумала о Хансе. От Рахми-бея она узнала, что археолог присоединился к восставшим. Был ли он сейчас в Ангоре, затерянном среди анатолийских степей и нагорий местечке, которое Мустафа Кемаль выбрал в качестве стратегического центра восстания? Спустя два месяца после того, как немец покинул йали, она получила короткое письмо, в котором он за все ее благодарил и общался, что с ним все в порядке. Письмо доказывало, что он ее не забыл. Иногда Лейлу охватывало такое сильное влечение к Хансу, что у нее все болело внутри. Охваченная внезапным нетерпением, она сказала Гюркану, что ей нужно подышать свежим воздухом.

На улице возбужденные прохожие обсуждали стычки у казарм. Несколько месяцев назад в результате пожара склад с боеприпасами был полностью уничтожен. Лейла поспешила в медпункт при мечети, куда отправляла значительную денежную благотворительную помощь. Стены совсем недавно были побелены известью, а двери выкрашены. Стихи Корана говорили о доброте и бдительности Всевышнего. В комнате, отведенной женщинам, пациентки лежали на походных кроватях. Старые армейские покрывала были аккуратно свернуты. В нос ударил знакомый запах йода и камфары, напоминая о проведенном у постели Ханса времени.

Лейла подняла вуаль, ее сразу же узнали. Медсестра поцеловала подол ее платья и руку в знак уважения и признательности.

— Ханым Эфенди, слава милосердному аллаху, что вы с нами! — воскликнула директриса. — Знаете, я с большим интересом слежу за вашими публикациями, — поспешно добавила она с заговорщицким видом. — Среди нас очень многие поддерживают ваши идеи. Вы так искусно их выражаете, что мы не смогли бы это сделать лучше вас.

Польщенная, Лейла покраснела. Из уважения к Селиму она должна была оставаться анонимной, но становилось все труднее скрывать свою личность. Это был первый комплимент по поводу журналистской деятельности. Она расспросила о запасах медикаментов, о численности медперсонала. Директриса предложила осмотреть зал, и Лейла согласилась.

— А вот наша последняя пациентка, — озабоченно произнесла женщина, подходя к отделенной белыми занавесками кровати. — Сегодня ночью ей прооперировали аппендицит. Ее едва смогли спасти! Несчастная потерпела до последнего момента, чтобы прийти к нам. Ей не с кем оставить маленького сына, а мужа почти никогда нет дома.

Почувствовав недоброе, Лейла замедлила шаг.

— Мне нужно подыскать кого-нибудь, кто позаботится о ее сыне, пока Нилюфер-ханым не поправится. Я уже спрашивала у медсестер, но они все сейчас загружены работой.

Совсем юная девушка лежала на спине с закрытыми глазами. Темно-русые волосы были собраны в толстую косу. У нее был орлиный нос и тонкие губы. Хотя она и не отличалась красотой, ее лицо было выразительным. «В ней нет ничего особенного», — подумала Лейла, даже немного удивившись. Она ожидала, что вторая жена Селима должна быть намного красивее, чем она. В это мгновение пациентка приоткрыла глаза. Она была дезориентирована. Медсестра позвала директрису, чтобы решить какую-то срочную проблему. Оставшись с Нилюфер наедине, Лейла немного растерялась.

— Простите, Ханым Эфенди, — произнесла хриплым голосом девушка, облизывая потрескавшиеся губы. — Я очень хочу пить...

Лейла направилась вглубь помещения за стаканом воды, затем, приподняв пациентку за плечи, помогла напиться. Та, сделав пару глотков, поблагодарила.

«По крайней мере, она вежлива», — сказала про себя Лейла с некой долей иронии. Молодая женщина вцепилась ногтями в простыню, и ее взгляд помутнел. Лейла поспешила успокоить Нилюфер:

— Не волнуйтесь, через несколько дней вы поправитесь, но нужно быть осторожной, пока вы не восстановите силы.

— О, Ханым Эфенди, я волнуюсь не за себя, а за сына, — прошептала девушка, и на глаза ее навернулись слезы. — Он первый раз без меня, один. А у меня нет никого, кому я могла бы его доверить.

Лейла не смогла сдержаться. Злоба с примесью ревности раздирала ее, к тому же хотелось узнать как можно больше...

— А его отец? — спросила она.

— Мой муж — очень занятой человек. Он — секретарь его величества, — уточнила Нилюфер, и в глазах ее отразилось глубокое почтение. — И потом, я не могу жить с ним вместе. Понимаете, его первая уважаемая старшая жена не знает о моем существовании. И я бы не хотела их беспокоить. Это было бы неуважительно по отношению к ним.

«Ну и хам!» — возмутилась про себя Лейла при мысли о том, что Селим изолировал эту женщину. И вместо того, чтобы исчезнуть и оставить несчастную с ее проблемами, которые на самом деле были намного важнее, чем проблемы самой Лейлы, первая жена Селима осталась у постели пациентки и принялась рассматривать веснушки на бледных щеках Нилюфер. Когда это юное создание назвало ее старшей женой, самолюбие Лейлы было

задето, хотя она была старше всего на несколько лет. Иерархия между женами напоминала о былых временах. Нилюфер была одной из невинных душ, не читавших романов, не знавших иностранный язык. Ее не задел цинизм западных стран, она не знала о новых привычках современного общества, которое забывало о старых традициях. В мгновение ока Лейла почувствовала горькую тоску по тому, что было обречено исчезнуть.

— Я — благотворительница госпиталя. И хочу взять вашего сына к себе на время, пока вы не поправитесь, — сухо заявила она. — Но только если вы мне доверяете.

В ответ Нилюфер схватила ее руку и поцеловала. Лейла сжала губы. Конечно, трусливо было скрывать от нее свое имя, но перед невинностью молодой матери она лишилась всей своей отваги.

Селим-бей ходил взад и вперед за решеткой дворца Йылдыз. Было около пяти вечера, сырой ветер пронизывал до костей, и мужчина нервно курил.

Несколькими днями ранее Луи Гардель сообщил, что в военное управление пришла телеграмма из министерства иностранных дел Франции. В ней советовали вести себя как можно более осторожно и рекомендовали отложить парад британских сил. Он также добавил, что Франция «смотрит недобрым взглядом» на то, как англичане действуют в Порте, как пытаются укрепить свое влияние и выдавить французов на Востоке. Однако британцам удалось скрутить руки союзникам. «Как всегда», — раздраженно подумал Селим. По последним слухам, высшие уполномоченные органы стран союзников собирались объявить осадное положение и обнародовать строгие меры, направленные против нарушителей порядка. Ситуация была чрезвычайно тревожной.

Увидев приближающуюся машину, Селим раздавил окурок носком туфли.

Хусейн Рауф Бей, бывший главнокомандующий военно-морских сил, был первым из трех депутатов, покинувшим автомобиль. Затянутый в саржевый костюм,

подчеркивающий его широкие плечи, этот военный очень рано присоединился к Мустафе Кемалю, но продолжал чтить падишаха, отчего Селим относился к нему по-дружески.

— Я потрясен, — сказал молодой дипломат как раз в тот момент, когда они спешно шли в зал, где их ждал султан.

— Это агрессия против суверенитета османской нации, — важно добавил Хусейн Рауф Бей. — Но с момента подписания национального Пакта мы решили защищать неприкосновенность территории наших предков.

— Вы действительно считаете, что это еще возможно? — теряя самообладание, выпалил Селим.

Депутат лишь зыркнул в ответ, и в этом взгляде читалось пренебрежение. Секретарь почувствовал неприятный жар на затылке. Так на него смотрел отец. И под этим взглядом проступали все его недостатки. В отличие от депутата, Селим не обладал уверенностью в правильности своих поступков, не было у него того священного огня, который есть у героев и святых. Можно подумать, что кровь его предков разбойников, которые грабили высокогорья Анатолии тремя веками ранее, к сожалению, захлахла. Отец ему этого не простил. Иногда секретарь думал, что мать тоже сожалела об этом.

Их провели к Мехмеду VI. На исхудавшем лице выделялся длинный нос, плечи падишаха осунулись. Депутаты низко поклонились суверену, плохо скрывавшему нервозность. Внезапный ливень накрыл парковые деревья, капли неистово стучали по окнам. У Селима во рту стало горько.

Вид падишаха, который пытался убедить депутатов не сердить оккупантов слишком вызывающими действиями, вдруг показался ему прискорбным. Куда подевались престиж, роскошь, могущество императоров, которые заставляли дрожать Европу вплоть до Вены? Остался лишь хилый

несчастный человек с чересчур правильным галстучным узлом, с бледным лицом, дрожащий от сырости.

Хусейн Рауф Бей попросил Его Величество не связываться с союзниками без согласия парламента. Некоторое время Мехмед VI, казалось, колебался. В глубине души он, возможно, и одобрял действия Мустафы Кемаля, который бряцал оружием перед носом прожорливых союзников, да впрочем, и некоторые министры падишаха не скрывали сочувствия мятежникам. Однако недоверчивый характер падишаха всегда брал вверх. И он ненавидел, когда ему диктовали.

Падишах встал, коротко и ясно давая понять, что беседа ему неприятна и она окончена. У Селима появилось предчувствие, что все пропало. Его мечта, что Османская империя во главе с сувереном, вдохновленным Всевышним, мусульманским вождем и защитником меньшинств, сможет найти достойное место среди других стран, рассеивалась в холодном свете ветреного мартовского дня на пенных барашках Босфора.

Чуть позже, развалившись в кресле, Селим наблюдал, как парк погружался в темноту сумерек. Ему принесли депешу, в которой сообщалось, что британцы осмелились ворваться в парламент и арестовали несколько десятков депутатов, одним из которых был как раз Хусейн Рауф Бей. Задержанных отвезли на военный корабль, стоявший на пристани Топхане. Их непременно депортируют на Мальту. Возмущение и гнев лишили Селима дара речи.

Он поднялся, открыл шкаф и налил себе коньяк, разбавленный водой. В том-то и дело, что грядут серьезные перемены. Весьма вероятно, что вскоре народ присоединится к националистам. Желание падишаха в очередной раз напомнить о Дамате Фериде только усугубит ситуацию.

Впервые Селим задался вопросом: а не была ли его жена права?

Он залпом выпил содержимое бокала, сложил в портфель документы, которые еще не успел изучить, и захлопнул за собой дверь. Быстро зашагал по паркету коридора. Ему нужно ее увидеть. Немедленно. Чтобы успокоиться и забыть о своих недостатках, ему необходима Лейла. Она единственный человек, который умеет развеять все его сомнения и помочь ему сосредоточиться.

С наступлением вечера город принял зловещий вид. Конаки влиятельных особ, находящиеся вокруг Йылдыза, охранялись. Подразделения гуркхов, непальских солдат, прибывших из британской Индии, караулили перед общественными зданиями, вооруженные винтовками с примкнутым штыком. На опустевших улицах Пера висели листовки, в которых сообщалось, что Константинополь оккупирован с целью обеспечения порядка. Паспортный стол стран союзников оповестил, что отныне всякое перемещение меж двух берегов города ограничено властями.

Сенегальский полк осуществлял надзор за старым сараем, на который были также направлены стволы корабельных пушек. Ошеломленные мужчины молча спешили к мечетям на вечернюю молитву. Многие магазины были закрыты. Оккупанты убивали турецких солдат прямо в казармах. Говорили, что они даже казнили несчастных музыкантов артиллерийского полка. Селим больше не чувствовал себя в безопасности в собственном городе. Британцы с особым рвением преследовали тех, кто подозревался во франкофильстве, а его дружба с Луи Гарделем была общеизвестна.

В вестибюле он протянул феску служанке, затем быстро взбежал по лестнице. В теплой гостиной, среди книг и кол-

лекции чернильниц и перьев, Лейла что-то писала. На инкрустированном перламутром столике лежал открытый Коран. Селим наклонился поцеловать ее в лоб, вдохнул ее аромат. Он взглянул на матрас, лежащий на полу. Из-под красного одеяла выглядывали темно-русые кудри. Ребенок крепко спал, обняв плюшевую игрушку. Селим опешил, увидев своего младшего сына.

— Орхана освободили, — произнесла Лейла, не поднимая глаз. — Наконец-то! После стольких месяцев... Он в безопасности в Эюпе. По крайней мере, сегодняшние страшные беспорядки принесли хоть что-то хорошее.

Ее тон был размеренным, лишенным каких-либо эмоций. Селим понял, что так она его наказывает. Он спросил, что случилось с Нилюфер.

— Ее срочно госпитализировали. Кто-то должен был присмотреть за ребенком, пока она поправится после операции. Я решила, что вполне приемлемо, если твой сын поживет у тебя.

Селим опустил на колени и погладил малыша по лбу. В полной растерянности он подумал, что все это бессмысленно. Риза не должен здесь находиться. Он принадлежал другой частичке его жизни. Он был ребенком маленького деревянного дома со скромной хлопчатобумажной отделкой на стенах, где пахнет алеппским мылом. Он родился в простом счастье, которое Селим выбрал для себя три года назад. Почти не раздумывая, он тогда попросил сваху найти себе тихую, послушную и ласковую невесту.

— Время идет, а я никак не могу тебя ни понять, ни простить, — сказала Лейла.

Он вздрогнул. В ней не было ни капли скромности, уважения, как у Нилюфер. Его вторая жена отказалась от роскошного дома, довольствуясь невинными удовольствиями, лодочными прогулками и пикниками на цветочных

полянах. Она умела наслаждаться каждой минутой, и одно его присутствие наполняло ее глубокой радостью, которая отражалась во всех ее движениях. Лейла была полна противоречий. Она унаследовала от предков чувство собственного достоинства и презрение к мужчинам. От европейцев она научилась независимости мышления и откровенности, а также прямолинейности. То, что она к нему испытывала, было лишь привязанностью, возможно иногда симпатией. Поэтому однажды он стал нуждаться в любви женщины. Ему это было просто необходимо.

— Я имею право так поступать. В этом нет ничего предосудительного. И я сделал все, чтобы защитить тебя и не унизить.

Лейла смотрела, как супруг ласково гладил сына по щеке. Вокруг рта и на лбу Селима были видны морщинки усталости. Он казался подавленным, но не раскисающим. После их разговора в йали он пытался еще пару раз заговорить о Нилюфер, но она не хотела ничего знать.

— Я долго думала, — продолжила Лейла с мягкостью, которая обычно предшествует страшной новости. — Я не смогу состариться рядом с тобой, зная, что ты женился второй раз, даже не спросив моего мнения, и что три года хранил в секрете рождение сына.

Она глубоко вздохнула.

— Я не смогу заниматься с тобой любовью и подарить тебе еще детей — теперь, когда я узнала, что ты способен на такое предательство.

Он обратился к ней обвиняющий взгляд.

— Кто ты такая, чтобы говорить о предательстве?

Лейла побледнела.

— Я, — продолжил он, — я любил тебя с первого дня нашей свадьбы. Можешь ли ты сказать то же самое? Я делал все, чтобы соблазнить тебя, но этого никогда не было

достаточно. В чем ты меня упрекаешь, Лейла? Где я оступился?

Она поняла, что о Хансе он не знал. И огромное облегчение освободило ее грудь.

— Я не знала, что ты искал любви, — в замешательстве ответила она.

Вдруг она спросила себя, не прошла ли мимо чего-то важного. Селим всегда довольствовался физической любовью, которая некоторое время удовлетворяла их обоих, и, кажется, он никогда не интересовался, какие чувства возникают у нее в душе. Ожидал ли он от нее чего-то? Остались ли они узниками тех ролей, которые им навязали? Когда страсть угасает, что остается у таких супругов, как они?

Малыш шевельнулся.

— Как бы то ни было, я сожалею, что ты не посчитал нужным сказать мне об этом раньше. — Она поднялась. — Не пытайся переложить свою вину на меня.

Лейла не хотела, чтобы он заставил ее жалеть себя. Понемногу рассеивался страх, который она всегда испытывала по отношению к мужу. И эта его скрытность демонстрировала его слабость. Ему не хватало мужества — в отличие от нее.

Лейла подняла ребенка на руки и стала укачивать. Он взмок и тихонько хныкал. Она придвинула к лицу малыша игрушку.

— Я также не согласна с тем, что ты изолируешь и удерживаешь в одиночестве эту молодую женщину. Ты приговорил ее к изоляции, тогда как она ничего плохого не делала.

Селим вовсе не был удивлен таким сочувствием. Турецкие женщины всегда были солидарны и сговаривались против мужчин. Злословие и ревность они хранили при

себе, никогда не говоря плохо о другой женщине мужу или брату. Он слишком поздно понял, что доверие рождается в общности чувств и интересов.

— Я хотел защитить тебя.

— Скорее, ты наслаждался тем, что полностью ею обладал, — резко парировала Лейла.

Селим был задет и нервно зажег сигарету. Действительно, было чудесно сознавать, что Нилюфер живет лишь для него и их сына. Она не дергала политиков за ниточки, контролируя действия чиновников, как это делала его мать, она не отличалась непокорным характером Лейлы. Обе эти женщины были одинаковы — хитрые, умные, властные. Они поступали по-своему, и, если хорошенько подумать, они ни в ком не нуждались.

Селим смотрел, как Лейла укачивает ребенка. Жизнь без нее была для него невыносимой. Если Нилюфер нужна была ему, чтобы почувствовать себя мужчиной, то Лейла была нужна, чтобы просто существовать.

Лейла посмотрела на него, словно почувствовав тяжесть его взгляда. Выражение ее лица было серьезным. Такая красивая и беспощадная... На долю секунду он возненавидел ее за то, что она внушила ему страх.

— Селим, я требую развод.

Несколько недель спустя Лейла, натянутая как струна, неподвижно стояла с маленькой дорожной сумкой в руках. Туда она сунула зубную щетку, пузырек с йодом, комплект сменной одежды и коробку спичек, которую схватила в последний момент, сама не понимая зачем. Она была такой растерянной, практически обнаженной, на огромном вокзале Хай-дерпаша, покрытого выбоинами после бомбардировок.

Шумная и неорганизованная толпа заполняла холл, где металась чайки, проникавшие в отверстия в крыше. Женщины, за юбки которых крепко держались дети, собирались небольшими группами. Мужчины в каракулевых шапках размахивали билетами, предлагая места в переполненные поезда. Мимо проходили нагруженные багажом пассажиры. Выступающие скулы и узкие глаза говорили о монгольских корнях этих людей. Увидев приближающихся британских солдат, Лейла, охваченная паникой, прислонилась к стене. Над ее головой висела афиша, на которой красовалось написанное большими буквами слово СМЕРТЬ.

Эти предупреждения, на английском и турецком, были расклеены по всему городу и угрожали казнью любому, кто будет помогать националистам. Сначала она не обращала на это внимания, словно влияние мужа и престиж

свекрови могли защитить ее от танков, ползущих по улицам, и пулеметчиков, мелькающих на вершинах минаретов. Но накануне к ним постучался мужчина, который хотел переговорить с Селимом. Это был один из феодал¹, тех ярых последователей националистической идеи, у которых были свои входы в посольства и министерства. Он сообщил, что имя Лейлы-ханым фигурирует в списке лиц, которых намереваются арестовать. Ей нужно было немедленно уехать, пока все не утрясется и власти о ней не позабудут. Полиция задерживала женщин, подозреваемых в пособничестве Сопротивлению, допрашивала их, с ними даже иногда грубо обращались во время допросов.

Все произошло очень быстро. У Лейлы создалось впечатление, будто ее оторвали от детей. Ахмет без устали целовал ее. А почувствовав слезы Перихан у себя на шее, она сделала нечеловеческое усилие, чтобы не разрыдаться, и пообещала скоро вернуться. Дочурка устроила истерику, умоляя взять ее с собой, и Гюльбахар-ханым пришлось задабривать ее лакомствами.

В последние недели наблюдалась массовая миграция в Анатолию: депутаты, журналисты, представители власти, беглые офицеры, демобилизованные солдаты и безработные, мелкие чиновники, которым больше не платили жалование, и знаменитая Халиде Эдип, за чью голову назначили вознаграждение. Тайные каналы по переброске начали работать еще год назад при содействии надежных людей. Патриоты перевоплощались, наряжаясь в длинные черные платья и белые тюрбаны ходжей, в женские вуали. Пришло время накладных усов и фальшивых документов. Итальянцы закрывали глаза на весь этот цирк, иногда даже помога-

¹ Феодал (*перс.* и *арабс.*) — в дословном переводе: человек, жертвующий собой во имя веры, идеи. Здесь: партизаны-националисты.

ли. Все, что не нравилось грекам, могло лишь их порадовать. Некоторые офицеры французского военно-морского флота также относились к этому с пониманием.

Теперь воды Босфора строго патрулировались и переправляться на азиатский берег было опасно и крайне тревожно, но, к счастью, Лейла добралась в целости и сохранности в ханаку дервишей в Уксюдаре. Молодую женщину поручили крестьянкам и приказали ей не отходить от них и от их мужей, суровых мужчин с выразительными лицами и мозолистыми руками. Некоторых беглецов вывозили на лодках к черноморским портам, многие добирались в центр страны на двуколках, но армия патрулировала дороги, а на горных тропах орудовали разбойники.

Во время проверки паспорта у Лейлы чуть сердце не выскочило из груди. Она стояла опустив глаза. По приказу полицейских женщины должны были открыть лица. Лейла подчинилась, оставшись в платке, надвинутом до бровей, как носили простолюдинки. Она благодарила небеса за то, что, в отличие от Халиде Эдип, ее в лицо не знали.

Наконец небольшая группа добралась до отведенного женщинам вагона. В нем грудой были свалены деревянные ящики, тюки с тканями. Слышались крики детей, орала и пела домашняя птица. Какие-то маленькие девчушки грызли семечки и плевали шелуху. Эта какофония успокоила Лейлу. В таком хаосе обыденности с ней вряд ли случится что-либо плохое. Она присела в уголке, протерла грязное стекло пальцем, затянутым в перчатку.

Прозвучал пронзительный свист, и поезд тронулся. По обе стороны полотна открывался вид на жалкий лагерь беженцев, рядом с которым стояли наспех сооруженные британские военные лагеря. Постепенно сады и леса ее детства уступили место голым равнинам. С каждым оборотом колеса она удалялась от семьи. Лейла, опершись лбом

о стекло, закрыла глаза. Перед ее мысленным взором мерцал Босфор.

Она должна была доехать до Ангоры и встретится там с Орханом, которого туда чуть раньше тоже тайно переправили. Мысль о том, что она увидится с братом, успокаивала, но вдруг она почувствовала себя такой одинокой... Она не создана для приключений. Она лишь хотела жить в тишине йали на берегу пролива, смотреть на игру тени и света, слышать смех детей. Почему она позволила втянуть себя в этот водоворот, которым не управляла? Глаза защипало от слез. Она задрожала, оцепенев от страха.

Одна из крестьянок развернула сверток с орехами и овечьим сыром и, улыбаясь, предложила Лейле.

— Ну же, Ханым Эфенди, — тихо произнесла она, хлопывая ее по руке. — Немного веры... С милостью Аллаха все будет хорошо.

Чтобы скоротать время, женщины принялись рассказывать детям сказки, выдумывая неожиданные сюжеты, где обязательно участвовали капризные джины. Лейла тоже присоединилась к игре. Зачарованный рассказом мальчик устроился у нее на коленях. Медленно шли часы, и к концу дня, разбитая утомительным путешествием, она задремала на твердой скамье.

Ночью путешествие по железной дороге закончилось, и они пересели в увешанную амулетами телегу, запряженную мулом. Два фонаря сеяли слабый свет на каменистую дорогу. У Лейлы создалось впечатление, будто она погружается в темную пасть злого колдуна. Порывистый ветер пронизывал насквозь. На маленькой ферме, где они наконец остановились, неустанно лаял пес, дергая тяжелую цепь, чуть ли не душа себя. Лейле принесли немного еды, йогурт и черный хлеб, но она с трудом заставила себя проглотить хотя бы кусочек. Нужно было привыкать к тому,

что она теперь зависит от людей, о которых совсем ничего не знает. Не раздеваясь, она улеглась на матрас, расстеленный на циновке возле очага, и погрузилась в сон, полный кошмаров.

На следующий день Лейла проснулась на рассвете. Она была в доме одна. Женщина обулась, выглянула во двор. Пес зарычал на нее, оскалив зубы. Она презрительно на него взглянула, жуя кусок черствого вчерашнего хлеба. Лейла повязала на голову платок в красный цветок, как это делали крестьянки. От ее одежды исходил едкий запах пыли и дыма. В прозрачном свете, насколько хватало глаз, простирались равнины. Длинношерстные черные козы со спутанными веревкой ногами щипали траву. Лейла отошла от двери и облокотилась на забор.

Единственным ее контактом с анатолийским миром был дядя Селима, старый набожный человек, который обожал вышитые жилеты и широкие штаны былых времен. Как и все местные мужчины, он отличался резким характером и восточным великодушием. Как-то они гостили в его огромном доме, и Лейла поняла, что здесь не ценят ни хвастовство, ни показуху. Здесь все было просто и прямо. И ощущалась в этом даже какая-то лихость.

Лейла, дочь Босфора, теперь будет жить среди совсем незнакомых людей, людей плоскогорья. Что ожидает ее в Ангоре? Поговаривали, что его жители недолюбливают чужаков-стамбульцев. Климат здесь был суровый. Шесть месяцев в году снег и грязь. Летом — пекло. Она не знала, ни у кого будет жить, ни как будет помогать делу. Когда она уезжала, Селим холодно наблюдал за ней, словно упрекая в происходящем. Она не нашла слов, чтобы утешить его. К тому же его состояние души ее больше не интересовало.

Внимание женщины привлекло какое-то движение внизу, в долине, в маленькой деревушке на три дома. Домики были из желтой глины, вверх поднимались столбы дыма. Лейла прищурилась и наконец разглядела приближающуюся повозку, запряженную волами. В детстве она ездила с родителями в гости к друзьям или родственникам, жившим в провинции. Они путешествовали на коврах в больших повозках, укрытых белым навесом. Покачивание повозки убаюкивало, и поездка была восхитительным времяпрепровождением и в то же время приключением, имеющим свой шарм.

Женщина спрыгнула на землю, не дожидаясь, пока молодой крестьянин остановит повозку. Незнакомка в пестром платке, телогрейке и штанах приветствовала ее любезным теменна. С открытой улыбкой обе представились. Женщина извинилась, что не дождалась, пока гостя проснется. Она принесла свежее молоко и свежееиспеченный хлеб.

— Этот хлеб лучше, чем тот, который пекут мужчины! — смеясь, бросила она.

Назахат-ханым, пока готовила кофе, поведала, что принадлежит к Женской ассоциации Анатолии, выступающей в защиту родины. Ассоциация занималась сбором средств, открывала рукодельные мастерские, где шили одежду для армии и беженцев. Увлеченная, Назахат с гордостью описывала, как анатолийские женщины участвуют в сопротивлении.

Через окно Лейла заметила, что молодой человек осматривал землю возле группки кипарисов на склоне холма.

— Он проверяет, хорошо ли спрятано оружие и не смыло ли землю вчерашним дождем, — объяснила Назахат. — Ночью мы перевозим оружие, а днем его закапываем. В любой момент могут нагрянуть солдаты или разбойники. Осторожность никогда не помешает.

— Вы кажетесь такой бесстрашной.

— О, есть девушки и смелее меня, те, кто сражается вместе с нашими солдатами. Понимаете, повсюду возникают стычки с греками. Не говоря уже об убийствах деревенских жителей, — равнодушно добавила она. — Я же довольствуюсь тем, что занимаюсь прибывающим из Стамбула оружием и сопровождением до пункта назначения людей, таких, как вы.

Назахат была отважна, Лейле даже показалось, что отвага эта была отвагой шалуньи и сорвиголовы. Это немного сбивало с толку. Как она могла жить в таком изолированном месте в постоянном страхе стать жертвой репрессий, мародеров или даже мстителей, которые убивали в ответ на убийства? Было время, когда общины мирно сосуществовали в одной деревне. Тогда мусульманки молились матери пророка Исы, зажигали свечи перед православными иконами, где поп и имам чуть ли не бились друг с другом во время споров о Боге, чтобы потом согласиться, что принадлежат одному Священному Писанию. Но теперь боялись все — как христиане, так и мусульмане.

Назахат предложила госте выпить кофе на свежем воздухе. На заднем дворе в беседке стоял стол со старыми стульями.

— Мне кажется, вы легко одеты, — забеспокоилась женщина, когда заметила, что Лейла немного дрожит. — Я дам вам теплую одежду в дорогу.

В беседке Назахат с наслаждением вытянула ноги, созерцая открывающийся вид. Лейла была восхищена тем, как эта девушка свободно говорит, как двигается. Чем бы ни кончилась война за независимость, она будет способствовать появлению новой анатолийской женщины, похожей на Назахат.

— Мне жаль, но я не читала ваших статей, — извинилась крестьянка. — Мне лишь известно, что вы смелая.

— Не смелее вас. Я не рискую жизнью.

— О! Вовсе не то о вас рассказывали патриоты, которые недавно проходили через нашу деревушку.

У Лейлы затрепетало сердце.

— Кто же эти патриоты?

— Молодые люди, которых мы приютили на несколько ночей. И потом немец. Мне поначалу не понравилось, что он здесь. Я с недоверием отнеслась к нему. Но потом быстро поняла, что он честный человек. Почти всю ночь деревня не спала, слушая его рассказы о древнем Хеттском царстве. После этого дети стали копаться в пыли в поисках осколков глиняной посуды. Как-никак это наша история. Никогда не нужно забывать, откуда ты пришел, чтобы знать, куда идти, не так ли?

Она зыркнула на Лейлу.

— Вы спасли ему жизнь. Его похвалы в вашу честь не иссякали. Я даже подумала, не влюблен ли он.

Лейла покраснела. Она не удивилась тому, что здесь говорили о Хансе. Анатолия была для него второй родиной. Он знал всю палитру ее красок и ароматов, пшеничные поля Каппадокии, кудрявую зелень холмов, горы и овраги, преданность и стойкость мужчин, нежность крестьянок, заменивших ему мать. Он знал об этой земле все — в отличие от нее.

— И как у него дела? — спокойно спросила Лейла.

— Хорошо. Он, как и вы, направлялся в Ангору. Нам пришлось долго идти по полям и болотам, дорога была слишком опасной. Но он оказался смелым. Ни разу не пожаловался.

Лейла была задета тем, с каким восхищением говорила о немце девушка. Она не хотела продолжать беседу о Хансе со слишком прозорливой Назахат. Такие, как она, называют вещи своими именами и заставляют собеседников смотреть правде в глаза.

Девушка вытянула из кармана лист бумаги.

— Нам тоже понадобится смелость. Посмотрите, что упало с неба недалеко отсюда, — с иронией добавила она.

Иностранный самолет сбросил листовки. Шейх-уль-ислам¹, высший исламский религиозный сановник, обнародовал фетву² против националистов, обвиняя их в «предательстве родины», и напутствовал солдат калифа истребить их. От страха по спине Лейлы пробежала ледяная дрожь. Решение, принятое по приказу султана и британцев, наверняка будет иметь драматические последствия.

— Это ужасно, — подавленно прошептала она. — Среди простолюдинов престиж религии нерушим, и многие отвернутся от националистов. Народ в массе своей еще не выступает за нашу идею. В стране вспыхивают восстания против повышения налогов и принудительной мобилизации, которую проводят люди Мустафы Кемалья. А теперь они будут охотиться на нас, чтобы убить.

Назахат также казалась расстроенной.

— К счастью, реакция Ангоры не заставит себя ждать. Мустафа Кемаль собрал вокруг себя религиозных сановников, которые выступили против фетвы. Но я тоже не слишком оптимистически настроена. Мы не должны погрязнуть в братоубийственной войне, нам нужно противостоять совсем другим врагам.

Крестьянка возлагала все надежды на Великое национальное собрание Турции, меджлис, который Мустафа Кемаль

¹ Шейх-уль-ислам (арабск. буквально — старейшина ислама) — почетный титул мусульманских теологов и законовевов.

² Фетва — заключение высшего религиозного авторитета (шейх-уль-ислама) о соответствии тех или иных решений и действий нормам ислама. В Средние века и Новое время получение фетвы было обязательным по каждому важному вопросу (в том числе по объявлению войны, заключению мира и т. п.).

созвал в апреле. Наблюдая за этой решительного вида женщиной с узловатыми руками и коротко подстриженными ногтями, Лейла вдруг подумала, была ли у Назахат семья, дети, муж.

Парень пришел сообщить, что путь свободен для следующего перехода. А на вопрос Лейлы, откуда у участников Соппротивления такая информация, он вынул из кармана комок бумаги. Это были телеграммы. Назахат объяснила, что телеграфисты были настоящими героями. Без гроша в кармане, полуголодные, рискуя в любой момент быть разоблаченными, они все же умудрялись поддерживать тайную сеть, соединяющую большинство анатолийских сел.

— Благодаря им чувствуешь себя не так одиноко, — весело добавила она.

В тот же день женщины разделили обед с двумя мужчинами. Те были вооружены револьверами, кинжалами, патронные сумки перекинута через плечо. Мужчины появились так тихо, что Лейла даже не поняла, откуда они взялись. Они спрятали оружие в мешки с углем и уложили на телегу.

Перед тем как уйти из временного убежища, Лейла сменила наряд. Пока она переодевалась, Назахат, сидя на табурете, рассыпалась в комплиментах по поводу тела гостыи. Смеясь, Лейла ответила, что дети изуродовали ее живот и сердце. Надев теплую одежду, пропитанную запахом незнакомых трав, дочь Босфора аккуратно сложила свои вещи, и у нее создалось впечатление, что она оставляет частичку самой себя здесь, на этой ферме, которую наверняка больше никогда не увидит.

Ханс Кестнер спешил по крутой улице Ангоры. Из всех друзей и братьев по борьбе лишь ему нравилось это суровое местечко с населением в двадцать тысяч душ, возведенное на скалистом пике между реками. Здесь еще остались следы хеттов. Здешние строения были скромными, а маленький деревянный домишко служил убежищем для новой национальной ассамблеи, но Ханс находил некое ностальгическое величие в руинах оборонительных укреплений и храма императора Августа. Однако сегодня его переполняли радость и волнение, не имевшие ничего общего со страстью к археологии. В списке последних беженцев из Стамбула фигурировало имя Лейлы-ханым.

Возле рынка неожиданный порыв ветра сорвал с него колпак. Ханс подпрыгнул, подхватывая его на лету. Мальчишки рассмеялись, хваля его ловкость. «Господи, как же здорово жить!» — подумал он с широкой улыбкой. Небо было яркосиним, воздух — свежим и бодрящим. Наконец-то начала подсыхать грязь на дороге, и лишь кое-где на крышах домов остались следы снега. Анатолийская весна была короткой и длилась всего три недели, перед тем как беспощадное солнце принимало эстафету. Каждый год вакханалия красок и ароматов была в голову, словно крепкий алкоголь.

Ханс поспешил узнать, где устроили Лейлу. Он волновался за ее безопасность. Вопреки слухам, националисты еще не контролировали город. Развитие событий не предвещало ничего хорошего. Со времени оккупации Стамбула и обнародования фетвы целая серия народных восстаний всколыхнула страну, от столицы вплоть до Ангоры. Казалось, враги Мустафы Кемалья сговорились между собой, но генерал без зазрения совести отвечал свинцом. Он воевал против иностранных войск, а также против банд мятежников черкесов или абхазцев, сжигающих деревни. Националисты сражались с армией халифа, и Ханс не верил, что все скоро наладится.

Он пропустил стадо овец, погоняемое маленьким пастухом, прошагал по пологим улочкам, затем вдоль обгоревших развалин, оставшихся со времен войны. Лишь несколько каменных домов смогли уцелеть в пожаре. В городе был невероятный наплыв людей — искатели приключений, шпионы, работавшие на нескольких хозяев, советские граждане, прибывшие на переговоры с генералом, разбойники в тюрбанах и длинных плащах с патронташами, татары и киргизы, китайские торговцы, униженные военные, желающие восстановить честь в войсках Кемалья, партизаны и, конечно, бездельники...

Погонщики караванов из Персии, Индии и Китая по-прежнему прокладывали себе путь до Ангоры. Восстания и войны не могли надолго изменить маршруты, которые существовали исстари. Как и в прошедшие тысячелетия, выныривали из бескрайних степей, словно из моря, корабли пустыни, медлительные и величественные. Испокон веков караваны верблюдов или мулов привозили шелк, кофе, оружие, пряности и мази, глиняную посуду, сухофрукты, драгоценные камни, эфирные масла и ковры. Погонщики приносили также новости. Миллионы людей, говоривших на

турецких диалектах, хотели знать подробности о светлоглазом генерале, имя которого теперь было на устах и на слуху у всех далеко за горами и который решительно следовал за звездой своей судьбы.

В неухоженном саду стоял небольшой деревянный дом. Ветхий, с разъехавшимися досками. Он не имел ничего общего со стамбульским конаком. Ханс подумал, как Лейла приспособится к этим спартанским условиям. Надолго ли ее приговорили к ссылке вдали от близких? Однако в глубине души он был рад изгнанию турчанки. Боги преподнесли ему неожиданный подарок. Шанс, который нельзя упускать... Он остановился перед дверью, провел рукой по волосам, взволнованный и горящий от нетерпения ее увидеть.

Мужчина постучал, но никто не отворил. Дверь не была заперта на ключ. Он окликнул, но никто не ответил. Через два небольших окна, завешенных кружевными занавесками, в комнату с низким потолком пробивался слабый свет. Перед диваном, накрытым красной тканью, стоял медный кованый поднос. В углу — пыльная дорожная сумка. В оловянном кувшине — несколько веток гелиотропа, от которых исходил ванильный аромат. Ханс замялся, почувствовав себя непрошеным гостем. А может, он ошибся? На мгновение его охватило разочарование, он развернулся на каблуках.

И в этот момент в проеме двери появилась она. Ее платок был завязан под подбородком, на ней была дубленка и толстая шерстяная зеленая юбка, из-под которой выглядывали солдатские ботинки. Румяная, она держала несколько поленьев для растопки. Турчанка выглядела удивительно юной и смотрела на него, словно на привидение. Волна счастья накатила на Ханса. Он поспешил забрать

у нее дрова, сложил их у печи. Затем, не произнеся ни слова, прижал ее к себе, успокоенный, что она не сопротивлялась его объятиям.

— С тобой ничего не случилось страшного во время путешествия? Дороги крайне опасны. Я думал, что с тобой будет Орхан. Ты же не будешь здесь жить совсем одна? Как ты себя чувствуешь? У тебя достаточно денег на пропитание? Что-нибудь нужно?

Лейла расхохоталась.

— Ханс, я же не могу ответить на все вопросы сразу. У тебя есть время? Я приготовлю чай.

Она рассказала о бегстве из Стамбула, о встрече с Назахат, о днях и ночах, проведенных с людьми, которые приняли ее как родную.

— Мне кажется, я изменилась в дороге. Это такое же странное ощущение, как после опасной лихорадки. Вынырываешь из тумана, и тебя ожидает совсем не то, что раньше.

— А Орхан?

— Слава Богу, он цел и невредим. Он уехал по какому-то поручению. Точно ничего не знаю. Младший брат всегда был скрытным.

— Надолго ты здесь?

Она пожала плечами. Она понятия не имела, сколько пробудет в этом доме. К счастью, она не была приговорена к смерти и могла надеяться, что скоро все утрясется.

— Меня обвинили в нарушении общественного порядка, — пояснила Лейла и поставила на поднос две чашки с чаем и тарелку с медовыми бисквитами. — Я похожа на людоеда, который не рассчитал собственные силы, — добавила она, скорчив смешную гримасу. — Если бы речь шла только обо мне, я бы этим даже гордилась, но я очень расстроена расставанием с детьми.

Ханс наклонился к ней и ласково провел рукой по щеке. Лейла не раздумывая поцеловала эту руку. Его сердце всколыхнулось.

— Мне тебя не хватало, — горячо призналась она. — Ты покинул йали, когда еще не полностью поправился. Я переживала, что с тобой случится несчастье.

Сидя на диване со скрещенными ногами, она дула на горячий чай и рассказывала о своей работе на Халиде Эдип в новом анатолийском агентстве печати, которое устроили в помещениях высшей школы сельского хозяйства, где также разместился штаб Мустафы Кемаля. Она помогала преподавательнице переводить иностранную периодику и писать статьи для ежедневной газеты, которая выходила небольшим тиражом и печаталась в хлеву.

— А в свободное время я — писательница, — с улыбкой добавила она. — Меня приглашали на всякого рода публичные выступления. И даже просили писать любовные письма.

Она вдруг опустила глаза, смущенная своим энтузиазмом. Понимал ли он, что она в восторге от самостоятельности, о которой раньше даже не мечтала?

Когда Лейла спросила о его роли в националистической армии, Ханс уклонился от ответа. Не хотел говорить о сражениях, о трупах и сожженных фермах, об обездоленных крестьянах, кочующих по дорогам... Бушевала гражданская война, войска падишаха захватывали плацдармы. Ханс боролся против нерегулярных банд, сформированных из дезертиров и преступников, во главе с лицами, которые вели себя, как феодалы и, не задумываясь, вешали на городских воротах предателей. Репрессии Мустафы Кемаля также были ужасны. Армяне и курды занимали территории, которые считали своими. На юге, в Киликии, ситуация с французскими войсками оказалась довольно

сложной, несмотря на то что Франция отправила в Ангору делегацию для обсуждения будущих отношений с Турцией. Ханс не хотел делиться своим смятением с женщиной, которую любил. Ему казалось неприличным говорить о крови и слезах сейчас, когда счастье встречи переполняло его.

Он положил дрова в огонь, зажег спичку. Серые сумерки быстро прогнали свет, заполнив дом вечерней прохладой. Ханс снова сел рядом с Лейлой, развязал платок и запустил пальцы в ее густые длинные волосы. Лейла затрепетала. Он уловил ее взгляд и вспомнил, как впервые ее поцеловал и как молодая женщина испугалась. На этот раз она не боялась. Лишь неровное дыхание выдавало ее возбуждение. Он провел большим пальцем по пульсирующей у нее на виске голубой вене.

Лейла была тронута нежностью этого мужчины. На душе стало спокойно. Больше не было страха. Нерешительность улетучилась. В Ангоре промедления недопустимы. Все было намного острее. А также честнее. Впервые в жизни за эту неделю путешествия, которая казалась нескончаемой, у Лейлы не было близкого человека, с кем можно было бы поделиться своей тревогой. Ночью, завернувшись в одеяло, растерянная знакомством с новыми людьми, которых в обычной жизни она никогда бы не повстречала, она слушала спокойное дыхание Назахат и осознала, что теперь ее жизненные приоритеты кардинально изменились. Она немного боялась обнажать свои чувства, но то же время была этому рада. «Этого хочет свобода», — думала она.

Лейла придвинулась к Хансу, поцеловала его веки, губы, нырнула ладонью между пуговицами рубахи, чтобы прикоснуться к его телу. Она изголодалась по нему. Именно это и было желание, огненный след на кончиках паль-

цев, вкус жара. Скоро они оказались обнажены и божественно свободны. Ханс ласкал ее, не отводя взгляда. А когда он проник в нее, она практически сразу же испытала оргазм. Он поддерживал ее, унося еще дальше. Капли пота стекали по их телам. Они оба будто снова родились на свет в той радости телесной любви, которая известна лишь тем, кто любит, которая полна откровения и возрождения и которая приносит в мир истину.

Несколько недель боги благословляли любовников. Лейла и Ханс были одни. Орхана отправили в Конюю. Каждое утро Лейла уезжала на повозке в высшую школу сельского хозяйства, откуда возвращалась взволнованная и с легким сердцем. Единственное, что ее мучило, — одеревеневшие от многочасовой печати на машинке плечи.

Ханс ждал ее. Она не знала, чем он занимался днем, но он всегда оказывался дома, что-то читал на красном диване при свете керосиновой лампы. Когда она возвращалась, его лицо озарялось счастьем, и Лейле казалось, что лишь она имеет значение в его жизни.

Еду готовил Ханс. Они кормили друг друга из рук, макая хлеб в хумус, ели желтую чечевицу, огуречный салат, приправленный уксусом. Буреки¹ были в меру хрустящие, томаты, фаршированные рисом с мясом, — сочными. Масло с виноградных листьев стекало по подбородку, и они смеялись, словно дети. Они спали всего по три или четыре часа в сутки, но еще никогда не ощущали себя бодрее.

Ханс арендовал двух небольших лошадей с лентами в густых гривах. На деревянных седлах вместо стремян были веревки. Они прогуливались по окрестным фруктовым

¹ Бурек — вид несладкой выпечки из слоеного теста, обычно начиняется творогом, яйцами и петрушкой.

садам, устраивали пикники под акациями, цветы которых напоминали снежные шапки. Без угрызений совести и чувства вины они проживали свою любовь как данность. И никто не сможет ничего изменить.

Лейла упивалась неожиданной свободой. Рядом с Хансом она могла бы горы свернуть. Он пообещал взять ее с собой в Хаттуша, открыть секреты музея в Стамбуле. Будущее было светлым. Испарились препятствия и ее брачные узы с Селимом. Рожденная на берегах Босфора любовь дала ростки на анатолийской земле, и они покорно принимали ее, словно благодать.

Ханс проживал с Лейлой каждую минуту так, словно она была последней. В стране строили виселицы, греки захватили первую османскую столицу, Бурсу, войска Мустафы Кемаля вели кровопролитные бои... Турчанку душила тревога, что все это слишком хорошо, чтобы продлиться долго. Впервые она обрела внутренний баланс, который появляется, когда живешь с любимым человеком. Сладкая уверенность ежедневных встреч... Покосившийся домишко стал их убежищем. Никто их здесь не побеспокоит. Удача улыбается смелым. И они отличались безрассудством влюбленных, воображая себя непобедимыми.

Лейла никогда не забудет этот день: 10 августа 1920 года. Не в силах сосредоточиться на работе, она допоздна задержалась в высшей сельскохозяйственной школе, переводя нескончаемую иностранную прессу. Позже она поймет, что слабость объясняется плохим предчувствием, но в тот момент она об этом не догадывалась.

Державы-победительницы вызвали делегатов падишаха в Париж для подписания мирного договора. Молодая женщина надеялась, что Селим не будет участвовать в этом смертоносном для страны акте. Среди националистов поговаривали о государственной измене. Условия, которые, возможно, будут навязаны Турции, окажутся настолько суровыми, а раздел страны настолько кардинальным, что страну ожидает крах. Все ждали приговора с недоверием, смешанным со страхом.

На исходе дня в Ангору пришла телеграмма. Османская империя испустила последний вздох в знаменитом фарфоровой мануфактурой городе Севр. Площадь страны была сокращена до минимума. Турции разрешалось содержать незначительную армию, без авиации и тяжелого вооружения, она получала торговые льготы, закреплялись права меньшинств. Армения и Курдистан отныне

были независимыми, обширные территории переходили Италии и Греции, арабские провинции стали подмандатными территориями Франции и Англии, проливы оказались под контролем международной комиссии. Абсолютное лишение прав. Надежда улетучилась. Унижение, возможность лишиться столицы, если Турция не будет скрупулезно выполнять все четыреста тридцать три статьи договора.

С наступлением ночи во всем здании воцарился полумрак. Мустафа Кемаль сидел в темноте, не желая произносить ни слова. В его молчании сквозила печаль. В холле вполголоса разговаривали несколько его приверженцев. Удрученные взгляды, растерянные лица... Лейла не могла не проклинать Энвер-пашу, который привел страну к развалу и втянул в войну на стороне Германии. От огорчения и стыда у нее перехватывало дыхание. Поскорее бы увидеть Ханса... С поникшей головой она пересекла зал и забралась на повозку, которая должна была отвезти ее домой.

В этот момент к ней подбежал молодой секретарь и сунул в руку телеграмму. Изумленная, Лейла развернула ее и прочитала при свете карманного фонарика. Селим просил немедленно вернуться в Стамбул. Перихан тяжело заболела.

При виде бледного лица Лейлы Ханс подумал, что причина этому — новость о подписании договора, которая потрясла весь город. Но когда она отказалась его поцеловать и сообщила, что заболела дочь, он понял, в чем дело. В этом далеком и измученном палящим солнцем анатолийском местечке Ханс имел неосторожность поверить в то, что находился под защитой огненного кольца, как в прямом, так и в переносном смысле. Он решил посвятить всю

свою энергию этой женщине. Самый лучший замысел в его жизни оказался миражем. Он упрекнул себя в наивности и вере в невозможное.

— Это всего лишь кратковременная лихорадка, — сказал он, чтобы успокоить ее, пока она искала дорожную сумку. — Дети всегда нас страшно пугают.

— Что ты об этом знаешь? — грубо отрезала Лейла. — Насколько я знаю, у тебя нет детей.

Несправедливый упрек ранил его. Он ее не узнавал. Резкие движения, тревожный блеск в глазах... В комнате стало слишком тесно, она его избегала.

— Ты думаешь, это разумно — ехать в такой момент? Страна в полном беспорядке. Я не представляю, как ты доберешься до Стамбула.

Она воздела руки к небу и вздохнула. Ну у нее же нет выбора! Ее малышка заболела. Нужно как можно скорее вернуться и позаботиться о ней.

— Но ты, конечно, не можешь этого понять, — не сдержалась она.

— Потому что у меня не было матери? — нервно заметил он. — Нет, я понимаю, что ты чувствуешь. Я просто считаю, что ты преувеличиваешь.

Лейла заметалась по комнате, словно лев в клетке. Она хотела уехать без промедления, пусть даже среди ночи при лунном свете, но не оставаться здесь взаперти. И наплевать на банды повстанцев, греков или мародеров! Тихая гавань вмиг превратилась в мышеловку.

— Когда мать узнает, что ее ребенок болен, больше ничто не имеет для нее значения. Дети — наша плоть и кровь. Мы за них отдадим жизнь.

Ханс чувствовал, что Лейла от него ускользает, и от страха у него сцепило горло. Его пронзило жало ревности ко всем, кто имел влияние на нее. Он окинул взглядом

комнату, где повсюду были следы их совместной жизни. Подушки, кофейный сервиз, расческа Лейлы с черепаховой ручкой, керамический кубок эпохи сельджукидов, купленный на базаре... Книги на этажерке, вещи, завернутые в отрезы шелковой ткани... Безделушки, которые составляли их будни, но которые теперь казались неуместными.

— Лейла, я за тебя волнуюсь, — сказал он, схватив ее за руку, когда она проходила мимо.

Она вся дрожала. Ханс прижал ее к себе, и она сдержала рыдания. От страха у нее отнялся язык. Перихан никогда серьезно не болела. Она была крепкой девочкой, которой едва касались детские хвори. Лейла пыталась ухватиться за эту мысль, чтобы не паниковать, но у нее перед глазами танцевали черные точки. Она прочитала лаконичную телеграмму Селима, и ее стали мучить угрызения совести из-за долгого отсутствия дома. Она продлила свое пребывание в Ангоре, гордясь тем, что работает вместе с Халиде Эдип, но прежде всего ради своей любовной истории. Она не задумывалась о завтрашнем дне. Реальность напомнила о себе самым страшным образом, какой только можно представить. Все суеверия и проклятия, которые тревожили воображение, лишили ее уверенности. Она закрыла глаза, прогоняя их прочь.

В эту ночь они занимались любовью с такой отчаянной страстью, словно желали обмануть судьбу. Затем, не в силах уснуть, они лежали, обнявшись, в ожидании рассвета. Время от времени Ханс целовал любимую в висок. Он прижимал ее к себе, лаская ее грудь, живот, опускаясь все ниже. Он не мог себе представить, что потеряет ее навсегда. Кто мог предсказать будущее? Встретятся ли они еще когда-нибудь, чтобы наслаждаться своей любовью? Он еще крепче прижал ее к себе. Ангора была практически пол-

ностью окружена вооруженными врагами. Вера националистов пошатнулась. Возможно, Провидение вырывало Лейлу из ловушки. Ханс оставался один, и это одиночество станет для него самым тяжелым испытанием.

— Я люблю тебя, — прошептал он.

— Я знаю.

— Но я хочу тебе об этом сказать! Я живу лишь любовью к тебе. Я понял смысл своей жизни в тот день, когда понял, что люблю тебя.

Слова Ханса задели ее. Его горячность почти ранила. Но момент для упреков был неподходящий. Она не хотела слышать о его чувствах к ней. Любить по-настоящему — значит любить для кого-то, а не для себя. Лейла воспринимала его волнение как упрек, но сейчас просто хотела, чтобы он деликатно отошел в сторону. В этот момент ей нечего было ему предложить. Она была всего лишь матерью, которая опасалась за жизнь своего ребенка. Матерью, которой предстояло пересечь всю страну, охваченную войной, и снова встретиться с дочерью. «Любовь мужчины обоюдоострая, — сказала она про себя. — Эгоизм выходит на поверхность тогда, когда его меньше всего ждешь, и иногда его требования невыносимы». Однако она увидела полный страха взгляд Ханса, его ввалившиеся щеки, и ей стало его жаль. В нем навсегда — тот брошенный матерью мальчик. Неужели ей нужно защищать не только своих детей, но еще и любимого мужчину?

— Нужно доверять, — сказала она, переплетая свои пальцы с его. — Я еду заботиться о Перихан, а потом найду возможность, чтобы мы снова были вместе. Божья благодать защитит нас.

— Лейла, я доверяю только тебе.

— Тогда я обещаю найти способ вернуться.

Они любили друг друга последний раз с горькой нежностью неминуемого расставания. Ханс пытался скрыть свою безутешность. Каждый поцелуй Лейлы, каждое прикосновение ее губ, каждая ласка оставляли на душе след, словно от раскаленного металла. Чуть позже, держа в объятиях задремавшую Лейлу, он с опасением и горечью смотрел, как бледные лучи анатолийского рассвета понемногу проявляют узор на стенах и рисунки на старых полинявших коврах.

Развитие событий превратило обратную дорогу в Стамбул в более опасное, чем первое путешествие, мероприятие. Но Лейла уже привыкла к тяготам военного времени. А сейчас она готова была смело выступить против любого, кто станет на ее пути. Она была влюблена, и ее решительность не позволяла ей бояться. Край был опустошен кланами, которые придерживались феодальных обычаев, они провозглашали себя правителями во имя султана, безраздельно правили в округе, терроризировали крестьян и часто грубо обращались с женщинами. Оборванные солдаты армии Кемаля боролись за каждую пядь земли, и свидетельства их побед было повсюду. Лейла отводила взгляд от виселиц с почерневшими трупами, оставленными на растерзание воронам.

Ни за что на свете Ханс не оставил бы ее одну, и основную часть пути он ее сопровождал. Они нашли способ выбраться из Ангоры по одной из надежных еще дорог. Ранним утром они оставили позади руины цитадели на скалистом отроге. Жара была, словно божья кара. Кровь медленно текла по венам, отдаваясь болью в висках. Время от времени они слышали раскаты. Возможно, это были пушки, если только не сама потрескавшаяся земля, молившая небеса о дожде.

Под раскаленным добела небом покорно шагали волы, подбадриваемые цоканьем извозчика и его гибким прутом. Деревянные колеса поскрипывали, поднимая небольшие вихри пыли. Путешествие было бесконечным. Лейле казалось, будто на нее давят эти бесплодные холмы. Лишь изредка здесь встречались рощицы, одинокие фермы. Посреди безжизненного пейзажа торчали телеграфные столбы, на которых изредка громоздились гнезда аистов. В этом почти безжизненном мире, лишенном спасительной сени деревьев, царила какая-то первобытная тишина, когда только камни зывали к Аллаху. От рассвета до заката мусульманский пост запрещал пить воду. Ханс придерживался того же правила, что Лейла и извозчик. В самый пик жары они находили спасательное укрытие в тени, ложились прямо на землю, и под закрытыми опухшими веками у них танцевали солнечные зайчики.

Лейле было тяжело. У нее болели все суставы. Казалось, кости вот-вот пронзят кожу. Она больше не потела и, пригвожденная к скамейке телеги, думала, что если это наказание вскоре не закончится, то от нее останется лишь высушенная скорлупа. В голове метались бессвязные мысли. Она видела сны о бризе и дожде, о водах Босфора. Но пекло Анатолии не давало передышки. Здесь были только солнце, орлы и Аллах. Только Он был великим, и не было никакого другого Бога, кроме него. Лейла нашептывала Его имя, словно молитву, и ее душа жаждала воды и милосердия.

Они дошли до маленького порта на Черном море, где брызги волн сгоняли желтую пыль, впившуюся в морщинки на их лицах и забившуюся в складки одежды. Они исхудали, иссохли. Они расстались без слов, без поцелуя. Лишь сплетенные пальцы немного задержались. Не существовало

слов, которые выразили бы все то, что они чувствовали. Лейла была благодарна Хансу за то, что он проводил ее. По его молчанию и потухшему взгляду она могла оценить, как ему больно с ней расставаться. Она поднялась на рыбацкое судно, которое также служило для тайной перевозки оружия, подняла руку, прощаясь с одиноким человеком на причале, замершим среди рыбацких снастей и сетей. Засунув руки в карманы и опустив плечи, Ханс наблюдал, как она отплывает. От бликов солнца на воде у него выступили слезы.

Она несколько ночей подряд провела под открытым небом. Покачивание волн подбадривало ее, и все эти бесконечные часы она думала о больной дочери. Суровая Анатолия оставила в ее душе неизгладимое впечатление, она внушала ей некое смирение, но Лейла знала, что не сможет здесь жить.

Лейла переживала за Перихан и грустила из-за расставания с Хансом, но при виде входа в Босфор женщину накрывала волна ликования. Наконец-то она возвращается домой, и все возвращается на свои места.

Но ее радость длилась недолго. Увидев йали, Лейла, к своему великому удивлению, заметила закрытые ставни и пожелтевшую лужайку. Розарий, жасминовые кусты, клумбы с гвоздиками и фиалками, кажется, тоже пострадали от недостатка внимания. Чем, интересно, занимались садовники? Очевидно, Селим не захотел переезжать сюда на время ее отсутствия, возможно из-за того, что ему здесь было не по себе. На ее взгляд, это был абсурд. Летом на берегах пролива дышалось легче, чем в городе. Почему он лишил этого детей? Она попросила капитана довести ее до Стамбула и, терзаемая волнением, простояла весь путь на носу корабля, словно часовой.

В последних лучах солнца вырисовывался зубчатый силуэт города. Лейла узнавала синеватые купола и шпили минаретов, сдержанную прозрачность дворца Долмабахче, мощную Галатскую башню и сине-белый флаг Греции, развевающийся над Каракеем, массивы черепичных крыш, а также грозные военные корабли Антанты, по-прежнему стоящих на рейде. Она еще никогда так надолго не отлучалась и почувствовала себя здесь чужой.

После проверки суденышка жандармами оккупационных сил рыбаки наконец смогли пришвартоваться.

На причале царила привычная суета, но у Лейлы создалось впечатление, что город погружен в какое-то странное оцепенение. Магазины закрыты, носильщики без дела сидят на табуретах. Она быстро пробежала по узким улочкам, оборачиваясь на подметающих улицы молодых женщин в серых штанах. «Какое унижение!» — потрясенно думала она. Чиновники не толпились перед Высокой Портой, воротами, за которыми заседало правительство Османской империи. Можно ли было хоть на секунду сомневаться, что эта отвратительная гнетущая атмосфера — результат подписания договора? Французские солдаты патрулировали улицу. Лейла вдруг вспомнила о Луи Гарделе. Несмотря на трудности, в самом сердце страны, в Анатолии, у войск еще оставалась надежда и их сопротивление было результатом стремления к свободе, а вот столица была беззубой и бесхребетной.

Добравшись до конака, Лейла долго колотила в ворота. Ее тревога достигла наивысшей точки. Создалось абсурдное впечатление, будто она попрошайничает перед собственным домом. Наконец скрипнул засов и перед ней появился Али Ага. Он был ошеломлен ее нарядом: яркого цвета штаны, затянутая кожаным поясом туника, слабо повязанный платок. У нее была грязь под ногтями и потрескавшиеся от соли губы. От нее пахло йодом и рыбой.

— Али Ага, это действительно я, — скромно улыбнувшись, заверила его Лейла. — Я вернулась из-за Перихан. Как поживает мой любимый цветочек?

Лицо старого евнуха исказилось. Лейлу словно пронзило ножом. Она побежала к дому, взлетела по лестнице, перескакивая через ступеньку. Детская комната была пуста.

— Где она? — закричала Лейла.

Никто ей не ответил. Бледный дрожащие служанки отводили глаза. Вдруг Лейла заметила Фериде и схватила ее за руку.

— Где моя дочь? — резко спросила она.

Но даже преданная Фериде смотрела так, словно она была прозрачной. Лейла ринулась к свекрови. Дверь с грохотом ударила о стену. В большой гостиной, едва освещенной и прохладной, Гюльбахар-ханым восседала в алькове в окружении близких. Все обернулись, шокированные появлением Лейлы. Чернокожая служанка, сидя по-турецки на подушке, лениво крутила лопасти вентилятора. От испуга она прикрыла рот рукой.

Гюльбахар сложила веер и широко раскрытыми глазами смотрела на невестку, надвигающуюся на нее в пыльных ботинках.

— Итак, ты к нам вернулась, — констатировала она надменно и презрительно.

— Я вернулась, как только узнала, что Перихан больна. Как она?

На красивом лице Гюльбахар-ханым промелькнула тень. Она поднялась, и Лейла инстинктивно отступила на шаг. Свекровь тихо заговорила.

— Все началось с отита. Казалось, банальный отит. Затем появились сильные головные боли. Она не могла переносить малейший свет. И эта жуткая горячка никак не хотела отступать... Врач сделал все возможное, ну и мы, конечно, но у нашей милой бедняжки начались конвульсии...

Сердце Лейлы билось с такой силой, что, казалось, сейчас выскочит, и она подняла руки, словно защищаясь.

— Мне очень жаль, моя малышка... Аллах Защитник в Своей великой милости позвал ее к Себе.

Лейла упала на колени. Она больше ничего не видела и не слышала. Боль пронзила ее, вырывая из груди дикие вопли. Она обессилела, съежившись у ног свекрови, а вокруг поднялся жалобный женский плач по всем ушедшим душам. Она почувствовала, что чьи-то руки приподнимают

ее, но стала вырываться. Пусть ее не трогают! Пусть не приближаются к ней! Пусть она выглядит жалко... Ничто больше не имеет значения. Ее маленькая дочурка умерла. Вдалеке от материнских объятий. В одиночестве и страданиях.

Она долго лежала, прижавшись лбом к полу. Затем чей-то голос пробился сквозь ее горе, тонкий голосок, жалобно взывающий к ней. Она подняла голову. Маленькие ручки Ахмета неловко вытирали ее слезы. Бледный, сжав губы, он весь дрожал. Она раскрыла руки, и сын прижался к ней. Она молча укачивала его, как делала это раньше, когда в ее мире царила гармония и все было хорошо и спокойно.

Вокруг шептались женщины, сочувствуя Лейле. Обычно турки не горевали так открыто. Свекровь снова сидела. Бледная, с невозмутимым лицом, она перебирала четки, бормоча молитвы. Мусульмане не носили траур, поскольку смерть была лишь переходом из земного мира в рай, где была настоящая жизнь. Чрезмерная скорбь по ребенку была грехом, поскольку беспокоила его на небесах. Ради блага Перихан Лейла должна была держать себя в руках. Поднявшись, она пошатнулась, но Ахмет помог ей удержаться на ногах.

Черкешенка внимательно наблюдала за невесткой и с облегчением заметила, что та немного пришла в себя. Наконец Лейла смогла говорить. При виде ее наряда можно было подумать, что она жила в племени варваров. Только Богу известно, с какими людьми она встречалась в Анатолии, где обитают лишь нищие и разбойники. Она похудела еще сильнее. Ее решительный характер еще резче читался в выражении лица, пылком взгляде, скулах и жесткой линии челюсти. Но губы были такие же пухлые и чувственные. Однако теперь ее красота отдавала некой дикостью.

И даже от опустошенной потерей Лейлы исходила почти угрожающая сила.

Волнуясь за Селима, Гюльбахар задрожала. Ее сын тяжело переживал смерть ребенка, испытывая почти такую же скорбь, которая сразила Лейлу. Увидеть, как плачет мужчина, всегда испытание. «Бедняга до сих пор плачет», — прищурившись, подумала Гюльбахар. В день похорон Перихан он признался, что Лейла хотела развестись, потому что он взял вторую жену. Черкешенка скрыла изумление, хотя ее больно задело то, что Селим не посчитал нужным предупредить ее об этом. Но мысль, что невестка хотела нанести оскорбление Селиму, тогда как сын просто следовал традициям, была ей противна в высшей степени.

— Где ее похоронили, матушка? — спросила Лейла хрипло, с неимоверной учтивостью.

— В Эюпе, конечно. Мы посадили кипарис, который будет защищать ее душу от злых духов.

— У Перихан была чистая душа. Ей еще и семи не было.

Лейла замерла, крепко держа руку Ахмета. Ее жизнь рухнула. Ей нужно было снова обрести равновесие и продолжить жить. Она поклонилась, коснувшись сердца, губ и лба, таким образом демонстрируя свекрови почтение в чувствах, мыслях и словах, и ушла к себе в комнату, разбитая, словно состарилась на тысячу лет.

Она заперлась у себя в комнате. На улице всю ночь шумели по поводу окончания поста. Сквозь стены доносился глухой звук барабанов, пульс пробудившегося города. Вокруг минаретов сияли фонари, и мусульмане чествовали Аллаха огненными буквами. Кварталы правоверных были украшены огнями, кафе были открыты всю ночь. Ахмет попросил разрешения сходить на спектакль

в карагёз¹ на углу улицы. Она не посмела отказать ребенку, несмотря на наличие грубой сцены, где марионетка угрожающе размахивала толстым фаллосом.

Как обычно, Гюльбахар-ханым делила праздничную трапезу с подругами. Судя по ароматам, наполнившим весь дом, кухарка превзошла саму себя. Свекровь была известна своими пиршествами. Гости устраивались перед блюдами из мейсенского фарфора на кожаных подставках, шитых золотом. Ловкими пальчиками они подхватывали черные и зеленые оливки, сыры, варенья и хлебцы, припасенные для такого случая, тонкие ломтики бараньей колбасы, индейки в чесночном соусе, которая так редко появлялась в меню домочадцев, *плов* и отварные в бульоне овощи... В довершение подавали кондитерские изделия и нарезку свежих фруктов. Застолье длилось часами. Лейла не хотела никого видеть. Фериде принесла ей мезе², к которым женщина даже не притронулась. Жертвы поста сжигали грехи. Пусть так будет и с ней, и этой ночью. Поджав ноги, она сидела со скрещенными руками, словно наказанный ребенок.

Она видела мысленным взором Перихан, которая с гордостью показывала те несколько слов, которые научилась писать в школе при мечети, она слышала, как дочь читает наизусть отрывок из Корана, как она наклоняет голову в такт молитвы. Согласно легенде, небожители, сущности, обитавшие в раю, порой падали с неба на землю, но, удовлетворив свое любопытство, возвращались на небеса. Неужели столь юная Перихан устала от своей семьи? И от своей матери?

¹ Карагёз — комический персонаж теневого театра, а также турецкий театр теней, который возник в XVI в. и получил название по имени главного персонажа.

² Мезе — набор закусок или маленьких блюд.

Лейла вздрогнула, узнав звук шагов Селима, нервно поправила складки вуали. Ближе к вечеру Фериде отвела ее в хаммам, где лично оттирала хозяйку мылом и щетками, чтобы кровь снова циркулировала в сосудах. Лейла покорилась старой служанке, не чувствуя обжигающе горячей воды. Слезы текли нескончаемым потоком, перемешиваясь с паром. Шершавые руки Фериде чистили ее скребницей, расслабляя ноющие от боли мышцы, прогоняя следы долгого путешествия. На мраморный пол стекала пыль Анатолии и невозможной любви. Лейла стояла неподвижно, ее тело было подобно тряпичной кукле. Она тоже умерла, но по ней никто не скорбел.

Женщина поднялась, когда вошел бледный, с горькой гримасой, Селим. Лейла не знала, чего ожидать от супруга. В некоторой степени муж стал для нее чужим. Однако он оставался отцом Перихан, которую любил так же, как и она. Именно поэтому он оставался рядом, когда дочери было плохо. Лейла не могла прогнать из головы эту картину. Когда она протянула к Селиму руки, он не пошевелился. На его лице она прочла лишь презрение. «Отторжение жестокое, но, вероятно, заслуженное», — убитая реакцией мужа, подумала она.

— Ты затянула с возвращением, — холодно произнес он.

— Дорога оказалась сложной. Я отправилась сразу же, как только получила твою телеграмму.

— Тебе вообще не нужно было уезжать.

— Оставаясь здесь, я рисковала жизнью.

— Неужели? — с иронией заметил он, вытягивая из кармана портсигар. — Самое большее — это некоторые неприятности в тюрьме. Это, конечно, запятнало бы честь нашей семьи, но тебя уже давно это вовсе не заботит. Ты возомнила, что выполняешь какую-то миссию, не так ли? Как-то в американской ежедневной газете я прочитал

заголовок: «Женщина, стоящая за Мустафой Кемалем». И я сразу же подумал о тебе. Безусловно, журналист говорил о Халиде Эдип, но ходят слухи, что ты словно его тень.

Она не сводила с мужа глаз. Он подкурил сигарету. Его руки дрожали. Она никогда не сомневалась в любви Селима к детям, но у нее не осталось ни слов, ни нежности, чтобы достучаться до него.

— Конечно, хорошо иметь связи с высокопоставленными лицами, — продолжал он. — Ты, должно быть, ощущаешь свою важность, общаясь с этим сборищем революционеров.

— У Мустафы Кемаля есть свои недостатки. Он амбициозен и не всегда отличается чувством сострадания, но он единственный, кто способен защитить нашу национальную целостность. Разве тот факт, что твои друзья согласились подписать мирный договор, до сих пор не открыл тебе глаза?

Она с удивлением заметила, что может вспыхнуть и бурноотреагировать на темы, совершенно не важные сейчас. И Селим сразу же этим воспользовался:

— По какому праву ты об этом говоришь? — вскрикнул он, выходя из себя. — Это я держал на руках Перихан, когда она умирала, ты понимаешь? Она звала тебя, но тебя не было рядом, чтобы ее утешить! Ты — недостойная мать, вот ты кто...

Лейла стояла молча, словно прибитая к столбу позора.

— Последний раз, когда мы виделись, ты попросила развод. Затем ты уехала, потому что не могла справиться с тем, что натворила. И теперь ты вернулась. Но наша дочь умерла. Это твоя вина!

— Нет! — завопила Лейла, сжимая кулаки. — Это неправда! Ты не можешь меня в этом обвинять! Перихан подхватила менингит. И даже если бы я здесь была, то не смогла бы помешать болезни.

Селим посмотрел на совершенно отощавшую жену, которую буквально сносило ветром. Его охватило неясное помутнение, злость, ненависть, горечь. Он сердился на Лейлу за то, что ее так долго не было. Он сердился на то, что она не смогла утешить их маленькую дочь, когда та хрипела в агонии, отчего можно было сойти с ума. Он сердился на нее за то, что она хотела жить без него.

— Ты бросила меня, но ты также оставила Перихан и Ахмета. Плоть твоей плоти... Ты захотела существовать без нас, думая лишь о своей славе, тогда как наша сила заключается в том, что мы должны быть вместе. Теперь слишком поздно. Наша семья разрушена. Что бы ты ни делала, мы должны с этим жить до конца наших дней.

Взволнованный, Селим пожирал ее взглядом, и, несмотря на горечь, которую не мог в себе подавить, он со страхом понимал, что до сих пор любит Лейлу, что безнадежно ее желает. Что он сочувствует ей. Он хотел обладать ею, подчинить себе, оставить рядом с собой. Он не позволит ей уйти. Никогда! Ему казалось, что таким образом почитит память Перихан, но он обманывал себя. Он хотел получить Лейлу для себя, и только для себя. Это станет наказанием для них обоих.

Стамбул, ноябрь 1920 года

Стоял трескучий мороз. Угрюмо нависшие облака предвещали снег. Чтобы согреться, Луи Гардель шагал взад и вперед перед воротами конака. Он натянул перчатки. Взглядом он искал своего шофера. Никого. Наверное, машина не завелась. Он решил больше не ждать.

— Капитан, секундочку!

Он сразу узнал женский голос. Луи остановился, затаив дыхание, затем развернулся. Закутанная в суконное пальто, в коричневой фетровой шляпке-клош, Нина спустилась по улице, стараясь не поскользнуться на обледенелой мостовой. Наконец она оказалась перед ним, и француз заметил, сколь бледно ее искаженное тревогой лицо.

— Мне нужна ваша помощь.

Первый раз эта женщина сумела какие-то чувства вместо обычного холодного равнодушия. И она смотрела на него и не делала вид, будто он прозрачный.

— Я караулю вас с шести утра, — произнесла она за неমেвшими от холода губами. — Боялась вас пропустить.

Луи попросил Нину следовать за ним и подхватил под руку, чтобы женщина не упала. Как только он почувствовал ее тело, ему пришлось собрать все силы, чтобы не об-

нять ее прямо на улице. Удаляясь от конака, Луи бросил последний взгляд на решетчатые окна. В этом квартале не было места, где мужчина мог бы уединиться с женщиной, и капитан решил поймать такси. Между белыми от инея берегами Золотого Рога блистала стальная стылая вода.

Они зашли в одно из кафе Галаты. Луи заказал черный чай, яйца, сыр, маленькие хлебцы. Пусть это и выглядело абсурдно, но он испытывал удовольствие от того, что Нина от него зависела, даже если речь шла только о том, что ей нужно просто согреться после долгих часов ожидания на холоде.

— Вы видели генерала Врангеля? — спросила она, имея в виду главнокомандующего русской армии, сражающейся против большевиков.

О да! И более чем. Несколькими днями ранее Луи в восточном порту участвовал в эвакуации побежденной Белой армии. Франция оказалась единственной европейской страной, которая признала правительство Врангеля. И теперь она взяла на себя моральное обязательство помочь русским, военным, а также гражданским, вынужденным бежать от наступающей Красной армии.

Он кивнул и предложил Нине сигарету.

— Несчастных погрузили на битком набитые корабли. Некоторые даже не нашли места, где прилечь. Путь от Крыма длился пять дней, и все это время они простояли, довольствуясь скудным пайком. Это ужасно!

Нина побледнела еще сильнее.

— Вы должны мне помочь, я вас умоляю.

Гардель вопросительно посмотрел на нее. Неужели он наконец узнает хоть что-то о прошлой жизни этой женщины? Его любопытство со временем не ослабело. На мгновение вспомнилось унижение их последней встречи, и вдруг

он почувствовал смутное удовлетворение при виде ее обгрызенных ногтей и впалых щек.

— Ешь, — сказал он, придвигая к ней тарелку. — У меня достаточно времени. Впрочем, у меня всегда было его достаточно для тебя, но тебе это было не нужно.

Опустив глаза, она лишь глотнула чаю. Он видел, насколько трудно было ей прийти к нему и просить. Повинуясь порыву, он взял ее за руку, погладил нежную кожу запястья, отливающие синевой вены. Ничего не изменилось. Ему по-прежнему хотелось к ней прикоснуться.

— Нужно, чтобы вы помогли найти моего мужа, — произнесла она.

— Ты замужем? Я этого не знал. Да я вообще ничего о тебе не знаю, не так ли? Я даже не знаю твою фамилию.

— Малинин... Мой муж, Александр, — офицер. Он был эвакуирован одним из тех кораблей, о которых вы только что говорили. По крайней мере, я так думаю.

Луи откинулся на спинку стула, затянулся сигаретой, принимая безразличный вид.

— Ты так думаешь или ты на это надеешься? Не в этом ли весь вопрос?

Она впилась в него презрительным взглядом своих светлых глаз, вероятно спрашивая себя, что он потребует взамен.

— Мы не виделись почти два года. Мне пришлось выкручиваться самой. Я больше не знаю, надеюсь я или нет.

Луи попытался представить жизнь этой женщины до изгнания, жизнь блистательных аристократических семей, правивших в России во времена царей и Толстого. Конечно, он многое читал о России, у него сложилась слишком романтическая картинка, но он был убежден, что она блистала во дворцах Санкт-Петербурга, что она была избало-

ванной супругой и, возможно, счастливой. Он представил ее мужа на одном из военных судов, от которых осталось одно название и на которых укрывались офицеры, простые солдаты и казаки, с исхудавшими и заросшими лицами, измученные дизентерией. Флот нищих.

— Им запрещено покидать борт корабля. Необходимо найти Александра и снять с судна. Они измучены голодом, вы сами это сказали. Многие больны. Говорят, что в толпе были раздавлены беременные женщины.

Нина нервничала, ее руки трепетали, словно безумные птицы.

— Я не хочу бросать его на произвол судьбы, вы понимаете? Я, по меньшей мере, ему обязана, — тихо добавила она. — Я готова... Я хочу сказать: если вы хотите...

— Переспать с тобой за эту небольшую услугу? — резко сказал он в ответ, поскольку она была права.

Желание обладать ею было по-прежнему сильнее его. Луи уже знал, что не сможет противостоять, точно так же как он не смог отказаться от опиума. Нина была в его власти. Разве не этого он всегда хотел?

— Я — проститутка, или вы об этом забыли? — презрительно парировала она.

— У тебя было много мужчин после меня?

— Несколько.

— Я, наверное, должен волноваться о состоянии твоего здоровья.

— Успокойтесь, вы ничем не рискуете, — сказала она с горьким смешком. — Я достаточно умна, чтобы следить за своим орудием труда.

Охваченный бурным желанием ее поцеловать, он отвернулся, избегая ее высокомерного взгляда. За запотевшим окном мелькали расплывчатые силуэты прохожих. Он поднял руку и заказал официантке кофе.

Нина старательно грызла хлебец. Было ясно видно: эта женщина знает, что такое голод. Рядом устроилась еще одна пара, тихо перешептывавшаяся. Это тоже были русские. Совсем недавно Луи в смятении наблюдал наплыв беженцев, заполнявших улицы Галаты и Пера.

— Я посмотрю, что смогу сделать, но ничего не обещаю, — заявил он. — Это все равно, что искать иголку в стоге сена.

Лицо Нины озарилось.

— Вот название его полка! — воскликнула она, роясь в сумочке. — Еще я оставила свои координаты в русском справочном бюро. Если он напишет, они мне сообщат.

Она нацарапала на клочке бумаги несколько слов.

— Я вам очень признательна, Луи.

Она протянула ему бумажку, а он на мгновение задержал ее руку в своей, перед тем как поцеловать ее ладонь. Покорившись, с непроницаемым лицом, она вся напряглась. Жизнь научила ее платить по счетам. «Ты — животное», — подумал Луи, которого внезапно стало грызть что-то похожее на совесть. Но все же со своим желанием он бороться не собирался. У него на это не было ни сил, ни воли. Эта женщина овладела его сознанием. Он поможет ей найти мужа, но ничто не помешает заняться с ней любовью.

Луи позвонил другу, капитан-лейтенанту Роберу Козму, адъютанту адмирала Дюмениля, командующего французской эскадрой. Тот согласился помочь, так как получил похожее задание от адмирала.

На следующий день мужчины поднялись на борт дозорного судна, доставившего их к кораблям с беженцами. Некоторые угрожающе кренились. Во время пути к Константинополю один торпедоносец пошел ко дну вместе с двумя с половиной сотнями пассажиров. Луи и его лю-

ди никого не смогли спасти, так как их слишком поздно оповестили.

Русские, в оборванных серых армейских плащах императорской гвардии, образовали на палубе плотную массу, внимательно рассматривая небольшие судна греческих и армянских торговцев, порхающих, как комары. Некоторые перегибались через борт и спускали на ремнях перстни и обручальные кольца, меняя их на воду или хлеб. Время от времени мелькал круглолицый женский силуэт. «Как, черт возьми, мы сможем здесь найти Нининого мужа?» — подумал Луи.

— Это еще хуже, чем я себе представлял, — прорычал он. — Мы будем его здесь искать до скончания века.

Несчастные русские были убеждены, что турки, которые когда-то приютили изгнанных инквизицией евреев, не отвергнут и их. Несмотря на то что эти два народа испокон веков были врагами, такая вера была оправдана. Французы и американцы никогда бы не пришли на помощь этому выморочному народу, если бы не одобрение властей, великодушные Красного креста и жители, принимающие беженцев у себя. Англичане же вообще ничего не хотели об этом знать. Их единственным собеседником была советская власть. «Мы ведем торговлю с каннибалами!» — не без цинизма заявил премьер-министр Ллойд Джордж.

На судах, где находились казаки, были слышны грустные песни и хлопанье императорских знамен. Роберт Козм, вооружившись громкоговорителем, окликнул двух офицеров. Северный ветер усиливал ледяной холод. Луи начал притопывать, чтобы согреться. Он все спрашивал себя, какой будет его реакция, если Малинин, не дай бог, откликнется. Как бы то ни было, решение принято. Теперь, когда он снова обрел Нину, он больше от нее не откажется.

Козм немного осип, и Луи его сменил. Вдруг какие-то мужчины замахали руками. Дозорное судно подошло как можно ближе к высокому корпусу корабля.

— У вас есть на борту некий Александр Леонидович Малинин? — крикнул Луи по-французски, поскольку знал, что офицеры свободно говорят на этом языке.

Какой-то крепкий мужчина с косматой бородой сложил ладони рупором:

— Да. Он у нас. А что?

Сердце Луи екнуло.

— Нам нужно с ним поговорить. Мы заберем его к себе на борт.

— Это невозможно! Он болен!

Робер толкнул Луи локтем:

— Спроси, что у него. Если это не тиф, мы сможем его забрать.

Русский пояснил, что его товарищ ранен и у него дизентерия.

— Я поднимаюсь к вам на борт! — ответил Луи.

Вдоль корпуса была натянута веревочная лестница. Бортовая качка настолько усилилась, что Луи несколько раз пытался за нее ухватиться. Он осторожно по ней взбирался. Если бы он по иронии судьбы он свалился в ледяные воды Босфора, спасая жизнь мужу своей любовницы!.. Карабаясь вверх, он проклинал ветер, Нину и жизнь в целом. Чьи-то руки подхватили его под мышки, помогая перелезть через борт. На палубе его окружила оборванная смрадная толпа.

Малинин лежал на носу корабля вместе с остальными ранеными, его голова была перевязана грязными бинтами. Восковое лицо, обрамленное густой светлой бородой...

— Он жив? — с сомнением спросил Луи.

— Утром еще был, — ответил какой-то русский и потряс товарища за плечо.

Малинин открыл глаза, бормоча, по всей видимости, ругательства.

— Хорошо, я его забираю, — объявил Луи.

Тотчас же толпа заволновалась. Некоторые начали бранить француза, возмущаясь, что не могут даже рассчитывать на такую благосклонность.

— Военнослужащие из частей, участвовавших в боевых действиях, будут переведены в район Пролива и на остров Лемнос, — пояснил Гардель жестко. — Гражданские беженцы и нестроевые военные должны ждать здесь, у Константинополя, вскоре мы начнем эвакуировать больных и раненых.

Вот уже три дня, как люди ничего не ели и не пили. Голодные, изнуренные, они были вынуждены покинуть родину и теперь зависели от милости иностранных держав, которые им помогали, загоняя при этом в жесткие правовые рамки, задевающие честь этих людей.

Несмотря на недовольство, которое грозило вылиться в драку, Луи приказал спустить больного, привязав к временным носилкам, затем ухватился за веревочную лестницу, свисающую вдоль корпуса корабля.

Дозорное судно продолжало курсировать вокруг судов в поисках второго офицера, но тщетно. К сожалению, поиски оказались безрезультатными. Раздосадованный капитан Козм пожал плечами, заявив, что вернется на следующий день. Он отдал морякам приказ идти к берегу.

Сидя рядом с Малининым, Луи подкурил сигарету. Русский протянул черную от грязи руку.

— Почему я? — спросил он гортанным голосом.

— Меня об этом попросила ваша супруга.

Луи следил за его реакцией. Проблеск, который он не смог расшифровать, промелькнул во взгляде раненого.

— С ней все в порядке?

— Да. Она попросила вытащить вас отсюда.

— Благодарю вас, капитан.

Насколько была приятна благодарность Нины, настолько стало неловко от благодарности этого бедняги. Как только он передаст его в госпиталь, он забудет о нем. К несчастью, уцелевший оказался разговорчивым. Он с ностальгией принялся вспоминать счастливые дни в Санкт-Петербурге. Они с Ниной были знакомы с детства. Луи был вынужден слушать истории, которые были для него мучительны, но, тем не менее, он узнал кое-что о прошлой жизни своей любовницы. Он не ошибался. Нина была изнеженным ребенком, девушкой, принимаемой при дворе, где ее отец играл немаловажную роль. Ее будущее должно было быть безоблачным. Луи стало интересно, как отреагирует Малинин, если когда-нибудь узнает, что его жена — проститутка.

Французский госпиталь был переполнен. Сюда десятками доставляли раненых и больных, снятых с кораблей. Холл и коридоры были заполнены носилками. Роза Гардель металась, словно белка в колесе, и с блокнотом в руках распределяла пациентов по палатам. Она записывала имена, анамнез, не отвлекаясь на стоны. Задача оказалась настоящей головоломкой, и для того, кто не переносит беспорядок, стала бы страшным испытанием.

Ее попросили быть строгой. Власти волновались из-за пропадающих бог знает куда русских, которые растворялись в городе, опасаясь, что их вышлют в какую-нибудь дыру, где фактически конец географии. Однако нужно было не допустить распространения эпидемии. «По крайней мере, так появляются свободные койки», — ворчали медсестры, у которых было забот через край.

Уставившись в свои записи, Роза наткнулась на груды картонных ящиков и выругалась, потирая колено. На посылках стояла печать американского Красного креста. Она заглянула в них. Там были пижамы, и белье, и короткие подбадривающие записки, приколотые к пакетам. Внезапно...

— Луи, что ты здесь делаешь? — воскликнула Роза.

По-видимому, Луи также был удивлен встречей с женой.

— Я здесь проездом. Меня попросили составить рапорт о ситуации...

Он неопределенно махнул рукой в сторону раненых. Его щеки вспыхнули. Роза оглянулась. Что его так взволновало? Но это была лишь груда новых носилок на полу.

Каждый раз, когда открывались двери, в холл врывался зверский ветер.

— Ладно, мне нужно идти, — резко произнес Луи.

Роза проводила взглядом быстро удаляющегося мужа. «Как-то он странно себя ведет», — подумала она. Трудно поверить, что в обязанности Луи входит учет этих несчастных. Однако памятуя, что отношения между адмиралом Дюменилем и генералом Шарпи, командующим французскими оккупационными войсками, ужесточились... Последний не был в восторге от использования части денежных ресурсов для помощи русским. Неужели Луи должен составить рапорт об этом для вышестоящих органов?

Глубоко вздохнув, Роза развернула блокнот на чистой странице, чтобы записать новоприбывших, и обратилась к первому из них, с отвратительной окровавленной повязкой. Она наклонилась, спрашивая его имя, попыталась абстрагироваться от тошнотворного запаха и записала красивым почерком его данные: *Александр Леонидович Малинин*.

Несколько часов спустя, уже дома, Роза прилегла на диван, мучаясь от боли в спине. Учитывая серьезность ситуации, Красный крест начал кампанию по распределению бесплатных обедов и одеял. Накануне она провела весь день в садах французской школы имени Святой Пульхерии, в одном из мест распределения. Восемь часов на ногах на ледяном холоде. Хотя русские беженцы и говорили

с облегчением о том, что им удалось сбежать от Красной армии, которая, не задумываясь, истребила бы их, они побаивались неопределенного будущего. Роза побывала в расположенных на окраине города лагерях, куда привозили жен, сестер и братьев офицеров. Наспех построенные бараки плохо отапливались небольшими печками. Она представила себя, Марию и Луи в этой тесноте и не смогла сдержать дрожь ужаса. Роза никогда бы не перенесла таких лишений!

Похоже, она ненадолго задремала, так как ее разбудил детский смех. В соседней комнате Мария играла с Ахметом. Смерть сестры произвела на мальчика огромное впечатление, и он нашел неожиданную поддержку у Марии, которая стала единственной, кто мог вывести его из мрачного состояния. Теперь дети были неразлучными друзьями.

— Мама, ты не спишь? — спросила Мария, просунув голову в приоткрытые двери.

Роза жестом пригласила ее войти.

— Как ты себя чувствуешь, моя милая?

Дочь завершила, что насморк ее уже не так беспокоит, рассказала, как она провела день. Служанка принесла чай, и девочка поблагодарила ее по-турецки.

— Я сыграла на фортепиано сонату для Ахмета и Ризы, — весело продолжила она. — Им очень понравилось.

— Кто такой Риза? — заинтригованно спросила Роза.

— Сводный брат Ахмета. Он такой милый! Он теперь живет со своей матерью здесь.

— Ничего не поняла, — удивленно нахмурилась Роза. — Как это возможно?

Мария покраснела. Она подала матери чашку с чаем и попыталась сменить тему, но Роза решила все прояснить для себя.

— У Селим-бея есть сын от второй жены, — наконец призналась девушка. — Их дом в Эюпе сгорел во время пожара. Думаю, они не смогли найти там подходящее жилье. И зима сейчас такая суровая, не так ли? — сказала она, всматриваясь в серое грозное небо через окно. — Это даже к лучшему для Ахмета. Он теперь не так одинок.

— Селим-бей живет в нашем доме с обеими женами? — беззвучно произнесла Роза.

— Мама, это их дом, а не наш, — робко поправила Мария.

Роза была в ужасе от того, что Мария говорит о полигамии так, словно это в порядке вещей. Такое снисходительное отношение, к сожалению, напомнило ей поведение мужа. В шестнадцать лет у дочери сформировалась несносная привычка иметь и высказывать собственное мнение, которое иногда не совпадало с мнением матери. Впрочем, это было единственное, в чем Роза могла упрекнуть дочь.

Женщина выпрямилась.

— Прошу тебя, Мария, — чопорно заявила она. — Ты вообще понимаешь, что у этого мужчины — две жены?

— Это разрешено их религией. И Нилюфер просто очаровательна...

— Ты с ней знакома? — испуганно спросила Роза.

Мария затопталась на месте, раздосадованная тем, что пришлось признаться матери. Розе стало интересно, сколько времени дочь провела в другом крыле дома. Неужели эта грозная Гюльбахар-ханым затянула девушку в свои сети?

Роза принялась шагать по комнате.

— Несколько жен одновременно — это возмутительно, ты меня понимаешь? Противоестественно! Я не понимаю, как эта женщина может находиться здесь, делить жилье

с Лейлой-ханым! Как Лейла-ханым могла это допустить? Ведь я считала ее современной, — добавила она, вспоминая прием, где встретила Лейлу, одетую по-европейски и кокетничавшую с мужчинами.

Мария сидела по-турецки на подушках и грызла миндальное печенье.

— Именно Лейла-ханым предложила Нилюфер жить в конаке. Она пояснила, что вторая жена тоже имеет право получить защиту мужа. Не думаю, что Лейле-ханым это приятно, но она, не раздумывая, приютила Нилюфер, как только узнала, что бедняжка оказалась с ребенком на улице.

Роза закатила глаза.

— Послушать тебя, так можно подумать, что ты находишь эту ситуацию нормальной. От этих женщин у меня голова идет кругом. Как я раньше не поняла? Я не желаю, чтобы ты продолжала к ним ходить, ты меня слышишь? Общение с ними для тебя вредно. И потом, выровняй спину! Терпеть не могу, когда ты разваливаешься на этих подушках!

На лице девушки мелькнула тень.

— Мама, я прекрасно понимаю, что они не такие, как мы. И я не хотела бы вести подобный образ жизни, но я должна держаться достойно и толерантно и никого не судить, разве не так? Я считаю, что Лейла-ханым по-настоящему великодушна. А Нилюфер-ханым — очень уважительна. Между этими женщинами весьма сложные и забавные отношения.

Лицо дочери было невинным и немного упрямым. У Розы сдавило горло. Вдруг перед ней возникла жуткая картина, будто Марию украли и заперли в гареме, где она удовлетворяет желания паши. Господи, как же она ненавидела это место и этих людей, которых не могла понять!

«Но я знала об этом», — упрекнула она себя со слезами на глазах. Разве Луи не попросил Розу сразу после приезда спрятать свое распятие, чтобы не задеть чувства хозяев дома? Женщина перекрестилась, прося прощения у Господа за то, что спрятала распятие в шкаф.

— Я поговорю об этом с твоим отцом!

У Розы закончились аргументы. Но она сомневалась, что Луи хоть как-то повлияет на дочь. У нее даже появилось неприятное ощущение, что муж и дочь договорились за ее спиной и посмеивались над ней.

— О чем ты хотела поговорить? — весело спросил Луи, войдя в гостиную.

— Твоя дочь защищает полигамию!

— Папа, это неправда! Я просто сказала, что Лейла-ханым любезно согласилась принять в своем доме вторую жену супруга.

Роза заметила удивление в глазах Луи, но также и тень восхищения. Она знала о дружбе мужа с Селим-беем и догадывалась о мужской солидарности. Женщина скрестила руки на груди, ее губы дрожали от негодования.

— Женщина, которую ты так ценишь, мне кажется чересчур снисходительной, — бросила она высокомерно. — Это варварское поведение былых времен. Я не желаю, чтобы Мария виделась с этими людьми. Она еще слишком молода и впечатлительна.

— Папа, — воскликнула девушка с багровыми щеками, — ты же знаешь, что это не так!

Луи рухнул на диван. «У дорогого Селима две жены? О, у него воистину стальные нервы», — подумал он. Мария поспешила подать ему чай и все подробно рассказала. Луи был убежден, что Лейла-ханым сердилась на мужа, но смирилась с неизбежностью. Молодая турчанка была слишком умна, чтобы вступать в конфронтацию.

— Признаю, что это из ряда вон выходящая ситуация, — уступил он. — Но должен ли я тебе напоминать, что прошлым летом в этом доме случилось несчастье?

— Не юли! — запротестовала Роза. — Селим-бей взял вторую жену задолго до того, как умерла Перихан.

Мария попросила разрешения уйти. Луи отпустил ее, так как знал, что дочка не переносила споры родителей. Однако ему не хотелось оставаться наедине с Розой и выслушивать серию упреков. Он устало откинул голову на подушки и закрыл глаза. В голове начинали барабанить молоточки боли.

Роза заметила, что, перед тем как войти, он снял обувь. Луи развязал галстук и расстегнул верхние пуговицы на рубашке. Беспечность Востока коварно проникала в их жизнь, трансформируя их характеры, извращая реальность. Куда подевался тот мужчина, за которого она вышла замуж? Молодой и ретивый морской офицер, искренний и преданный? Вместо него теперь перед ней был мужчина с восковым лицом, воспаленными глазами, который смотрел на нее чаще всего с непониманием и презрением. Мужчина, у которого были свои тайны.

Ей вспомнились нищета и горе, с которыми она недавно столкнулась. Одуревшие взгляды русских офицеров, осунувшиеся лица их жен, и голодные дети, снующие по улицам Пера, словно бродяги. От нахлынувшего уныния у нее подкосились ноги. Она присела рядом с Луи.

— Так больше не может продолжаться, — сказала она сипло и взяла мужа за руку. — Мы потерялись. И я не знаю, что нужно сделать, чтобы все стало как раньше.

Она расплакалась и тут же устыдилась своей слабости. Если бы только Луи обнял ее, сказал, что все будет хорошо...

— Роза, я тоже не знаю, — с досадой признался муж. — Послушай, это всего лишь черная полоса, которая скоро

закончится! Эта затянувшаяся зима, и все эти беженцы... — Уверен, что весной тебе станет лучше.

Роза вынула из рукава носовой платок. Она не сможет до него достучаться. Он далек. Он сдержан с ней. Он по-прежнему избегает ее любыми средствами.

— Луи, речь не обо мне, а о тебе, — сухо упрекнула она. — Я тебя не узнаю. Я тебя не понимаю. И теперь, когда Мария связалась с этими турками, я думаю: может, вернуться во Францию?

— Конечно же нет! — взбесился он. — Тебя здесь очень ценят. И потом, ты мне нужна.

Он поднялся, обхватил руками голову. Поблуднев, снова опустился на диван.

— Сожалею, но я плохо себя чувствую, — пробормотал он. — Мария ничем не рискует, не переживай по этому поводу. Она сможет за себя постоять. Она — твоя дочь.

Роза приложила руку к его лбу. Луи весь горел. Через несколько минут он уже крепко спал.

Продрогшая Роза Гардель спешила по улицам Пера, укутавшись в пальто с лисьим воротником. Она заканчивала совершать предрождественские покупки, только что вышла от греческой портнихи, у которой заказала платье для Марии. Ее дочь часто гостила в домах левантийских семей. Роза не решалась сама шить дочери платья. Она также заприметила запонки для Луи, но не смогла найти ювелира. Бегая кругами с покупками, она уже собиралась было возвращаться, как вдруг подвернула на булыжнике ногу и выронила почти все пакеты. Часть подошвы отвалилась. Роза перенесла массу тела на ушибленную ногу и закричала от боли.

В этот момент открылась дверь ресторана. Усатый мужчина в белом фартуке, подобрав пакеты, предложил Розе руку, советуя зайти внутрь и немного отдохнуть. Женщина схватилась за него и пошла следом, прихрамывая.

Русский усадил ее в глубине зала рядом с самоваром, затем подставил под ногу табурет и приложил компресс со льдом. Не спрашивая разрешения, он велел своему соседу-сапожнику починить ее обувь. Как по волшебству, перед Розой появился чай и пирожные. Женщина смущенно оглянулась. Все столики были заняты. Рядом с играющими в шахматы сидели клиенты, которые пили водку и ели

красную икру. Роза расслабилась, убаюканная гармоничным звуком русского языка и теплом печки.

Вдруг распахнулась входная дверь. Из чистого любопытства Роза подняла взгляд и, к своему удивлению, увидела мужа. Луи на мгновение застыл на пороге, сбивая с фуражки хлопья снега. Роза подняла руку, желая привлечь его внимание, но в ту же секунду к нему подскочила официантка. Движение этих двоих сразу встревожило Розу. Они стояли друг к другу близко. Слишком близко... У нее застыла кровь в венах. Луи пожирал русскую глазами, затем что-то прошептал ей на ухо. С беспечностью завсегдатая он снял ключ рядом с кассой и направился к узкой деревянной лестнице. Официантка последовала за ним. Роза увидела, как она развязывала фартук.

Комок горечи застрял в горле. Это все объясняет. Безразличие Луи. Его дерзость. Лицо Розы залилось краской стыда. У нее было лишь одно желание — бежать отсюда как можно скорее. Она попросила счет, объяснив, что ей нужно идти. Дрожащими руками Роза открыла кошелек, и несколько монет покатались под стол. С обеспокоенным лицом хозяин сокрушался, что еще не успели починить обувь. Не могла бы она подождать четверть часа? При мысли, что она встретит Луи, только что покинувшего объятия любовницы, Розу затошнило.

Дорога домой показалась бесконечной. Роза проделала ее словно в тумане. Женщина вынырнула из ступора, только когда такси, за рулем которого был русский, доставило ее к воротам конака. Она заплатила, вышла из машины. Босой ногой ступила в талый снег и, хромая, пошла через сад.

— Мадам Гардель, у вас что-то случилось?

Голос был полон участия, но сквозь пелену слез Роза не могла рассмотреть лицо Лейлы-ханым. Она вся дрожала.

Турчанка подхватила ее под руку и повела в вестибюль. Лейла усадила француженку на лавку, присела на колени, сняла с нее порванный чулок, чтобы осмотреть щиколотку. У Розы вырвался всхлип — от унижения и благодарности.

В гостиной зажгли канделябры и масляные лампы. Роза сидела на диване с перебинтованной ногой, откинувшись на подушки. Рядом с ней была Лейла-ханым. Вдруг женщина поняла, что не встречалась с ней после смерти Перихан. Неужели все эти четыре месяца она провела взаперти? Роза вздрогнула. Черты Лейлы заострились, а во взгляде пылал огонь неизмеримой печали.

— Вам лучше? — тихо поинтересовалась Лейла.

Роза кивнула. Как можно было подозревать эту турчанку в том, что она любовница Луи? Француженка покраснела. Она была растрогана красотой и величественной осанкой хозяйки конака. «Я была такой глупой», — удрученно подумала она.

— Почему глупой? — спросила Лейла.

Роза поняла, что произнесла это вслух. Она попыталась взять себя в руки. Ей было трудно дышать. Она чувствовала себя такой жалкой. Грязной. И крайне одинокой...

В непреодолимом порыве она призналась Лейле-ханым, что муж изменяет ей с жалкой русской официанткой. Роза была подавлена.

— Этот негодяй глумится над клятвой, произнесенной перед алтарем! Он повел себя недостойно. И все это из-за этого города, этих людей...

Она размахивала руками в поисках виноватых. Проницательный взгляд Лейлы пронзил ее словно стрела. Растерявшись, Роза поведала, что Луи ее больше не любит, что он не прикасался к ней уже несколько месяцев, хуже того, вероятно, он никогда ее не любил.

Женщина разрыдалась, спрятав лицо в ладонях. От неговорчивой Розы Гардель ничего не осталось. Ни самолюбия, ни достоинства, ни надежд... Слово за слово она поведала Лейле все, что произошло со дня приезда француженки. Казалось, рухнул барьер страха и огорчения. Роза извинилась за свою бестактность, за то, что рылась в вещах Лейлы и обнаружила скрывающегося в конаке немца. Она также призналась, что сообщила о своих подозрениях британскому офицеру, который впоследствии произвел обыск. Застыв словно камень, Лейла слушала безудержное признание, но не вникала. На нее нахлынула волна грусти и сожаления. Есть что-то пугающее в том, когда человек обнажает свои недостатки и подлость, свои затаенные страхи. Душонка Розы Гардель была черной от зависти, недоверия, злости. Терзаемая сомнениями, француженка раскрывалась у ног мусульманки, которую ранее презирала и высмеивала.

Лейла подумала, что именно донос Розы стал причиной долгого заключения Орхана. А если бы британские солдаты застали в гаремнике Ханса, его бы немедленно расстреляли. Или повесили. Ее и Гюльбахар-ханым бросили бы в тюрьму и приговорили к смерти за содействие националистам. Но Аллах Всемогущий, да славится Его имя, позволил ей спасти жизнь Хансу. Благодаря несчастью любовники провели счастливые недели в Ангоре. Благодаря предательству родилась любовь, которую ничто не разрушит.

— Это я виновата, что Перихан умерла и вас не было рядом! — внезапно воскликнула Роза, широко раскрыв глаза.

И перед мысленным взором обеих женщин возник образ маленькой девочки, которая нараспев читала басню Лафонтена в честь Розы, приглашенной в парадный салон бабушки.

— Простите меня, — взмолилась она, схватив руку Лейлы и склонив голову. — Умоляю вас... Простите меня...

Потрясенная, Лейла не могла найти слов утешения. Когда она вспоминала о Перихан, ее сердце обливалось кровью. У нее уже давно иссякли слезы. Теперь она носила свою боль в самом потайном уголке души, как когда-то носила в утробе ребенка. Всякая надежда была мертва.

Она ни в чем не упрекнула Розу. Обида бесполезна. Ненависть тоже. Лейла не желала поддаться этим чувствам. Она знала, что ее дочь счастлива. И это единственное, что имело значение, единственная мысль, за которую она цеплялась в молчании ночи.

Не произнося ни слова, молодая турчанка гладила по волосам сокрушающуюся женщину, ожидая, пока та успокоится. Ведь боль француженки была не так уж велика. Лейла не торопилась. Она подождет столько, сколько будет нужно, весь вечер, и всю ночь, и, если понадобится, несколько дней, все то время, пока снег будет окутывать купола мечетей и крыши Стамбула. А по ту сторону Золотого Рога электрический свет и оркестры кабаре по-прежнему будут призывать к упоению и сладострастию, к азартным играм и плотским утехам.

Роза заканчивала собирать чемоданы. Она отказывалась слушать Марию, которая со слезами умоляла ее остаться в Стамбуле, женщина не хотела смотреть на мужа, который молча стоял в комнате с бокалом виски в руках. Она даже старалась не проходить вблизи него, чтобы не вдыхать запах его одеколона.

— Мама, это подло! — воскликнула Мария. — Я приглашена на многие чаепития, но теперь должна все отменить. Что обо мне подумают подруги? И папа, его нельзя оставлять совсем одного!

— Не первый раз мы проведем Рождество без твоего отца, — парировала Роза. — И прошу тебя, Мария, не говори со мной в таком тоне. Иди, собери вещи. Скоро приедет извозчик, который отвезет нас на вокзал.

Девушка жалобно вскрикнула и побежала к себе.

Роза проверила документы, резким движением захлопнула сумочку. Она позвонила Одили в Измир и предупредила, что приедет на Рождество вместе с Марией. Сестра не задавала вопросов и заверила, что их примут в монастыре с расprostертыми объятиями.

— Мне жаль, — произнес Луи настолько тихо, что Роза хмыкнула, не сдержав удовлетворения. — Ты не могла

бы остаться до января? — вздыхая, добавил он. — Это доставило бы удовольствие Марии.

— Я не могу находиться с тобой рядом и, в отличие от тебя, не желаю притворяться.

Роза бросила на мужа презрительный взгляд. Утро только началось, а он уже пил. Но она воздержалась от комментариев.

В тот злополучный вечер, когда вернулся Луи, она приперла его к стенке. По крайней мере, он имел мужество не отрицать очевидное. Конечно, он просил прощения. Он что-то бормотал об отчаянии. Дрожа от злости, Роза выплеснула на супруга всю свою злость и боль. Он ушел из дому и вернулся лишь на рассвете, мертвенно-бледный. Когда он рухнул на кровать рядом с ней, она задрожала от отвращения, уловив прогорклый запах его одежды.

Луи считал, что его жизнь — словно карточный домик. Роза реагировала, как какая-то природная стихия. Всего за пару дней она приняла решение оставить мужа. Ему пришлось отклонить приглашение на благотворительный костюмированный бал под предлогом, что супруге нездоровится. С тех пор его постоянно спрашивали о самочувствии Розы. Какие теперь придется придумывать отговорки, чтобы объяснить ее отсутствие на следующей неделе, когда начнутся редкие и желанные приемы в посольстве Великобритании?

Какой же он кретин! Он кусал себе локти оттого, что в тот день отправился к Нине, хотя знал, что Роза тоже поехала в Пера. Но желание увидеть любовницу было таким же нестерпимым, как и в начале их знакомства. К тому же появление русского мужа только подхлестывало Луи. Пусть он разумом и понимал, что ведет себя жалко, но он не мог отказать от всепроникающего внутреннего удовольствия,

которое испытывал, когда Нина таяла в его объятиях от оргазма.

— Ты не расскажешь Марии правду? — скрепя сердце, спросил он.

— Конечно же нет! Твои мерзкие поступки ее не касаются. Я не хочу, чтобы наш ребенок терзался из-за твоей низости.

В конце концов прямолинейность жены его взбесила.

— Роза, я никого не убивал!

— Нет, ты просто часто пользуешься услугами проституток в убогих комнатах Пера. Ничего не может быть банальней для французского офицера, супруга и отца, не так ли?

Роза любила сарказм. Усмешка на ее губах сводила его с ума.

— Я этим не горжусь, но я не первый мужчина, который познал такое приключение.

— Я не замужем за другими мужчинами. Я вышла замуж за тебя и сегодня об этом сожалею.

«Боже правый, как же мы любим поучать! И сами никогда не грешим...» — подумал он, но спорить с ней не было сил. Жена его осудила и признала виновным. Роза никогда не снизойдет до размышлений о том, нет ли здесь и ее вины. Такие женщины не судят себя. Роза обвиняла его в притворстве, но по крайней мере он был честен с самим собой. Он умел признавать свои слабости. И первая из них — в том, что Луи не находил в себе силы избавиться от слабостей.

— Ладно, полагаю, нам больше не о чем говорить, — устало произнес Луи. — Будь любезна сообщить, когда решишь вернуться.

— Не знаю, вернусь ли я вообще в Константинополь. Вероятно, потом я поеду во Францию.

— Напоминаю тебе, что мы женаты.

— А я тебе — что ты клялся мне в верности.

Он залпом выпил содержимое стакана, спрашивая себя, испытает ли облегчение, если бросит стакан через плечо, как это делали прилично выпившие русские.

— Я должен валяться у тебя в ногах? Мне жаль, что ты стала свидетельницей той встречи. Я не хотел тебя унижить. И я огорчен, что заставил тебя страдать.

— Очень мило с твоей стороны! — с издевкой выпалила она. — Но могу ли я тебе верить? Я больше не знаю, когда ты говоришь правду, а когда лжешь. Не ведаю также, со сколькими проститутками ты встречался и как давно. Если, конечно, речь не идет об одной и той же, в которую ты, может быть, влюбился? От этой мысли мне было бы еще больнее.

Она отвернулась. Только бы не заплакать перед ним! Как они могли так опуститься? Хлопнула дверь, и Роза сжала кулаки. Трус! Ушел и ничего не ответил.

За несколько минут до отъезда Роза в последний раз взглянула на сад через окно селямлика. Небо было затянуто дымкой, бледное солнце цеплялось за золотые звезды и месяц над куполами мечетей. На крышах лежал снег. Чуть дальше над обгоревшими руинами поднимались клубы дыма. «Кто там может жить в такой холод?» — подумала она. Ей никогда не понять этот город. Ее пугали восточный беспорядок и его контрасты, обманчивая беспечность, беспорядочная похоть. Она чувствовала себя здесь чужой, была не в силах постичь здешние тайны. А если бы она сумела приручить и мужа, и этот город, то все вышло бы иначе? Смогла бы она обучиться каким-нибудь чарам, чтобы вернуть сбившегося с пути супруга?

— Я хотела убедиться, что все в порядке, — прозвучал тихий голос за ее спиной. — Недим уже приехал за вами. Он проведет вас до поезда.

На Лейле-ханым было элегантное платье из шерстяного крепса цвета беж, корсаж которого опускался до бедер. Жемчужная кайма украшала манжеты. Два черепаховых гребня удерживали строгий узел волос, что подчеркивало чистую красоту ее лица и затылка.

— Я готова, — с легкой улыбкой сказала Роза. — Лейла, благодарю вас за все. Вы стали для меня подругой, хотя я этого не заслуживаю.

Лейла обняла ее и поцеловала в щеку. Роза закрыла глаза, наслаждаясь тонкими нотками аромата розы. Османская женщина, которую француженка так резко критиковала, стала наверняка единственной, кто жалел мадам Гардель. Лейла-ханым могла бы порассказать многое о жизни и о мужчинах.

— Роза, нужно научиться прощать.

— Как вы простили Селима за то, что он взял себе вторую жену? Я знаю, что Нилюфер-ханым теперь живет со своим сыном у вас. И вы это принимаете?

Лейла вздохнула.

— Иногда о турецких женах говорят, что их мужья — это их господа, что женщина дают то, что мужчина от нее просит, свою любовь и также любовь других женщин, если он того пожелает.

— Как вы терпите подобные вещи? — ошеломленно воскликнула Роза. — Любовь не делится. Это обязательство. Обещание. В горе и в радости.

Лейла напряглась. Не по душе ей были слишком личные вопросы, и она не привыкла кому-либо жаловаться — тем более иностранке, даже если та не могла ее ни в чем

обвинить. На некоторое время Лейла застыла, всматриваясь в море.

— Согласно старой легенде, когда Сатана захотел искусить Иисуса, он показал ему Босфор, — сказала турчанка и хрипло продолжила: — Я потребовала у мужа развод, но я не презираю его и не желаю зла ни ему, ни Нилюферханым.

Роза вытаращила глаза:

— Развод? Но как вы собираетесь это сделать?

— Мусульманские женщины намного свободнее, чем вы думаете, — весело ответила Лейла. — В замужестве мы сохраняем за собой право на свое имущество. Мы не несчастные жертвы, как любят нас описывать европейцы.

— А Селим-бей позволит вам уйти? Он подарит вам свободу?

Плечи Лейлы поникли.

— Я не теряю надежду... Смерть Перихан потрясла нас обоих. Нам нужно немного времени. Его Величество решил отправить Селима в Берлин с дипломатическим поручением. Он предложил ехать вместе с ним, и я согласилась.

Роза вздрогнула. Она никогда не сможет побороть инстинктивное недоверие, которое ей внушали немцы.

— Мне вас жаль. Это ужасные люди.

Лейла улыбнулась. Неужели Роза Гардель так никогда ничему и не научится? Зачем судить людей и целые народы? Хотя и у Лейлы был такой же недостаток...

Новость, которую сообщил Селим, застигла ее врасплох. После смерти Перихан Лейла вела затворнический образ жизни, не находя в себе сил выйти на улицу. Поначалу она спала целыми днями. Отныне ее жизнь состояла из странных помутнений сознания, из которых она с трудом

выныривала. Только Аллах даровал ей какое-то облегчение. Несколько раз в день она расстилала коврик для молитв, покрывала голову белой муслиновой вуалью и взывала к благодетелю.

Селим, обеспокоенный отрешенностью супруги, решил предложить ей отправиться с ним. Он также искал способ отблагодарить ее за то, что она приютила Нилюфер. А Лейла была удивлена его благодарностью. Было бы жестоко бросить молодую мать в несчастье. Что касается све-крови, та восприняла ее жест как естественный и логичный. Послушная Нилюфер сразу же пришлась по душе Гюльбахар-ханым, а малыш Риза доставлял радость всем женщинам гаремлика. По правде говоря, единственный, кого удивляло присутствие обеих жен, — сам Селим.

Как бы Лейла ни боялась отправиться в западный город, любопытство брало вверх над сомнениями. Как можно устоять перед искушением увидеть родину Ханса? Каждый день она молилась о том, чтобы он был жив и здоров. Их отношения оставались в тайне. Орхан узнавал кое-какие новости через партизан, но очень скоро сведения перестали приходить. Ханс словно исчез с лица земли. Такая скрытность была вполне в характере немца. Лейла старалась к этому привыкнуть. «А если он вернулся в Германию?» — иногда думала она. От этой мысли у нее голова шла кругом.

На пороге гостиной появилась Мария и бросилась к ней в объятия.

— Лейла-ханым, я больше никогда вас не увижу!

— Почему это? — весело ответила она. — Если ты скажешь такую глупость Ахмету, он будет крайне огорчен. Уверена, что вы вернетесь через пару недель. Двери моего дома всегда открыты для вас, моя милая красавица.

Появился Али Ага и сообщил, что для отъезда все готово. Лейла провела Розу и Марию до дверей, где ждал Ах-

мет. Он хотел подарить подруге коробку лукума. Луи попрощался с дочерью еще утром, перед тем как отправиться на службу. Лейла наблюдала, как француженки спешили по тропинке к воротам. С улыбкой турчанка в последний раз махнула им на прощание.

— Все, кого я люблю, покидают меня, — печально произнес Ахмет.

Лейла присела перед ним и нежно убрала со лба прядь волос. В первые дни после возвращения матери мальчик был испуган тем, как она переживает смерть Перихан. Женщина корила себя за то, что ее страдания отразились на Ахмете. Ему нравилось забираться на руки к Лейле и нежиться подолгу. Лишь благодаря неизменной преданности сына женщина смогла понемногу вынырнуть из своей печали. Чтобы успокоить его, Лейла пыталась выразить простыми словами свои чувства. В свою очередь Ахмет доказал свою невиданную зрелость. Они вдвоем пережили этот темный период, поддерживая друг друга.

— Мы с отцом побудем в Берлине всего пару месяцев, и я каждый день буду тебе писать.

— Прошлый раз, когда ты уехала, умерла Перихан, — сказал сын с тревогой в глазах.

— Знаю, мой любимый львенок. Но жизнь должна продолжаться, понимаешь? Не стоит бояться. Я скоро вернусь. И с милостью Аллаха не случится никакого несчастья, обещаю тебе.

Берлин, январь 1921 года

Ханс Кестнер вышел на станции метро Фридрихштрассе и глубже натянул шапку. Пронзительный ветер гулял по проспекту Унтер ден Линден. Мужчина был в жутком настроении. Вместо того чтобы спокойно работать дома, Ханс терял время из-за регулярных отключений электроэнергии, выпрашивая у хозяйки квартиры уголь утром и по возвращении домой в конце рабочего дня. И это приводило в отчаяние.

Он шагал по улице, приковав взгляд к тротуару, чтобы не поскользнуться на льду, и браня бездельников из городских служб. Он был еще слаб после ранения в ногу в последнем сражении в Анатолии. Как обычно, перед воротами университета сидел инвалид войны с потрескавшимся от мороза лицом. Он окликнул Ханса, тот порылся в кармане в поисках мелочи, которую специально оставлял для однорукого. Он не подавал милостыню другим попрошайкам, поскольку его зарплата была не настолько велика. Но по возвращении на родину, в Берлин, Ханса удручала окружающая нищета.

В величественном холле мужчина развязал шерстяной платок, который служил ему шарфом. Университетский

сторож в поношенном пиджаке кивнул ему и, подшучивая, сообщил, что аудитория опять полна.

— Там столько красивых молоденьких *мадемуазелей*, господин профессор, — подмигивая, добавил он с жутким французским акцентом.

В этом бастионе консерватизма, берлинском университете, женская аудитория студентов превышала мужскую. Слушательницы, посещающие курс лекций Ханса, без стыда устраивались в первых рядах и не сводили с него глаз на протяжении всего доклада. И поэтому, чтобы не встречаться с ними взглядом, он выбирал себе какую-нибудь нейтральную точку. Вначале он был удивлен такой любовью к исчезнувшей хеттской цивилизации. Один из его коллег посмеивался: «Да ладно тебе, не скромничай! Они приходят взглянуть на искателя приключений. Журналисты рассказывают как о твоих исследованиях, так и о подвигах в пустыне. И поскольку у тебя еще и смазливая внешность, то ты намного лучше, чем сеанс в кинотеатре!»

В преподавательской Ханс приготовил себе кофе из зерен, принесенных из дому, и занялся просмотром своих записей. Он старался обращаться к конспектам как можно реже. Как правило, он зачитывал перед аудиторией лишь цитаты исследователей.

Ханс подкурил сигарету. Начинался снегопад. Не было и трех часов дня, а машины уже ездили с зажженными фарами.

Подойдя к аудитории, Ханс услышал гомон, как в воскресный день. Его ожидало около двух сотен человек. От неуверенности пересохло во рту. Мужчина остановился, пульс бился чаще, чем обычно. «Хоть бы не заболеть!» — подумал он, взывая к хеттским богам. Затем решительным жестом толкнул дверь и вошел по ступенькам на кафедру. И все то время, пока он раскладывал на столе свои записи,

включал лампу и откашливался, в аудитории царила почти религиозная тишина.

Говорили, что у Ханса был исключительный ораторский голос, мелодичный и ритмичный. Но именно его страсть к теме лекций восхищала слушателей. На эти два часа жители Берлина могли забыть обо всех своих неурядицах. Ничто не могло устоять перед солнечным миром Малой Азии, перед ее воинами, которые безраздельно правили в Анатолии более двух тысячелетий. Ханс оживлял города-крепости, воспевал технику производства железа, торговлю и религию. Он воскрешал их пантеон, богов Солнца, Грозы, Луны. Стояла такая тишина, что можно было бы услышать полет мухи. Лишь приступы кашля возвращали слушателей в реальность. Зал не отапливался, но кого это волновало! Они слушали знаменитого Ханса Кестнера, и никто не уходил разочарованным. Этот человек жил своей темой, он был словно одержим ею. Он выходил за рамки обычной археологии. Восток всегда производил магнетическое воздействие на интеллектуальную элиту Германии, кроме того, жители Анатолии были союзниками в недавней войне. Унизительное поражение и позорные условия мира, установленные так называемыми мирными соглашениями, были близки и северянам, и южанам. Судьба погибающей Османской империи не была здесь никому безразлична.

После лекции зал взорвался аплодисментами. На последних рядах свистели от восторга. У растерявшегося Ханса возникло впечатление, будто он вышел из транса. Осознав, настолько он погрузился в рассказ, преподаватель смущенно улыбнулся. У кафедры уже выстроилось несколько человек с его последней книгой в надежде на автограф. Он вдруг понял, что устал и голоден. После завтрака, который состоялся на рассвете в еле отапливаемой

квартирке, во рту не было ни крошки. Зато благодаря популярности Ханс мог сотрудничать со специализированными журналами, что и составляло его скудный заработок.

Кто-то молча протянул книгу для автографа. При виде руки в перчатке немец поднял глаза. Словно земля ушла из под ног.

Лейла расхохоталась, наблюдая его замешательство.

Они спешили по улице, прижавшись друг к другу и защищаясь от снежной вьюги. Ханс как мог закрывал Лейлу под зонтом с погнутыми спицами, который одолжил у университетского сторожа. Мужчина еле сдерживался, чтобы не расцеловать ее просто на улице. Он отвел Лейлу в маленькую таверну с темными деревянными панелями, куда иногда заходил после лекций. Они устроились в глубине зала. Ханс прижал свои колени к коленям Лейлы. Шляпка-клош скрывала волосы турчанки, зато подчеркивала нежность розовых щек.

— Не могу в это поверить, — прошептал он. — Что ты делаешь в Берлине? И как ты меня нашла?

— Орхан подсказал, где тебя искать. Он же здесь учился, ты помнишь? Мой младший брат знает все закоулки университета Фридриха Вильгельма, — пошутила она. — Я не была уверена, что ты в городе, но когда наткнулась в газете на объявление о семинаре, то поняла, что удача мне улыбнулась.

Неожиданно она подскочила оттого, что ватага студентов с раскрасневшимися от мороза щеками шумно ввалилась в трактир.

Ее смущало и в то же время очаровывало окружающее оживление. Молчаливые рабочие с уставшими лицами сидели рядом с молодыми стенографистками, у которых были короткие стрижки и ярко накрашенные губы. Это было

время отдыха, когда можно громко поговорить, выпить и временно забыть о своих заботах.

Ханс был удивлен, что Лейла согласилась выпить с ним в кафе. Этот мир был настолько далек от того, к чему она привыкла... Ему хотелось защитить ее, покрыть поцелуями с ног до головы.

— Мне так тебя не хватало, — призналась она, едва коснувшись его пальцев. — Было очень трудно, когда я не могла ни поехать к тебе, ни поговорить с тобой.

— Мы сами так решили, — ласково напомнил он ей. — Я каждый день о тебе думал... Как себя чувствует Перихан?

Лейла застыла.

— Боже правый, что случилось? — встревожился Ханс и сжал ее руку.

— Менингит...

Ее боль пронзила и его. В одно мгновение у его любимой потух взгляд, она вся съежилась на стуле. Она оказалась такой уязвимой, что он испугался.

— Она умерла еще до того, как я успела вернуться, — сказала она дрожащим от волнения голосом. — Меня не было рядом с малышкой, когда я была так нужна.

Лейла смахнула слезы. Боль была такой же острой, как в первый день. Она снова встретилась с Хансом и доверилась тому, кто был не просто любовником, но также другом. Ханс внимательно слушал Лейлу. Она еще никогда не видела такого понимания у слушателя. Ею овладело странное сладко-горькое облегчение. Чувства были в беспорядке, поэтому Лейла говорила бессвязно. Она рассказала о Селиме и Нилюфер. О своем унижении. О жажде независимости. Описала растерянный взгляд Ахмета, тревогу маленького мальчика от мысли, что он всех потеряет. И в конце каждой фразы было имя Перихан, словно на-

вязчивая нота бесконечной симфонии. Она рассказала о своих сомнениях и страхах. О последних конвульсиях Турции и рождении нового мира, что и привлекало, и пугало ее. Затем с печальной улыбкой напомнила ему о своем обещании, которое дала в Ангоре, — найти способ вернуться к нему.

— Но я уже вовсе не та, понимаешь? Вместе со смертью ребенка умерла часть меня.

Он долго хранил молчание, и она была признательна за то, что он не говорил пустых слов.

— Если бы мне было дано, я бы забрал твою боль и понес вместо тебя, — пылко произнес он. — Не могу смотреть, как ты страдаешь. Пусть простит меня Господь, но я люблю тебя, я так тебя люблю...

У Ханса голова шла кругом. Он до сих пор не мог поверить, что перед ним Лейла, здесь, в берлинской таверне, где пахнет влажной шерстью, сигаретами и пивом. Вокруг них бушевали войны, революции, царила беспросветная нужда, и среди этой разрухи он цеплялся лишь за эту страсть, которую внушала отважная женщина, разрушившая все запреты, чтобы приехать к нему.

Они с мужем остановились в гранд-отеле «Адлон» рядом с Брандебургскими воротами. Селим-бей должен был выполнить деликатную дипломатическую миссию, и Лейла согласилась поехать с ним при условии, что будет свободно передвигаться по столице, как европейская женщина. Супругу было трудно на это решиться, но здесь, вдалеке от матери, он позволил втянуть себя в игру. Ханс улыбнулся. Он знал Лейлу такой — свободной и следующей своим желаниям. Настоящей анатолийской женщиной.

— Чем я могу тебе помочь? — спросил он. — Чего ты от меня ждешь?

Желание прижаться к нему было настолько сильным, что она задрожала. Хотя еще несколько часов назад она цепенела от мысли, что скоро его увидит. Здесь Ханс был археологом и уважаемым лектором. Накануне во многих газетах появилась его статья о привезенных в Берлин на реставрацию двух хеттских сфинксов. Там, в амфитеатре, она гордилась его невероятно интересным докладом и тем, как представительно он выглядит. Молодые элегантные берлинки, поспешившие к нему в конце лекции, немного ее смутили. Она даже подумала, что не может сравниться с такими современными дамами. На долю секунды ей захотелось убежать.

Окружающая суета постепенно исчезала. Теперь весь мир для нее сводился к руке Ханса, его лицу, которое она желала ласкать, к его губам, которые хотела целовать. И это желание понемногу приводило ее в себя, пробуждало притупленные чувства.

— Не знаю, что со мной будет завтра, но я бы хотела, чтобы ты стал частью моей жизни, — призналась Лейла.

Ханс, который так боялся, что никогда не увидит любимую, чуть не взлетел от порыва счастья. Через несколько дней после их расставания на черноморском берегу он, обезумевший от волнения, подумывал отправиться в Стамбул. Но почему-то не мог избавиться от чувства, что не имеет права отбирать Лейлу у супруга. Он также боялся писать, не желая доставлять ей неприятности. Только Лейла, только она сама, должна решить судьбу их любви.

Несколько недель без новостей он безропотно смирился. Впервые в жизни Анатолия его ранила. Он больше не находил поддержки в этой суровой природе, ведь здесь все напоминало о Лейле. Боль стала невыносимой. В период нескончаемых сражений он даже думал, что смерть могла бы стать облегчением. Ханс был ранен осколком в ногу

и решил вернуться в Берлин. Он снял жилье недалеко от Курфюрстендамма. Удивительно, но против всех ожиданий Лейла сдержала свое обещание. Ее смелость преодолела расстояния.

В таверне было шумно. Ханс поднес руку Лейлы к губам, затем ко лбу. Что он мог ей предложить? Ничего, кроме своей жизни и имени. Возможно, ее муж когда-нибудь и согласится на развод и тогда они смогут быть вместе. Однако он знал: чтобы жить с этой женщиной, он должен отказаться от своей религии и принять ислам. Лейла не выйдет замуж за неверного. Да и он никогда ее об этом не попросит.

Лейла переняла энергичную походку берлинских женщин. Ее каблучки звонко стучали по ступенькам, когда она вошла в метро, чтобы ехать к Хансу. Обычно она покупала в бакалейной лавке бутылку вина, иногда какие-нибудь сладости. Лейла шутила с торговцами. Вежливо приветствовала привратницу, которую приручила, преподнося ей время от времени букет фиалок. Если Ханса не было дома, женщина открывала дверь своим ключом, растапливала печь и устраивалась в кресле читать, накинув на плечи шаль. Преподавателя не нужно было долго ждать. Обычно, переступив порог, он швырял сумку на стол и раскрывал объятия. Затем отводил ее в комнату, где они неутолимо и ненасытно занимались любовью, отгородившись шторами от серых улиц.

Он всегда настаивал на том, чтобы провести ее к «Адлону», однако не приближался к входу. Она оборачивалась, чтобы увидеть его под липами: поднятый воротник пальто, руки в карманах. Ханс завидовал Селиму, но не говорил об этом с Лейлой. И женщина была ему благодарна. Их связь должна быть счастливой. Она не хотела, чтобы ее омрачали тучи.

Однако как не думать о будущем? Ей еще нет и тридцати. Она желала ясной, без всяких жалких тайн, жизни. И хотела иметь детей от любимого мужчины. Ханс не скрывал своих намерений принять ее веру и жениться на ней. Это было серьезное решение, и его искренность крайне тронула молодую женщину. Они будут жить в йали, пылко говорил он, убежденный, что они оба не выдержат разлуки с Босфором. Он будет заниматься раскопками в Хаттуша и работой в стамбульском музее. Слушая, как он описывает идиллическую картину, Лейла убеждалась, что все возможно и очевидно. Но такой энтузиазм иногда пугал суеверную турчанку, которая предчувствовала, что придется еще преодолеть множество преград.

После смерти Перихан Лейла стала намного более робкой с Селимом. Она боялась причинить ему боль, хотя и считала себя свободной от брачных уз. Она также боялась упрямства супруга. Лейла приняла под своей крышей Нилюфер, но муж по-прежнему был очень привязан к старшей жене. Вторая жена разочаровала его. Слишком мягкая и покорная, недостаточно образованная, она начала ему надоедать. Супруг никогда не подарит Лейле свободу по своей воле. Придется заставить его, а эта мысль очень ей не нравилась.

— Похоже, тебе нравится в Берлине, — улыбнулся Селим, надевая смокинг. — Ты не устаешь бегать целый день по городу?

Они были приглашены на прием в шикарную виллу в район Далем. Лейла развернулась к зеркалу поправить парчовый тюрбан, проверила, чтобы прямое шелковое муслиновое платье, вышитое жемчугом, закрывало щиколотки. Она будет среди самых элегантных женщин.

Иногда случалось, что она не узнавала себя в зеркале, словно ее тело пропиталось западной яркостью. Она сияла, и это было заметно. Возможно, даже слишком.

— Здесь столько интересных вещей, — рассеянно ответила Лейла.

— Ты не скучаешь?

— Я постоянно в поиске сюжетов, которые будут интересны моим читательницам. Многие берлинские женщины согласились принять меня и ответить на мои вопросы.

Лейле немки казались экзотичными и обаятельными. Они ходили по большим великолепным магазинам, работали в зданиях, холлы которых были украшены мрамором и сталью, обедали в ресторанах. Они свободно высказывались, имели право голоса. У них были короткие стрижки с завивкой, ногти, покрытые ярко-красным лаком. По ночам они курили сигареты и танцевали до рассвета.

— Они просто-напросто похожи на жительниц Пера, — пробурчал Ханс.

— Вовсе нет! У нас женщины застряли в прошлом веке. А берлинские дамы свободны, понимаешь? По-настоящему свободны.

— И это явно тебя восхищает.

Как отрицать очевидное? Да, она счастлива находиться в Берлине! Совершенно неожиданно этот город вернул ее к жизни. Ее даже не пугала нищета. Ханс водил ее по лабиринтам жалких улочек позади Александерплац. Бородатые евреи в бархатных ермолках напомнили ей Восток. В Шарлоттенбурге русские открыли такие же рестораны, как в Пера. В кабаре Курфюрстендамм танцевали обнаженные девушки. Здесь же употребляли кокаин.

— После войны мир изменился, — объявила Лейла. — И мы не сможем вернуться назад.

Селим еще никогда не видел жену такой красивой и сияющей. Обеспокоенный, он почти сожалел, что предложил ей сопровождать его. Безусловно, он хотел поблагодарить ее за благосклонность по отношению к Нилюфер, но на самом деле он больше всего боялся остаться один. Потеря Перихан стала для него глубокой душевной травмой. От горя он и сейчас иногда просыпался по ночам. И если обстановка в его кошмарных снах менялась, то исход был одним и тем же: его малышка умирала у него на глазах, моля о помощи.

Ему вдруг стало душно, и, немного повозившись с ручкой, он распахнул окно. Секретарь выглянул наружу и вдохнул влажный мартовский воздух. У него на лбу выступила испарина.

— Ты плохо себя чувствуешь? — спросила Лейла, положив руку ему на плечо.

Он закрыл глаза, собираясь с мыслями.

— Все в порядке... Просто сегодня утром меня ошарашила новость об убийстве Талаат-паши. Странно, не правда ли?

Бывший министр внутренних дел османского правительства, который скрывался в Берлине от преследований, среди бела дня был убит выстрелом из револьвера.

— По-видимому, убийцей оказался молодой армянин, который хотел отомстить за изгнание своего народа, — сказала Лейла.

— Я понимаю его поступок, но и осуждаю его. Куда катится мир, если мы занимаемся самосудом? Ты готова, любовь моя? — добавил он веселее. — Ты великолепна. Я вижу, что с приездом в Берлин ты расцветаешь, как роза. Я должен волноваться?

Под зазорным тоном скрывались серьезные нотки. Селим пристально на нее смотрел. «Подозревает ли он меня

в чем-нибудь? — задалась Лейла вопросом. — Это невозможно!» Он слишком занят. Она может свободно передвигаться по городу. Эта опьяняющая независимость! Неужели при всем при этом они с Хансом недостаточно осторожны? У нее по спине пробежал холодок. Внезапно появилось ощущение, что вокруг горла стягивается узел.

Граната взорвалась как раз в тот момент, когда они собирались сесть в такси. Лейла лишь заметила белую вспышку. От страшного шума у нее лопнули барабанные перепонки, и ее отбросило ударной волной на тротуар.

Лейла пришла в себя, лежа на земле. Кто-то легко хлопал ее по щекам. Ошалевшая, она заметила на своем пальто и белых перчатках пятна крови. От такси осталась груда дымящегося металла, вокруг которого бегали люди с огнетушителями. Она хотела позвать Селима, но не смогла выговорить его имя. Двое лакеев помогли ей подняться. Они несли ее внутрь, и у них под ногами скрежетало разбитое стекло.

— Где мой супруг? — наконец сипло произнесла Лейла.

Ее устроили в кресле рядом с фонтаном. От любопытных взглядов ее скрывали ширмы. Из раны на лбу сочилась кровь. У нее сдали нервы, и она дрожала, словно ее лихорадило. Врач поспешил осмотреть женщину. Несмотря на невыносимый гул в ушах, ей удалось услышать то, что он говорил.

— Мадам, вам нужно наложить швы.

— Мой муж? Что с ним?

— Его отвезли в госпиталь. Его ранило.

— Я должна его увидеть!

Когда она попыталась встать, врач обхватил ее за плечи.

— Мы вас проведем, мадам. Но позвольте сначала обработать раны. Прошу вас, доверьтесь мне!

От ужаса подкосились ноги, и она снова рухнула в кресло. Лейла догадывалась, что это нападение было связано с убийством Талаат-паши. Неужели эти люди займутся всеми турками, которые находятся в Берлине? В газетах говорилось о визите дипломата Селим-бея Эфенди с супругой. Их фотографировали на официальных приемах. Когда они шли к такси, Селим был на несколько шагов впереди. Был ли он жив? И если покушение не удалось, будут ли убийцы разыскивать его в больнице?

— Предупредите Ханса Кестнера, археолога! — приказала она слабым голосом. — Пусть ему доложат, что случилось!

Горничная поторопилась передать сообщение консьержу. Успокоившись, Лейла позволила врачу позаботиться о себе. Она была в шоке и почти не чувствовала, как зашивали рану.

Она сидела в темном коридоре огромного госпиталя, на ней по-прежнему было вечернее платье и повязка на лбу. Вокруг метались медсестры, не обращая на нее внимания. Приехав сюда, Лейла заметила палату для малоимущих. Это был настоящий двор чудес. Время от времени мимо пробежали хирурги в белых халатах. Она не решалась их окликнуть и продолжала сидеть, съежившись на стуле, парализованная страхом. В ней проснулись все черты скромной молодой османской женщины. Шум, запахи йода и камфары, металлический тембр немецкого языка угнетали ее. Она чувствовала себя потерянной.

— Лейла! Что случилось?

Сжимая в руке фетровую шляпу, к ней спешил Ханс. Она чуть не потеряла сознание, насколько сильно было ее облегчение.

— Что произошло? — испуганно спросил он, заметив кровь на ее платье. — Ты ранена?

— Покушение... на Селима.

— Господи! — воскликнул он, шокированный. — Как он?

— Как раз этого я и не знаю, мне сказали ждать здесь. Я не понимаю, что происходит.

На глаза навернулись слезы бессилия. Ханс отправился все разузнать. Он говорил, размахивая руками, требуя объяснений, которые ему в конце концов дали. Лейла не сводила с него глаз. И ей стало страшно, когда она увидела, как напряглось его лицо.

— Он мертв? — оцепенев от ужаса, спросила Лейла, когда он сел рядом с ней.

— Нет, его жизнь вне опасности.

Он не решался продолжить, и тогда она вцепилась в его руку.

— Ханс, скажи мне правду!

— От взрыва его глаза серьезно пострадали, и операция оказалась очень сложной, но хирургу удалось извлечь все осколки.

— И?.. — требовала она объяснений.

Ханс наконец посмотрел ей прямо в глаза.

— Повреждения очень глубокие. Есть опасение, что Селим останется слепым.

У нее вырвался стон. Он сжал ее в объятиях.

— Это еще не окончательный диагноз, моя милая! Есть небольшая надежда. Нужно подождать, пока снимут повязки. Все прояснится через несколько дней.

В ужасе от этого известия она рыдала, уткнувшись ему в плечо.

— Операция окончена. Он под наркозом, но ты можешь его увидеть. Кроме того, тебе незачем оставаться здесь на всю ночь. Я отвезу тебя в «Адлон», и мы вернемся сюда завтра утром.

Он говорил твердым, не оставлявшим выбора тоном. Почувствовав облегчение от того, что мужчина контролирует ситуацию, Лейла молча и послушно последовала за ним в палату. На глазах Селима была толстая повязка. Она вздрогнула, когда заметила, что мужу сбрили усы, чтобы обработать раны. На израненном лице губы вырисовывались бледной полосой. У него были ожоги на груди и руках. Впервые Лейла видела его таким беззащитным. В одно мгновение мужчина, исполненный уверенности, превратился в хрупкое беспомощное существо. Разрываемая состраданием, нежностью и страхом, она погладила его по руке, нашептывая, что все будет хорошо, что он не должен бояться. Селим не реагировал. Когда в дверях появилась медсестра, Лейла наклонилась и поцеловала мужа в щеку.

В коридоре она растерянно посмотрела на Ханса. Он укутал ее в пальто, взял под руку и повел к выходу. В такси они молчали, просто рассматривали, как мерцают огоньки в густом тумане. Они, словно чужие, не прикасались друг к другу, погруженные в свои мысли.

Ханс так боялся потерять Лейлу, что думал, сойдет с ума. Их будущее теперь стало еще более неопределенным, поскольку зависело от состояния Селим-бея. Она никогда не оставит больного мужа, тем более слепого. Он зажег сигарету, прогоняя чувство тошноты, проклиная этот удар судьбы, откинувший его на край жизни. Лейла повернулась к нему. Тревогу Ханса выдавали крепко сжатые челюсти, тогда как в ней росло удивительное спокойствие. Зачем сопротивляться судьбе? Чтобы перенести

новое испытание, она должна довериться Провидению. Это было учение предков Востока. Ее народа. Ее веры.

Лейла черпала из этого новую решительность, храбрость. Она вложила свою руку в ладонь Ханса. Парадоксально, но в этот столь печальный момент ее жизни она впервые почувствовала себя в мире с собственной совестью. Она ни от чего не отказывалась, несмотря на то что ее время, время ее сердца, пока не наступило. Она должна была быть терпеливой. При мысли о том, что ей придется жить с Селимом-инвалидом, Лейла затрепетала. Но как позволить себе жить счастливо, если она покинет мужа прямо сейчас? Лейла-ханым приветствовала западное современное мышление, свободу самовыражения, но отбрасывала эгоизм. Она навсегда сохранит восточную чувственность и искренность.

— Я хочу провести эту ночь с тобой, — заявила она, застав Ханса врасплох.

— Но твой муж?

— Я выполню свой долг перед Селимом. Останусь ему преданной столько, сколько он будет во мне нуждаться. Я знаю, что ты меня понимаешь. Но в эту ночь я хочу быть твоей. Мы должны отдать этот долг своей любви, — заверила она, целуя его руку. — Ханс, я люблю тебя, никогда в этом не сомневайся.

Городские огоньки, мелькая, освещали израненное лицо Лейлы. Полная воодушевления, она была одновременно красивой и трагичной. Сердце Ханса колотилось. Он знал, что оказался в тупике. Но он не опустится до того, чтобы умолять любимую строить жалкие планы на будущее и требовать вверить Селима заботам семьи. Это оскорбило бы Лейлу и стало бы доказательством, что он ничего не знает о женщине, которой предан телом и душой. Он нежно обнял ее.

Она казалась такой хрупкой. Ему еще столько нужно было ей сказать. Им предстоит еще много чудесных мгновений. Он поцеловал ее в губы, щеки, шею. Значит, они в последний раз займутся любовью в его спартанской комнате. Потому что она так решила. Они будут любить друг друга, не зная, прощаются ли. Их ласки будут нежными и отчаянными, а влечение — таким же ненасытным, как в первый раз. И будет острое, как лезвие, наслаждение, и безумное счастье.

Стамбул, июнь 1921 года

Звучный голос Селима разносился далеко вокруг. В такие моменты юные служанки конака избегали хозяина, прикрываясь концами вуали, будто защищаясь от его ругательств. Гюльбахар-ханым выражала безразличие, не желая ничего знать о капризах сына. Лишь Ахмету удавалось успокоить отца, который не любил обнажать перед мальчиком ни свою слабость, ни страх.

— Даже речи быть не может о том, чтобы я отправился в йали, ты меня слышишь? — бушевал Селим.

— Да, я тебя слышу, — покорно подтвердила Лейла.

Ее супруг больше не мог ни читать по выражению лица, ни предугадывать реакцию по телодвижениям. Нужно было прилагать все усилия и говорить с ним как можно более четко и понятно, чтобы он случайно не увидел в речах смысл, который говорящий вовсе не вкладывал, и чтобы не чувствовал себя обманутым или оскорбленным. Это изматывало. Но, увы, это была жестокая реальность и правило жизни с молодым и полным сил мужчиной, который внезапно стал беспомощным инвалидом.

— Но ты, конечно, поезжай! Я прекрасно справлюсь здесь один. Понятно?

— Понятно.

Лейла наблюдала, как солнечный свет заливает сад. Еще никогда цветы не казались ей такими красочными, а Босфор — таким пронзительно синим. Природа словно издевалась над Селимом, чей мир навсегда стал мрачным и бесцветным. У Лейлы сжималось сердце. Ей было жаль мужа, жаль саму себя за то, что приговорена удовлетворять прихоти инвалида, который принимает в штыки малейшее возражение. Что касается Нилюфер, то она боялась досадить мужу и бродила по дому, как призрак.

— Я останусь здесь, — настаивал Селим, стуча тростью по полу беседки.

После покушения он заметно осунулся. Следы ожогов на теле сошли, но след от осколка на щеке останется навсегда. С момента возвращения из Берлина Лейла вела ежедневные битвы с упрямым мужем. Супруги провели целый месяц в немецкой столице в ожидании, пока зарубятся раны.

Когда хирург сообщил Селиму новость, тот замкнулся в себе. Единственным желанием секретаря было как можно быстрее вернуться домой. Он решил покончить с собой. Лейла строго следила за ним в течение нескольких недель, терпела его оскорбления и удары, которые он наносил, когда отбивался, опасаясь неизвестно чего. По ночам он рыдал от гнева и беспомощности. Свекровь была убита горем, поэтому молодая женщина сама занялась организацией жизни в доме, и все постепенно пошло как по маслу. По негласному приказу Лейлы хозяин не должен был оставаться один. Ни на минуту. Она наняла широкоплечего лаза — то ли для защиты Селима от окружающих, то ли от самого себя. Бироль являл собой красочный образ: черная туника, сапоги горца, кинжал на поясе. Лицо украшали пышные усы. Его преданность и терпение успокаивали

Селима. Лейла не теряла надежду, что однажды муж все-таки решится проехать по городу вместе со своим телохранителем. Надежда на подобие возвращения к нормальной жизни.

Споры супругов становились все резче и язвительней. Больше двух месяцев она терпела длинную и скучную череду жалоб мужа. Ее жизнь стала, как шагреневая кожа. После того как она испробовала вино свободы в Ангоре и Берлине, Лейле казалось, что она задыхается. К счастью, писательская деятельность стала для нее спасением. Многочисленные письма читателей, которые ей пересылал главный редактор, говорили о ее возрастающей популярности. Опустив плечи, она глубоко вздохнула.

— Что-то не так? — вдруг спросил Селим, который теперь реагировал на малейший звук.

— Нет. Просто я устала.

— Я тоже! У меня и так достаточно забот, а ты ищешь причины, чтобы мне досадить.

— Это было всего-навсего предложение! — взорвалась она. — Я думала, что недолгое пребывание в йали пойдет тебе на пользу.

— Я только начал ориентироваться в доме, а ты хочешь лишиться меня этого, — взбесился Селим. — Это глупо! Ты определенно ничего не понимаешь!

Задетая, она поджала губы.

— Селим, ты несправедлив. Я забочусь о тебе и стараюсь изо всех сил. Как, впрочем, и все домочадцы. Ты не мог бы выразить хоть немного признательности, хотя бы раз?

— И что потом? Здесь я — слепой, а не вы! Но я могу уменьшить твои страдания и согласиться на развод, если мое присутствие для тебя невыносимо. В любом случае, ты ведь именно этого хотела, не так ли?

Он скреб пол тростью.

— Я знаю, как ты меня смотришь, — продолжил он, махнув рукой в ее сторону. — Я это чувствую. Я не хочу твоей жалости, Лейла, ты меня слышишь? Я потерял зрение, но не гордость. Убирайся! Я возвращаю тебе свободу. Делай с ней, что хочешь!

Он споткнулся, подойдя к трем небольшим ступенькам. Лейла инстинктивно протянула руку, чтобы его удержать, но Селим ухватился за поручни. Он выпустил трость, затем отыскал ее наощупь. Лейла знала, что не должна вмешиваться. Это только все ухудшит. Из тени вынырнул Бироль и поспешил на помощь хозяину. Селим двигался неуверенно, его тощая фигура казалась совсем хрупкой по сравнению с великаном лазом. Молодая женщина дождалась, пока они исчезнут в конце дорожки, и разразилась рыданиями.

Лейла горько плакала, лежа на подушках. Разве она могла догадаться, что это будет настолько больно и обидно? День за днем, час за часом. Она жила в страхе услышать резкое замечание, стать объектом беспричинной злобы мужа. Разделяла с Селимом унижение, когда он наталкивался на диван или переворачивал еду. Читала ему книги, когда он страдал бессонницей. Он был весь усыпан синяками и ссадинами и полностью зависел от нее, даже если и отрицал это. Он теперь был жертвой и мог все себе позволить. А Лейла не имела возможности сосредоточиться ни на чем другом.

Запах табака сообщил о чьем-то присутствии. Она выпрямилась. Внизу, у ступенек стоял Луи Гардель, потрясенный тем, что застал ее в таком жалком состоянии. Он на мгновение заколебался, но затем присел рядом. Лейла утирала слезы, и он извинился, что не может предложить ей носовой платок.

— Лучше сигарету, — сказала она.

Луи дал ей время прийти в себя. При первой встрече она показалась ему высокомерной и загадочной. Теперь они беседовали с дружеской фамильярностью.

Француз открыл в турчанке естественную искренность. После возвращения из Берлина она перестала закрывать лицо, лишь прятала волосы. Она предпочитала короткие куртки с украшенными вышивкой фалдами или шелковые блузы с длинными узкими юбками. Любила дополнять наряд жемчужными колье. С ноткой восхищения он подумал, что эта молодая жительница Стамбула удивительно современна.

— С ним всегда сложно, не так ли? — сочувственно спросил Луи.

— Невыносимо.

— Мне жаль. Я пытался с ним поговорить, но он не желает ничего слышать. Он до сих пор не успокоился.

С момента возвращения супругов в Стамбул Луи не раз искал встречи с Селимом, но тот постоянно отказывался. Не теряя надежды, француз несколько дней подряд настаивал на разговоре, пока Селим не сдался. С тех пор Луи навещал его так часто, как мог. Они беседовали о текущих делах, капитан пытался заинтересовать друга ходом переговоров между Францией и Мустафой Кемалем, но Селим злился и на тех и на других, считая дураками всех без исключения, даже советников и секретарей султана.

— Как вы его выносите? — прошептал Луи.

Впервые о ней кто-то побеспокоился. На глаза вновь навернулись слезы. Она затянулась сигаретой.

— Вы не ответите? Знаете, я вами восхищаюсь.

— Это бесполезно. Я лишь выполняю свой долг. А вы нет?

Он глянул на нее краем глаза. Она была напряжена, с непроницаемым лицом. Она не заслуживала такого наказания.

— Перед тем как уехать, Роза вам все рассказала. Значит, вы знаете о моей супружеской измене. Лейла-ханым, я вам и в подметки не гожусь.

Вдали прозвучал глухой звук горнов. Луи не стыдился говорить с Лейлой о любовнице. Турки не считали секс аморальной темой.

— Вы никогда не чувствуете себя одиноким? — внезапно спросила она с потерянным и затуманенным взглядом.

— Нет. У меня свои средства против одиночества, но я вам их не советую.

— В таком случае я вам завидую. Я всегда чувствовала себя одинокой рядом с Селимом. Знаете, что я хотела развестись?

Вернувшись из Берлина, Лейла неожиданно обнаружила, что мужчина может быть настоящим другом и сексуальное влечение не мешает этому. Ее характер гармонировал с характером Луи. И она нуждалась в друге.

— Если вы передумали, то в конце концов вы возненавидите его.

— Селим всегда был эгоистом. А недуг сделал его еще хуже. И теперь я иногда его ненавижу. Это низко, не так ли?

— Я бы сказал, это естественно. А Нилюфер-ханым? — осмелился спросить Луи, все же опасаясь задеть Лейлу. Женщина улыбнулась, задержав в легких дым.

— Это ребенок. Если бы Селим был здоров, она бы не сумела постоять за себя. Мне жаль малышку, потому что она не понимает, что плохого она ничего не делает. К счастью, Селим чувствует ответственность за ее будущее и никогда не отречется от нее. Но он уже устал от Нилюфер. Как вы от Розы... Что с ней теперь?

Луи молча достал из кармана письмо и протянул Лейле. Раз в неделю он получал от жены письмо. К его огромному удивлению, Розе понравился Измир. Луи думал, что она

некоторое время подуется и вернется к нему или во Францию. Не посоветовавшись с супругом, она записала Марию в местную школу и не сообщала, когда вернется. Казалось, мадам Гардель пришлось по вкусу жизнь в левантийском городе. В этом, конечно, сыграла немаловажную роль ее старшая сестра.

— Думаю, она довольна. Роза чувствует себя полезной. Предполагаю, что Мария также приложила усилия, чтобы остаться. Вероятней всего, дочке, как и мне, нравится путешествовать. Может, она тоже станет искательницей приключений, — пошутил он.

— Это расстроит Розу. Она мечтает, чтобы ее дочь вышла замуж, родила ребенка и стала хозяйкой милого французского дома. Ахмет с удовольствием женился бы на ней, — улыбаясь, добавила Лейла. — Мария — его первая любовь.

— Я был бы польщен, поскольку очень привязан к вашему сыну, — весело ответил Луи. — Нужно будет поддерживать отношения наших детей, как вам кажется? Все усложнится намного позже.

Луи был поражен тем, что Лейла с ним так откровенна, несмотря на обстоятельства. Он был глубоко ранен бедой Селима, и мысль о том, что супруга может бросить его турецкого приятеля, приводила капитана в отчаяние. Без Лейлы Селим совсем пропадет.

— У Селима должно все наладиться, — заверил он почти убедительно. — Это смелый человек. Когда он преодолевает первый страх и неприятие реальности, он снова обретет некое спокойствие, и ваша любовь возгорится с новой силой. Вы так не считаете?

Она грустно улыбнулась, тронутая наивностью француза. Покушение усложнило уже и так мертвые отношения, добавив гибельное чувство сострадания. И Селим это пре-

красно понял. Он был намного проницательнее, чем хотел казаться.

— Нет, я так не думаю. Жалость — это могильщик любви. И потом, женщины тоже могут любить несколько раз в жизни, — вызывающе добавила она.

Гардель был озадачен. Неужели Лейла в кого-то влюблена? Но где бы турчанка встретилась с женщиной? Она вела затворническую жизнь. Луи отметил у себя мимолетный порыв ревности.

— Я должна вас покинуть, — произнесла женщина, отдавая письмо Розы. — Вы сейчас к Селиму? Ваши визиты для него, как свет.

— К сожалению, я должен присоединиться к своим людям. Мы на рассвете отплываем в Анатолию. На меня возложили задачу доставить туда несколько французских граждан. Начались некоторые разногласия с Мустафой Кемалем.

Глаза Лейлы заблестели. Похоже, в дипломатическом плане ветер повернулся в пользу националистов. В начале года победа турок над греческими войсками в сражении при деревне Инёню подтолкнула французское правительство серьезно рассмотреть сближение с правительством Ангоры. Волнения в оккупированной французами Киликии, а также в Мосуле и Месопотамии, готовность советской власти договориться с Мустафой Кемалем спровоцировали страны Антанты пересмотреть условия Севрского договора.

— Как же вам повезло! — воскликнула молодая женщина, когда они вместе подходили к дому. — Я вам так завидую...

Она подумала о Хансе, который, вероятно, находился именно там. После последней их совместной ночи он сообщил ей, что возвращается в Анатолию и будет сражаться

на стороне турок. Она была против, не хотела, чтобы любимый подвергал себя опасности, желала, чтобы он оставался в Берлине, но Ханс не принимал возражений. «По крайней мере, я буду на той же земле, что и ты», — заявил он.

— Вы считаете, что мы победим? — вдруг спросила она с детским нетерпением.

Луи пожал плечами.

— Ситуация еще крайне нестабильная. Греки до сих пор считают себя победителями, и они превышают вас по численности и по вооружению. Единственная для них помеха — то, что они потеряли поддержку союзников после отстранения от дел премьер-министра Венизелоса. Теперь все зависит от выдержки и стратегического мастерства.

Они подошли к дверям гаремлика. Луи поцеловал руку Лейлы.

— Как всегда, на все Божья воля, — вздохнула женщина со смиренной улыбкой. — А время Господне нам не принадлежит, ведь так?

Ханс Кестнер лежал на животе, скрывшись за скалистыми насыпями. Глаза налиты кровью, на языке был горький привкус. Его униформа сливалась по цвету с камнями, а все металлические детали были навощены ваксой, чтобы не отблескивать на солнце. Неподвижно и молчаливо вот уже несколько дней он следил за неумолимым продвижением греческих войск к Ангоре. В одиночестве и постоянно настороже, он довольствовался припасами, которые смог с собой унести.

Колонны греческой армии пересекли пустыни и горы, чтобы взять турок в клещи. Но военный транспорт не выдержал условий степи. Теперь солдаты короля Константина продвигались на запряженных волами и верблюдами повозках в клубах пыли. «Как хеттские воины в былые времена», — подумал Ханс, наблюдая за медленным движением завоевателей.

Рискуя быть убитым или взятым в плен, он несколько раз приближался к пехотному отряду, чтобы оценить состояние угнетенных жарой, малярией и унылыми пейзажами людей. Их продовольственное снабжение было настолько беспорядочно, что им приходилось довольствоваться жареным маисом. У командиров были неточные карты.

Будучи знатоком местности, Ханс быстро догадался, что греки плохо здесь ориентируются. Но, несмотря на препятствия, они все же достигли сердца Анатолии, благодаря, в частности, речам командиров генерального штаба, напоминавшим о завоеваниях Александра Великого. Греческая армия вынудила Мустафу Кемалья отдать приказ об общем отступлении на триста километров. Кемаль обозначил последним ориентиром реку Сакарыю.

Стратегическое решение было весьма смелым. В случае поражения последствия могли быть катастрофическими. Однако нужно было идти на риск: Турция была в смертельной опасности. Менее чем в сотне километров Великая Национальная Ассамблея негодовала. А жители Ангоры паковали вещи и торопились в Кайсери или Сивас. Если древний город, символ национального сопротивления, будет завоеван греками, мечта свободной и независимой турецкой нации может рухнуть навсегда.

Ханс провел языком по сухим губам. Он составил представление о численности батальонов и стратегии офицеров. Пришло время возвращаться и доложить об этом. Он опустил голову на руки. Его изнеможенное тело весило целую тонну. До него доносились приказы, перекрикивающие скрип телег и бряцанье оружия. Вот уже несколько дней ему не давал покоя топот бесчисленных шагов. Какой нужно обладать смелостью, какая должна быть у турок вера в Провидение, чтобы не потерять надежду победить! Они получали от советской власти скудные партии оружия. Согласно приказу Мустафы Кемалья, вся страна поддерживала солдат, закон обязывал каждую семью передать властям пакет белья и пару обуви. Реквизировали также лошадей и волов, запасы кожи и масла. Каждый ремесленник работал на армию в соответствии со своими возможностями. Новобранцев призывали с минаретов.

Шли безжалостные дикие бои. Позади войск оставались разграбленные, сожженные, опустошенные села.

Когда Ханс наконец пошевелился, от него метнулась ящерица. Камни ранили его руки и рвали униформу, но он еще долго полз, опасаясь быть замеченным. Когда он был достаточно далеко, встал, проверил по компасу местонахождение и двинулся в путь.

Несколько километров Ханс продвигался размеренным шагом, движимый той же негибимой волей, которая неслала его через Аравийские пустыни во время Великой войны. Ему нечего было противопоставить суровой, выжженной солнцем земле — нечего, кроме терпения и смирения. Анатолия не была его врагом. Она удовлетворила его самые большие археологические мечты, открыла тайны, приучила к вкусу свободы.

Он посасывал камешек, чтобы выделялась слюна, и пытался сосредоточиться на неподвижной точке, которая была одновременно его надеждой и спасением. У него под веками танцевал облик Лейлы. Он решил вернуться в самый центр сражений, чтобы доказать себе, что достоин этой женщины. Он ненавидел войну, но приносил эту жертву так же беспрекословно, как приветствовал крестьянок, с которыми был знаком с детства, и османских преподавателей, которые великодушно приняли его. Теперь он не был чужим, неверным, он был бойцом, который использовал свои знания во имя победы кемалистской армии.

Вдруг Ханс оступился и тяжело рухнул на землю. Он не мог пошевелиться. В голове мерцали белые вспышки. Затем он перевалился набок, нащупал в кармане несколько липких фиников и насытился их сладостью. Часы остановились. По расчетам немца, нужно было пройти около часа, чтобы добраться до деревушки, где оставил коня.

Ханс встал на колени. У него кружилась голова. Но дышать нельзя, нужно передать сведения. Он боялся наступления темноты, потому что у него не было с собой ничего, чтобы идти во мраке. По такой неровной и скалистой дороге невозможно двигаться при свете луны и звезд. С ревом немец поднялся и двинулся дальше.

Два дня спустя Ханс наконец добрался до холма Алагёз, где в одном из глинобитных крестьянских домов Мустафа Кемаль разместил свой генеральный штаб. Он хотя и был провозглашен главнокомандующим и наделен многими полномочиями, но носил обычную солдатскую форму коричневого цвета без погон. У отступившей к верховьям реки турецкой армии появились преимущества, в частности благодаря доступу к железной дороге и источникам пресной воды. Лагерь мало напоминал военный. Не было суеты, как в разгар войны. Здесь можно было встретить кузнеца, крестьян в красных шароварах и синих куртках, а женщины с детьми на спинах перетаскивали на линию огня ящики с боеприпасами.

Ханс отпрапортовал Рахми-бею.

— Мустафа Кемаль обрадуется, когда узнает о позициях врага, — поздравил его генерал. — Он изучает положение наших подразделений, затем перемещает их с учетом слабых сторон противника. Если бы у нас были разведывательные самолеты, — озабоченно вздохнул он. — Друг мой, да ты бледен! Пойдем, я приготовлю тебе поесть.

Мужчины не виделись с тех пор, как Ханс в столице участвовал вместе с Рахми-беем в первых стычках восстания. Поджаривая на костре кёфте и помидоры, паша рассказал пару стамбульских анекдотов. Но это лишь сильнее расстроило Ханса.

— У тебя есть какие-нибудь новости о Лейле-ханым? — внезапно спросил он, забыв от усталости об осторожности.

Произнеся это, немец сразу же упрекнул себя за то, что выдал свой интерес к молодой женщине.

— До сих пор влюблен? — подшутил над ним Рахми-бей. — Ладно, ладно, не делай такой постной физиономии! Орхан сказал мне, что вы влюблены друг в друга. Это же не преступление! Она спасла тебе жизнь, это особенная женщина.

Ханс принял солдатский котелок.

— Не стоит все же считать нас импульсивными людьми, — запротестовал он. — Она замужем. Малейшие слухи могли бы стать ужасным оскорблением как для нее, так и для ее мужа.

Рахми-бей прислонился к дереву и подкурил сигарету.

— Не волнуйся, я буду нем как могила. Орхан утверждает, что у нее все в порядке, но Селим-бей изводит ее. Он стал вспыльчив. Бедняга, как можно его за это осуждать? Я бы лучше умер, чем остался слепым, — добавил он, передернув плечами.

Вдалеке были слышны артиллерийские залпы и стаккато пулеметов. Время от времени мужчины ощущали мощные толчки, словно от землетрясения. Несколько дней назад началось сражение, и повсюду среди скалистых плато грохотало эхо войны.

— Если греки продолжают нас обстреливать, то у них скоро закончатся боеприпасы, — заявил Рахми-бей. — Их линии снабжения слишком растянуты.

— Увы, мы обеспечены не намного эффективнее, — проворчал Ханс. — Не хватает людей, и наша артиллерия оставляет желать лучшего.

— Мы выкрутимся, — заверил турок тоном, не терпящим возражений. — Подразделениям отдан приказ противостоять до последнего человека. Мустафа Кемаль-

паша запрещает поступиться и пядью земли, если она не будет окрашена нашей кровью.

Инстинктивно их взгляды опустились вниз. Перед палаткой стоял ряд носилок. Хирург с суровым видом вышел покурить, его белый халат был багровым от крови.

— Слишком много потерь, — тихо произнес Рахми-бей. — Особенно среди офицеров. Я даже не решаюсь посчитать, скольких моих товарищей уже нет в живых.

Им подали кофе. Черные, как смоль, волосы турка были взъерошены, лицо испещряли глубокие морщины. Было видно, что он не спал несколько дней подряд. Он крикнул от удовольствия, смакуя напиток.

— Зачем ворошить память мертвых? — пробурчал он.

— Рахми, ты до сих пор веришь в победу? — поинтересовался Ханс.

— Конечно. Греки воюют за «великую идею» и славу. Мы же — за дом и душу. Ты ведь именно по этой причине присоединился к нам, не так ли? Если только я не ошибся в твоих намерениях, — лукаво заметил он. — Успокой меня, что ты здесь не только из-за красивых глаз наших женщин.

Ханс улыбнулся.

— Ты такой же мягкосердечный, как и я, — заметил немец, — хотя не так разговорчив. Но ты наверняка женат?

С первого рукопожатия мужчины обрели взаимопонимание. Они сражались плечом к плечу в начале Великой войны, до тех пор пока Ханса не стали отправлять на одиночные задания. Однако из деликатности они никогда не говорили о личной жизни.

— Я был женат, — признался Рахми-бей. — Мы оба были слишком молоды. Она умерла при родах. Ребенок тоже не выжил.

— Сожалею, — прошептал Ханс.

Рахми-бей сделал глубокую затяжку.

— И поскольку я не видел необходимости снова жениться, родители считают меня недостойным сыном. Отцу наплевать на мои благодарности в приказе по полку и офицерские нашивки. Ему хочется внуков. Когда я вижу вокруг себя столько смертей, иногда думаю, что он прав.

Робкая улыбка сделала его лицо моложе.

— Еще не слишком поздно.

Рахми-бей пожал плечами.

— Мне нужна не только жена, но и подруга. Но у нас это не принято. Наши традиции, понимаешь...

К штабу широкими шагами направлялся паша в компании хрупкой женщины, которая едва за ним поспевала. Ханс узнал Халиде Эдип. На ней был строгий мундир капрала и сапоги для верховой езды, черный платок покрывал волосы. Записавшись в добровольцы, она часто сопровождала главнокомандующего. Завидев Рахми-бея, она дала генералу знак присоединиться к ним.

Офицер торопливо застегнул мундир.

— Прошу прощения, но долг меня зовет. Фезви-паша, кажется, чем-то расстроен, — сказал он при виде мрачной мины генерала внушительного роста. — Тем не менее в траншеях он читает наизусть Коран и исчезает помолиться в самый неподходящий момент. Что касается меня, то после того, как халиф провозгласил нам фетву, мне не очень хочется обращаться к Аллаху!

Он плеснул кофейную гущу в огонь. За генералом спешили другие офицеры.

— Ты сможешь найти Орхана в деревне, — сказал Рахми-бей, дружески хлопая Ханса по плечу. — Они с моим племянником сражаются как львы. Ими можно гордиться.

Ханс отправился в деревню вечером. Он питал к Орхану огромную симпатию. Восхищение парня великим немецким

археологом льстило самолюбию. Ученый пообещал юноше взять его с собой на раскопки руин в Хаттуше, как только закончится война. К тому же Ханс был обязан ему и Гюркану жизнью. Если бы не они, немец наверняка погиб бы.

Он остановился, пропуская повозки, запряженные волами, груженные боеприпасами. Ими управляли женщины. Их решительные загоревшие лица и веселые улыбки напоминали немцу крестьянок из детства, но теперь женщины занимались не только хозяйством и детьми. Когда повозки приходили в негодность на скалистых дорогах Анатолии, турчанки заворачивали снаряды в свои шали, водружали на спину и несли в самое пекло сражений. Об их подвигах с восхищением говорили в лагере по вечерам. В отсутствие мужей многие мусульманки отвечали за урожай, половина которого уходила на снабжение армии. Сам Мустафа Кемаль восхищался их решимостью, и Лейла не упускала случая воздать героям должное уважение в своих статьях. Без этих смелых матерей успех был бы невозможен.

Ханс спросил у солдат, здесь ли подразделение Орхана, но никто не мог дать точный ответ. Горячие кровопролитные бои покосили ряды высшего руководства. Теперь операции проводила горстка людей. Бойцы-добровольцы лежали прямо на земле, крестьяне разносили миски с супом, куски свежего хлеба, наполняли водой оловянные фляги, поблескивающие на солнце. Битва не прекращалась ни днем, ни ночью.

Ханс молча подошел к сараю, который теперь выполнял функцию госпиталя. Неприятный запах ударил в нос. Немец продвигался между походными кроватями, пытаясь среди бедолаг разглядеть знакомое лицо. Замученная медсестра окликнула его, и он поинтересовался молодым солдатом по имени Орхан, сыном Рустем-бея.

— Вы считаете, что у меня есть время спрашивать, как их зовут? — воскликнула девушка, уперев руки в бока. — Этим есть кому заняться... А теперь — вон! Вам нечего здесь делать.

За шатким столиком под открытым небом сидел офицер, который вел учет раненых. Но он не смог ничем помочь. Ханс вернулся к штабу. У него было плохое предчувствие.

Рахми-бей проверял снаряжение, готовясь отправиться на аванпост, чтобы передать приказы штаба. Казалось, он нервничал. Последние новости были тревожными.

— Я не нашел Орхана, — сказал Ханс.

— Правда? Я думал, что его отряд сейчас отдыхает. Интересно. Я посмотрю, в чем дело.

— Я с тобой.

— Это не по регламенту, — потерял терпение Рахми-бей.

— Я пойду с тобой! — настаивал Ханс.

Бесплодный холм был завоеван и затем потерян несколько раз. Он был не слишком надежным укрытием для турецких войск. Мужчины с трудом добрались до каменистого уступа, откуда в бинокль осмотрели длинный хребет. Командовал подразделением молодой капитан. Рахми-бей передал ему слова приветствия и приказы и тактические советы от Мустафы Кемаль-паши. Нескончаемые взрывы поднимали дождь из камней и пыли. Ханс прислонился к стене траншеи. Он всеми внутренностями ощущал силу взрывов. Спина взмокла. Несмотря на то что не хватало времени хоронить убитых, пехотинцы держались храбро. Именно здесь в 1220 году Эртогрул приказал обосноваться племени, пришедшему из Центральной Азии. Спустя семь столетий молодая нация Мустафы Кемаль-паши отстаивала каждую пядь этой земли.

Рахми-бей прокричал что-то Хансу, но тот ничего не услышал, настолько оглушительным был грохот. Его товарищу пришлось подойти к нему и прокричать на ухо:

— Подразделение Орхана вело бой всю ночь чуть выше. Горстка солдат присоединилась к этому капитану, когда их командира батальона убили сегодня утром. Он узнал Гюркана по его родимому пятну, — сказал Рахми-бей, показывая на щеку. — Будем надеяться, что ребята где-то рядом...

Ханс зарядил винтовку. Он занял позицию капитана, который принялся перемещать своих людей согласно указаниям Рахми-бея. Немца терзала тревога. Он глубоко вздохнул, проверил на поясе гранаты. Рахми-бей, не сказав ни слова, сжал его плечо и побежал вверх по хребту.

Турки прекратили отступление. Огонь по греческим позициям стал более точными. «Хоть бы хватило боеприпасов!» — думал Ханс. Опустив плечи и наклонив голову, он шагал за капитаном и солдатами, спускавшимися по холму без прикрытия. Он спотыкался на каменистой поверхности, проклиная судьбу за то, что был живой мишенью для противника. Облако густой пыли и зловоние обжигало легкие, вокруг свистели пули. Немца тошнило. Он разглядел в тумане силуэты греков. Ханс боялся ближнего боя в траншее, куда пришлось спуститься. Вдруг из-за ранения в плечо рухнул человек. Археолог подхватил его под мышки и потянул к воронке. Затем снова ринулся в бой, перекатившись в траншею, приземлившись на что-то мягкое, не иначе как на труп. Подняв голову, Ханс увидел одного из своих товарищей, который направил на него оружие. Он открыл рот, чтобы возразить. Но тут парень выстрелил. В тот же момент сраженный пулей противник, который находился сразу позади

немца, навалился на Ханса всей своей тяжестью, заливая кровью.

С наступлением темноты холм снова был под контролем турок. Впереди бой продолжался. Чья-то дружеская рука протянула Хансу флягу. Он с благодарностью отпил. У воды был странный вкус. Немец не верил, что выжил. Он не знал никого из этих мужчин, которые приняли его за своего брата. Тревога за Орхана не утихала. Ханс заставил себя подняться и отправиться вверх по траншее, стараясь не наступить на изнеможенных бойцов.

— Капитан Кестнер! — окликнул его слабый голос. — Сюда!

Обессиленный юноша лежал на земле, с окровавленной повязкой на колене.

— Гюркан! — воскликнул Ханс. — Ты в порядке?

— Они изуродовали мне ногу, — скривился парень, чуть не плача. — Плохи дела! У вас случайно нет сигаретки?

Ханс быстро начал рыться в карманах.

— Ты знаешь, где Орхан? — спросил он. — Твой дядя полагал, что вы в деревне на передышке, но никто из вашего подразделения не вернулся в тыл.

Дрожащими руками Гюркан зажег сигарету. На сером от пыли лице родимое пятно практически не было заметно. Увидев его стеклянный взгляд, Ханс побледнел.

— Мы пошли в атаку. А повсюду пулеметные очереди, ну вы же понимаете? Он был рядом со мной, когда это произошло. Я хотел перенести его, но это было невозможно. Нас прижали. И мне пришлось оставить его там, вместе с остальными...

Парень начал рыдать, Ханс обнял его. Он думал об Орхане, который был таким перспективным малым. Этот

юноша спас ему в Стамбуле жизнь. Огромный удар для Лейлы... Она обожала брата, благодарила Небеса, что уберегли его от Великой Войны. Она будет убита горем, когда узнает о его гибели. Но молодой человек не устоял перед зовом битвы. Ему было недостаточно участия в восстании в Стамбуле. Ему хотелось последовать за товарищами на фронт.

По венам разливалась злость. Ханс еле сдержался, чтобы вслух не проклинать безумие людей и молчание богов. От взрыва снаряда траншею осыпало осколками. Испуганно солдаты принялись читать молитвы. Офицер приказал оставаться в укрытии.

— Мы все умрем, не так ли? — пробормотал Гюркан, парализованный страхом.

Ханс потянул раненого в укрытие под скалистый выступ, нацепил на него каску.

— Мы выживем и победим! — выкрикнул он, а взрывы раздавались все ближе. — Клянусь тебе!

Несколько недель спустя Ангора ликовала. Под синим небом развевались флаги. Витрины кафе и лавок были украшены портретами Мустафы Кемаль-паши. Великая Ассамблея удостоила его звания маршала и почетного звания *Гази*, Воин священной войны, поскольку его военная стратегия, гениальная тактика принесли неожиданную победу на реке Сакарья.

— Вот здесь я жила несколько месяцев, — улыбаясь, объявила Лейла и показала на домик в окружении заброшенного сада.

Переводя дух, Луи Гардель вытер затылок платком. Несмотря на сентябрь, стояла удушающая жара. Они взобрались на крутой склон. Деревушка без единого деревца или кустика раскинулась под палящим солнцем, насколько хватало глаз. «Это земля, куда пришел Тамерлан победить Баязета», — подумал Луи.

— Все-таки это суровая местность, — тихо проговорил он, щурясь от яркого света.

— Страна правды и победителей, — объявила Лейла с гордостью.

Луи был приятно удивлен, открыв в ней дерзкую смелость турок. Она, не раздумывая, согласилась поехать

с ним. Ее не пугала война. Что вообще ее могло напугать?

Молодая женщина выглядела счастливой, словно ребенок. Ее присутствие здесь было чудом, которому она полностью обязана Луи Гарделю. После победы на Сакарье он сообщил Селиму, что его снова отправляют в Анатолию. Франция желала безотлагательного возобновления диалога с Мустафой Кемалем. Задача — стать первой европейской страной, признавшей юридически новую турецкую нацию. Больше никто не сомневался, что султан со своим окружением доживал последние деньки. Даже Селим был вынужден смириться с очевидным. Падшах не смог приспособиться к изменчивому современному миру после Великой Войны. По всеобщему мнению, будущее Ближнего Востока теперь разыгрывалось в Ангоре.

Французское правительство выбрало эмиссара. Первые переговоры с Мустафой Кемалем в июне были удачными. Добрая воля посла Анри Франклен-Буйона и ящик коньяка способствовали разрядке обстановки. В эти солнечные дни посол вернулся в Анатолию с твердым намерением подписать договор.

Луи предложил Лейле-ханым поехать с ним, так как ей, как журналисту, наверняка будет интересно сделать репортаж о событиях — как и другим собратьям по цеху, отправившимся в Ангору. На самом деле французского капитана волновало состояние молодой женщины. Она слишком долго была заперта в конаке, исполняла капризы Селима, не имея возможности уехать в йали на Босфоре, куда муж отказывался переезжать. Одна лишь журналистика не позволяла угаснуть огню ее души. Вопреки ожиданиям Селим дал разрешение. Он уже научился ориентироваться в доме. В сопровождении телох-

ранителя-лаза он посещал дворец Йылдыз, где со всей остротой ощущал лихорадочную гибель господства падишаха.

Лейла сопровождала французскую делегацию вместе с миссией Красного Креста Стамбула, к которой также присоединились две американки из благотворительной ассоциации Фонд Ближнего Востока, приехавшие для оценки положения в регионе. Их рапорт вовсе не радовал. Во время отступления на запад греческие войска уничтожили все на своем пути: посевы, деревни, местных жителей. Это нечеловеческое поведение было засвидетельствовано иностранными наблюдателями и повергло в ужас западные страны. Крестьяне в ярости требовали от Гази «уничтожить христиан», отомстить им и их детям.

Луи опасался репрессий со стороны кемалистов. Участь греков на черноморском побережье не была радужной. Сможет ли Мустафа Кемаль предотвратить кровопролитие? Хочет ли он этого на самом деле? Самую большую проблему представляли христиане Киликии, после того как турецкие войска нанесли поражение французам, которые вынуждены были отступить в Сирию и Ливан. Целью Гази было отбросить греков к морю и взять под контроль Измир. Луи волновался о Розе и Марии. Прибрежный город страдал, отрезанный от остальной страны, и, подвергаясь лишениям, стал символом войны за независимость. Было бы разумно жене и дочери вернуться во Францию. Но послушает ли его Роза? Она до сих не простила ему связь с Ниной и продолжала упрямяться, таким образом заставляя его платить за измену.

— Капитан, вы идете? — спросила Лейла-ханым.

Он поспешил ее догнать. Хорошее настроение улетучилось. Пусть Роза сама выкручивается, если отказывается слышать голос разума! Монахини Нотр-Дам-де-Сион

смогут противостоять любым неприятностям и зря рисковать не будут.

В конце дня Лейла бродила по городу. Она пробиралась через толпу торговцев, чьи караваны верблюдов готовились отправиться к Черному морю. Она не ожидала, что испытает такую огромную радость, очутившись здесь. Однако именно в этом городе-мираже, возникшем ниоткуда посреди степи и ставшим столицей кемалистов с правительством и депутатами, беями и пашами, изгнанными из Стамбула, она обрела любовь и независимость. Она едва решалась поверить в то, что наконец после шести месяцев расставания она увидит Ханса. Время казалось ей бесконечным.

Группа всадников на полудиких лошадях пронеслась мимо в безумном галопе. Вокруг сновали прохожие. Город был оживлен. Вернулись налоги, чиновники и военные получали жалование. Представители посольств Афганистана, Персии придавали Ангоре дипломатическую важность. Сомнительный Севрский мирный договор был окончательно погребен благодаря ниспосланному Провидением человеку, который проявил невероятную смелость восстать против него и повести за собой народ.

Лейла была переполнена надеждой. Она возносила благодарность Аллаху Милосердному за то, что счастье не приходит в одиночку. Теперь, когда Селим смирился со свержением падишаха, он стал более покладистым. Его злоба и страх притупились, казалось, что он принял неизбежное. Перед отъездом Лейлы в Ангору он поблагодарил ее за преданность. На холме Чанкая, недалеко от резиденции Мустафы Кемаль-паши, Лейла встрети-лась с несколькими женами офицеров, обосновавшими-

ся в уютных домиках среди виноградников, принадлежавших раньше армянским и греческим торговцам шерстью. Воздух здесь был чище, чем в старом городе, и обстановка спокойней. Она уточнила дорогу у девушки, и та указала на здание с красной черепичной крышей. Именно там Ханс назначил встречу. Лейла еле сдерживалась, чтобы не бежать. Это был скромный каменный домик с небольшим садом. Фонтан дарил немного свежести. Лейла постучала в дверь. Она почувствовала, как ее охватывает волнительная радость.

К ее огромному изумлению, двери открыл Рахми-бей. Она проследовала за ним в гостиную, окно которой выходило в сад. В комнате стояли тахты, в глубине помещения — бильярд. На низком столике рядом с грязными стаканами лежал револьвер в кожаной кобуре. Офицер предложил гостье сесть. Рубаха с расстегнутым воротником, мятые форменные штаны, старые ботинки Рахми-бея — его мрачный вид говорил, что он вовсе не удовлетворен военной службой.

Она нахмурилась, снимая чарчаф.

— Рада вас видеть, Рахми-бей...

— Ханс скоро будет, — прервал он ее и резким движением протянул ей стакан лимонада.

Он закурил и повернулся к ней спиной, уставившись в распахнутое окно. Смущенная Лейла задалась вопросом, почему она так неловко себя чувствует. Может, потому что осталась с ним наедине? Она поправила платок и куртку, проверила, аккуратно ли лежат складки длинной юбки... Мужчины и женщины, которые участвовали в революционных событиях, должны были как-то приспособиться к общению между собой. Скромность и стыдливость женщины по-прежнему была добродетелью, но теперь представительницы прекрасного пола разговаривали, открыто

глядя в глаза собеседнику, на равных, о чем раньше не могло быть и речи.

— Поздравляю вас, — робко пролепетала она. — Вы проявили себя как герои. Такие долгие бои. Три недели без передышки. По словам Халиде-ханым, это была одна из самых тяжелых схваток. Она сама больше не расстается с револьвером, — добавила Лейла шутя. — И у нее в ногах спит пес!

— Фронт — неподходящее место для женщин, — ответил Рахми-бей, пожав плечами. — Даже мы, мужчины, не всегда покидаем его невредимыми, тогда как вы...

Он говорил резко. По спине гости побежала дрожь. На западе поговаривали о психологических травмах войны. У Лейлы появилось абсурдное желание утешить его, но она сдержалась. Поскорее бы вернулся Ханс!

Постепенно комнату окутал полумрак. Лейла позволила себе зажечь керосиновую лампу. Подняв взгляд, она увидела, что Рахми-бей пристально на нее смотрит. Она попятилась, пораженная его взглядом. Ей редко приходилось видеть столько страсти в глазах мужчины. За исключением, конечно, Ханса, когда он признавался ей в любви.

Неожиданно распахнулась входная дверь, и на пороге появился Ханс. Лейла с облегчением бросилась к нему. Он подхватил ее и покрыл поцелуями лицо и шею. Все тревоги улетучились. Слава Богу, он не ранен! Она провела рукой по его волосам, слушала его дыхание, впиалась глазами в его губы, улыбку, и казалось, что она оживает. В один миг они остались одни во всем мире. Не выпуская ее руки, Ханс развернулся к другу, но Рахми-бей уже исчез.

И тут же радость Ханса испарилась. Он подвел Лейлу к тахте, усадил ее. Она смотрела на него так доверчиво, ее взгляд был полон счастья, и он возненавидел себя за то, что именно ему придется сообщить ужасную весть.

Она отпрянула.

— Ханс, что-то не так?

— Мне очень жаль, но...

Он выглядел таким подавленным, что ее пробил озноб. На что он намекает? Разве он не стоит перед ней живой и здоровый? Ни на что лучшее она даже не надеялась.

— Орхан... — прошептал он.

У нее перед глазами замелькали черные пятна. Она ни на секунду не подумала о брате. Конечно, она знала, что он был на фронте, занимал какой-то пост в военной администрации. Какая-то бумажная работа. Ведь врачи заверили ее, что он не годится для строевой... На передовую... Ведь Орхан сам ей об этом написал, не так ли? В своем последнем письме, полученном накануне ее отъезда с Луи Гарделем в Ангору, он сообщал, что в полном порядке. Он рассказывал забавные истории, верил в победу...

Ханс говорил, и Лейла чувствовала, как кровь застывает в жилах. Его голос отдавался странным эхом. Орхан солгал ей. Ему удалось попасть в отделение Гюркана; он даже несколько раз получал поздравления от сослуживцев выше по званию. Разумеется, он и не подумал ей об этом написать, бедняга! И он пал смертью храбрых, сбитый шквалом пулеметного огня, когда вместе с товарищем продвигался по территории, которую кемалийцы потеряли накануне. В тот день их подразделение было истреблено. Десятки жертв на бесплодном холме, среди груды камней. За анатолийскую землю. За ту землю, о которой он мечтал в детстве и за которую отдал свою жизнь.

Она сидела с широко раскрытыми глазами и не могла плакать. Она застыла словно камень. Ханс продолжал говорить, но она больше его не слушала. Лейла была где-то далеко. Так далеко... Она снова переживала день, когда сгорел их дом, она держала закутанного в пеленки брата,

а родители искали укрытие подальше от пылающего квартала. Она снова наблюдала, как Орхан учится ходить в саду возле йали, его упрямое лицо, когда Селим бранит его за очередную проделку, его улыбку, когда, порывавшись с Али Ага, он возвращается с чудесным уловом, а затем его огорченное лицо, когда он приносит истекающего кровью Ханса в вестибюль ее дома.

Лейла поднесла руку к груди. Она потеряла свою девочку, теперь брата. Как можно пережить исчезновение тех, кого любишь больше себя? Каждый раз будто отрывают кусочек души. Бесконечное наказание.

Ханс потряс ее за плечо. Сильно. Она услышала, как у нее стукнули зубы.

— Лейла! — крикнул он.

— Перестань, — запротестовала она. — Перестань! Она стала отбиваться, чтобы он оставил ее в покое.

— Прости, любовь моя, но ты была такой странной. Твой взгляд... Я никогда тебя такой не видел.

Ханс был напуган. Ей потребовалось немного времени, чтобы прийти в себя. Она была разбита невыносимой болью. Она уже переживала такое после смерти родителей и Перихан. Ее потерянный взгляд блуждал по голым стенам, незатейливой мебели, полинявшим коврам. Дрожащее сияние керосиновой лампы заполняло комнату. На улице было темно. Лейла поднялась, пошатнулась, а затем направилась к двери. Чтобы собраться с мыслями, ей нужна темнота. Тишина.

Женщина вышла в сад. Под ногами хрустела высушенная летним зноем трава. Птицы порхали среди листвы. Воздух был сух, полностью лишен какого-либо запаха. Она запрокинула голову, ее глаза были полны слез. Успели Орхан полюбить? Он никогда ей об этом не говорил. Возможно, в Берлине, когда он учился? Она от всей души

желала ему познать это чувство. Это слишком жестоко — умереть, не узнав, что такое любовь.

Она остановилась у забора, почувствовала, как Ханс обнял ее за плечи, и не протестовала. Он молчал, понимая ее горе. Прижавшись к нему, она смотрела на небесный купол, и он был просторней, чем чаша небес над Босфором. Она смотрела на небо совершенно иного мира, небо, которое теперь всегда будет следить за могилой ее младшего брата.

На следующий день утром Луи Гардель отправился к резиденции Мустафы Кемалю. С самого рассвета он ждал телеграмму с указаниями из Парижа. И поскольку она пришла с опозданием, французская делегация уехала без капитана. В довершение всего на коляске посреди дороги у подножия холма сломалась ось, и нужно было проделать остаток пути пешком в сопровождении толстого кучера, который задерживал француза. Гардель выбрал крутую тропинку, заросшую ежевикой, надеясь, что этот короткий путь ведет в нужном направлении.

Сжалившись над попутчиком, Луи остановился, чтобы тот смог его догнать. На грозном небе скапливались серые тучи, резкий ветер срывался с высокого плато. Луи дрожал, с тоской вспоминая о вчерашней жаре.

Его внимание привлекло какое-то движение под деревьями. Он тотчас же узнал женщину. С первой же встречи в гостинице сермяжника он мог узнать Лейлу-ханым в любом месте. Ее яркий платок соскользнул на плечи. Она смотрела на мужчину, который обнимал ее и что-то пылко говорил. Пара стояла в стороне от тропы, в саду. Когда незнакомец погладил ее по щеке, Луи вдруг почувствовал порыв возмущения и отпрянул на несколько шагов.

Кучер наткнулся на него и рассыпался в извинениях. Опустив глаза, француз продолжил путь, ускоряя шаг. Лейлаханым в объятиях какого-то мужчины оставила горькое ощущение. Он не знал, было ли это из-за сочувствия к другу Селим-бею, или потому, что это пробуждало в нем что-то смутное, что он предпочитал игнорировать.

Собрания шли один за другим целый день. Тем для обсуждений было предостаточно: Киликия, граница с Сирией, ставшей подмандатной территорией Франции, продажа военного оборудования, концессии на рудники по добыче железа, хрома или серебра, роль религиозных школ или французских предприятий... Вечером Луи почувствовал, что у него начинается мигрень. Перед официальным ужином он решил пройтись по старому городу, но лабиринт домов с глинобитными стенами и извилистые улочки, где толпилась шумная толпа, быстро наскучили. Сильный дождь превратил дороги в небольшие потоки грязи. Несколько азиатов в ярких шелковых нарядах поспешили укрыться. Луи забежал в кафе, где стоял запах влажной шерсти. На полке с чашками стоял портрет Мустафы Кемаля, украшенный цветами. «У каждого свой Наполеон», — подумал он. Посетители смотрели на него подозрительно. Такая форма здесь не приветствовалась. Хотя их послы и приехали беседовать с Гази, Стамбул, город халифа, и другие территории до сих пор были оккупированы французами. Луи присел за небольшой столик, решив игнорировать косые взгляды.

Он боялся, что придется задержаться в этой дыре еще на несколько недель. Неприятная перспектива — торчать посреди степей, здесь люди имели репутацию упрямцев, и Луи даже слышал, что стамбульцам было сложно понять местный турецкий диалект. Какова его роль в этих переговорах? Все в руках политиков, он же лишь наблюдатель.

Ему подали чай, оливки, козий сыр. Великая Ассамблея запретила продажу алкоголя в общественных местах.

Луи не хватало моря. Он скучал по Нине. Как всегда, когда он думал о любовнице, на него накатывало нетерпеливое желание. Теперь, когда русская отыскала мужа, она избегала бывшего постоянного клиента. Стоит ли вспоминать, что именно благодаря помощи француза Малинина не поместили в лагерь русских офицеров! Гардель пожалел, что не может растянуть воротник рубашки.

Порыв влажного ветра ворвался в кафе, и вместе с ним вошли несколько военных-кемалистов и крестьян, одетых как горцы. Все с патронными сумками и кинжалами. «Армия Мустафы Кемаля, частично набранная из добровольцев всех возрастов, отличается экзотичностью», — подумал Луи. Однако он совсем растерялся, узнав среди них любовника Лейлы-ханым. Мужчина с правильными чертами лица и высоким лбом, он беседовал с темноволосым офицером с острым взглядом.

Вошедшие устроились за соседним столиком. Им принесли чай и наргиле. Они оживленно беседовали, размахивая руками. Посетители дружески кивали им. Луи сделал знак трактирщику, но тот его проигнорировал. В один момент француз стал для него прозрачным.

Луи пристально рассматривал незнакомца, а перед мысленным взором стоял его друг Селим, идущий через сад с палочкой. Как Лейла-ханым могла предать мужа, как могла изменить с этим молодчиком? Это европеец. Они наверняка встретились, когда она сбежала в Анатолию, после того как ее выдала англичанам Роза. В конце концов такое наглое разглядывание надоело молодому сержанту с родимым пятном на щеке.

— Да здравствует свободная и независимая турецкая нация! — громко воскликнул он по-французски. — На-

конец иностранцы перестанут топтать нашу родину. Греки, англичане и французы... Мы вышвырнем этих жалких паразитов в море!

Луи напрягся. Парень смерил его насмешливым взглядом.

— Я не позволю вам оскорблять свою страну, — ответил француз. — Решительно вас прошу взять свои слова обратно.

Все посетители повернулись к ним. Бормоча что-то нечленораздельное, юноша собрался было встать, и в ту же секунду любовник Лейлы-ханым удержал его.

— Не сердитесь на него, капитан, — обратился он к Луи примирительно. — Последствия тяжелых сражений последнего времени. Солдаты слишком легко воспаляются.

Луи с удивлением узнал немецкий акцент.

— Я не понимаю, как это вас касается. Сержант позволил себе оскорбить мою родину. Я жду его извинений.

Парень подскочил. Луи тоже поднялся. Сердце отчаянно колотилось.

— Мы не без причины оскорбляем Францию, — отчеканил турок. — Я требую возмещения убытков.

Турецкие офицеры пытались образумить упрямого, как осел, сержанта. Светловолосый мужчина подошел к Луи.

— Я приношу вам свои извинения, капитан, — произнес он. — Принимая во внимание молодость этого солдата, надеюсь, вам достанет такта принять их.

Луи усмехнулся.

— Интересно слышать о такте из уст немца, который носит турецкую форму.

Ханс Кестнер замер. Он вмешался, чтобы погасить нарастающий конфликт. Но, похоже, дело принимало другой оборот и касалось его лично. Он сразу же принял оборонительную стойку.

— Оставьте ее в покое, — продолжил Луи вполголоса. Ханс постарался скрыть недоумение. Француз смотрел на него пристально. Его тонкие губы сложились в горькую улыбку.

— Лейла-ханым, — прошипел он. — Она замужняя женщина. Вы ее порочите. В Турции это преступление.

Черная пелена затуманила взгляд Ханса. Он заметил, что Рахми-бей выводит Гюркана и товарищей на улицу.

Трактирщик попросил посетителей вернуться на свои места, все неохотно расселись. Ханс остался стоять перед морским офицером.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, капитан, — бесстрастно произнес он.

— Я видел вас вместе. Сегодня утром в саду. Я предложил ей сопровождать меня в этой поездке. Это была ошибка. Я предложу ей незамедлительно возвращаться домой.

В голове Ханса хаотично метались мысли. Значит, это и есть тот капитан второго ранга, который занимал конак в Стамбуле. Как же его зовут? Гардель. Разве Лейла не говорила, что он приятный человек? Его предупреждение привело Ханса в замешательство. Кестнер отличался хладнокровием, но тон, в котором этот человек говорил о женщине, которую он любил, был невыносим.

— Лейла-ханым — свободный человек, — заметил он. — Она не обязана перед вами отчитываться.

— Она имеет обязательства перед своим слепым мужем и перед сыном. Она не должна развлекаться в ваших объятиях

Реакция Ханса была молниеносной. Резким движением он опрокинул стол и табуреты и прижал француза к стене, надавив предплечьем на шею.

— Послушай меня внимательно, ничтожный моралист! Она только что узнала о смерти брата. Она имеет полное

право быть в окружении его боевых товарищей. И тебя это не касается. Если ты осмелишься сказать хоть слово ее мужу, я найду тебя и спущу с тебя шкуру!

Луи опешил от такого взрыва ярости. В нескольких сантиметрах от его лица были глаза немецкого офицера. У него был взгляд убийцы.

— Все, хватит!

Ханс почувствовал, что Рахми-бей сжал его плечо. Друг заставил его ослабить хватку. Он отошел на шаг, сжав кулаки. При мысли, что Гардель может угрожать репутации Лейлы и подвергнуть ее опасности, Ханс вдруг понял, что может убить француза.

Рахми-бей подобрал упавшую на пол фуражку Луи, отряхнул ее и протянул капитану.

— Это чрезвычайно неудачное стечение обстоятельств, капитан, — продолжил он с чисто восточной любезностью. — Давайте забудем об этом. Так будет лучше, не правда ли?

Луи оттянул пальцем ворот рубахи. Он был ошеломлен. Он опустил плечи. Может, он ошибся? Он пытался защитить честь Лейлы-ханым и вступить за Селима, но француз не у себя дома. Этот странный немец из кемалистских войск, казалось, прекрасно влился в необычный мир Ангоры. Луи понял, что так никогда до конца и не понял стремления турчанки. Она была так не похожа на женщин, которых он знал или любил.

— Орхан мертв? — удрученно спросил он.

Немец лишь кивнул. До сих пор вне себя от ярости, Ханс пытался контролировать себя.

Рахми-бей настоял, чтобы Луи последовал за ним. Дождь закончился. В сумерках улочка выглядела опасно. Остальные кемалисты куда-то испарились. Когда Луи выяснил, что вместе с французской делегацией приглашен

на официальный ужин в резиденцию Гази, турок предложил провести его. Они оставили немца у выхода из кафе.

Уходя, Луи не сдержался и обернулся. Ханс закурил, и огонь зажигалки осветил его черты. И тогда Луи понял, что Лейла-ханым любила этого мужчину. И от этого ему стало больно.

Часть 3

Измир, сентябрь 1922 года

Насколько хватало глаз, окрестности заполнили беженцы. Роза видела колонны греческих солдат с суровыми лицами. Некоторые шли босиком. Вся эта огромная людская масса двигалась, волоча ноги от усталости, в сторону моря. За солдатами тянулась толпа гражданских. Француженка была ошеломлена. Ей казалось, что эти несчастные выныривают из-за края земли... Поток людей не прекращался уже несколько дней. А возможно — недель или целую вечность. На изможденных лицах женщин и детей Роза читала ужас. Ее тошнило от зловонного запаха давно не мытых тел, в нос набивалась пыль. Женщина поднесла ко рту платок.

У нее было такое чувство, будто ее предали. После поражения греков на Сакарье несколько месяцев царил обманчивая тишина. Роза догадывалась, что сражения сейчас ведутся на дипломатическом фронте. Но разве то, что Франция первой признала правительство Кемаля, не обнадеживает? Разве нельзя завершить войну и избежать новых убийств? Обманчивая тишина разразилась бурей. Киликийские христиане заплатились за свою беспечность, хотя многие, опасаясь репрессий, и успели бежать на Кипр, в Сирию или Францию.

Однако в Измире жизнь шла своим чередом. Кажется, еще вчера Роза прогуливалась с Марией по набережной, разглядывая великолепные фасады ресторанов, кафе и дорогих гостиниц. Оркестры играли отрывки из оперетт. Портовые склады ломились от товаров. Инжир, изюм, сухофрукты, табак, рулоны хлопка ожидали купцов, которые их развезут по всему миру. На улицах были слышны ароматы мяты и цитрусовых, молотого кофе, кориандра и корицы. Затем все рухнуло. Наступление Мустафы Кемаль-паши будто застало людей врасплох. Беспорядочное бегство греков подлило масла в огонь. И тем не менее Роза почему-то была убеждена, что греческие войска не покинут своих позиций в окопах. Никто ведь не предупредил ее, что турки воспользуются передышкой и укрепят армию для окончательного штурма.

Хотя нет. Луи, конечно, предупреждал. Франция и Советская Россия продавали оружие кемалистам. Что касается британцев, то они делали вид, что поддерживают Грецию. Супруг предложил Розе вернуться во Францию, поскольку она не желала возвращаться в Константинополь. Она отказалась. Впервые в жизни она ощущала себя свободной. В этом, безусловно, сыграла немаловажную роль ее старшая сестра Одиль. А сам Измир стал для нее открытием. Ей понравился западный шарм и либеральность города. Греки многие десятилетия жили здесь, привнося свои культурные черты в этот османский город. Униженная неверностью мужа, Роза приехала сюда с разбитым сердцем. Она с дочерью планировала провести здесь рождественские праздники. Измир принял ее со всем восточным гостеприимством. Француженку приглашали во многие греческие и левантийские семьи, и она была очарована ими. Покинуть Измир теперь было бы для нее мукой.

Еще вчера никто бы не подумал, что турецкие войска осмелятся сюда ступить. Консул успокаивал Розу: этому помешают не только греческая армия, но и пара десятков военных кораблей Антанты на рейде у Измира. «Очередная иллюзия», — подумала она, наблюдая за беспорядочным бегством людей.

Французенка заметила какую-то тощую женщину. Подол ее юбки волочился в пыли, она толкала ручную тележку, на которой сидели дети. Роза порылась в карманах в поисках конфет, но их не осталось. Все уже раздала.

С наступлением вечера Роза зашла к Марии в комнату, чтобы немного успокоить дочь. Они прислушивались к звукам, долетавшим со стороны набережной через открытое окно. Приглушенный шум сотен толпившихся у моря беженцев... Несчастные были повсюду — во дворах церквей, общественных парках, диспансерах. Город превратился в большой лагерь. Одиль выбивалась из сил в школе. Некоторые конгрегации предоставляли убежище в первую очередь православным и армянам, которые опасались наихудшего.

— Мама, мне страшно, — прошептала Мария.

— Успокойся, моя дорогая, нам нечего бояться. В Измире очень много европейцев. Здесь вряд ли произойдет что-либо страшное.

— Но ты же сама говорила, что турки — варвары, — настаивала девушка, побледнев от страха. — Я знаю, что они убивают христиан! Об этом ходят слухи, и тебе это известно.

Семьи многих ее подруг спешно покинули свои дома в пригородах и переехали в центр Измира или на виллы на близлежащие острова. А желающие уехать за границу штурмовали американские и британские консульства.

Роза не решилась сообщить дочери, что греческие жандармы ушли из города и теперь нужно бояться не только турок. Всякого рода мародеры и прочий мелкий и не очень мелкий сброд радовался этому от всего сердца.

— Мы сядем на французский корабль, как только это будет необходимо, — заверила она дочь.

— Ты думаешь, отец там? — дрожа от волнения, спросила Мария.

Розе по-прежнему было неприятно, когда дочь упоминала Луи. Сначала Мария хотела понять, почему мать бежала из Константинополя, почему отказывалась туда вернуться. К счастью, круговорот чаепитий, праздников, вечеров в театре отвлекли девушку.

— Возможно. Он нас об этом предупредит.

— А если он не захочет прийти нам на помощь?

— Не говори глупостей, — раздраженно сказала Роза.

— Что между вами произошло? — вдруг выкрикнула Мария, схватив мать за руку. — Почему ты больше не хочешь с ним видаться? Мама, ты должна рассказать мне правду! Как бы то ни было, он — мой отец!

Мария в ночной сорочке стояла на коленях на постели, ее глаза были полны слез, казалось, она была на грани нервного срыва. Роза занервничала. Только об этом не хватало вспоминать! На улице кто-то закричал. Послышались быстрые шаги по мостовой. Глубоко вздохнув, Роза присела на край кровати.

— Твой отец... — начала она.

Как и в тот злополучный день, ее мучила боль предательства. Она снова видела ресторан в Пера, Луи, что-то шепчущего официантке на ухо, узкую лестницу, светловолосую голову русской, то, как она развязывает фартук, перед тем как присоединиться к нему... Расстроенная, Роза закрыла глаза.

— Мама, что он сделал? Прошу тебя...

— У твоего отца была интрижка, — едва слышно про-
изнесла женщина.

Мария побледнела. Роза упрекнула себя за то, что ей пришлось открыть правду, но дочь была довольно взрослой, да и сама уже вполне могла выйти замуж. Может, пора ей рассказать о коварстве мужчин. Иногда от детей скрывают некоторые вещи, якобы чтобы защитить их, но ложь во имя добра остается ложью.

— Когда я об этом узнала, я была оскорблена, — продолжила Роза. — Я не могла смотреть ему в глаза. Прошло время, мы здесь... Ты казалась такой счастливой в Измире. Ты же знаешь, что мне тоже понравился город.

Мадам Гардель отыскала эту скромную квартиру, которую сдавала вдова-гречанка. Когда одна из учительниц Нотр-Дам-де-Сион вынуждена была вернуться во Францию, Одиль попросила Розу занять ее место, и та согласилась. Девочки быстро привыкли к новому преподавателю. И Розе не хотелось уезжать, она считала, что это несправедливо, особенно теперь, когда женщина наконец почувствовала себя счастливой.

— И кто это был? — спросила Мария. — Кто-то, кого я знаю?

С угрюмым выражением лица Роза скрестила руки на груди. Эти откровения отвлекли ее от собственных мыслей.

— Нет! — заверила она. — Увы, но такое случается. Таковы мужчины. Иногда они ведут себя низко. Это заложено в их натуре.

Роза принялась складывать рубашку Марии, разглаживая складки, затем подняла стопку книг.

— Все мужчины?

— Может быть, не все. Хочется верить, что в этом виновата война. Удаленность от семьи. Сражения. Твой отец

пережил многое, о чем никогда мне не говорил. Он изменился. И потом, эта экзотическая страна... Это никогда бы не случилось, если бы мы остались во Франции.

Но что она могла об этом знать? Понимала ли на самом деле, что такое телесная страсть? Однажды в споре Луи упрекнул ее в этом. «Желание нельзя объяснить», — заявил он. Роза почувствовала себя жалкой, уверенная в том, что никогда не вызывала у мужчины вспышку, порыв страсти, вдохновение возбуждения, свободы, почти величия.

— Это значит, что мы больше не будем жить вместе с папой? — допытывалась Мария.

— Не знаю, — нервно ответила Роза. — Насколько мне известно, тебе здесь не так уж плохо. И потом, твой отец слишком занят. Живя в Константинополе, мы не так часто с ним виделись. И теперь, когда все это происходит...

Роза подошла к окну. По вечерам, в хорошую погоду, соседи выносили стулья на улицу, пили чай и болтали о судьбах мира. Теперь улица была пуста. Какая-то семья медленно двигалась к набережной: отец нес чемодан, мать пыталась успокоить рыдающего ребенка. Солдаты, невзирая на обстоятельства, грузились на суда удивительно дисциплинированно, но гражданские вели себя совсем иначе. «А чего еще можно ожидать от этих несчастных?» — с грустью думала Роза. Греки прожили в Анатолии долгие годы, теперь же они были вынуждены оставить свои земли, дома, могилы предков...

Роза вздрогнула. Завтра она опять посетит французское управление, чтобы узнать последние новости. Многое также зависело от Одили и монахинь. Никто из них не согласится бросить учениц на произвол судьбы.

Мария обвила руками шею матери.

— Мама, я тебя люблю, — прошептала девушка.

Этот порыв нежности был таким неожиданным, что на глаза Розы навернулись слезы. После спешного отъезда из Константинополя Мария замкнулась, демонстрируя несогласие с матерью.

Кожа Марии пахла розовым маслом, волосы щекотали щеку Розы, и она вдруг поняла, что ее ребенок на несколько сантиметров выше нее.

На мгновение Роза поддалась эмоциям и положила голову на плечо дочери.

На следующий день Роза отправилась на набережную Кордон. Она увиделадвигающуюся колонну турецких кавалеристов на коренастых лошадях. Солдаты в фесках, украшенных полумесяцем и красной звездой, были вооружены симитарами¹, сверкающими на солнце. Прибывшие из бескрайних степей, они обрушились на прибрежные плодородные холмы. Им удалось отбросить греков к морю и снова завладеть Анатолией. «Кто мог бы поставить на их победу еще три года назад?» — против воли с восхищением подумала Роза. Беженцы были запуганы. Однако эти солдаты беспрекословно подчинялись офицерам, которые в свою очередь громогласно успокаивали жителей. У мадам Гардель появилась надежда. Если войска ведут себя достойно, можно надеяться, что армия Мустафы Кемаль-паши не разгромит город. Разве он не объявил о смертной казни для солдат, которые будут преследовать гражданских? На улицах висели объявления. Отряды морских пехотинцев Франции, Англии и США будут защищать своих граждан. Перед консульствами этих стран была выставле-

¹ Смитар — обобщенный европейский термин для различных восточных сабель.

на охрана. Роза хотела верить в мирный переходный период, пока все не наладится.

Британский морской офицер выступил вперед перед колонной кавалеристов, турецкие солдаты остановились. Шквальный ветер с моря заставил взвиться знамена. Было слышно лишь позвякивание конской сбруи и нервные покашливания в толпе. Офицер спрыгнул с коня. Военные вели переговоры по-французски. Англичанин заверил турка в мирной капитуляции города, в строгом нейтралитете британских войск, напомнил, что поведение войск победителей должно быть образцовым во избежание волнений. Разговор казался дружеским. Неожиданно в лицо турка полетела граната. Раздались крики. Провокация? «Боже мой! — испугалась Роза. — Хорошо, что она не взорвалась». Последовал выстрел, толпа в ужасе подпрыгнула. К счастью, находившийся в засаде стрелок в цель не попал. Турки остались на месте, не проявив ни единого признака паники, не открыли стрельбу в ответ. Впечатленная их хладнокровием, Роза наблюдала, как они возобновили шествие к губернаторскому дворцу.

Час спустя, вернувшись домой, Роза остолбенела на пороге. В прихожей на нее смотрел десяток незнакомых лиц — женщины и дети.

— Мама, не волнуйся, — поспешила к ней Мария, приняв корзину с продуктами. — Это кузены моей подруги Алисы. Они бродили по улице. Я предложила им отдохнуть у нас. Я правильно сделала, не так ли?

Застигнутая врасплох, Роза кивнула. И в тот же миг одна из женщин подошла к ней и поцеловала ей руку в знак благодарности. Девушка, сидящая в кресле, была в жалком состоянии. Роза поинтересовалась, не больна ли гостья. Мария отвела мать к себе в комнату.

— Мама, ее... — прошептала она. — Ну, вы сами понимаете. Солдаты...

Роза изменилась в лице.

— Как это возможно? Я только что видела марш войск, они вели себя вполне цивилизованно.

— Это иллюзия, — прервала показавшаяся в дверях мать пострадавшей девушки. — Повсюду грабежи. Сначала в пригородах. Потом у нас, в армянском квартале. Они терроризируют нас. Всегда так было. Опять льется кровь, — роковым голосом произнесла она.

У Розы подкосились ноги, и она рухнула на стул. Мария вышла, чтобы позаботиться о гостях. Воспользовавшись ее отсутствием, армянка рассказала Розе, как солдаты и наемники турецкой армии обворовывали прохожих, убивали непокорных, разоряли магазины и дома, как после изнасилования женщинам отрезали груди. Она говорила глухим голосом, перечисляя жестокости турок.

— А ваша дочь? — прошептала Роза.

— Господь захотел, чтобы она осталась в живых, — с достоинством произнесла женщина, затем поникла. — Я даже не знаю, милость это или несчастье.

Роза подала ей стакан воды.

— Мы должны уехать как можно скорее, — тихо пробормотала женщина, словно обращаясь к самой себе.

— Не тревожьтесь. Франция позаботится о вас. Ничего с вами не случится. А мы, что же будет с нами?

Роза вела себя глупо и эгоистично. Она с огорчением поняла, что зря не прислушалась к словам Луи и подвергла Марию опасности. Она любой ценой должна защитить своего ребенка от этих солдафонов.

— Вы поедете с нами, — заявила Роза. — Моя сестра что-нибудь придумает.

Вечером она приготовила скудный ужин. Изнасилованная девушка отказалась есть. С момента прибытия она не произнесла ни слова. Когда Роза наклонилась к окну, чтобы закрыть решетчатые ставни, ей показалось, что она слышала вдалеке крики, но затем успокоила себя, убежденная в том, что их квартал всегда был тихим. В эту ночь она спала с дочерью, потому что Мария уступила свою комнату девушке и ее матери. Остальные разместились в гостиной на полу.

Тремя днями позже, когда Роза торопилась к школе в надежде узнать хоть какие-нибудь новости, она заметила, что многие магазины открыты. Она подумала о пустых кухонных шкафах, содержимое которых исчезло с появлением гостей. Может, ей стоит что-нибудь купить? Француженка в нерешительности остановилась. Ежедневно в город вливался поток пострадавших. Последние новости из пригородов были печальны. Большинство домов были разграблены и сожжены, могилы осквернены. От красивых левантийских предместий остались лишь развалины.

Внутренний двор и классы Нотр-Дам-де-Сион были заполнены людьми. В их глазах читался ужас.

— С каждым часом ситуация ухудшается, — мрачно заявила Одиль, сортировавшая документы. — Армянские кварталы разрушены. Мы приютили большую часть родственников наших учениц.

— А семья, которая живет у меня? — поинтересовалась Роза. — Ты сможешь им помочь?

— Я сделаю все возможное. Я как раз готовлю эвакуацию, но, боюсь, мест для всех не хватит. Американцы и англичане отказываются вмешиваться. Они сидят на своих кораблях и наблюдают за нами в бинокль. Поговаривают, что они включают граммофоны, чтобы заглушить крики.

Словно мы стали самым увлекательным спектаклем в мире!

Монахиня не скрывала презрения.

— Но это абсурдно, почему они не помогают?

Одиль пожала плечами.

— Очевидно, из политических соображений. Они обязаны сохранять абсолютный нейтралитет. Они потеряли Измир и боятся, что Мустафа Кемаль отдаст приказ идти на Константинополь.

— А французы?

— У нас душа благороднее. Христиане Востока под нашей защитой. Мы не позволим их терроризировать. Что меня действительно волнует, так это репутация нового военного губернатора Нуреддин-паши. Он враждебно настроен к грекам и армянам. Это катастрофа для такого города, как наш.

— Но школа ничем не рискует, ведь так? У вас прекрасная репутация. И все уважают ваши милосердные деяния.

— И что с того? — строго ответила Одиль. — Мустафа Кемаль потерял контроль над своими людьми, а темнят грекам. Как подумаю о всех невинных жертвах... — сокрушалась она, качая головой. — Приведи сюда Марию, так надежней. И прицепи это на свой балкон. Никогда не знаешь, что может случиться.

Решительным движением она протянула сестре маленький французский флаг. На многих европейских домах развешивались флаги стран, под эгидой которых находились жители. У Розы сжалось сердце.

— Одиль, мы не уедем без тебя!

— Я тебе сказала отправляться за дочерью! Ты не должна была оставлять ее одну.

— Она в большей безопасности дома, — возразила Роза.

Монахиню перехватила залитая слезами женщина с ребенком на руках, за ее юбку цеплялись два маленьких мальчика. Ее разорванная блуза была вся в крови. На ее глазах убили мужа.

Оказавшись на улице, Роза заметила, что ветер заметно усилился и изменил направление. Она посмотрела на небо, и внезапно у нее защемило в носу.

— Турки подожгли город! — кричал прохожий.

Сотни людей бежали в сторону набережной. Некоторые были наполовину раздеты, с перепачканными сажей лицами. Охваченная ужасом, Роза пыталась справиться с охватившей ее паникой. В каком-то магазине турецкие солдаты выбивали топором витрину. На углу своей улицы Роза перешагнула через неподвижное тело. Наконец француженка добралась до дома и взбежала по лестнице, выкрикивая имя Марии. Дверь была приоткрыта. Внутри никого не было. Она чуть было не лишилась чувств. Почему дочь ее ослушалась? Почему не дождалась? На кухонном столе, на самом видном месте, лежал вырванный из блокнота лист бумаги: «Вместе с Алисой пошла за тобой к тете Одиль».

Роза выбежала на балкон. Густые столбы дыма поднимались над армянским кварталом, но пожары бушевали не только там. «Пожарные не смогут их все потушить! А что, если это правда? Что, если победители решили сжечь город?»

Она вытащила из шкафа паспорт и деньги, спрятанные под стопкой белья. К счастью, Мария догадалась взять свой паспорт. По крайней мере, она сможет подтвердить свою личность. Она уже должна быть в школе, успокаивала себя Роза с трепещущим сердцем. Женщина в последний раз окинула взглядом квартиру. Сейчас невозможно

с собой взять что бы то ни было. К тому же Роза до сих пор не получила никаких новостей от Луи! Она не знала, вызвали ли его с кораблем к Измиру. Однако она знала, что адмирал Дюмениль был на приеме у губернатора. Почему же муж не пришел ей на помощь в такой страшный момент? Она еле сдерживала рыдания.

На улице Роза столкнулась с хозяйкой квартиры, которая под руку с сыном также покидала дом. От едкого запаха дыма резало глаза. Было невыносимо жарко. Прокладывая себе дорогу локтями, женщина обогнала группу стариков и детей. Прямо перед ней мать упустила ребенка, которого тотчас затоптали. В панике Роза представила себе Марию, брошенную на произвол судьбы в толчее. «Господь милосердный, сделай так, чтобы она осталась цела и невредима!» — мысленно взмолилась мадам Гардель.

От сильного приступа кашля она согнулась, потоком толпы ее прижало к фасаду здания. Она услышала зловеющий треск. Кто-то крикнул ей быть осторожнее. Дождь из черепицы и горящих балок посыпался на тротуар, словно сноп искр. Роза подняла руки, пытаясь защититься.

Крыша рухнула прямо на женщину и разбила ей голову.

Луи сходил с ума. Примерно три километра набережной представляли собой сплошной пожар. Холмы скрылись за клубами дыма. Время от времени раздавались взрывы. Вероятнее всего, взлетали на воздух склады пороха и боеприпасов. В бинокль француз видел, как сотни тысяч беженцев толпились на знаменитой измирской набережной. В самой гуще этого апокалипсиса были его жена и дочь.

Катер боролся с течением. Луи одной рукой держался за борт, проклиная судьбу за то, что задержался в водах Черного моря дольше, чем предполагалось. Но кто мог предвидеть такую трагедию? «Это Рим, и Нерон созерцает дело рук своих», — заявил ему недавно молодой лейтенант, намекая на Мустафу Кемалю. Слухи очень быстро распространялись среди офицеров. Поговаривали, что турецкие солдаты поливали дома керосином и перерезали пожарные шланги. На глазах у французских военных турки совершили самосуд над греческим митрополитом Хризостомом¹: его избили, после чего отрезали уши и нос.

¹ Хризостом — последний митрополит Смирны, принявший мученическую смерть в августе 1922 г., был канонизирован Элладской православной церковью 4 ноября 1992 года.

Европейские моряки увеличили количество перевозок, эвакуируя своих граждан. Задачу усложнял шторм. Да и не у всех судов были подходящие шлюпки. Лодка Луи наконец пришвартовалась, о борт ударился труп. В надежде сбежать из пекла люди бросались в воду. Большинство несчастных тонули.

Луи первым соскочил на пристань. Стоял зловонный запах горелой плоти, повсюду была паника; он немного растерялся. Бесцеремонно расталкивая веслами греков и армян, британские матросы защищали медсестер, сопровождавших матерей с грудными детьми. «У них наверняка паспорта оформлены надлежащим образом», — подумал Луи. Он был возмущен поведением офицеров Его Величества, которые сейчас слушали Карузо на борту своих кораблей. Спасаясь из ада, тысячи пострадавших надеялись на помощь Франции, которая была не столь внимательна к удостоверениям личности. Морские пехотинцы с примкнутыми штыками старались выполнять указания, в первую очередь эвакуируя сиротские приюты и школы.

Луи принялся искать Розу и Марию в длинной веренице людей, терпеливо ожидавших своей очереди. Он выкрикивал их имена, но рев и грохот заглушали его голос. Вдруг он заметил сестер милосердия. Спотыкаясь о тела и брошенные чемоданы, он пробился к одной из них. За одежду француза цеплялись незнакомые люди, ему приходилось отбиваться. Он спросил у монахини, где находится конгрегация Нотр-Дам-де-Сион, и та указала на другую сторону набережной. С надеждой он бросился туда. Какая-то женщина попыталась впихнуть ему своего ребенка, он в ярости отпрянул. В полном изумлении он наблюдал, как отчаянные матери бросали своих детей че-

рез ряд штыков в надежде, что их заберут великодушные люди.

Наконец офицер заметил свояченицу. Одиль в перепачканной пеплом и пропаленной на плече одежде пыталась направить девочек, державшихся за руки. Он поспешил к монахине и схватил ее за руку.

— Одиль, это я, Луи! Скажите, Роза и Мария целы? Не вредимы?

Она в замешательстве посмотрела на него, от дыма у нее слезились глаза.

— Мария недавно поднялась на корабль! — крикнула она. — Но я не видела Розу с самого утра.

— Вы не знаете, куда она могла пойти?

— Луи, вы шутите? Оглянитесь вокруг! — крикнула Одиль, тряся пачкой бумаг. — Давайте, дети, проходите!

Рискуя свалиться в воду, Луи подбежал к пирсу, чтобы убедиться, действительно ли Мария на корабле. Но, к сожалению, ее невозможно было разглядеть среди пассажиров. Катер удалялся по маслянистому морю, окрашенному в красный цвет. Не оставалось иного выхода, как довериться Одиль. У Луи стоял ком в горле. Офицер заметил, что многие лодки перевернулись, не доплыв до кораблей. От жара загорелись швартовы. Монахини стали кричать, заставляя детей отступить назад. Луи приказал шлюпкам отчаливать. Молодые лейтенанты не справлялись, и он сам стал командовать операцией. Какого черта Роза не послушалась его? Он столько раз советовал ей уезжать отсюда! Он упрекал себя за то, что не настоял на своем. Теперь из-за него жена и дочь должны пережить этот ужас. Время от времени Луи пытался отыскать Розу взглядом. Она придет. Он был в этом уверен. Несмотря на хаос, несмотря на метания отчаявшейся толпы. Она подожмет губки, делая ему

выговор за то, что явился так поздно, и единственный раз в ответ на ее упреки он улыбнется.

На холме, в огромном тихом саду, наполненном ароматами глициний и роз, Ханс Кестнер смотрел, как Измир исчезает в огне. Лишь турецкий и еврейский кварталы со стороны холмов казались еще не тронутыми. Он подумал об ужасе жителей, которые оказались в плену огня и которым угрожали опьяненные местью турецкие солдафоны. Бедняги не могли надеяться на милосердие губернатора Неруддина-паши, упрянца, который задал трудную задачу Гази при продвижении к Измиру. У этого человека были личные счета с городом. Отсюда его выбросили, словно тряпку, тремя годами ранее, когда город был завоеван греками.

Огромные клубы черного дыма поднимались над крышами, колокольнями и минаретами. Немец наблюдал один из самых страшных пожаров в истории. Троя, Карфаген, Рим... Пылающий вихрь стихии разрушал жизни людей, целые города, а иногда даже цивилизации. Удрученный, Ханс присел на каменную скамью. Позади слышались шаги. Рахми-бей, совершенно спокойный, курил сигару.

— Рахми, зачем нужно захватывать город и потом наблюдать, как он сгорает дотла? — спросил Ханс боевого товарища. — Зачем допускать такие вещи? В этом же нет никакого смысла.

Молодой генерал пожал плечами.

— Некоторые считают, что мы сознательно подожгли его. Но это абсурд. Зачем уничтожать то, что нужно самим, не так ли? Это, скорее всего, работа мародеров или армянских саботажников, — заверил он. — А может, и самих греков. Кто знает? Они уже сожгли столько поселений, совершили столько побоищ... И к тому же днем поменялся ветер.

Некоторое время он наблюдал за пожаром.

— Отступая, наши противники без зазрения совести применяли тактику выжженной земли. Это старо как мир. Ничего не оставлять войскам победителя...

У Ханса от боли дернулась нога. Он осторожно ее вытянул. После ранения он иногда задумывался, не остался ли под кожей осколок.

— Ты прекрасно знаешь, что турки недолголюбивают Измир за то, что это город неверных, — упорствовал Ханс. — Многие из вас ненавидят этот город. Хотя я провел здесь счастливое время, когда участвовал в раскопках Эфеса.

— Греки получили по заслугам! — вспыхнул Рахми-бей. — Даже европейские наблюдатели подтверждали их варварство. Ты же видел искалеченные трупы женщин и детей. Они заперли невинных людей в мечети и подожгли их... Я надеюсь, ты не забыл об этом? — закричал он с помрачневшим от ярости лицом. — И речи быть не может о прощении!

Разве Ханс мог забыть? Когда его подразделение продвигалось к Средиземному морю, он с ужасом наблюдал развалины деревень и истерзанные тела, которые даже не удосужились похоронить.

— А они тебе расскажут о столетиях притеснений со стороны Османской империи. — Ханс горько усмехнулся. — Этому нужно положить конец. Гази сказал, что однажды вам придется заключить союз с греками.

— Политикам — возможно. Но нам — никогда! Ханс, ты идеалист. Тебе прекрасно известно, что империи всегда заканчивают свое существование в крови и слезах. Мы восстановим Измир. Он станет турецким, он снова обретет душу. Возможно, это будет не тот город, который ты сейчас жалеешь, но, поверь, он будет прекрасен!

Рахми-бей затянулся сигарой и резко развернулся на каблуках. Ханс вздохнул. Возникающие между ними раз-

ногласия были словно вспышки молний. Однако дружба всегда брала вверх в стычках. Мужчины уважали друг друга. Рахми-бей иногда вел себя подозрительно, но был не злопамятен.

«Конец империй» выпалил турок. До османов земля Малой Азии знала множество господ. Задумчивый Ханс смотрел на пожирающее Измир пламя, чувствуя, что такую же трагическую судьбу пережила империя хеттов. «Голод и огонь, — подумал он. — Два великих бедствия испокон веков».

Сиреневые полосы бороздили небо на горизонте. Стояла теплая пора, такая дивная в этой части мира. С террасы донеслись взрывы смеха и звон стаканов. Зажглись фонарики. Офицеры праздновали победу и удачу своего главнокомандующего. В генштаб к Гази приехала молодая женщина. С закрытыми волосами, но открытым лицом. Лафите-ханым была красивой, образованной и умной женщиной. Она пригласила командующего отдохнуть в доме своего отца, богатого торговца. Кое-кто уже поговаривал об их браке.

Мысли о Лейле неотвязно преследовали Ханса, хотя в его памяти черты лица любимой были странным образом размыты. Охваченный тревогой, он стал размышлять, откуда это внезапное помутнение. Затем с силой нахлынули воспоминания о ночах, проведенных вместе с турчанкой в Ангоре. Маленькая комната, в очаге слабо горит огонь, восточные ароматы, красная тафта, губы и тело любимой, изгиб ее шеи, искры ее темных глаз, постоянно возобновляющееся желание, утешение на ее груди, забвение и возрождение в ее лоне... Ханс изголодался по Лейле, по вечности, которую она ему дарила своим дыханием и движением бедер. Остаться вдали от любви было преступлением против жизни.

Дурманящий аромат жасмина вызвал у него прилив тошноты. Он наклонился вперед, пытаясь прийти в себя. Уже слишком долго война портила ему жизнь. Случалось, что он сомневался. Сомневался во всем. «Нужно отдохнуть, вот и все, — успокаивал себя Ханс. — Никто тебя не заставляет выбирать такую судьбу». Он мог бы остаться в Берлине, где восхищенная публика приходила послушать его лекции. Он мог бы стать знаменитым. Выдающейся личностью. Далеко от страха и грохота оружия. Но его истина была в чужих краях, на этой выжженной солнцем земле.

Он решил воевать ради Лейлы. В память об Орхане и таких же юношах, как брат любимой, павших в двадцатилетнем возрасте, мечтавших воплотить в жизнь надежду о свободной Турции. Как этим не гордиться? Однако Ханс был сыт по горло. Поговаривали о подписании в следующем месяце перемирия, которое положит конец войне. Победители-кемалисты раскладывали на столах переговоров новые дипломатические карты, но эта политическая борьба не для него. Он выполнил свой долг.

Спустился вечер. Хансу не удавалось побороть ни тревогу, ни тоску по благодатным дням, проведенным в Ангоре. Откуда у него этот страх? Разве Лейла не пообещала всегда находить пути, чтобы они были вместе? Она всегда сдерживала слово. Она обладала решительностью тех женщин, которые преодолевают любые бури. А мужчины, как он, теряются в сомнениях, беспокойстве, нетерпении.

Горизонт со стороны Анатолии терялся во тьме. Измир догорал у него на глазах в красных и золотых мерцаниях огня. Ханс сидел в одиночестве на каменной скамье, он избегал празднества, звуки которого доносились из сада. Он был привязан к любимой и ждал рассвета следующего дня, когда сдаст оружие и отправится к ней.

Стамбул, ноябрь 1922 года

Гюльбахар-ханым передернуло. Сырость пронизывала до костей. Несчастное маленькое существо, закутанное в бархат и кашемир, забытое посреди мрачного города, лишенное былого могущества...

В доме было тихо. Занимающий селямлик французский капитан носил траур по исчезнувшей в развалинах Измира супруге. В полной растерянности он бродил как неприкаянный, пожираемый угрызениями совести. Кто мог предвидеть столь трагический конец для такой непримечательной женщины? Роза Гардель поднялась в глазах Гюльбахар. Красивая смерть порой оправдывает жалкое существование.

Гюльбахар поджала губы. Смерть была и здесь, притаилась в углах ее кошмаров, ее беспросветных дней. Она разъедала стены, грызла византийские арки, точила паркет конака, расшатывала заборы бедняков, проникала в ханаки дервишей, в стоящие на якоре лодки, пожирала аромат пряностей и блеск хрусталя во дворце Долмабахче. Ночью смерть сопровождала бекташи¹ и выплывала в бассейнах хаммамов.

¹ Бекташи — суфийский орден, основанный Хаджи Бекташи в XIII веке. Близок к шиизму и содержит элементы христианства.

Черкешенка прокрутила большим пальцем кольцо с изумрудом. Она похудела. Руки были усеяны коричневыми пятнами, кожа потускнела. «Скоро я стану похожа на старую козу», — с отвращением подумала она. Вспышка негодования заставила ее расправить плечи, хотя рядом никого не было. Никто не мог заметить проблеск ярости в ее взгляде. «Полноте, ты вовсе не старая!» Лишь душа казалась ей иногда слишком большой для ее телесной оболочки, которая день ото дня ветшала.

«А за что бороться?» — подумала она, приглаживая край длинного бархатного платья. Она была потрясена новостью, которую ей сообщил Селим. Хотя Гюльбахар-ханым никого и не ждала, она с особой тщательностью оделась, словно возводила иллюзорную стену между собой и неизбежным. Она провела рукой по вышитым серебром цветам. Такая тонкая работа. Османская гордость.

Как противостоять предательской меланхолии, которая окутывала Стамбул зимой, когда небо и море сливались в единый перламутрово-серый веер? Туман цеплялся за черепицу, дождь лил ручьями по тусклым камням мечетей. Боясь снова потерять над собой контроль, как в тот раз, когда на сына совершили покушение, Гюльбахар хлопнула в ладоши. Тотчас же открылась дверь, по толстому ковру заскользила служанка и поклонилась.

— Пойди и скажи Али Ага, что я решила выехать в город. Пусть немедленно приготовят карету!

Озадаченная девушка широко раскрыла глаза. Обычно хозяйка не импровизировала. Ее выходы были строго регламентированы. Визиты к подругам, поездки в хаммам или на официальный прием к падишаху требовали тщательных приготовлений, следовало соблюсти множество деталей, выбрать наряд и сопровождающих, корзины провизии. Такое импульсивное решение привело служанку

в замешательство. Увидев ужас девушки, Гюльбахар вышла из себя:

— Давай-ка, поторопись! Это не так уж трудно!

Она чувствовала усталость. От нее зависело столько людей. Все домочадцы, ремесленники, мелкие торговцы, нищие квартала... Что с ними будет? Она следила за бесперебойной работой благотворительных организаций. Ее тихие, но компетентные действия поддерживали равновесие в обществе. «По крайней мере, в османском обществе, каким я его знала до сих пор», — с горечью подумала она. Началась революция. Она слышала ее приближение, ощущала ее нестройный и быстрый пульс. Пробуждалась новая турецкая нация. Черкешенка была достаточно проницательной, чтобы догадаться, что для такой женщины, как она, места в новом мире не найдется.

В длинном черном пальто и феске, Али Ага сидел на скамье рядом с хозяйкой. У него был насморк. Причуда гулять по городу казалась ему не только бесполезной, но и вредной. К тому же Ханым Эфенди настояла на поездке в отвратительные французские кварталы на противоположном берегу Золотого Рога.

— Не делай такую мину, — пошутила Гюльбахар. — От тебя прямо разит недовольством.

Он лишь молча высморкался в шелковый платок, который обязательно выбросит, как только они вернутся домой. Карета, запряженная парой отличных, серых в яблоко кобыл, еле-еле тащилась в потоке сверкающих автомобилей, за рулем которых были нажившиеся на войне и разбогатевшие на черном рынке за счет спекуляции и расхищения бюджетных средств.

Гюльбахар дернула скрывавшую ее от взглядов прохожих шторку. Прямой и резкий свет осветил кабину,

устланную подушками с потрепанной вышивкой. Али Ага закрыл глаза. Он не хотел смотреть на зловредных иностранцев и видеть изъяны своего безупречного мира.

— Знаю, ты меня не понимаешь, но мне нужно было на это посмотреть, — настаивала Гюльбахар, поправляя белый яшмак¹.

— Ханым Эфенди, бедняк не становится богаче, когда смотрит на уродство, — пробурчал старый евнух.

Они поднялись по разбитой мостовой Галаты, где перед кабаре с яркими вывесками громоздились кучи мусора. Раздраженный Али Ага молча постукивал четками. Ему рассказывали, что здесь за совершенно ничтожную сумму можно было посмотреть, как пары занимаются любовью прямо на сцене. Он, конечно, воздерживался упоминать о таких мерзостях перед почтенной женщиной.

Плохое настроение компаньона не изменило расположение духа черкешенки. Она не была разочарована экскурсией. Все было уродливым, вульгарным, оглушительным, таким, как она себе и представляла. Печально свисали намокшие под ливнями флаги стран союзников. Женщины с мертвенно бледными лицами куда-то торопились, забрызгивая грязью ботинки и черные чулки. Глядя, как бегут эти трудолюбивые муравьи, Гюльбахар с трудом представляла, что именно они ответственны за разложение нравственности.

— Забавно, эти русские не так уж опасно выглядят, — заметила Гюльбахар-ханым, провожая взглядом женщину в шляпке-клош и облегающем пальто с меховым воротником.

Али Ага смотрел прямо перед собой.

¹ Яшмак — платок, скрывающий нижнюю часть лица.

— Они извращенные и недостойные женщины. Они возвращают благочестивых мусульман и разрушают семьи. Ничто их не пугает. Ни азартные игры, ни всякого рода наркотики.

— Можно было бы подать прошение об их изгнании из города, как ты считаешь? — весело спросила черкешенка. — Полноте, хватит нервничать! Этот квартал всегда был притоном. Лица меняются, порок остается.

— Порок распространяется! — вспыхнул Али Ага. — Теперь наши самые скромные женщины обязаны работать, а эти богатые пьют чай в отелях, в таких отелях! — выпалил он, указывая пальцем на фасад отеля «Токатлиан».

Гюльбахар-ханым плотнее закуталась в меховую пелерину. По крайней мере, русским можно сказать спасибо за то, что ввели в моду меха. Хотя она и не собиралась отказываться от традиционной одежды, она все же не устояла перед новой модной волной, накрывшей элегантных стамбульских женщин.

— Ханым Эфенди, не желаете ли закрыть шторку? — взмолился Али.

— Слишком поздно, друг мой, — вздыхая, ответила она. — Вскоре мы с тобой останемся лишь реликвиями исчезнувшего прошлого. По правде говоря, мы уже реликвии, даже если отказываемся это признать.

— Но европейцы проиграли! — возразил он. — С греками подписано перемирие. В скором времени начнутся новые переговоры в Швейцарии. И на этот раз мы явемся туда с высоко поднятой головой. Вовсе не так, как было с несчастным Селим-беем Эфенди тремя годами ранее в Париже. Разве не стоит радоваться, что все возвращается в свое русло?

Казалось, он успокаивал самого себя. Он не мог знать о свержении императора. Селим только пару часов назад

доверил ей эту страшную новость, которая распространялась с быстротой молнии. «Многие отнесутся к ней с безразличием», — с грустью подумала черкешенка. Преданность традициям была забыта уже несколько десятилетий. Уважение к падишаху ослабело.

— Слава Аллаху, что националисты Мустафы Кемаль-паши начали войну, — снова заговорила она. — Мы можем быть ему благодарны за свою независимость. Но эти люди принесли с собой новые веяния. Разве ты не чувствуешь ветер перемен вокруг нас?

Карета набрала ход, потому что начала спускаться к Босфору. Гюльбахар попросила проехать вдоль берега до дворца Долмабахче. Военные корабли Антанты до сих пор портили вид Босфора. Союзники даже увеличили численность войск с начала осени, поскольку боялись, что кемалисты пересекут пролив и силой захватят столицу. Черкешенку передернуло от воспоминаний о том, как они все боялись бомбардировок и сражений на улицах, пока все не стихло после подписания перемирия. Однако европейцы до сих пор держали город в тисках с целью использовать этот козырь в предстоящих переговорах. Не без гордости Гюльбахар пообещала себе достойно отпраздновать их завтрашний отъезд.

Она дала знак Али Ага, тот постучал тростью по крыше, и кучер остановил карету.

— Вы же не собираетесь выходить, Ханым Эфенди? — воскликнул евнух.

— Собираюсь. Хочу немного пройтись.

— Но дождь!

— Не перечь и открой дверь!

Али Ага раскрыл огромный черный зонт. Порыв ветра задрал красный шелковый фередже, и черкешенка ловко подхватила его полы, другой рукой придерживая пелерину.

На фоне погруженного в туман берега ее яркий силуэт выделялся размытым пятном. Рыбаки кланялись необычной, безразличной к зевакам паре, которая так медленно двигалась по набережной, словно в запасе была целая вечность. Гюльбахар вспоминала о благословенном времени, когда она летом прогуливалась здесь и возвращалась в конак переполненная радостью. В те времена ей казалось, что мир сотворен для того, чтобы она была счастлива. Она взяла Али Ага под руку — скорее для того, чтобы поддержать его, а не из-за боязни оступиться.

На самом берегу возвышался величественный Долмабахче. Фасад здания украшали мрамор, разноцветная мозаика, кружево из сепиолита. Все это переливалось и сияло подобно опалу. Гюльбахар показалось, что она слышит смех и возгласы, шорох шелка. Она вспомнила, как находила утешение на пышной груди калфы, вдыхая едкий запах ее пота. Она попала во дворец маленькой босой растрепанной дикаркой, а покинула его свободной девушкой, обладательницей щедрого приданого, благодаря чему вышла замуж за уважаемого пашу. Она никогда не испытывала любви к своему супругу, но тот обожал ее какой-то собственнической любовью. «И это было действительно так», — подумала Гюльбахар. Ей хватило ума и хитрости удовлетворять его, никогда не подвергая себя опасности супружеской измены. Когда он умер, она, к своему удивлению, испытала такое огорчение, которое не могла даже представить.

— Али Ага, падишах свергнут, — сообщила она без лишних слов.

Ее верный слуга остановился.

— Депутаты Ангоры и Гази решили, что монархия перестала существовать еще два года назад, когда британцы силой взяли город.

У нее надломился голос. Она упрекнула себя за слабость, но оккупация союзными державами повлекла за собой такие изменения в их семье, от которых они никогда не смогут оправиться. И первым предупреждением было появление в ее доме француза. Она с самого начала предчувствовала это и напрасно этому сопротивлялась. Коварная рука злого джина закрутила колесо фортуны. После этого Лейла присоединилась к движению Сопротивления и уехала в Анатолию, где почувствовала вкус риска и приключений, открыла для себя новые горизонты... И, безусловно, соблазн. Гюльбахар не была наивной. Любовь — это ответ на призыв чувств, которые, когда просыпаются, не оставляют в покое. Если нет помех, женщина поддается инстинкту. Лейла не стала исключением из правила. Но, к сожалению, как раз в этот период на руках Селима угасла малышка Перихан. Гюльбахар задрожала.

— Пришел конец правлению османских сынов, друг мой, — продолжила она.

Али Ага молчал, поджав губы. Рука, в которой он держал зонт, затряслась. Он закрыл зонт — бледный луч солнца отразился на мокрых стенах мечети и мостовой, вымощенной светлым камнем. Вдали сквозь туман вырисовывался азиатский берег. Земля Востока. И там, еще дальше, на просторах Анатолии раскаленные камни, караваны, пыль его родной страны... Память об этом он хранил в глубине сердца. Этот день имел привкус соли и диких трав, ностальгии и безумной свободы. Вкус Босфора.

— Возможно, это цена, которую нужно было заплатить нашей стране за свободу, — прошептала Гюльбахар, пытаясь подбодрить его. — Муэдзин больше не будет призывать к молитве во имя «великого и непобедимого» падишаха, теперь только во имя халифа, повелителя правоверных.

Мы все вместе будем молиться за него. Это самое главное, не так ли?

Казалось, Али Ага окаменел. Она потрясла его за руку.

— Поговори со мной!

Он раздраженно одернул ее:

— Дайте мне время оплакать исчезновение нашего мира.

— У него были тоже свои недостатки, ты это хорошо знаешь, так же как и я, — нехотя призналась черкешенка, ведь только ему она и могла открыться.

Гюльбахар запуталась в цепи противоречий. Она была счастлива, что страна освобождена и вскоре восстановит границы, с которыми она достойно предстанет перед нациями всего мира, однако терзалась от мысли о том, какие еще беды на них обрушатся.

Ала Ага с нежностью, которой она никогда за ним не замечала, положил ладонь поверх ее руки. Один из драгоценных камней, которые она ему когда-то подарила, засверкал на его мизинце. Его улыбка была бесконечно ласковой, а взгляд был полон восхищения.

— Что касается меня, Ханым Эфенди, то мне всегда нравилось наблюдать за этим сиянием.

Несколько дней спустя Селим-бей в саду вдыхал пьянящий аромат влажной земли. Прошел дождь. Его слуга-лаз, Бироль, поддерживал его под локоть, осторожно обходя препятствия. Теперь Селиму было достаточно почувствовать легкое давление пальцев телохранителя, чтобы изменить направление движения.

Его ожидали в беседке парка дворца Йылдыз, рядом с Мальтийскими воротами, недалеко от лагеря британского гарнизона. Накануне вечером в строжайшем секрете монарх пригласил Селима попрощаться. Мужчина не ожидал такой чести, как не испытывал и огорчения от спешного, почти постыдного отъезда того, кто был Божественной тенью на земле.

Как его можно в этом упрекать? Разве падишах обязан оставаться в Стамбуле, рискуя жизнью? Полиция кемалистов, не колеблясь, арестовывала бывших противников, чтобы отправить их в Анатолию, где их ожидала короткая расправа. Сторонники султана были лишены привилегий, а великий визирь был вынужден распустить правительство. Однако в последние годы некоторые министры помогали Соппротивлению, покрывая деятельность кемалистов. «Им вряд ли за это заплатят», — подумал Селим.

Кто может знать, что Гази планирует теперь? Секретарь никогда не забудет пронзительный взгляд Кемалья, его резкие черты. Четыре года назад, почти день в день, в шикарной гостиной «Пера Палас» Мустафа Кемаль встречался с секретарем и не скрывал ни своих амбиций, ни упрямства. Разве он не сообщил тогда о конце Империи? История дала на то основания. Туркам хотели оставить лишь ограниченную территорию, где они смогут пасти свои стада. С ними обращались, как с кочующими крестьянами. Их хотели лишить Средиземного моря, их кормильца. Возможно, Мустафа Кемаль был горделив, циничен и бесстыден, возможно, он был авантюристом, но он спас их честь и родину. Его имя навсегда останется в списке выдающихся людей, тех, кто переворачивает один мир, чтобы сотворить другой.

Селим ждал в вестибюле. Вполголоса Бироль сообщил о присутствии нескольких чернокожих евнухов, первого камергера и двух секретарей... «Личная охрана», — подумал Селим. Остальные дезертировали. Похолодевшие от ужаса перед неопределенностью завтрашнего дня одинокие члены правительства бродили, словно тени, по сырým и холодным приемным дворца. Ни один протокол не предписывал, как после шести столетий правления навсегда покинуть трон, один из самых роскошных и могущественных в мире.

Бироль шепотом описывал, что здесь чемоданы и ящики с произведениями искусства и что как раз заканчивают паковать золотой геридон. На столе было несколько револьверов. Страх перед покушением существовал всегда. Османских правителей преследовала навязчивая идея, что они не смогут избежать смерти от рук убийцы. Власть и кровь. Возможно, они никогда не были так связаны, как в этой династии. Селим дрожал. Хотя он и научился пола-

гаться на свою интуицию, в такой печальный момент, как этот, слепота особенно мешала.

Неделей ранее, в пятницу, ему нужно было присутствовать в мечети на берегу Босфора на традиционной молитве. Некогда грандиозная церемония с полком охраны, каретами и фанфарами, государственными сановниками в парадной одежде, дипломатами и высокими гостями теперь стала достоянием истории. Небольшая молчаливая группа мужчин. Ни одного приветственного возгласа в честь падишаха. Теперь в Стамбуле желали долгой жизни парламенту и национальному суверенитету. Однако в такие вещи Селим не особенно верил. Некоторые считали, что Аллах Всемогущий внимательнее слушал прошения тех, кто обращался к Нему в присутствии падишаха. Однако в то утро у Селима, услышавшего в священном кругу шепот голосов и шорох босых ног по ковру, появилось ощущение, что почитание последних приближенных омрачено тревогой и разочарованием.

Бироль слегка сжал локоть Селима, и тот весь напрягся. Секретаря подвели к свергнутому монарху. Крепко сжимая белую трость с серебряным набалдашником, слепой ожидал, пока Бироль укажет, где Мехмед VI, чтобы поклониться суверену. Две руки дружески опустились на плечи Селима. Он узнал голос, который приветствовал и благодарил его за то, что он смог приехать в такой ранний час. Обычные придворные речи сейчас были неуместны. Следовало переходить к главному.

— Я должен был вас увидеть в последний раз, — тихо сказал падишах. — Ваша верность не пошатнулась, несмотря на превратности и оскорбления тех, кто обвиняет меня в предательстве.

Селим низко поклонился.

— Мне и моему отцу досталась огромная привилегия делить хлеб и соль с Османским домом, — охваченный эмоциями, ответил он. — Было бы немыслимо оставить Ваше Величество в такое тяжелое время.

Селим вспомнил такое знакомое лицо. Тонкий нос, узкие губы, усы, сгорбленный силуэт. Его накрыла невыразимая печаль и горечь утраты. Султан не смог побить столь высокую политическую ставку. У него был слабый характер — странная смесь робости и гордости. На него имел слишком большое влияние его англофильский зять, великий визирь Дамат Ферид-паша. Что касается Лейлы, то она никогда не проявляла снисхождения к монарху, считала его тщеславным и переменчивым. Она не простила ему сговора с британцами, дабы спасти свой трон, тогда как Турция агонизировала. Не простила она и того, что он позволил провозгласить фетву против своего народа, восставшего против несправедливости. «Ему не хватает ума, проницательности и величия» — изобличала она монарха.

— Итак, мятежник достиг всех своих целей, — продолжил падишах. — Он не только добился моего ухода, но также упразднил трон. Не зря я относился к нему с подозрением.

Слова Мехмеда VI были горьки. Селим слышал тиканье часов. В помещении пахло сыростью, бумагой и картоном. Селим ощущал присутствие еще одного или двух человек, не более. Сын султана уезжает вместе с ним, так же как и часть его приближенных, жёны и дочери. Османская традиция семейной солидарности в несчастье.

Опасаясь прервать своего господина и повелителя, он немного подождал и произнес:

— Во всем виноваты союзные державы. Они допустили огромную бестактность, предложив Вашему Величеству

отправить в Лозанну делегацию вместе с людьми Мустафы Кемаль-паши. Националисты восприняли это как оскорбление и стали еще несговорчивее.

— Разве это действительно бестактность? Может быть, вероломный ход, чтобы избавиться от меня? — с иронией сказал падишах. — Селим-бей, я предложил вам быть одним из моих представителей. Я всегда доверял вашему мнению. Но все это в прошлом, не так ли? Как только подумаю, что в газетах меня посмели назвать трусом и преступником...

— Что бы они ни говорили, императорская семья навсегда останется в сердцах народа, — пылко сказал Селим. — Когда узнают об отъезде Вашего Величества, все почувствуют себя сиротами.

У Мехмеда VI вырвался дрожащий смешок.

— Но не стамбульцы, которые горячо приветствуют своих новых героев! Они еще удивятся, поверьте мне. Националисты мечтают о другой столице, мечтают раз и навсегда порвать с прошлым. Они не любят Стамбул. Они заняты лишь своими анатолийскими землями. Ну да ладно, меня это уже не касается, — горько закончил он.

Сообщили, что машины готовы. Мехмед VI резко отвернулся от последнего визитера, словно того и не существовало. В полной растерянности Селим позволил Биролью отвести себя к выходу. В вестибюле суетились, подсчитывая чемоданы, шкатулки с драгоценностями. Селим узнал кисловатый запах пота, запах страха.

Когда они спешно шагали к авто, Бироль отметил, что видит две английские машины «скорой помощи», а в форме красного креста скрываются лейтенанты.

— Чтобы бежать, ему пришлось попросить помощи у англичан, — пробормотал Селим, вздрагивая от холода и беспокойства.

— Это очень прискорбно, Бей Эфенди, — смущенно ответил Бироль. — Не думаю, что народ это одобрит.

— Народ скорее осудит, чем споет дифирамбы, — оборвал Селим. — Он никогда не отличался здравомыслием.

— И все же, Бей Эфенди, это столетие станет столетием народа.

Селим ухмыльнулся. За месяцы общения с лазом, который был одновременно его глазами и личным секретарем, мужчина научился ценить его высказывания.

Неподалеку кто-то зычно выкрикивал команды. На парадной площади тренировались солдаты.

— Англичане — сумасшедшие, — насмешливо произнес Бироль, придерживая дверь. — Еще солнце не встало, а они упражняются под дождем.

— На мой взгляд, они это делают для отвода глаз кемалистских шпионов. Интересно, насколько полезен Гази побег султана. Теперь не придется прятать его в дворце на Босфоре, не так ли? — язвительно заметил Селим.

Автомобиль тащился позади двух «скорых» по направлению к Арсеналу Топхане. Неожиданно у одной из них пробило колесо. Ожидая, пока солдаты сменят его, Селим вдруг ощутил себя разбитым и несчастным из-за этого жалкого побега. Он старался не ударить лицом в грязь перед монархом, но в глубине его души что-то надломилось. Ведь он так мечтал о блестящей дипломатической карьере! «В любом случае, ты — слеп», — напомнил он себе. Весьма странно, но Селим больше не огорчился по этому поводу. После первых месяцев разочарования он выбрал жизнь, а не сожаление. И это была победа над самим собой.

На набережной английский верховный комиссар и поверенный в делах посольства ждали свергнутого монарха. Они со всеми почестями сопровождали императора к катеру, куда Мехмед VI поднялся вместе со своим окружени-

ем. Вдалеке стоял на якоре военный британский корабль, готовый в любой момент отправиться на Мальту.

Селим слушал Бироля, который описывал, как катер протискивался между каиков и рыбацких судов. Лаз в черной униформе — шароварах и с кинжалом на поясе — когда-то сражался во имя османского монарха. Ему не удалось скрыть презрение к тому, как падишах убегает тайком, при содействии неверных. Он всем телом ощущал унижение. Селим понимал злость своего компаньона, у него сжалось сердце. Секретарь пережил покушение и научился прощать. Как не прощать слабость людей, которых побила судьба? Что осталось суверену, которому он верно служил годами? Высшая мера — смерть в изгнании.

В это серое холодное зимнее утро под звук горна и хлопанье парусов Селим осознал, что еще одна страница его жизни перевернута. Дождь лил на феску, капли стекали по щекам, заползали за воротник стамбулина. Повернувшись к Босфору лицом, секретарь ощутил ветер с моря и подумал, что пришло время дать Лейле то, о чем она больше не решалась у него просить. Он больше не боялся одиночества. Он не боялся ни тишины, ни ночи. Он чувствовал, что обязан этой женщине и должен проявить благородство, подарив той, которую будет любить до последних своих дней, единственное, чем она никогда не посмеет завладеть сама, — своей свободой.

Луи Гардель упал прямо на мостовой. Какой-то прохожий подал ему руку, но француз раздраженно отмахнулся. Он поднялся и отряхнул пыль с одежды. В этот вечер в Галате было достаточнолюдно. Ему было неловко из-за сочувствующих лиц лавочников, а насмешливые взгляды британских военных выводили из себя. Офицер еле сдержался, чтобы не крикнуть: «Оставьте меня в покое!»

Город был переполнен празднующими солдатами Его Величества короля Георга, прибывшими для укрепления влияния в Египте и Палестине. Между мусульманским населением и оккупантами нарастало напряжение. Однажды Луи пришлось вмешаться, когда какой-то пьяный солдат требовал, чтобы турок снял свою феску в русском ресторане. Любая мелочь могла перерасти в восстание. Что касается переговоров, начавшихся на нейтральной территории в Лозанне, то, похоже, горячие головы они не остудили.

Луи стоял напротив облупившегося здания. Он смотрел вверх, желая убедиться, открыты ли ставни. На втором этаже в одном из окон горел свет. Она была у себя. По спине пробежала дрожь. Луи пропустил телегу, которую тянул осел, и пересек улицу.

В подъезде пахло сыростью и капустным супом. На лестничной площадке было грязно. Поднявшись на второй этаж, Гардель приложил ухо к двери. Внезапно дверь открылась, и он, побледнев, отпрянул.

— Что вы здесь делаете? — опешив, спросила Нина.

Одетая в черное поношенное пальто и току¹, она подозрительно на него глядела. Луи пытался осмотреть помещение за ее спиной.

— Ты больше не работаешь в ресторане?

Она напряглась.

— Нет. А что? Разве это вас касается?

Вот уже два дня, как он наблюдал за ее домом, надеясь с ней встретиться. Признаков присутствия мужа не было никаких. Возможно, Малинин еще не выздоровел? Как узнал француз от бывшего патрона Нины, у царского офицера были осложнения после ранений. По прибытии в госпиталь он еще несколько недель был прикован к постели, затем, по слухам, сильно запил. Узнав об этом, Луи почувствовал некое удовлетворение.

— Твой муж? Как он?

Невозмутимая, она пристально на него смотрела.

— Мне нечего вам сказать, капитан. Оставьте меня в покое.

— Ты не была такой холодной, когда пришла умолять о его спасении, — раздраженно сказал Гардель. — Кажется, я помог тебе не задумываясь, нет? Могла бы быть повежливее.

— Он здесь больше не живет.

У него екнуло сердце.

— Как это?

¹ Тока — женский головной убор, обычно без полей, плотно охватывающий голову.

— Он уехал в Париж. Автомобильные заводы набирают рабочих, и он решил попробовать. Я скоро к нему поеду.

По ее взгляду Луи понял: женщина лжет. Нина попыталась его обойти, но Луи преградил путь, упершись рукой в дверной косяк. От нее пахло новыми духами. Цветочный аромат на основе розы, может, жасмина.

— Мне нужно идти, — запротестовала она.

— Мне нужно поговорить.

— В другой раз. Я тороплюсь.

— Нет. Сейчас.

Он сделал шаг вперед, заставив ее отступить в помещение. В погруженной в полумрак комнате стояли шкаф, со-
сновый стол, два стула, кровать, покрытая стеганым оде-
ялом в цветочек. За ширмой Луи заметил умывальник
и вешалку для полотенец, где сушилась пара чулок. Нигде
ничего не валялось в беспорядке. Только грязная тарелка
и стакан. Она была одна. Как и он.

Не спрашивая разрешения, Луи положил фуражку на
стол и снял пальто. Штаны на коленях были испачканы.

— У тебя нечего выпить?

Она заколебалась, потом вышла на кухню, откуда вер-
нулась с небольшим стаканом и бутылкой водки. Он вы-
пил первый стакан залпом и протянул ей, чтобы она по-
вторила.

— Роза мертва, — произнес он.

Он был доволен, что его голос не дрогнул. Луи первый
раз произнес это вслух. Это был просто абсурд! Он при-
шел к своей любовнице, чтобы сообщить об утрате супру-
ги. Бессмыслица какая-то. Что Нина могла ему дать? Уте-
шение? Оправдание? Именно разоблачение их связи
толкнуло Розу на поездку с Марией в Измир. Жена нико-
гда бы не покинула Константинополь, если бы не этот зло-
получный эпизод в ресторане, когда она застала его

с Ниной. Из-за этой русской и страсти, которую он не мог превозмочь, француз потерял все.

— Сожалею, — прошептала женщина, застигнутая врасплох.

— Она погибла во время пожара в Измире. Я пришел слишком поздно. Люди бросались в воду, спасаясь от огня, от грабителей... Нужно было вывезти сотни детей, семей, жестоко истребляемых победителями... Это было ужасно.

Нина сняла току, но оставалась в пальто.

— Пей! — приказал он, налив до краев стакан водки и немного расплескав на стол.

Женщина на секунду замялась, но, похоже, странное поведение Луи ее напугало, и она послушалась. Она залпом осушила стакан. Гардель улыбнулся. Он не ожидал меньшего от такой женщины. Роза никогда бы не выпила с такой обезоруживающей естественностью. Она никогда бы не продала свое тело незнакомцам. Его супруга скорее умерла бы с голоду, чем занялась проституцией. Некоторые женщины готовы на все, чтобы выжить, пусть даже это разрушит жизнь любящих их мужчин. Другие остаются достойными до конца.

Луи потер висок. Он снова слышал вопли на набережной, треск горящих зданий, невыносимый запах сожженной плоти... Хозяйка квартиры, гречанка, рассказала сестре Розы, как та погибла. Она мгновенно умерла под обвалившейся крышей. По крайней мере, ей повезло, что она не успела ничего осознать. Она не заслуживала страданий после всего, что он сделал.

— А ваша дочь? — спросила Нина.

— Она уехала к своим дедушке и бабушке во Францию. Она больше не хочет меня видеть. Она считает, что я виновен в смерти ее матери.

Он расслабил узел галстука, налил еще стакан и осторожно, чтобы ни капли не пролить, поднес к губам. Алкоголь освобождал от сжимающих грудь тисков. Алкоголь и опиум. Либо это — либо пулю в лоб.

— Жена рассказала дочери о нашей связи, — с горькой усмешкой уточнил он. — Мария считает, что я оказался недостойным супругом и предал их обеих. Она никогда мне не простит... Я потерял жену и дочь.

Надеялся ли он на нежность, на слова утешения? Луи пришел за тем, чего и сам не способен был до конца определить. Черты его лица стали резче, волосы поседели. Вот уже два месяца он бродил как неприкаянный, терзаемый угрызениями совести. Мало-помалу он начал подумывать о Нине. Невзирая на абсолютное непонимание и полную безнадешность их отношений, Луи был уверен в одном: он любил эту женщину, и эта невероятная любовь его уничтожала.

Нина резко вскинула голову, взгляд ее был беспощадно жестким. У Луи перехватило дыхание. На мгновение он вспомнил, какой пылкой была в постели эта русская.

— Вы, как всегда, хотите, чтобы вас пожалели, не так ли? — презрительно бросила она. — Ваша жена мертва, дочь осталась сиротой, и вы в этой истории — герой. Зачем вы пришли? Чего вы от меня ждете? Чтобы я вас обняла и утешила?

Она усмехнулась, а затем так резко наклонилась, что француз подпрыгнул.

— Нет, вы пришли, чтобы снова удовлетворять гнусные и низкие инстинкты, которые я у вас вызываю. Чтобы у вашей дочери были все основания презирать вас.

Луи почувствовал на своей щеке ее дыхание, ее презрение.

— Вы пришли переспать со мной, капитан, найти в распутстве удовольствие.

Он обхватил ее затылок и притянул к себе.

— Ты считаешь себя настолько выше меня... — процедил он сквозь зубы. — Ты не допускала моего присутствия рядом с собой. Я для тебя был всего лишь клиентом, который платил, но не любовником, не другом.

Он глубоко вздохнул.

— Что сделало тебя такой злой? Ты еще красива, но долго ли? Такие женщины, как ты, быстро стареют. Но не из-за того, что продают свое тело, а потому что у них уродливая душа.

Он выплеснул ей правду прямо в лицо. Он хотел, чтобы она наконец осознала ту боль, которой подвергала его с первой их встречи.

— Почему ты всегда отказывалась от того, что я тебе давал? От моей любви, моей дружбы? Единственный раз ты уступила, и только для того, чтобы спасти мужа. Нина, почему? — мягче добавил он.

Дрожа от едва сдерживаемой ярости, она закрыла глаза, избегая его пристального взгляда. Но Луи не намерен был сдаваться, он будет ждать сколько нужно, чтобы услышать ответы на свои вопросы.

Пелена скорби искажила ее черты. Когда Нина попыталась освободиться от его руки у себя на затылке, он удержал ее и притянул к себе ближе, да так, что ей пришлось опуститься перед ним на колени. Он нежно погладил ее по щеке, провел большим пальцем по губам, расстегнул пуговицы пальто, коснулся ее груди и почувствовал, как под его пальцами напряглись соски.

— Что ты такое сделала, что так себя казнишь? — безутешно прошептал Луи.

Кровь отхлынула от лица Нины, оставив лишь два красных пятна на скулах, где она нанесла румяна. Огорченный, Луи подумал, что сейчас она похожа на восковую куклу.

— Моя дочь... Аннушка... — запнулась она.

Луи почувствовал облегчение. Наконец, наконец-то он узнает! Внимая ее словам, он пожирал ее глазами.

— Мы бежали из Санкт-Петербурга, — безропотно продолжила Нина. — Малышка была голодна. У меня не было ничего, чтобы ее накормить, и поэтому она все время плакала. Была ночь. Поезд остановился в чистом поле. Красные поднялась в вагоны. Они искали драгоценности и деньги... Они смотрели на руки мужчин и женщин, переодетых в простолюдинов, искали аристократов. Вы же знаете, что руки все выдают. Когда они разоблачали кого-то, то выводили и расстреливали.

Вздвогнув, Луи чуть ослабил хватку, словно боясь, что Нина рассыплется на тысячу осколков. Она медленно села на корточки, глядя в невидимую точку.

— Малютке еще и года не было... Она просто хотела есть, вот и все. Я попыталась дать ей грудь, но у меня давно пропало молоко.

Нина принялась качаться взад-вперед, поднеся руки к ушам. У нее вырвался стон.

Луи сел рядом с ней на колени и силой поднял голову.

— И что потом, Нина?

— Я услышала, как вопила одна женщина. Они насиловали ее. Я побежала в другой вагон. Багажный вагон. Мне удалось взломать замок на одном огромном чемодане и спрятаться внутри с Аннушкой. Я твердила себе, что они не станут искать ценности в старом грязном чемодане. Но малышка все плакала и плакала... И тогда я прикрыла ей рот рукой, чтобы она замолчала.

Нина плакала с открытыми глазами, без всхлипываний, с какой-то странной отрешенностью и достоинством. Луи вытирал ей пальцами слезы.

— Я слышала, как они проходят мимо. Они были пьяные. Аннушка должна была молчать. Я тихонько качала ее, чтобы она не боялась, но в чемодане места было так мало... Нужно было, чтобы она молчала, пока они не уйдут, вы понимаете? Всего несколько минут, не больше. Совсем чуть-чуть. Только несколько минут...

Луи оцепенел. Все стало ясно. То бессознательное влечение, которое производила на него эта женщина-мученица. Колдовская сила тайны, которую он не мог разгадать. Ее необычайный пыл, когда они занимались любовью, ее молчаливость и злоба. Она ненавидела себя за то, что жива, а ее ребенок, ее маленькая дочь, умерла из-за нее.

С улицы доносился скрип колес, обрывки фраз, но в этой темной комнате, в этом галатском здании время остановилось. У каждого из двоих людей, сидящих друг напротив друга, была своя тяжелая ноша отчаяния и угрызений совести. Неизмеримое одиночество Луи, смерть ребенка Нины. У Луи был шанс вернуться к жизни, у Нины — никакой надежды.

— А твой муж? — выдохнул он.

От ее горькой улыбки он вздрогнул.

— Как только он меня увидел, сразу спросил, как поживает его дорогая доченька. Он думал о ней, преодолевая каждый миг своих страданий. Именно это поддерживало в нем жизнь, когда его товарищи гибли от холода и лишений. Это был его маленький огонек, искорка, его любимый ангелочек... Мне следовало бы сказать, что она умерла от какой-нибудь болезни. Не важно какой. Ведь она была еще такой слабенькой, не так ли? Он поверил бы мне. Конечно, он мне поверил бы. Ложь спасла бы нас.

Она опустила голову, развела руки в знак бессилия.

— Я сказала ему, что убила нашего ребенка.

Они долго в полумраке стояли на коленях на старом ковре. Она не сопротивлялась, когда он заставил ее подняться. Она пошатнулась, и он подхватил ее, прижимая к себе и положив щеку ей на макушку, наслаждаясь тем, что она доверилась ему. Он чувствовал некую гордость за то, что наконец открыл для себя настоящую Нину, несчастную, разбитую женщину, которую теперь мог позволить себе любить, не чувствуя вины.

Вдруг она лихорадочно начала расстегивать пиджак его униформы, борясь с пуговицами. Она обхватила пальцами лицо Луи, чтобы поцеловать, он перехватил ее запястья.

— Нина, прекрати, — тихо произнес он.

— Не говори мне, что я должна делать! Я — свободна, слышишь меня? Свободна!

Она стукнула его кулаками в грудь. Ее поцелуи были скорее укусами. Ее рвение было трогательным. Однако Луи не сопротивлялся ее порыву. Они любили друг друга без нежности, в поисках запретного облегчения. Их кожа горела. Их движения были резкими и жадными. Луи проник в тело, которое покоряло его, он упивался ароматом, губами, лоном. Он сжал ее запястья до синяков. Именно этого она хотела. Только Луи мог это понять. Его толчки стали жестче. Нина расцарапала его до крови. Он овладел ею прямо на полу, затем потянул на кровать и перевернул на живот.

Все же в этот вечер что-то навсегда изменилось в их отношениях. Отдавшись страсти, Луи ничего не заметил. Это была лишь игра двух раненых хищников, лишь поиски забытья, которое дарит схватка двух любовников. Она больше не была таинственной аристократкой, ставшей шлюхой, которую ему нравилось подчинять, доводя до оргазма. Луи заставил ее раскрыться, чтобы удовлетворить свое

любопытство, воображая, что действует для ее же блага. Сам того не понимая, он вырвал у нее из рук единственный щит. Теперь душа Нины Малининой была обнажена. Но как его за это упрекать? Разве его не учили, что лишь правда справедлива и честна? Луи забыл, что тень может быть спасительной, что существует боль, о которой не стоит говорить вслух, что молчание охраняет и что уважение к другому человеку всегда требует деликатности.

Несколько дней спустя ранним вечером в приемной Пера Палас появилась Нина. Она была в сером меховом пальто и шелковой шляпке-клош с черным пером. Портье несколько не удивился приходу одинокой молодой женщины с небольшим чемоданом. Русские могли появиться в отеле в любое время дня и ночи, по воле судьбы или своего капризного темперамента. Графиня Малинина заплатила наличными за номер с видом на Золотой Рог.

Она заказала в номер шампанское, тосты с черной икрой, а также огромный букет белых роз. Горничная приготовила ей ванну с ароматными маслами. Нина скользнула в воду с флердоранжем и почувствовала, как расслабились измученные мышцы. Аккуратно поставив бокал шампанского на край ванны, Нина подкурила сигарету. Она рассматривала свое тело, округлые упругие груди, тонкую талию, красивые бедра. Тело, которое переставало быть телом графини Малининой, а становилось телом обычной проститутки, когда она отдавалась случайным мужчинам. Сейчас же она с удовольствием наслаждалась покоем и тишиной.

Закутавшись в пеньюар, Нина растянулась на кровати, скрестив руки на груди. От икры во рту был привкус йода. С затуманенным взглядом она, улыбаясь, потянулась. Затем тщательно накрасилась, поправила пояс, надела

шелковые чулки. Прямое платье из темно-синего жоржета было свободно на талии. Тонкие жемчужные бретели гармонировали со вставками, подчеркивающими бедра. Ей лишь не хватало украшений, чтобы завершить иллюзию. Сегодня утром она продала последнюю пару серег, которые ей подарили родители на пятинадцатилетие. Ювелир скривился. Золото, рубин и алмазная крошка. «Мило, но почти ничего не стоит», — заявил он, глядя одним глазом в маленькую лупу.

Нина не спорила. Теперь было на что купить вечернее платье, шубу и позволить себе ночь в Пера Палас. Она распахнула окно. Накинув на плечи шубу, она вдыхала холодный ветер, спустившийся с равнин. Сердце сжалось от тоски по санкт-петербургским зимам. Зубчатый силуэт города — минареты, купола, крыши мусульманских кварталов — все было погружено во мрак, на каиках замерцали фонари. В Пера начинался праздник для тех, кто пришел выпить под звуки цыганских оркестров. Лишь установленный комиссариатом комендантский час положит этому конец.

Со стороны минарета донесся призыв к молитве. Мелодичное и пронзительное эхо отражалось от холмов, охватывая весь город. На долю секунды божественное дыхание наполнило Нину величием. Каждое воскресенье она поднималась по винтовой лестнице на последний этаж одного галатского здания. В маленькой православной русской часовне, где пахло ладаном, под взглядами святых с золочеными нимбами она кланялась и целовала икону Божьей Матери с Младенцем. Затем зажигала тонкие желтые восковые свечи за души тех, кого любила. Иногда на нее опускалась такая печаль, что на лбу выступал холодный пот. Несмотря на то что Господь оставался глух к ее молитвам, она не сдавалась. Он уже давно ей не отве-

чал, с того самого серого утра, когда она похоронила свою девочку, просто закопав в земле, потому что в округе не было кладбища. Для недостойной матери Божьей карой стало молчание.

Нина спустилась в обеденный зал. Ничто не могло ее здесь впечатлить. Венецианские люстры, дамасские скатерти, фарфор с золотым ободком, серебряные приборы и хрусталь не могли соревноваться с роскошью императорских дворцов, где она провела свое детство. Она заказала лучшие блюда. У сомелье — «шато лафит». Будет удивительно, если ни один из присутствующих мужчин не попытается подойти к ней. Иностранные агенты, биржевые игроки, ожидающие разрешения Лозаннской конференции, писатели, американские журналисты, путешественники, жаждущие экзотики, кем бы они ни были, богатые, коррумпированные, неверные мужья или потенциальные любовники, все тайком поглядывали на нее. Она загадочно им улыбалась и бросала откровенные взгляды.

К полуночи, когда она сидела в красном бархатном кресле у бара, к ней подошел один из них. Незнакомец предложил угостить ее выпивкой, и она, не раздумывая, согласилась. У него было загорелое лицо и орлиный нос. Он наклонился прошептать ей что-то на ухо, Нина ощутила на щеке его дыхание, вдохнула аромат одеколона с лесными нотками. Она с удовольствием представила жизнь в Дамаске или Александрии. Теплый дом, фонтан на патио, укрытую противомоскитной сеткой колыбель. Она была молода, ей не было и двадцати пяти. Нина не хотела больше трагедий, бродячей жизни, презрения. Рождались миражи, один волшебнее другого. Мужчина говорил по-французски с мелодичным восточным акцентом. «Существует столько жизней в одной жизни», — сказал он чуть позже,

целуя ее руку и заставляя ее пообещать, что она найдет его на следующий день. Забавно — иногда достаточно один раз бросить кости, чтобы перевернуть ход судьбы.

Нина провела восхитительную ночь в одиночестве, проснулась на рассвете. Все шло, как она хотела. Она хотела бы подарить свое вечернее платье горничной, но хозяин гостиницы никогда не согласится передать такой подарок служащей.

Графиня Малинина дала чаевые лакею, который придержал ей дверь. Она покинула отель и, стараясь не оступить на булыжниках мостовой, направилась по улочке, уходящей направо. У подножия Галатского моста чайки вились вокруг рыбацких суден, дети отковыривали устриц, прицепившихся к буям, чуть дальше черный дымок парохода поднимался столбом в небо, где серели звезды. Она внесла плату и ступила на мост. Бодрящий ветер пах рыбой и солью. Она порадовалась началу прекрасного дня.

Никто не успел вмешаться, когда молодая женщина перешагнула через перила. Она действовала решительно и без колебаний. Этим утром Босфор сиял синевой, пере-секаемый морскими течениями и вспышками света.

— Рахми-бей, это невозможно. Я никогда не смогу сделать такого!

Лейла была в полной растерянности. Предложение генерала-кемалиста казалось ей неприличным.

— Почему нет? — настаивал он, держа руки за спиной и рассматривая мокрый сад конака. — Ведь Халиде Эдип была переводчиком во время подписания перемирия в Муданье. Наша делегация в Лозанне насчитывает около двадцати советников, двух представителей прессы и еще несколько секретарей. На данный момент у нас только один переводчик. Вы говорите на нескольких языках, и вас знают благодаря вашей писательской деятельности. Вас уважают.

Он повернулся к ней с таким напряженным видом, который поразил ее еще при первой встрече в Эюпе, когда она просила спасти Орхана.

— Это будет очередная возможность послужить своей стране. Разве вы не этим занимаетесь с первой нашей встречи?

Польщенная и смущенная, Лейла почувствовала, как у нее запылали щеки. Еще несколько месяцев назад мысль о том, чтобы уехать за границу, одной, в рамках официальной

делегации, была бы просто недопустимой, и женщина подумала, не смеется ли над ней генерал.

Когда Рахми-бей прислал ей записку с просьбой встретиться, она не спросила разрешения ни у свекрови, ни у мужа, а лишь предупредила Али Ага, что вечером к ней явится герой освободительной войны и она примет его в большой гостиной селямлика. Когда Мария вернулась во Францию, Луи Гардель настоял на том, чтобы Селим вернул себе весь дом, где француз теперь жил в качестве гостя. В доме снова царила гармония.

Чтобы успокоиться, она налила генералу кофе, отказавшись от предложения Али Ага позвать служанку. Затем обошла комнату, зажигая лампы. Рассеянный свет оживил золотые нити бахромы ковров. Селим был очень доволен возвращением владения. «Это также способ быть от меня подальше», — подумала Лейла. Она не испытывала огорчения. Поскольку в распоряжении супруга был верный Бироль, он справится без нее.

— Это разумно, но опасно, — заметил Рахми-бей.

— Простите?

— Электричество. Сколько сгорело йали, после того как в начале оккупации европейцы их электрифицировали? Они ничем не пренебрегали, реквизируя дома. В Ангоре все по-другому. Там строят новые дома, адаптированные для электрического освещения.

— В Ангоре все по-иному, — с улыбкой ответила Лейла. — Теперь это сердце нации.

Она не посмела признаться, что эта мысль начинала ее беспокоить. Мустафа Кемаль-паша недолго любил столицу на Босфоре, погрязшую в коррупции османской элиты, во лжи и двуличии. Какую судьбу он оставил для Стамбула? Вот уже несколько лет, как все политические силы сосредоточились в Анатолии. Султан, словно вор, бежал среди

ночи, а его кузен Абдул-Месит был недавно избран Великой Национальной Ассамблеей повелителем правоверных, что само по себе нелепость, но меньшее из зол — по крайней мере, халифат останется гарантом исторической неизблемости. Тем не менее поговаривали, что Гази думал о его упразднении. От приближенных Кемаль не скрывал, что охладел к религии, к сиянию достопочтенного османского мира, пропитанного мусульманской верой и суфизмом. Теперь, когда война была окончена, интерес молодой женщины к великому человеку улетучился. Осталось лишь дурное предчувствие. Она опасалась радикальных и болезненных перемен.

— Вы о чем-то задумались? — тихо спросил Рахми-бей.

Лейла присела, скрестив руки. У нее были закрыты лишь волосы. Он подумал, что никогда не перестанет восхищаться ее совершенными чертами.

Лейла глубоко вздохнула.

— Рахми-бей, я вам безгранично благодарна за оказанную честь, но, к сожалению, должна отклонить ваше предложение.

— Но почему, в конце концов? — вспыхнул он. — Это возможность прожить исторический момент! Из всех мирных договоров, ратифицированных с 1918 года, этот единственный, который достигнут в результате переговоров, а не навязан европейцами.

— Турки считают, что отправляются туда победителями, но я не уверена, что лорд Керзон разделяет наше мнение, — уточнила она. — Иismet-паша должен будет проявить неимоверную стойкость, заставить британцев признать тупецкую государственность во время переговоров.

Рахми-бей восхищенно улыбнулся.

— Вы же очевидно в этом заинтересованы! Я читал ваши статьи на эту тему. Уверен, что вы горите нетерпением поехать туда.

Лейла не без удовольствия представила себя ассистентом в комитетах, обсуждающих границы Ирака, Сирии, господство над Проливами, капитуляцию и долг Османской империи. Не опустят и болезненную проблему внешней торговли между Турцией и Грецией.

Она собралась с мыслями и подняла руку в знак возражения.

— Это было бы несправедливо по отношению к супругу, который всегда со всем усердием представлял интересы нашей родины. Даже если он разрешит мне, ему будет больно видеть, как я буду играть роль в этих переговорах, какой бы скромной она ни была, тогда как он приговорен к молчанию.

К огромному удивлению, Лейла заметила, что у нее дрожит голос.

— А я слишком уважаю его, чтобы так с ним поступить. Рахми-бей немного наклонился вперед.

— Ну, поскольку вы так решили, Ханым Эфенди... Я прекрасно вижу, что вы об этом сожалеете, но ваша скромность делает вам честь. Вы одна из тех темпераментных и сердечных женщин, в которых Турция будет нуждаться в будущем, — пылко добавил он.

Он наклонился за папкой для документов и извлек большой конверт. Немного оробев, он выдержал паузу. Хотя он был крепко сложен, он вдруг почувствовал, что тело его не слушается. Он ненавидел быть посланником плохих новостей. А этой женщине он хотел бы приносить только радость.

— Я должен передать вам это. После сражений я сделал все возможное, чтобы отыскать тело Орхана. Мы смогли достойным образом его похоронить. Я подумал, что эти вещи должны принадлежать вам, но не хотел отправлять их по почте, понимаете?

Лейла приняла конверт. Дом до сих пор носил следы присутствия младшего брата, того, кого она в детстве утешала, кормила и защищала. Он был ее доверенным лицом, ее сообщником. Иногда она поднималась в его комнату, ложилась на тахту и зарывалась лицом в подушки, чтобы уловить его запах. Она не смогла избавиться от его одежды и поэтому сложила все в сундук, инкрустированный перламутром. Иногда ей слышался его голос, и она, замирала, поднимая голову.

Рахми-бей попытался скрыть растерянность, наблюдая, как она распечатывает конверт. Скорбь Лейлы бередила закрытые в самой глубине его души трещинки. Так происходит, когда любишь женщину тайно.

— При нем был блокнот. Сожалею...

По ее телу пробежала дрожь. Лейла едва коснулась пятен крови на картонной обложке. Страдал ли Орхан? Было ли ему страшно? Или смерть застала его врасплох посреди боя? У нее закружилась голова, когда она представила себе раненого Орхана, в агонии. Лейла смотрела на зажигалку, расческу без нескольких зубьев, какие-то мелкие бытовые вещички, сжала в руке наручные часы, которые подарила ему на день рождения. Циферблат был разбит.

В блокноте она обнаружила несколько отрывков стихов, карикатуры: Гюркан с родимым пятном, Ахмет с торчащими волосами.

Еще был план археологического участка, эскиз сфинкса из Хаттуши, столицы хеттов. Детская мечта Орхана, которая так и не осуществилась. На обратной стороне листа было лицо Ханса. Не фантазия, а настоящий портрет: немец, прислонившийся к дереву, с расстегнутым воротом и засученными рукавами. Сила его улыбки поразила, ее

как в первый раз. Внизу страницы было нацарапано: *Для Лейлы*. Орхан собирался отправить это ей? Она побледнела. Значит, младший брат обо всем догадался. Увидев, с какой точностью он передал карандашом эмоции во взгляде своей модели, она поняла, что он был счастлив за нее.

Ей понадобилось время, чтобы прийти в себя.

— Благодарю вас. Я тронута. Представляю, каких трудов вам стоило найти его тело...

Ее голос понизился до шепота.

— Я был очень привязан к Орхану, — в отчаянии произнес Рахми-бей. — Этот парень многого стоил. Я бы хотел иметь такого сына, как он.

— Он отправился на передовую вместе с вашим племянником, не сказав мне об этом. Я считала, что он в безопасности, что занимается всякой бумажной работой, — с натянутой улыбкой сказала Лейла. — Какой же я была наивной! В двадцать лет всегда рвутся в бой, не так ли? Совсем не боятся смерти.

— Он думал, что защитит вас своим молчанием.

— Лучше бы он подумал о себе! Орхан был частичкой меня. И все это стремление к свободе, желание быть мужчиной, иметь возможность выбирать свою судьбу...

Ее взгляд был пустым, черты лица застыли.

— Стало быть, по-вашему, быть мужчиной — это привилегия?

— Это не так, я не завидую жизни мужчин. Препятствия заставляют женщину отдавать лучшее. Мне это нравится.

Рахми-бей подумал, что Лейла-ханым воплощала в его глазах самые лучшие качества, которые можно ожидать от женщины: разум и достоинство, верность национальным ценностям, вкус свободы и смелость любить.

Дождь по-прежнему хлестал по окнам гостиной. Рахми-бей уходил. Он поклонился, поднес ее руку к губам, по-европейски, затем украдкой ко лбу.

В доме не было слышно ни звука. Время от времени поскрипывал паркет. Молодая женщина долго просидела одна с открытым конвертом на коленях. Стесняясь проявить эмоции перед гостем, она сделала над собой огромное усилие, чтобы не расплакаться. Теперь она тоже сдерживала слезы. Только бы не дать им волю! Если она начнет сокрушаться, то неминуемо вспомнит о Перихан. Под грузом печали Лейла свернулась клубком, спрятав лицо в ладони. В пустых руках она ощущала всю тяжесть призрачного тела своей доченьки. Она безнадежно надеялась принять это бесконечное наказание, по ее венам до сих пор струилось горе.

Она сожалела, что не спросила у Рахми-бея о Хансе, но ее вопрос был бы неуместен. Два месяца назад Ханс прислал ей письмо, в котором рассказывал о пожаре в Измире. С тех пор никаких известий. Впервые она уловила между строк усталость, близкую к унынию, и он не оставил обратного адреса. Но это ее несколько не смутило. Для мужчины пустыни и высокогорья молчание было естественно, как дыхание. Уж слишком долго он страдал от войны, и, кажется, его боль достигла пика. Он, вероятно, укрылся в какой-нибудь затерянной в Анатолии деревушке, где мало кто его знает. Она уважала его желание оставаться в одиночестве, это напоминало духовные искания, и она не испытывала ревности или злости. Лейла не была собственницей. С тех пор как она полюбила Ханса, она оценила, как расстояние придает любви особый вкус. Они оба научились приручать расставания, не сомневаясь друг в друге. Их невероятная и необычная любовь торжествовала над молчанием. В редкие моменты сомнений она задавалась вопросами. На что он мог

с ней надеяться? Не было ли несправедливо заставлять его ждать ради неясного будущего? Ей не хватало смелости по-рвать с ним. Она предпочитала уверенность во взаимном чувстве, пусть их и разделяют километры, бездонной пустоте разрыва.

В коридоре раздался голос Селима. Молодая женщина закрыла блокнот и поспешно спрятала в конверт вещи Орхана. У нее не было желания разговаривать с мужем. Зажигалка брата выскользнула и покатилась по ковру.

— Лейла, ты здесь?

Она замерла с бьющимся сердцем. Невозможно лгать слепому. Это было бы неопикуемой трусостью.

— Мне нужно с тобой поговорить, — продолжал он. — Можешь уделить мне немного времени? Прошу тебя.

Она задрожала и поспешила покориться. Он будет ее упрекать за то, что она приняла в их доме Рахми-бея? Когда-то она побоялась бы его ярости. Когда-то она ни за что бы не совершила подобного преступления!

Расправив плечи, Селим смотрел в ее сторону так волнующе и пристально, словно ощущал ее сущность точнее, чем ранее видел плотскую оболочку.

— Лейла, я не буду вилять. Эта новость, наверное, тебя удивит.

Он вздохнул, набираясь смелости.

— Я решил вернуть тебе свободу, о которой ты попросила меня два года назад. Тогда я не мог представить, что приму такое решение, — объяснил он, его сбивчивая речь выдавала волнение. — Важно действовать, когда этот момент благоприятен, понимаешь? Это вопрос гармонии. Интуиция, которую чувствуешь, если внимателен, как я, к музыке вещей. И этот момент пришел.

Ошеломленная Лейла прижала к груди конверт Орхана. Другая жизнь. Она так о ней мечтала! Откуда же ощу-

шение, что она на краю пропасти? Она застыла, не в силах произнести ни слова.

— Почему ты ничего не говоришь? Ты ведь должна быть счастлива, разве не так? — раздраженно произнес Селим, который терпеть не мог ощущение пустоты, когда он не видел никаких признаков реакции другого человека.

Он пошарил тростью по ковру, наткнулся на ножку мангала, обошел его и присел.

— Селим, это ты решил, что пришел момент, — упрекнула она. — Ты не спросил моего мнения. Гармонию невозможно объявить. Она рождается от разделенных намерений и надежд.

Он пожал плечами.

— Но ведь ты этого хотела, разве нет? Почему бы ты изменила свое решение? Впрочем, ты сейчас живешь собственной жизнью. Ты добилась известности, ты играешь определенную роль в нашем правительстве, — пренебрежительно отметил он. — О тебе говорят, что ты героически скрывала мятежников и отправилась в Анатолию... Только не думай, что я на тебя сержусь! Ты наверняка была пионером этого нового мира. Что касается меня, то, боюсь, я не найду в нем себе место и не хочу, чтобы жена оставалась рядом со мной только из чувства долга.

Лейла прекрасно понимала, что он сдерживает себя. У него на лбу выступила вена. Множество картин промелькнуло у нее перед глазами. Сегодня она уже не так строго судила их брак. С этим мужчиной ее соединяла особая связь, несмотря на беды, разногласия и испытания.

Жизнь научила ее упорству. Но также и великодушию.

— Не стоит упрекать меня за то, что я выбрала этот путь, — тихо сказала Лейла, приближаясь к нему. — Он был необходим.

Селим поджал губы.

— Это твое мнение, — пробурчал он, скрывая замешательство. — Как бы там ни было, теперь ты летаешь свободно. Завтра приступим к бракоразводному процессу.

У Лейлы кровь застыла в венах. Разрыв по старым османским традициям и согласно исламскому закону. Более чем десятилетний брак будет расторгнут после того, как Селим произнесет несколько слов о расторжении. Они обменяются пригоршней турецких лир и курушей, символической суммой. Затем три месяца ожидания без сексуальных отношений, во время которых супруг может еще отменить решение. Это время на размышление. Время безмолвия.

Голос Селима доносился до нее словно издалека.

— Безусловно, ты можешь жить здесь, пока не определишься с новым местом. Полагаю, что ты пойдешь к своей кухне Зейнеп?

Это действительно казалось благоразумным. Она не сможет вернуться в йали раньше весны, и, даже если правила жизни в обществе немного смягчились, невыносимо женщине жить в одиночестве.

— А Ахмет? — озабоченно добавила она.

— Он будет на полном пансионе с началом занятий. Естественно, его место здесь, рядом со мной, но я не буду препятствовать вашим встречам. Ему нужна мать.

Она не обижалась. Было бы жестоко лишить Селима возможности воспитывать сына, который очень скоро станет мужчиной. Из-за слепоты между ними окрепло взаимопонимание. Из уважения к традициям общества Лейла принимала это без грусти, уверенная в том, что глубокая связь с сыном никогда не оборвется. И все же в ее сердце осталась заноза. Детство Ахмета теперь — не часть ее жизни.

Селим попытался закурить, обжег пальцы, сдержал ругательство. Страдание сделало его беззащитным. На ли-

це остались следы покусения, тонкие шрамы на лбу и щеках. И, конечно, отсутствующий взгляд...

Растроганная, Лейла наклонилась, чтобы помочь.

— Мы никогда об этом не забудем, — заверила она. — Наша маленькая Перихан — луч света, который будет светить до момента, когда мы присоединимся к ней.

Селим мертвенно побледнел. Эта рана не заживала. Хотя он и старался не вспоминать о доченьке каждый миг, первая молитва на рассвете всегда была посвящена ей.

— Вероятно, ее смерть разрушила нашу связь, — еле слышно произнес он. — Я так сильно сердился на тебя за то, что бросила нас... Но все же часть меня будет любить тебя до конца моих дней. Безумие, не так ли? — сказал Селим, пытаясь улыбнуться.

Лейла взяла его руку в свои ладони. У него такие изящные руки, удивительно красивые запястья для мужчины с его телосложением. Кожа приятная на ощупь. Она вспомнила, как ей нравилось заниматься с ним любовью в первые годы совместной жизни. Благодаря Селиму она познала удовольствие. Он научил ее щедрости чувств. Затем они отдалились друг от друга.

— Мы вместе пережили ад, — шепнула Лейла. — Никто никогда не сможет заменить чем-то новым все, что нас связывало. Ни слезы, ни радость.

По выражению лица супруга она понимала, как ему больно дарить ей свободу. Невзирая на его слова, все его существо бунтовало против разрыва.

— А Нилюфер? — спросила она. — Ты теперь с ней ладишь?

Он вздохнул.

— Полагаю, сейчас лучше. Она мила, ты же знаешь, в противном случае ты никогда бы не привела ее в дом. Иногда она наводит на меня тоску, но она внимательна ко

мне. И еще, она — хорошая мать для Ризы. Теперь я не взрываюсь по пустякам, и она снова осмеливается ко мне приближаться. Ты была единственной, кто выносил мои вспышки ярости после покушения. Ты не боялась. Но я даже бил тебя, — раскаиваясь, произнес Селим, поглаживая ее по щеке.

— Ты бунтовал против самого себя...

Лейла закрыла глаза, а он обвел пальцами ее лоб, нос, губы, подбородок. В его движениях было столько нежности, что у нее застыл комок в горле.

— Лейла, ты запрещаешь мне умереть. Как же я мог не ненавидеть тебя?

— Любая жизнь — это ценность, говорит Всемогуший, но твоя жизнь — ценность для меня.

— Почему? Ты ведь хотела меня покинуть.

Она вздрогнула.

— Озлобленность начала нас портить. Мы тогда уже были готовы что-нибудь уничтожить. Ревность, горькое воспоминание... Не стоит им позволять брать вверх над собой. Когда ты выбрал Нилюфер на роль второй жены, ты, сам того не понимая, уже что-то чувствовал. Твой жест повлек мой. Теперь я вижу в этом милость.

На улице порывы ветра теребили кроны. Под тяжелым облачным небом вихрем поднимались мертвые листья. Они оба вздрогнули, когда в окно стукнула ветка.

Селим был опьянен голосом Лейлы, ее ароматом, ее близостью. Он думал, что лишается ее, хотя они никогда не были особо близки. Он заколебался на мгновение. Он не хотел унижаться, но вопрос вертелся у него на языке.

— Любишь ли ты кого-то, кроме меня?

Он почувствовал, как она задрожала, заметил волну смущения и страха. Он надеялся, что она не оскорбит его ложью.

— Откуда ты знаешь?

— Тот, кто любит, не может этого не знать.

— И ты ничего не говоришь?

Он отбросил последние остатки гордости и покачал головой.

— Удивительно, не так ли? Такое поведение несвойственно мне. Раньше я бы никогда так не отреагировал. Возможно, я слабее, чем думал? — насмешливо добавил он.

Она переплела свои пальцы с пальцами мужа.

— Скажем так, Селим, ты — милосердный. Именно этому качеству я не могла позволить умереть, понимаешь?

— Ты не ответила на мой вопрос.

Лейла задумалась. Она смотрела, как на ковре вытягиваются тени. Маленькие лампочки освещали стоящую в нише коллекцию керамики, которая сверкала лазурью, кобальтом и бирюзой, зеленым изумрудом. Ее глаза скользили по безделушкам. Ей было трудно найти подходящие слова, чтобы не задеть честь супруга.

Она поднесла руку Селима к губам и поцеловала.

— Муж мой, когда мы встретились, наши сердца были еще девственны. Ты сотворил суть женщины, которой я сейчас являюсь. Я бы никогда не смогла уйти к тому, на кого сейчас возлагаю надежду, если бы я тебя не любила. Каждый из вас является отдельным лучиком моей жизни. Вы оба принадлежите моей судьбе.

Селим остался невозмутим. Он был тронут честностью Лейлы. Когда он спросил, выйдет ли она снова замуж, и в ответ услышал «да», то с удивлением отметил, что почувствовал не оскорбительную ревность, а лишь облегчение.

— Желаю, чтобы ты была счастлива, возлюбленная моя, — наконец сказал он и был полностью откровенен.

— Теперь ты довольна? — спросила Гюльбахар-ханым несколько дней спустя. — Сын подчинился твоим капризам. Я вовсе не удивлена. Он всегда любил тебя сильнее, чем ты этого заслуживала.

Глядя на упрямое лицо свекрови, Лейла подумала, что кусают всегда из-за страха.

— Ханым Эфенди, Селим — великодушный мужчина.

— Ты хотела сказать — глупец! Без тебя он лишь половина самого себя.

Сказанный сквозь зубы комплимент все же не стал менее ценным. Лейла улыбнулась. Она разрывалась между уважением к упорству черкешенки и умилением перед ее смятением.

В желтом шелковом платье и тюрбане, усеянном янтарными бусинами, Гюльбахар была очень хороша. Свекровь скручивала сигарету. В окружении подруг она восседала на удобном бархатном диване. На большом серебряном подносе стояли чайные чашки и кунжутная халва. За решетчатыми окнами рассеивался туман. Лишь унылые лица турчанок выдавали зимнее оцепенение, которое уйдет через пару месяцев, с наступлением весны. Чтобы раз-

влечь хозяйку дома, служанка играла на лютне. Еще двое тихо бродили по комнате, время от времени обмениваясь вполголоса шутками.

— Мне будет вас не хватать, — заявила Лейла.

— Я еще не умерла! — возразила Гюльбахар, а затем ласково добавила: — Надеюсь, ты будешь часто меня навещать, мой цветочек. Ты быстро устанешь от своего немецкого авантюриста. Страсть приводит лишь к разочарованию, вот увидишь, но мы все знаем, что любовь — это естественный порыв тела. Кто мы такие, чтобы сопротивляться зову чувств?

В этом и заключалось наслаждение жизнью, которое прекрасно отражало темперамент женщин былых времен.

— Это вы рассказали Селиму?

— Конечно же нет! — обиделась Гюльбахар. — Я никогда не предаю другую женщину, даже если ее бесстыдное и эгоистичное поведение меня огорчает.

В османском обществе ветреные жены не были частым явлением, но они все же существовали. Незаконные связи не являлись уделом европейек. Что касается сладострастных мечтаний, вдохновленных случайным прохожим во время прогулки, то мало кто из османских дам мог этого избежать. Ничего не ведая о сердечных пристрастиях свекрови, Лейла подозревала, что и та была небезразлична к наслаждению.

— Не будьте ко мне слишком строги, Ханым Эфенди.

Сострадание, рожденное общей бедой, побудило Гюльбахар наклониться и похлопать невестку по руке.

— Чего ты от меня хочешь? Я не люблю, когда меня покидают, — взволнованно призналась она. — Ты готовишься переехать к своей кухне Зейнеп?

Лейла кивнула. Гюльбахар сделала глубокую затяжку, глядя в потолок, прищурилась и сказала:

— Эта женщина плохо на тебя повлияла. Не зря я не доверяла людям, подобным ей. Все эти причудливые идеи, которые она вбила тебе в голову... Разве раньше ты не была счастлива?

— Не уверена... Я позволила событиям увлечь себя, не задумываясь о том, как могу повлиять на судьбу. Мир меняется. Почему турчанки должны оставаться неизменными?

— Тогда танцуй, дорогая! — с иронией воскликнула Гюльбахар. — Говорят, что у нас скоро будет избирательное право, будто это решение всех проблем. Глупости! Для тебя и меня, моих подруг — допустим... Но вон для тех девочек? — добавила она, указывая на служанок. — Кто их направит? Да что уж там, они будут делать то, что я им скажу. Что касается меня, то, боюсь, будущее может разочаровать, но меня уже не будет на этой земле, да и к лучшему! А теперь иди, малышка! Подозреваю, что ты очень спешишь. Ты живешь в своей эпохе.

Лейла поклонилась и вышла. Она немного успокоилась. В новом обществе Гюльбахар-ханым будет направлять свой корабль наперекор стихиям и останется неутомимым стражем традиций, обреченных на исчезновение. Она будет последней из серайлис¹, укрывшейся в роскошном уединении стамбульского конака, безразличной к эфемерной моде и неистовому миру, который больше никогда не будет императорским.

Помятый чемодан был полон книг и документов. Она не пользовалась им со дня свадьбы. На некоторое время Лейла окунулась в воспоминания, но затем продолжила

¹ Серайлис — женщины императорского серая, бывшие рабыни, зачастую чекшенки.

приводить в порядок вещи, прихватила и школьные документы сына. Селим нашел слова, чтобы успокоить ребенка перед отъездом матери, тогда как Лейла стояла молча, терзаемая мыслью, что может причинить ему боль. В свои двенадцать лет Ахмет принимал многие вещи спокойно.

Лейла нажала на медную кнопку письменного инкрустированного стола, и открылся секретный ящик. Она вытащила письма Ханса. Лейла стала размышлять, где же сможет найти любимого, но кухня подсказала обратиться в департамент исследований музея. Им сообщили, что немецкий ученый уже несколько недель находится в городе.

Лейла развернула последнее письмо, полученное вчера вечером, и пробежалась взглядом по строчкам.

... Любовь моя, если я и не дал о себе знать с момента своего приезда в Стамбул, то только потому, что не желал тебе докучать. Прежде всего мне нужно было прояснить свое будущее. Теперь я знаю, каким может быть мое место в Турции, и судьба моя проясняется с каждым днем. Надеюсь, ты простишь мое долгое молчание. Новость, которую ты мне сообщила, делает меня счастливейшим из мужчин...

Она улыбнулась. Они решили встретиться днем у Зейнеп. От одной этой мысли у нее все сжалось внутри. Не проходило и дня, чтобы она не думала о нем. После развода ее сердце любило свободно, тогда как раньше тень супружеской измены, маска лжи и притворства наносили ей глубокую рану. Она упрекала себя за то, что так долго испытывала чувства Ханса, оценивала жертву, на которую он пойдет, и благодарила его за терпение. Теперь у них было будущее, и она благословляла Всемогущего за Его милости.

Доверившись себе, Лейла уходила к любимому мужчине. Свободной женщиной. Совершенно открыто.

Ханс ожидал в гостиной Пера Палас, где жил Берндт Эгер, один из выдающихся членов Немецкого восточного общества, основанной в Берлине ассоциации, задачей которой была пропаганда археологических исследований в странах Востока. Именно это общество финансировало первые раскопки в Хаттуше перед началом Великой войны. Ханс надеялся, что амбициозные планы осуществляться, как только в Лозанне удачно завершатся переговоры.

— Вы как рыба в воде в этой кемалистской Турции, — заметил его собеседник.

Берндт Эгер, в элегантном костюме, с густыми шикарными усами, был воплощением великих времен Германской империи. Он не отказался ни от стоячего воротничка, ни от своих научных интересов.

— Я вырос на этих землях. Чувствую себя здесь как дома, — согласился Ханс, поставив чашку кофе. — Я всегда знал, что мое место именно здесь.

— Поздравляю вас, дорогой друг. В наше время чертовски приятно знать, куда идешь. Будущее Германии кажется мне все более мрачным. Если я правильно понял, мы еще не скоро будем иметь возможность присутствовать на ваших блестящих лекциях?

— Не в ближайшем будущем, — кивнул Ханс, польщенный комплиментом. — Но я планирую навестись в Берлин, когда будет окончена реставрация хеттских сфинксов.

Эгер затянулся сигарой.

— По моим данным, это произойдет не завтра.

— В нашей работе нужно терпение. Мои турецкие коллеги ждут продвижения проекта. Нам доверили статуи при

условии, что мы очень быстро выполним работу. Не стоит давать им понять, что у нас есть более срочные задачи. Нам необходимо их сотрудничество, если мы хотим продолжить исследования на территории этой страны.

— Ну и что ж, подождут! — с легким презрением произнес Эгер.

— Знаете, они довольно обидчивы, — предостерег Ханс. — Но как можно их в этом винить? Только Богу известно, какую выгоду извлекли британцы на раскопках в Египте! Ходили слухи о французах и кхмерских храмах в Камбодже... Не хотелось бы, чтобы репутация Германии была так же запятнана.

— Мне тоже! — воскликнул Эгер. — Убежден, вы сумеете проявить дипломатичность, чтобы сохранить взаимопонимание.

Хансу не нравилась склонность европейцев накладывать лапу на античные сокровища, которые им не принадлежат, и он решил присмотреть за сфинксами, которых на время войны доверили берлинским специалистам. Даже речи быть не могло, чтобы они остались в Германии.

Несмотря на некоторые недомолвки, беседа с Эгером его успокоила. Известность и заслуги Ханса открывали перед ним двери самых уважаемых исследовательских обществ Турции и Германии. Его положение в официальных кабинетах подкреплялось славой героя войны за независимость.

Ханс наслаждался каждым моментом своего неожиданного счастья. Он оставил униформу и носил гражданский костюм. Завернутое в простыню оружие лежало в ящике. Он часами бродил по городу, который долго был закрыт для него, еще бы — за его голову британцы сулили вознаграждение. Ханс бездельничал в кафе, писал лекции или читал газеты, наслаждался славянской атмосферой

ресторанов квартала Пера, болтал с рыбаками на берегах Золотого Рога. В Эюпе и Уксюдаре встречался с друзьями, поднимался по Босфору, вдоль которого стояли закрытые на зиму йали. Он испытывал неимоверную радость от морского ветра в волосах. Это было возрождение. Звуки, огоньки, цвета стали ярче и насыщенней. Многим солдатам было сложно обрести равновесие после демобилизации, но он испытывал настоящее счастье от мысли, что исполнил свой долг и теперь свободен.

Он мельком глянул на часы. Скоро он встретится с Лейлой. Ханс побаивался встречи с родственниками любимой, но знал: великодушные турок, несомненно, подтвердятся. Его переполняла радость от мысли, что скоро он обнимет любимую. Берндт Эгер сделал ему кое-какие предложения, но Кестнер слушал краем уха. Он разнервничался от ожидания и с облегчением вздохнул, когда немецкий меценат наконец ушел.

Ханс ждал в вестибюле, пока принесут его пальто, но тут его внимание привлекли громкие крики. Консьерж в рединготе жемчужно-серого цвета, рядом с которым стояла испуганная гувернантка, спорил с возбужденным посетителем. Вокруг собирались зеваки.

Ханс узнал капитана Гарделя и вспомнил об их стычке в Ангоре и о том, как пришел в ярость, когда офицер осмелился поставить под сомнение честь Лейлы. Тем не менее он знал, что турчанка признательна Гарделю за поддержку в сложные моменты, выпавшие на ее долю. Между ними была настоящая дружба. «Необычный опыт», — подшучивая, любила она говорить. Она поведала Хансу, что несколько месяцев назад бедняга при трагических обстоятельствах потерял жену в Измире. Хансу до сих пор снились кошмары о том ужасном пожаре, в котором погибли тысячи людей, кошмары о войне, которой он отдал восемь лет

жизни и где оставил часть своей души. В порыве искреннего великодушия он подошел узнать, сможет ли чем-то помочь Гарделю.

— Мадам Малинина находится под протекцией Красного Креста, — говорил капитан. — В отсутствие ее мужа я имею право забрать ее вещи. Это вы позволили ей уйти тогда утром без всяких объяснений?

Консьерж напомнил французу, что постояльцы имеют полное право свободно перемещаться.

— Женщина проводит ночь в вашем заведении совершенно одна, и у вас это не вызывает никаких подозрений? — с иронией произнес офицер. — Вы должны были проследить за ней. Я требую, чтобы вы отдали мне ее чемодан!

Консьерж покачал головой, отказывая исполнить требование.

— Но она мертва! — воскликнул Гардель, трясая ежедневной газетой.

— Это не аргумент, капитан. Ее вещи останутся здесь, пока за ними не придут ее родственники.

— У нее нет семьи, вы слышите меня? Муж бросил ее, остальные мертвы!

Ханс сразу понял, о чем речь. В криминальной хронике на первой странице говорилось о молодой женщине, покончившей жизнь самоубийством, бросившись в Босфор. На установление ее личности потребовалось несколько дней. Пострадавшей оказалась графиня, супруга офицера императорской гвардии. Трагическая судьба этой женщины потрясла журналистов. Они смогли раздобыть фотографию, на которой Нина Малинина позировала с другими беженцами перед рестораном в Пера. Ханс был впечатлен серьезным выражением лица юной официантки на фоне ее улыбающихся подруг.

Упорство служащего остудило Гарделя. Он резко развернулся на каблуках и ринулся к выходу, толкнув молодого лакея. Ханс был поражен его бледностью и потерянным взглядом. Терзаемый смутным волнением, археолог последовал за французом.

Гардель удалялся огромными шагами. Не глядя по сторонам, он пересек Гранд-Рю и чуть не угодил под колеса автомобиля. Время от времени Хансу преграждали путь телеги, груженные досками, или носильщики, на плечах которых были невероятных размеров тюки, и он терял офицера из виду. Он был утомлен преследованиями по лестницам и неровной мостовой, раненая нога начала подергиваться и болеть. Абсурдная беготня раздражала Ханса. И как это может его касаться? Он наткнулся на прилавок торговца пряностями, извинился и поспешил дальше. Может, стоит окликнуть Гарделя и поговорить с ним? Лейла не бросила бы это на самотек. Он вспомнил, что она говорила о связи офицера с девушкой из квартала Пера. Вероятно, она и была жертвой. Вероятно, француз чувствовал себя ответственным за ее смерть. Вдруг он нырнул в невзрачное здание. Запыхавшись, Ханс остановился перед входом в подъезд.

Луи поднялся по лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек. Новость о смерти Нины была для него словно удар шпагой в самое сердце. Ничто не предвещало такого драматического конца. Они мирно расстались, и он был убежден, что она теперь доверяет ему. В самых безумных мечтах он даже вообразил, что они станут жить вместе. Подробности ее последней ночи, проведенной в одиночестве в Пера Палас, приукрашенные падким на театральность журналистом, были ужасными. Потрясенный Луи пытался найти всему этому объяснение. Оставила

ли она письмо? Какую-нибудь записку? Хотя что-нибудь, что объясняло бы этот безумный поступок?

На лестничной площадке второго этажа он заколотил в дверь. Здесь, без всяких сомнений, уже поселились новые жильцы. Ни одна квартира Стамбула не пустовала и пары часов, настолько перенаселен был город. Возможно, они сохранили ее вещи или могли бы подсказать, где он сможет их найти. Когда дверь отворилась, Луи застыл на месте, абсолютно растерявшись при виде Малинина.

— Ну надо же, — произнес русский с вынужденной улыбкой. — Капитан Гардель. Мой спаситель. Морской офицер, который отправился искать меня на корабле удачи. Какой сюрприз!

— Что вы здесь делаете? — опешив, спросил Луи.

— Я здесь живу.

— Нина сказала, что вы ее бросили. Я думал, вы в Париже.

— Правда? — с горькой ухмылкой на бледном лице сказал Малинин. — Скорей всего, вам хотелось так думать, не правда ли, капитан?

Он развернулся, чтобы взять со столика сигареты. Луи воспользовался этим, чтобы зайти в комнату. Постель была разобрана, простыни скомканы, одеяло свернуто в комок. Несколько дней назад в этой самой комнате он занимался любовью с Ниной. В голове промчались обрывки воспоминаний. Отблески на ее перламутровой коже. Ее отчаянная пылкость, жар ее тела. От головокружения он на мгновение закрыл глаза. Из полной окурков пепельницы исходил гадкий запах. Среди пустых бутылок и стаканов были разбросаны газеты. Черно-белый портрет Нины на первой странице ежедневной русскоязычной газеты. Луи задержал дыхание и подошел поближе, чтобы рассмотреть фото. В белом платье, жемчужном ожерелье

и с цветами в волосах она казалась такой юной. Ее невинная красота пронзала ему сердце.

— Мы поженились немного погодя после того, как было сделано фото, — сказал Малинин, перехватив его взгляд. — Вы не знали ее такой, не так ли?

Подавленный, Луи кивнул. Он никогда не видел в глазах Нины счастливого огонька.

— В то время за ней многие ухаживали, но она выбрала меня, — продолжил Малинин с гордостью, затем его тон изменился и он резко выпалил: — Кто мог подумать, что такая красивая девушка, как она, однажды станет шлюхой?

Луи задрожал. Он не желал слышать оскорблений. Это было все равно, что плевать на могилу. Ему стало интересно, забрал ли Малинин ее тело, собирался ли он ее хоронить. Разрешалось ли православным предавать священной земле самоубийц? «Я не перенесу, если ее бросят в общую могилу с нищими», — в панике подумал француз. Однако Луи понимал, что не имеет никакого влияния на этого человека и остается лишь беспомощным наблюдателем.

— Оставила ли она записку? Я хотел бы понять...

— Что же? — перебил его Малинин. — Что вы, капитан, хотели бы понять о моей жене?

Малинин в ярости сделал шаг к Луи. Гардель заметил трехдневную щетину, изо рта — неприятный запах.

— Вы платили моей жене за любовь, вот и все, — заявил он, тыча пальцем в грудь капитана. — Вам стоит найти себе другую для утешения. Здесь полно потаскух.

— Не говорите так, — тихо сказал Луи, отступая.

— А почему нет? Это же правда, не так ли? Ведь в тот день именно по ее просьбе вы отправились на мои поиски? И я представляю, что она дала вам взамен.

Малинин схватил француза за плечи и прижал к стене. Луи раздраженно вскинул руки. Русский ненавидел его. Гардель не мог стерпеть, чтобы этот мужчина так говорил о Нине. Все это было грязно и недостойно. И самоубийство, и этот жалкий мерзавец... Луи страстно любил эту женщину, он хотел подарить ей достойную и счастливую жизнь, вернуть ей ту улыбку с фотографии...

— Все, хватит! — закричал Луи, отталкивая русского. — Не оскорбляйте ее память!

— Да кто вы такой, чтобы мне приказывать? Это *моя* жена, понятно? Грязная потаскуха, которой нравилось лобзаться с такими подонками, как вы!

Луи отвесил ему прямой справа в челюсть. Малинин завалился на спину. Бутылки и стаканы попадали. Русский подскочил и ринулся на противника. Мужчины сцепились. Луи был ослеплен кровью из разбитой брови. Малинин был худощав, но крепок и с огромными длинными ручищами. Каждый его удар попадал в цель. Согнувшись вдвое, Луи выпал на лестничную площадку через открытую дверь. Он уцепился за деревянные перила. Задышавшись, француз воспользовался паузой и помчал вниз по лестнице. Нужно было покинуть это место как можно скорее. Русский без колебаний прикончит его, он уже слышал позади себя тяжелые шаги. В узком вестибюле Луи споткнулся и рухнул к ногам мужчины. Боясь, что противник этим воспользуется, француз развернулся и увидел на лестнице русского с оружием в руках. Луи напрягся, уставившись на направленное на него дуло.

— Осторожно! — выкрикнул Ханс Кестнер, бросившись на Малинина, пытаясь схватить его за руку и отклонить револьвер.

Раздался выстрел. Ханс рухнул. Он тщетно пытался восстановить дыхание, но острая боль пронзила его грудь.

По телу разливался жар, жар азиатского солнца, лета из его детства, раскаленного света, которому ничто и никто не сопротивляется.

Соседи скрутили Малинина. А Луи пытался столкнуть с себя неподвижное тело, которое всем весом давило на него. Сочувствующие поспешили капитану на помощь. Скорчившись в углу, он вытирал с лица пот и кровь, словно в тумане наблюдая, как суетятся вокруг жертвы и стараются привести Кестера в чувство. Обезумевший от ужаса, Луи пытался понять, серьезно ли ранен немец, но вопрос был абсурдным. В глубине души Гардель понимал, что мужчина мертв. Немец спас ему жизнь, бросившись на русского и приняв пулю, которая предназначалась Луи.

*Стамбул, октябрь 1923 года.
Десять месяцев спустя...*

— Идемте, Лейла-ханым! Прошу вас, проходите! Мы ждем только вас.

Рахми-бей растолкал толпу и схватил Лейлу за руку. Несколько человек выкрикнули ее имя. Она смущенно улыбнулась. Ей было не по себе на публичных мероприятиях. «Тебе все же стоит к этому привыкнуть», — упрекнула она себя, вспоминая о последней поездке в Анатолию в прошлом марте вместе с Мустафой Кемалем.

В административном здании царило радостное волнение. Чуть ли не каждый поздравлял Рахми-бея — дружеские рукопожатия или похлопывание по спине. Все глаза сияли восхищением. Подталкиваемый со всех сторон молодой паша старался оставаться любезным, продолжая следить краем глаза за своей протеей. Когда они поднимались по большой лестнице, их разделили. Наверху оживленные женщины обступили Лейлу, принялись обнимать. Маленькая девчушка в белом платьице, с ленточками в волосах, подошла к ней и, краснея, вручила букет. Лейла попыталась сопротивляться, но ее отвели на балкон, откуда

можно было наблюдать за парадом, хотя женщина предпочла бы остаться у окна.

— Полно вам, Лейла-ханым, не скромничайте! — не удержалась одна турчанка. — Мы смело сражались. Это место — наше по праву. Вы и дальше должны представлять нас. Давайте, выходите! Быстрее!

Лейла не посмела послушаться и вышла на свет, ослепленная солнцем. Толпа оглушительно кричала, размахивая плакатами и портретами Гази. Под развевающимися флагами пестрело целое море красных фесок, вперемешку с белыми пиками тюрбанов и темными чаршафами. Никто не остался в стороне. В это чудесное утро шестого октября стамбульцы вышли на улицы. Они встречались на улицах, в беседках, в садах кладбищ, на Галатском мосту, на площадях у мечетей, на террасах, вдоль набережной Топ-Хане и Долмабахче... Они поднимались на цыпочки, расталкивали друг друга локтями. Горожане из Эюпа и Уксюдара и беженцы с приграничий погибшей империи, оставив конаки и лачуги, караван-сарай, прилавки на Большом рынке, ликовали — в город вошла первая пехотная дивизия национальной турецкой армии.

Лейлу протолкнули в первый ряд, и она оказалась среди членов правительства, заслуженных кемалистов и молодых участников Соппротивления. Сидящий верхом на балюстраде Гюркан восторженно помахал ей. На его лице сияла широкая улыбка. Солдаты шагали под звуки фанфар и аплодисменты. Офицеры сопровождали колонны верхом на лошадях.

Лейла наклонилась взглянуть на сына. Ахмет на перроне держал отца за руку и с упоением описывал ликование толпы. Прошлой весной Селим сыграл неожиданно важную роль в Лозаннской конференции, когда переговоры зашли в тупик. К великому несчастью утомленных дипло-

матов, мир снова казался недостижимым. Мустафа Кемаль тайно искал путей сближения с Лондоном и пригласил Селим-бея, опытного дипломата, чье посредничество позволило сгладить некоторые острые углы. Переговоры возобновились и удачно завершились подписанием договора, увенчавшего триумф турецкой дипломатии.

Слезы радости подступили к глазам Лейлы при виде ликования людей. В августе ушли войска стран союзников, последние британцы отплывали сегодня утром. Что касается французов, то они собрали багаж после того, как их генералы последний раз поклонились могилам солдат, павшим в Галлиполи. Крейсера и линкоры, которые так долго уродовали Босфор, теперь были словно дурной сон. Административные здания, реквизированные дома, военная техника — все было возвращено. Единственная европейская столица, которая пережила вражескую оккупацию со времен наполеоновских войн, наконец обрела свободу. «Через четыре года и одиннадцать месяцев», — взволнованно подумала Лейла.

— Ну что, пора?

Голос Рахми-бея стал для нее родным. Этот человек стал особым свидетелем последних лет ее жизни. Глава повстанческой сети, отважный мятежник, освободитель Орхана, солдат Ангоры. Незаменимый и преданный попутчик. Вместе они разделили удачи и горе.

Вдруг на нее нахлынула волна тоски.

— Вы побледнели, — взволнованно сказал он. — Хотите немного отдохнуть?

Лейла не могла дышать. Взгляд затуманился. Она же не собирается упасть в обморок перед всем народом! Крепко держа ее под локоть, Рахми-бей без церемоний пробил путь сквозь толпу зрителей. Они прошли по длинному коридору.

Он толкнул одну дверь, затем другую, отыскал маленький тихий кабинет.

Он придвинул Лейле стул и принялся искать что-нибудь выпить.

— Не знаю, имеете ли вы право...

— Ради вас я присваиваю все права, — парировал он безапелляционным тоном и наконец отыскал стакан и воду.

Она глотнула воды и понемногу пришла в себя.

— Простите, не знаю, что на меня нашло. Эта толпа. Это волнение. Конечно, я счастлива.

Она смущенно отвернулась, сожалея, что не может вернуться к себе и пропустить церемонию.

— Но с нами нет самых достойных, — прошептал он, читая ее мысли.

Лейла вздрогнула. Прошло десять долгих месяцев, но боль потери была еще слишком остра. Смерть Ханса до сих пор пекла, словно ожог, и нельзя было об этом забыть. Каждый раз щемящая тоска, особое чувство, что мир продолжает свой безумный бег, а она на краю дороги застряла в том декабрьском дне, когда ей сообщили непостижимую новость. Нелепый выстрел, шальная пуля.

Первое время она сердилась на Ханса. Из глаз лились слезы бессилия и злости. Разве он не обязан ей жизнью? Его бесценное дыхание принадлежало только ей с той самой ночи, когда она положила руку на его раненое тело, почувствовала его кровь, сочащуюся сквозь пальцы. Да, только ей. Не Богу, не кому бы то ни было. По какому праву Ханс распорядился им на свое усмотрение? По какому праву он согласился на это безумное самопожертвование, чтобы спасти жизнь французскому офицеру, которому ничем не обязан?

Через несколько часов после трагедии Луи Гардель поспешил к ней — объяснить трагическое стечение обстоятельств. Бледный, он умолял о прощении. Застыв от ужаса,

она была непоколебима. Чудесной любви, которая вдохновила ее, которая помогала сделать первые шаги независимой женщины, не стало. Ее любовника, ее друга больше не было.

На следующее утро порывистый ветер срывал черепицу и взбивал пену на Босфоре. Лейла, сжимая тяжелый ключ от йали, взошла на пароход и отправилась на азиатский берег. Была зима, но ее мало волновали холод и одиночество. От этой бури она могла скрыться лишь в своем доме.

Лейла почувствовала на себе внимательный взгляд Рахми-бея. Он молчал, как обычно. Из деликатности. Из скромности. Именно поэтому он располагал к себе. Она знала, что генерал в нее влюблен. К счастью, он отличался самообладанием и молчал о своих чувствах. Она пока не была готова о них услышать. Он наверняка думал, что любовь может родиться из дружбы мужчины и женщины. Несомненно, он был прав.

Рахми-бей успокоился, поскольку Лейла пришла в себя. Ему хватало улыбки или понимающего взгляда. Он ни на что не надеялся. Хотя нет. Он мечтал. Отчаянно. Страстно. На будущее рядом с ней, женитьбу, детей... Он научился быть терпеливым, питать себя надеждой. Ханс Кестнер был его другом, и это было не пустое слово. Ни за что на свете он не желал бы потревожить горе Лейлы. Он пообещал себе присматривать за ней столько, сколько понадобится и что бы ни произошло. Она доверяла ему. Это уже было много.

В коридоре раздались голоса. Женщины искали свою героиню, были взволнованы ее отсутствием.

— Хотите туда вернуться? — спросил генерал с живым огоньком в глазах.

— Не очень, — призналась она. — Но они обидятся. Не могу их разочаровывать.

— Неужели вы боитесь их?

— Нынешние женщины имеют все основания быть требовательными. Гази стал первым, кто оценил их. Когда-то в Конии он передал горячий привет анатолийским женщинам.

— «Несравненные, преданные, божественные...», — цитировал Рахми-бей. — Он прав. Без вашей помощи мы никогда бы не выиграли войну. По крайней мере, не таким путем. Как и он, я считаю, что ваше великодушие создало колыбель нашей новой нации. Он хочет сделать вас знаменосцами своих реформ. Разве женщины не этого желали?

Лейла поднялась и приоткрыла окно. Выкрики стали слышнее.

— Это великая честь. И мы хотим быть полезными своей стране. Через несколько дней провозгласят республику. Мы сыграем свою политическую роль, поскольку Гази намеревается наделить всех равными правами.

Вуаль приоткрывала ее высокий лоб, подчеркивая прекрасные черты, пухлые губы. Она заражала своим пылом всех, с кем встречалась.

— Лейла-ханым, мне кажется, вы переживаете по этому поводу?

— Гази — человек слова, что внушает уважение. Так же как и все, я ему вечно благодарна.

— А что еще?

Лейла наблюдала за стамбульцами, приветствующими солдат. К своему удивлению, она чувствовала ответственность за этих незнакомцев, по мере того как она заняла важное место в их жизни, когда они обращались к ней в своих письмах или во время публичных выступлений, между ними образовалась тесная связь. Лейла оценивала, насколько долгой будет дорога и сколько еще будет преград. Им предстоит еще столько узнать. Взволнованная,

она обратилась с молитвой к Аллаху Всеславному, чтобы Он их защитил. Всех.

Лейла повернулась к Рахми-бею.

— Знаете ли вы, что через несколько дней Стамбул перестанет быть столицей Турции?

Он оторопел, широко раскрыв глаза.

— На следующей неделе будут голосовать за поправку в конституции. Ангора станет официально называться Анкара, и там разместится правительство. Я думала, вам это понравится, — поддразнила она. — Разве вы не хвастались ее преимуществами?

Рахми-бей любил Анатолию. Он проливал там кровь, терял товарищей. Перед глазами всплывали жуткие картины последних лет. Растерявшись, он стал рядом с Лейлой у окна, скользнул взглядом по переполненной площади, по разноцветным крышам, по волнам холмов. Его сердце сжалось. Как и Лейла, он родился на берегах Босфора и не сможет жить вне Стамбула, который называли Городом с большой буквы, Местом Святых, Пристанищем Вселенной, Константинополем или Византием. Здесь смешались народы. Этот город обладал богатейшей историей, был самой историей.

— Реформы, о которых вы говорите, друг мой, будут болезненными, — сказала она нежнее, положив руку ему на плечо. — Именно этого я и боюсь. Гази желает, чтобы наша страна любой ценой переняла принципы западной цивилизации, но во время турне по провинции я и его супруга, Лафите-ханым, подверглись насмешкам. Старикам не понравилось, что мы ходили с открытыми лицами. Они были шокированы. Даже оскорблены... Гази собирается отменить халифат, что далеко не безобидно, вы понимаете это так же хорошо, как и я, — с тревогой произнесла она. — Эта революция затронет самую сущность нашего народа.

Она вспомнила о долгих беседах с Хансом, о поездке в Берлин, где она о многом узнала.

— У Запада есть преимущества, — продолжила она. — Нужно уметь выбирать, что пойдет нам на пользу. Рахми-бей, моя душа навсегда останется восточной, и порой я боюсь, как бы Гази не забыл... Турция обязана обрести особое равновесие. Новую гармонию. А это значит принять серьезный вызов.

Лейла ощущала слабость, беспокоясь о будущем, но молодой генерал смотрел на нее с такой искренностью, с такой верой, что она почерпнула надежду. Мужчины и женщины, объединив свои силы, невзирая на различия, смогут сделать нечто великое и замечательное из той страны, которую спасли от пропасти.

Хлопали двери кабинетов. Смех и возгласы были все ближе. Женщинам не терпелось ее отыскать. Она собралась с мыслями. Еще не пришло время задаваться навязчивыми вопросами. Завтра подождет. А сегодня — праздник!

Желая защитить Лейлу, которая ему казалась еще слишком бледной, Рахми-бей предложил извиниться за нее. Если она захочет, он проведет ее домой. Лейла поблагодарила, но замотала головой. Она сдержит слово. Ханс научил ее доверять себе, распахивать крылья и улетать в небо. Она должна быть достойной его памяти. Испытания последних лет закалили ее, научили смелости и стойкости. И любви.

Внезапно распахнулась дверь, и на пороге показалась девочка в белом платье. На ее лице читалось облегчение — наконец она нашла Лейлу, взгляд был полон надежды. Все ее ждали. Лейла-ханым пообещала выступить. Собирается ли она к ним присоединиться?

— Я здесь! — не колеблясь, воскликнула Лейла.

С улыбкой она подошла к девочке и взяла ее за руку.

Благодарности

В Стамбуле я безгранично благодарна за великодушные этим людям:

Г-же Женевьеве Перрэн, которая была первой, кто узнал о первых шагах этого романа, кто подбадривал меня и с кем я бегала по стамбульским улицам.

Г-ну Себастьяну де Куртуа.

Г-ну и г-же Фарук Сарк, которые были столь любезны несколько раз меня принять у себя.

Сестре Монике Харисбур из конгрегации Нотр-Дам-де-Сион и г-ну Яну де Лансалью, директору французского лицея Нотр-Дам-де-Сион.

Г-же Пинар Дост-Ниего из французского Анатолийского института.

Графине Аделин де Лидекерк Бофор.

Г-ну Джон Скотт и г-ну Майклу Хонсби.

Г-же Алев Комили.

Г-же Михде Билгисин за ее теплый прием на Босфоре.

Г-ну и г-же Мехмет Иксел.

Г-ну Метину Фадиллиоглу.

Г-ну Ахмету Селу.

Г-ну Ахмету Сойсалу за его ценные советы.

В Париже от всего сердца благодарю тех, кто посвятил мне свое время, охотно поделившись со мной своими воспоминаниями и энтузиазмом, это:

Г-н Эммануэль Сзурек, часто сидевший со мной за столом в Национальной библиотеке.

Г-жа Од де Ла-Конте и г-н Филипп Годой.

Г-жа Гислен де Куломм ла-Барт и S. Ехс. г-н Гюркан Тюркоглу, турецкий посол при ЮНЕСКО.

Г-жа Беатрис Жолен и г-н Александр Жевахоф.

Мадемуазель Сибилл д'Аллой — спасибо за дружеское присутствие в Стамбуле.

Г-н Жан-Франсуа Кулом Дезар.

Г-жа Франсуа Бако и графиня Анри де Монтришар.

Г-жа Ноур Горани Хаггаг.

Г-жа Алексис Корней и г-жа Голем дю Репэр.

Г-н Эрве де Окини — спасибо за воспоминания о йали в Канлиса, который принадлежал его бабушке, г-же Косм, чья девичья фамилия — Апикиан.

Г-н Поль де Синети.

Генерал Бернар Торетт.

Г-н Поль Ревей — спасибо за поддержку каждой моей литературной авантюры.

Издательство «Belfond»:

Спасибо г-же Жюльетт Жост за умение выслушать.

Магали Бреном — за внимательный взгляд.

Наконец, должна поблагодарить г-на Фредерика Лапейре, владельца книжного магазина «Librairie Tome 7», и, пользуясь случаем, все книжные магазины, которые вот уже больше десяти лет поддерживают меня.

Во время расследования мне помогли многочисленные исторические произведения мемуаристов и писателей. Среди них я просто обязана указать тех, кто описал османских и турецких женщин, это: Икбал Элиф Махир, Хали-

де Эдип, Эстер Дональдсон Дженкинс, Фанни Дэвис, Вера Дюмениль, Деметра Вака, Марк Эли, Лейла-ханым, Грейс Эллисон, Бернар Капораль, Марсель Тинэр, Люси Гарнетт, Нилюфер Гёле.

Чтобы описать ту эпоху, я черпала вдохновение в работах таких авторов, как: Филипп Мансель, Нюр Билдж Крис, Джилс Милтон, Берт Джордж-Голи, Норбер де Бишоф, Жан-Поль Гарнье, Франсуа Жоржон, Поль Дюмон, Клод Фарер, Якуп Караосманоглу, Ирфан Орга, Жак Фонтелрой, Жан Дени, Поль Моран, Пьер Бенуа, Ахмет Хамди Танпинар, Ролан Барсиль, Алан Дюбен и Сем Бехар, Арнольд де Лидекерк, Айше Кулин, Бернард Льюис, Пьер Найрал де Бургон, Х. Г. Дуайт, Эдгар Пэч, Джастин МакКарти, Маргарет МакМиллан, Жан-Франсуа Солнол, Алаэдин Хайдар, Стефан Ерасимос.

У биографов Мустафы Кемаля Ататюрка: Патрик Кинросс, Эндрю Манго, Жак Бенуа-Мешен и Джордж Даниель.

Для изучения отношений между Германией и Османской империей я изучила работы Михеля Коринмана, Ульриха Трумпенера, Лимана фон Сандерса, Ханса Люхрса, Кристофера Сайкса, Син МакМикена. А что касается Хаттуши и археологии, то это были работы Андреаса Шахнера, Барри Ансворта, Райнера Волкоммера.

Судьба белых русских в изгнании в Константинополе была описана Николя Россом, Джеком Делеоном, Эссадом Беем, Александром Жевахофым.

Из двух сфинксов, перевезенных во время Первой мировой войны из Хаттуши в Берлин, первым был возвращен в Турцию в 1924 году, второй в 2011-м.

Этот роман не смог бы существовать без работ историков, социологов и мемуаристов, без воспоминаний и разумных

советов людей, которых я встречала во время своих путешествий. Если картина видится реальной, значит, мои персонажи свободно в ней развиваются. Ответственность за любую ошибку или неточность лежит исключительно на мне.

Літературно-художнє видання

РЕВЕЙ Тереза
Лейла. По той бік Босфору
Роман
(російською мовою)

Головний редактор *С. С. Скляр*
Завідувач редакції *Г. В. Сологуб*
Відповідальний за випуск *О. О. Григор'єва*
Редактор *К. В. Новак*
Художній редактор *Н. В. Переходенко*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *Г. В. Фурса*

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cor@bookclub.ua

Литературно-художественное издание

РЕВЭЙ Тереза
Лейла. По ту сторону Босфора
Роман

Главный редактор *С. С. Скляр*
Заведующий редакцией *Г. В. Сологуб*
Ответственный за выпуск *О. О. Григорьева*
Редактор *Е. В. Новак*
Художественный редактор *Н. В. Переходенко*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректор *Г. В. Фурса*

Издательство Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
www.trade.bookclub.ua

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ КНИГАМИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА

Бертельсманн Медиа Москва АО

141008 г. Мытищи, ул. Колпакова, д. 26, корп. 2

Тел./факс +7 (495) 984-35-23

e-mail: office@bmm.ru

www.bmm.ru

ХАРЬКОВ

ДП с иностранными инвестициями

«Книжный Клуб

“Клуб Семейного Досуга”»

61140, г. Харьков-140, пр. Гагарина, 20-А

тел/факс +38 (057) 703-44-57

e-mail: trade@bookclub.ua

www.trade.bookclub.ua

Киевский филиал

04073, г. Киев, пр. Московский, 6, комн. 35,

тел. +38 (067) 575-27-55

e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесский филиал

65017, г. Одесса, ул. Малиновского, 16-А, комн. 109

тел. +38 (067) 572-44-28

e-mail: odessa@bookclub.ua

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УКРАИНА

служба работы с клиентами:

тел. +38 (057) 783-88-88

e-mail: support@bookclub.ua

Интернет-магазин: www.bookclub.ua

«Книжный клуб», а/я 84, Харьков, 61001

РОССИЯ

служба работы с клиентами:

тел. +7 (4722) 78-25-25

e-mail: info@ksdbook.ru

Интернет-магазин: www.ksdbook.ru

«Книжный клуб», а/я 4, Белгород, 308961

Історія кохання на берегах Босфору...

Османська імперія охоплена повстанням під проводом славного Мустафи Кемалю. У цей бурхливий час Лейла, молода дружина секретаря падишаха, покохала чужинця — німецького археолога, який воював за волю Турції. Їхні почуття заборонені, адже жінка пішла проти традицій... Але кохання, палкіше від сонця, затьмарює вікові забобони. Чи судилося закоханим бути разом?

Ревэй Т.

Р32 Лейла. По ту сторону Босфора : роман / Тереза Ревэй ; пер. с фр. О. Бугайцовой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2015. — 464 с.

ISBN 978-966-14-8887-7 (PDF)

История любви на берегах Босфора...

Османская империя охвачена восстанием под предводительством легендарного Мустафы Кемалю. В это бурное время Лейла, молодая жена секретаря падишаха, полюбила чужеземца — немецкого археолога, сражающегося за свободу Турции. Их чувства запретны, ведь женщина пошла против традиций. Но любовь пылает жарче солнца, затмевая вековые предрассудки. Суджено ли влюбленным быть вместе?

УДК 821.133.1

ББК 84.4ФРА